

АНАТОМИЯ
ИСТОРИИ

ЧАСЫ ВЕКОВ ТАЙНЫ АРХЕОЛОГИИ

л е г е н д ы
м и ф ы
н а х о д к и

АНАТОМИЯ
ИСТОРИИ

З. КОСИДОВСКИЙ

ЧАСЫ ВЕКОВ ТАЙНЫ АРХЕОЛОГИИ

л е г е н д ы
м и ф ы
н а х о д к и

Остромбе
Издательство

МОСКВА, 1997

В предлагаемой книге в жанре новеллы отражено все самое важное в современной археологии, рассказаны драматические истории развития нашей цивилизации. Автор воскрешает картины прошлого, древнего, многим из нас неведомого мира.

ISBN 5-86095-087-X

© Перевод. Т. Манусевич, 1997
© Оформление. С. Морозов, 1997
© Издательство «Остожье», 1997
© ГП ИПФ «Ставрополье», 1997

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Книга, которую я отдаю в руки читателя, — это не сборник отдельных новелл и заметок, объединенных под одной обложкой. Ее тематика была продумана и определена той главной мыслью, которая как бы сама собой вытекает из моего историософического отношения к прошлому и позволяет соединить множество разных по тематике и жанру новелл в единую логическую композиционную структуру.

После эпохи великих пионерских открытий XIX — начала XX века в археологии наметился период застоя, изучения и обобщения частных проблем. Нашлись пессимисты, которые предрекали, что археология постепенно утратит доблестно завоеванные позиции, поскольку считали, что уже невозможно открыть нечто такое, что могло бы сравниться с достопамятными раскопками в Месопотамии, Египте, Греции, на Крите.

Однако очень скоро беспочвенность и ошибочность подобных предположений стала очевидна. Используя в своих целях новейшие достижения различных научных дисциплин — ядерной физики, химии, электроники, геологии, биологии и т. д., археология обрела новый блеск. Благодаря многочисленным экспедициям, интенсивным поискам на материках и в морской пучине были сделаны капитальные открытия, которые обогатили наши знания и во многих случаях по своей ценности не уступают даже таким сенсационным находкам начала века, как гробница Тутанхамона. Эти открытия постепенно восполняют панораму истории, ранее полную пробелов и «белых пятен», новыми волнующими деталями и живыми красками.

Перед автором стояла трудная проблема тщательного отбора из бесконечного множества тем, потому и был выбран жанр новеллы, зарисовок в «несколько строк», в которых, как в зеркале, отразилось все самое важное, что есть в современной археологии.

Я пытался расположить зарисовки в хронологическом порядке,

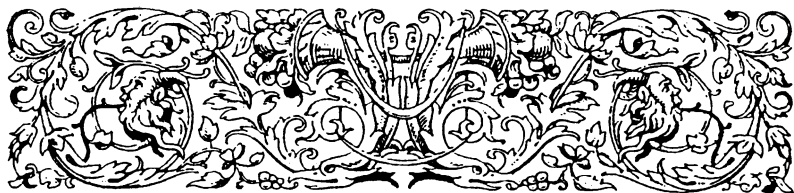
однако новеллу «Квадрига Лисиппа» поместил в самом начале, так как, по моему убеждению, драматическая история этих коней знаменательна для того пути, по которому шло развитие нашей цивилизации. Поэтому она служит как бы эпиграфом ко всей книге. Основной свой замысел я бы определил как поиски правды о человеке, подчас горькой, но в конечном счете оптимистичной.

Кроме того, я позволил себе поместить в конце книги две новеллы, вообще не связанные с археологией. В оправдание скажу, что питаю определенную слабость к оставшимся неразгаданными судьбам «Марии Целесты» и экспедиции Джона Франклина. Я уверен, что они вполне отвечают общему духу книги, а им является своего рода эстетика интеллектуальной игры, которая разрешает дедуктивным путем интригующие загадки прошлого и задумывается над подчас странными поворотами судьбы человечества.

Для популяризатора, привыкшего делать большие сокращения при описании, принятая в книге сжатая форма изложения не была, собственно, чем-то новым. Автор писал в духе классического, несколько шутивно сформулированного девиза: «Всегда говори меньше, чем можешь сказать на данную тему. Никакую тему ты никогда не исчерпаешь, зато можешь исчерпать терпение читателя».

Мне тем легче принять этот постулат, что я не являюсь археологом по профессии, обязанным давать точный и детальный отчет. Я прежде всего писатель, который использует археологические открытия для того, чтобы с их помощью воскресить картины прошлого, вдохнуть в них жизнь, расцветить ее красками. Археология для меня средство, а не цель сама по себе, материал для реализации определенного творческого замысла — выразительно изобразить древний, многим из нас даже неведомый мир.

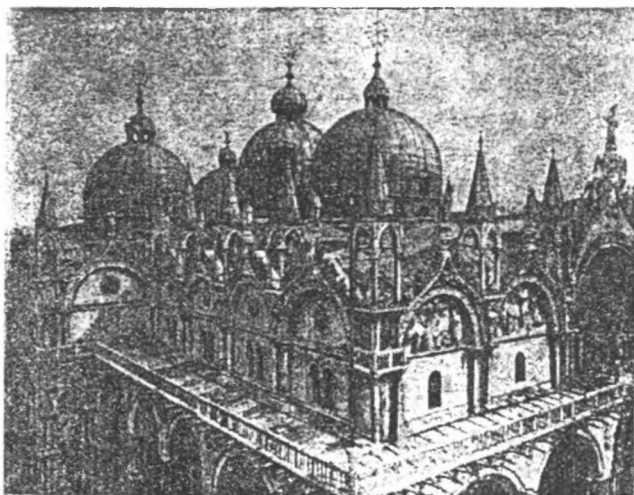
Зенон Косидовский

КВАДРИГА ЛИСИППА

Площадь Святого Марка — это салон Венеции. Изящный четырехугольник с трех сторон замыкает двухъярусная колоннада, а четвертую сторону занимает собор — искусная жемчужина архитектуры. В лучах солнца фасад играет причудливой вычурностью форм и украшений, на фоне неба вырисовываются главы пяти куполов, к святыне ведут пять порталов с арками, сплошь украшенные мозаикой и лепниной.

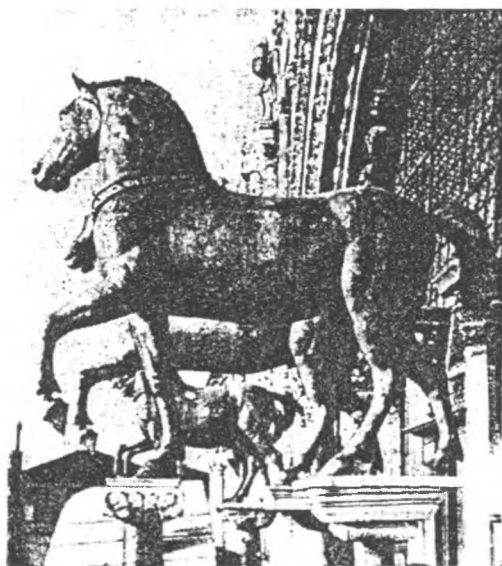
Над порталом возносятся четверка бронзовых коней, покрытых позолотой. Вид этих откормленных рысаков никак не гармонирует с изысканным и изощренным стилем собора. Создается впечатление, что они торчат там не к месту, что их установили, поддавшись секундному капризу, игнорируя тот факт, что в утонченной архитектуре они являются собою чуть ли не варварский элемент. И действительно, бронзовые кони прожили свою особую, чрезвычайно бурную, полную приключений жизнь. В превратностях их судьбы, как в капле воды, сфокусировалась огромная глава истории человечества, красноречиво проступает то, что я назвал бы движением поколений в их марше к очеловечиванию и преодолению первобытных инстинктов человеческой природы. Кроме того, история квадриги демонстрирует и

Купола Святого Марка

**Резьба
по мрамору XIII в.**

**Античные фигуры коней
Фасад Святого Марка**

то, как часто благородные идеалы в силу этих первобытных инстинктов терпели позорное поражение, превращались в карикатуру и втапывались в грязь.

Имя создателя этого шедевра скульптурного искусства неизвестно, но тут мнения расходятся. Некоторые утверждают, что он вышел из-под резца самого Лисиппа, одного из великой тройки скульпторов, к которой мы причисляем также и Скопаса и Праксителя. Другие же считают, что квадрига — творение его ученика, чье имя осталось неизвестным. Так или иначе, но несомненно, что ее отлил великий мастер, что она относится к эллинской эпохе, т.е. к IV в. до н.э. Лисипп был одним из придворных скульпторов Александра Македонского и сопутствовал ему в походе против Персии.

Первоначально квадрига была собственностью города Хиоса, столицы и порта маленького островного государства с тем же названием, расположенного в Эгейском море неподалеку от берегов Малой Азии.

А теперь перенесемся в Константинополь, столицу могущественной Византийской империи. В 447 г. н.э. город был разрушен сильным землетрясением. Тогдашний император Византии Феодосий II был страстным строителем. Он восстановил город и прежде всего приложил много стараний, чтобы расширить и улучшить ипподром. Ведь ипподром был сердцем города, местом, где проходили публичные сборища и любимые плебсом спортивные состязания, азартнейшим из которых был бег колесниц. Реализуя свои урбанистические замыслы, Феодосий II не останавливался ни перед какими препятствиями. Он без стеснения воровал из Италии, Греции и Египта ценнейшие скульптурные творения, не обращая внимания на протесты их владельцев. И вот однажды в порт Хиос завернул корабль императора, погрузил на свою палубу бронзовую четверку рысаков, о которых мы ведем рассказ, и на полных парусах помчал к родным берегам. Нетрудно представить себе негодование и отчаяние островитян. Квадрига украшала их город без малого восемь столетий, была почитаемым памятником, чуть ли не святыней. Но кто мог бы противостоять воле могущественного владыки? Конная скульптура отправилась в Константинополь и стала украшением императорской ложи на ипподроме.

**Чернофигурная
амфора с квадригой**
Аттика,
ок. 520 г. до н. э.

Летописцы сохранили для нас описание ипподрома после его восстановления. Он вмещал семьдесят тысяч зрителей. Арену и амфитеатр окружала стена, поверху украшенная множеством скульптур. Ложа императора покоилась на двадцати четырех мраморных колоннах, а от публики ее отделяла портьера из узорчатой парчи. В центре арены между дорожками возвышались обелиск фараона Тутмоса II, вывезенный из Египта, и увитая двумя бронзовыми змеями колонна — великолепный памятник классической Греции. В 479 г. до н.э., с согласия греческих городов, она была установлена в Дельфах в память победы над персами под Платеями.

Ныне на месте древнего ипподрома раскинулся парк, в одном из уголков которого среди акаций возносится мечеть, сложенная из камней былого ипподрома. И по сей

день вызывают восхищение сохранившиеся здесь обелиск Тутмоса II, вытесанный в 1471 г. до н.э., и дельфская колонна со змеями.

Константинополь был крупнейшим, красивейшим и самым цивилизованным городом тогдашней Европы. Великолепные площади, тысячи лавочек с диковинными восточными товарами, улицы, напоминавшие бесконечно снующий человеческий муравейник, общественные бани, винные погребки, библиотеки, храмы, мраморные дворцы — таким был Константинополь. Высший слой общества составляли аристократия, придворные, чиновничество, священнослужители, богатые купцы. Святой Ян Хризостом описывает богатство и великолепие города: дворцы, устланные восточными коврами, изукрашенные золотом, серебром, слоновой костью; платья из парчи и шелка, расшитые жемчугом и рубинами; искусно кокетничающих женщин и рой обслуживающих их евнухов, их утонченное распутство. Высоко над всеми стоял император, автократ, умашенный священными маслами наместник Бога и глава церкви.

Низы общества образовывала разноязыкая масса греков, славян, азиатов, сирийцев, евреев, болгар, скандинавов, персов и арабов. Это была задиристая, скорая на бунт толпа — единственный в Византии тормоз самовластия, — жаждавшая хлеба и зрелищ. Императоры были вынуждены считаться с ее настроением и, живя в вечном страхе перед неуправляемой силой престолярства, добивались его благосклонности бесплатной раздачей пищи, непрерывными игрищами на ипподроме и пышными шествиями по случаю церковных празднеств, коронаций и военных побед. Они знали, во имя чего поступают так: на протяжении одиннадцати веков Византийская империя пережила 65 революций.

Наша квадрига простояла на крыше императорской лжи 757 лет — стало быть, она была очевидицей многих событий, имевших место на ипподроме. А происходили там дела прелюбопытные, полные драматизма. Страстью Константинополя были состязания в беге на колесницах. Они длились с рассвета до ночи. Возницы, а среди них было много евреев, как «нечистые» являлись объектом

всеобщего презрения, однако некоторые из них завоевали себе такую популярность, что перед ними преклонялись так же, как сегодня перед матадорами. Соревнованиям был незнаком принцип «честная борьба». Колесницы коварно наезжали одна на другую, выталкивали друг друга с дорожек, а возницы частенько пользовались батогами. Иногда прибегали и к черной магии, но это запрещалось законом и строго каралось. Жители Константинополя были очень суеверны, верили в белую и черную магию, в силу амулетов, в чародеев и колдунов, демона, дьявола, целительную силу реликвий.

Участники конных состязаний одевались в белые, красные, голубые и зеленые туники; зрители делились на их сторонников и противников — восхищались победами «своих цветов», устраивали кровавые побоища на ипподроме и улицах города. Со временем сложились постоянные группировки, затем переросшие в партии политического и религиозного характера. Самыми крупными и весомыми были группировки «голубых» и «зеленых». Во времена правления императора Анастасия I (491 — 518) поклонники голубых пронесли на ипподром камни и кинжалы, спрятав их в корзинах с фруктами. И когда их «цвет» стал проигрывать в соревнованиях, убили три тысячи «зеленых».

В сумерки семьдесят тысяч зрителей зажигали принесенные из дома факелы, и соревнования продолжались при зловещей иллюминации. Началу бега колесниц предшествовал освященный традициями церемониал, напоминавший церковную литанию. Это был скандировавшийся пронзительным голосом диалог между дирижером и зрителями, и звучал он так:

Дирижер: Святая, трижды святая победа голубых!

Зрители: Да, победа голубых!

Дирижер: Да, Богородица, Пресвятая Дева Мария, даруй победу голубым!

Зрители: Богородица, Пресвятая Дева Мария!

Дирижер: Крест Всемогуший!

Зрители: Да, Крест Всемогуший, даруй победу голубым!

Эту же самую литанию повторяли поочередно поклонники остальных «цветов», и только после завершения церемо-

ниала император имел право подать знак к началу соревнований.

Горожане часто использовали ипподром для того, чтобы изложить императору свои жалобы и требования, причем нередко дело доходило до бурных волнений. На фоне ненависти между группировками во времена правления Юстиниана вспыхнул грозный бунт, получивший название «Ника». Началось с того, что сторонники «голубых» выступили с жалобой на «зеленых» и потребовали их наказания. Устами герольда Юстиниан сурово отругал жалобщиков за дерзкий способ, каким они представили свои требования. Толпе было приказано молчать. В ответ «голубые» под неистовые крики всех зрителей оскорбили императора, обозвав его ослом, клятвопреступником, тираном и убийцей. Тогда император поднялся и грозно спросил: «Что, жизнь вам так уж немила?»

Разъяренные сторонники «цветов», глухие к предостережениям императора, в бешенстве бросились в драку, которая быстро выплеснулась на улицы города. Юстиниану удалось схватить вожаков обеих группировок, и он приказал повесить их. Увидев своих предводителей на виселицах, недавние противники разом объединились и дружно подняли оружие против императора. Человеческая стихия, разжигаемая волной ненависти и жаждой крови, начала дело смерти и разрушения. Войска и городская стража оказались бессильны. Женщины и дети с крыш забрасывали камнями отряды солдат. Несметные толпы восставших, подавляя численным превосходством императорские отряды, поголовно перебили их. Беспорядки свирепствовали пять дней. Пылали городские кварталы. Жертвой огня стали дворцы чиновников, часть императорского дворца, собор Святой Софии и многие другие храмы, прекрасный портик над главным форумом, городская больница вместе с больными. Богатые горожане поспешно бежали через Босфор в азиатскую часть города.

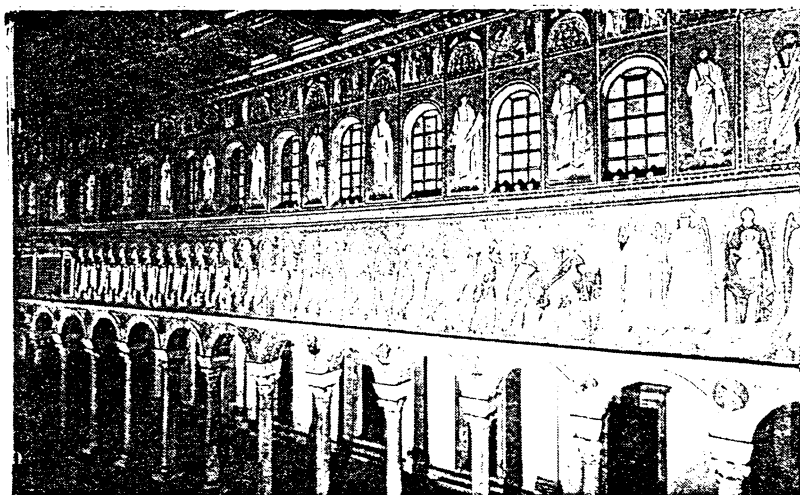
Юстиниана обуял страх, и он также готовился к бегству, но императрица Теодора гордо заявила, что единственно достойной владык усыпальницей является дворец и что поэтому они обязаны оставаться на месте. Эта женщина, престолюдинка по происхождению, дочь дрессировщика

медведей, в прошлом проститутка, прославившаяся своей распушенностью и разнузданными танцами, затем любовница и супруга императора и, наконец, одна из самых могущественных византийских владычиц, отвагой и хладнокровием спасла императорский трон. Юстиниан безоговорочно подчинился ее воле, она же призвала Велизария, командующего войсками, и приказала ему стянуть в город все находившиеся поблизости войска. Возможность для контрудара появилась на пятый день восстания. Взбунтовавшаяся чернь собралась на ипподроме и провозгласила императором престарелого сенатора по имени Гипатус. Войска Юстиниана блокировали все входы и внезапно с обнаженными мечами бросились на бунтовщиков. Это была, пожалуй, самая кровавая резня в истории Византии. Тридцать тысяч трупов покрыли арену. Гипатус, которого народ провозгласил императором, погиб в тюрьме, революция была подавлена.

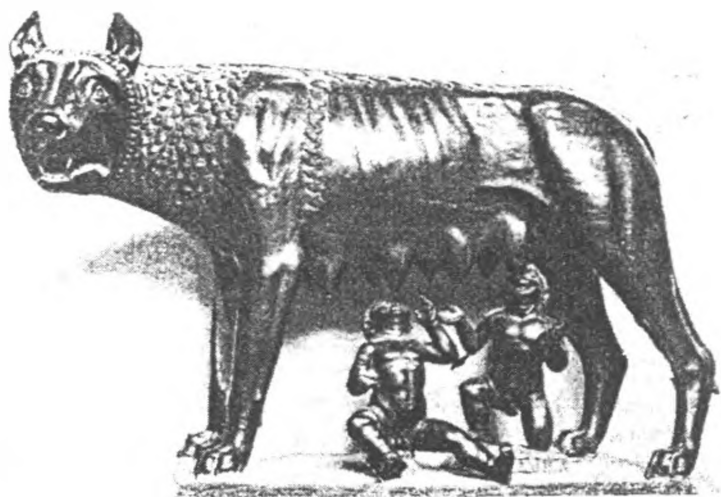
Миновали столетия. В начале XIII века был объявлен 4-й Крестовый поход. Его вдохновители обратились к венецианцам с просьбой предоставить суда для переброски крестоносцев через Средиземное море. Дожем Венеции тогда был полуслепой, но еще чрезвычайно бодрый старец Энрико Дандоло, человек дьявольски изворотливый, умный скептик и циник. Венецианских банкиров и купцов интересовала исключительно прибыль. Идея освобождения Святой Земли нимало их не трогала, поэтому за предоставление судов они потребовали огромную плату. Когда же наступил день получения денег, выяснилось, что крестоносцы не сумели собрать необходимую сумму. Дандоло согласился простить остаток долга, если крестоносцы вернут Венеции порт Зала в Далмации, взбунтовавшийся против нее и перешедший под защиту венгерского короля. Жители небольшого портового городка были христианами и потому не поверили своим глазам, когда перед крепостными стенами города возникла армия крестоносцев. На зубцах крепостных башен потрясенные жители вывесили кресты в надежде, что тем самым пробудят совесть в защитниках гроба Господня, но не тут-то было. Рыцари христианства оказались обыкновенными мародерами: ворвавшись в город, они дочиста отобрали его, сея смерть среди несчастных людей.

Император Юстиниан со свитой
Фрагмент мозаики церкви Сан-Витале в Равенне. 526 — 547 гг.

Мозаика главного нефа церкви Сант-Аполлинаре
Нуово в Равенне. VI в.

Капитолийская волчица

Бронза. Начало V в. до н. э. Рим. Палаццо Консерватори

Воспользовавшись волнениями при императорском дворе в Византии, Дандоло склонил крестоносцев к походу на Константинополь, пообещав фантастическую добычу. Вместо того чтобы обратиться против неверных, рыцари креста охотно приняли его предложение. Дандоло, хотя ему было уже восемьдесят пять лет, лично руководил штурмом крепостных стен, и гордая столица восточной империи впервые в своей истории пала жертвой головорезов. С жестокостью, примеров которой не счесть, крестоносцы бросились грабить, убивать, насильничать. На улицах раздавались стоны истязаемых жителей Константинополя. В поисках сокровищ захватчики взламывали императорские гробницы и, в частности, украли драгоценности из гробницы Юстиниана. Они не пощадили даже библиотеки, уничтожили ценнейшие памятники классической литературы. Тогда погибли собрания драматических сочинений Софокла и Еврипида. Многие шедевры античной скульптуры были обращены в лом, среди них — волчица, кормящая молоком Ромула и Рема, — скульптурная группа, некогда украшавшая Рим.

Мнимые защитники веры не отступили даже перед осквернением церковей. Ворвавшись в собор Святой Софии, они сорвали иконы, похитили золото, серебро, редчайшие украшения из слоновой кости, прихватили все золотые кубки и ковчежцы с мошами, высыпав на пол облатки и прах святых, и в безумстве разрушения разбили на куски главный алтарь. Затем устроили в соборе пьяную оргию, играли в алтарях и приделах в кости, пили из церковных кубков церковное вино. Одна из уличных бродяжек, поощряемая солдатами, вскочила на патриаршее место и под аккомпанемент непристойных солдатских песен пустилась нагишом в пляс.

Этот постыдный инцидент в истории христианства следует приписать варварскому невежеству. Римская церковь веками вбивала в головы неотесанных франков убеждение, что схизматики, не признающие высшей власти папы, породнились с сатаной и не заслуживают доброго к себе отношения. В сердцах крестоносцев наивная вера переплелась с первобытным инстинктом грабежа и убийства. Потому-то, разоряя святителища, они тем не менее верили в магическую силу святых реликвий. Хронисты сохранили нам истине гротескную историю одного францисканского послушника. Во время разграбления Константинополя он побежал в одну из церковей, приказал отвести себя в ризницу, затем к ларцу со святыми мошами, насыпал в мешок истлевшие людские кости, сколько мог унести, и стремглав помчался назад на корабль, игнорируя валявшиеся на улицах драгоценности. На реликвии бросались даже епископы, бароны, князья и рассудительные венецианцы. Они вывозили их на кораблях, а потом одаривали ими церкви во Франции. Многие из тех реликвий по сей день хранятся в соборе Святого Марка в Венеции.

Венецианцы были цивилизованнее рыцарей Франции и понимали ценность многих награбленных произведений искусства. В частности, дож Дандоло выбрал для себя четверку рысаков, украшавших императорскую ложу на константинопольском ипподроме. Он приказал перенести их на судно, хотя операция была сопряжена с огромными трудностями, и с триумфом доставил квадригу в Венецию, где ее установили на портале собора. Там она стоит и сегодня,

напоминая о парадоксе истории, который заключается в том, что наиболее продвинутый на восток оплот европейской цивилизации и христианства был разрушен и превращен в руины европейцами и христианами. Правда, Константинополь еще два века сохранял независимость, однако так и не смог подняться из упадка и в конце концов пал под секирой турецкого нашествия.

Чтобы понять чудовищность преступления, совершенного венецианцами и крестоносцами, напомним, что после падения Рима именно Константинополь был главным бастионом греко-римской культуры и цивилизации. Когда на Европу опустился мрак средневекового варварства, этот город еще на протяжении тысячелетия поддерживал и развивал наследие Афин и Рима. В Константинополе процветали науки и искусства, правда своеобразно преобразованные под влиянием Персии и христианской ортодоксии, но корнями уходившие в античную культуру. Константинопольский университет был ведущим и лучшим в области филологии, философии, теологии, астрономии, математики, биологии и права. До последней минуты там изучались языческие писатели, философы и ученые. После разорения города крестоносцами византийские ученые эмигрировали в Италию, где распространили греческий язык и литературу, способствуя тем самым наступлению эпохи Ренессанса. Правда, в свое время император Юстиниан закрыл платоновскую Академию в Афинах как языческое учебное заведение и вынудил ее преподавателей искать кусок хлеба при дворе персидского царя, но вообще человек, имевший образование, пользовался в Константинополе почетом и уважением. Вот забавный отрывок из диалога византийцев. Отец обращается к сыну: Учись, покуда тебе хватит сил. Посмотри вон туда, на того юношу. Когда-то он ходил пешком, а теперь гарцует на коне, одет в латы, ведет за собой толстого мула. Когда он учился, ему не во что было обуться, а теперь он ходит в парадных туфлях. Когда учился, всегда был нечесан, а теперь такой пригожий завитой красавчик. Когда учился, не знал, где находятся городские бани, а теперь моется трижды в неделю.

Нужно еще добавить, что обучение было бесплатным, а профессоров содержало государство. О том, насколько це-

нили ученых, свидетельствует случай, имевший место во второй половине IX в. н.э. Калиф Багдада обратился к императору Теофилу с предложением заключить вечный мир и заплатить две тысячи фунтов золота, если прославленному ученому Леону из Салоник будет позволено некоторое время побыть при дворе калифа. Но император отверг предложение, несмотря на постоянные финансовые затруднения и тяготы войны с арабами.

Понятно, что история, впрочем как и человеческая жизнь, полна противоречий. Особенно история Константинополя. Император Константин Великий, первый христианский император, уничтожил свою семью; императрица Елена, причисленная к лику святых, ослепила и заточила в темницу собственного сына, чтобы захватить власть. Из ста семи византийских императоров чуть ли не две трети умерли насильственной смертью. Религиозные войны между сектами, особенно между ортодоксами и иконоборцами, были чрезвычайно кровавыми. В них последователей Христа погибло больше, чем во времена преследования христиан язычниками.

Однако и тогда, во времена темного фанатизма, жили удивительно просвещенные люди. В прославленном учебном заведении «Музеон» в Александрии в V веке математику и философию преподавала Гипатия, отличавшаяся не только большой ученостью, но также блестящим остроумием и необыкновенной красотой. На ее лекции приезжали из самых отдаленных уголков Византии. Многие молодые слушатели воспылали к ней страстной любовью, однако Гипатия, полагавшая науку единственным смыслом и целью жизни, отвергала их ухаживания. Христиане Александрии были с нею не в ладах, ибо молодая преподавательница оставалась язычницей и дружила с Орестом, языческим префектом города. Однажды архиепископ Цирил подстрекнул монахов к изгнанию из города евреев. Орест отправил императору Феодосию II письмо, в котором обвинил Цирила в учинении погромов и выступил в защиту еврейской общины. По городу поползли слухи, что инициатором этого письма была Гипатия. Фанатичная толпа, подогреваемая монахами из окружения Цирила, набросилась на Гипатию, когда та проезжала по городу, затащила девушку в церковь,

сорвала с нее все одежды и закидала камнями, а потом четверговала и сожгла на огне останки, сопровождая свои действия дикой оргией.

Несколько просвещенных епископов осудили Цирила, а император в наказание запретил монахам покидать стены монастыря, и прежде всего появляться в городах, но не отважился привлечь к ответу Цирила, опасаясь новых взрывов недовольства. Этот трагический инцидент с Гипатией означал закат славы Александрийской школы: преподаватели-язычники, а именно среди них были самые выдающиеся умы того времени, переселились в Афины, где еще существовала платоновская Академия, пока ее не закрыл император Юстиниан.

Но вернемся к нашей квадриге. Она простояла в Венеции почти шестьсот лет, прежде чем с ней случилось новое парадоксальное приключение. На сей раз ее покой нарушили Наполеон и поляки. Да, поляки, точнее — польские легионеры. Начиная итальянскую кампанию, Наполеон заявил народу Италии, что принесет ему на своих знаменах революцию и свободу. Но скоро стало понятно, как он понимает эту свободу. Наполеон наложил на итальянские города огромную контрибуцию и ограбил их — он вывез лучшие произведения искусства, обогатив музей Лувра. Туда, где люди всерьез принимали пустые заявления Наполеона и искренне стремились установить подлинно демократический строй, он посылал войска, приказав подавлять освободительные движения. Он лишил Венецию независимости и отдал под господство реакционной Австрии. Для подавления свободолобивых стремлений Наполеон использовал и польских легионеров. Это обернулось тяжелой трагедией для польской молодежи, которая, поверив Наполеону, встала под его знамена, чтобы пролить кровь во имя лозунга «За нашу и вашу свободу!».

И вот однажды польские легионы оказались в Венеции, и квадрига Лисиппа стала как бы символом их трагедии. Чтобы было ясно, в чем дело, воспользуемся отрывком из незаконченного романа Генрика Сенкевича «*«Легионер»*». Два польских легионера беседуют между собой:

«— Но, правду говоря, к нам, полякам, здесь не очень-то доброжелательно относятся.

**Геракл в борьбе
со львом**
Лисипп.
Римская
копия. Мрамор

— Почему? — с горечью спросил Марек.

— Да потому, что по воле Бонапарта Сулковски призывал Венецию сдаться, а потом приказал нашим солдатам снять бронзовых коней со Святого Марка. Местным жителям это очень не понравилось, они близко к сердцу восприняли обиду, потому что всегда страсть как любили Святого Марка и его позолоченных коней.

— А что с ними стало?

— Их отправили в Париж, как и многое другое, особенно что поценнее. А итальянцы не понимают, что солдат обязан слушаться приказа, и говорят, что коней украли поляки».

В Париже квадригу встретили с триумфом. На четырехколесной платформе ее везли по улицам города. Военный оркестр наяривал марши, а несметные толпы парижан, ра-

достно взволнованных новой победой, размахивали трехцветными флажками и выкрикивали здравицы в честь Бонапарта.

Во многовековой и богатой разнообразными приключениями жизни коней это был всего лишь крохотный эпизод. Квадрига оставалась в Париже только до 1815 года. После свержения императора пострадавшие страны потребовали возвращения награбленных произведений искусства. Венеция, естественно, требовала возвращения своих любимых рысаков. Французы увиливали, как могли, объясняя, что забрали скульптуру легально, в силу заключенного договора. Только решительное вмешательство победившей коалиции вынудило Францию вернуть награбленное.

И вот с того времени квадрига вновь украшает собор Святого Марка. Что ждет ее в будущем? Неужели время, этот неисправимый насмешник, когда-нибудь вновь захочет поиграть их судьбой? Сейчас квадриге около 2300 лет; это возраст, до которого редко доживают творения рук человеческих. Но в истории мира нет ничего вечного. Рождались, расцветали, умирали великие, прекрасные культуры; трудно предполагать, что квадрига Лисиппа никогда не подвергнется воздействию времени.

Можно пофантазировать относительно ее будущей судьбы. Известно, например, что Венеция медленно погружается в топь лагун. Старые стены трескаются, некоторые башни опасно накреныются, уровень воды в каналах понемногу, но неумолимо повышается. Площадь Святого Марка во время наводнений целиком покрывается водой. Инженеры делают все возможное, чтобы сдержать этот разрушительный процесс: впрыскивают в фундамент зданий бетон и укрепляют башни стальными скобами. Кто-то подсчитал, что если не будут найдены радикальные способы спасения Венеции, то через несколько столетий уровень воды в Большом канале поднимется до такой степени, что она достигнет третьих этажей прилегающих домов, а от собора Святого Марка будут возноситься из лагун только купола. И что станет тогда с квадригой Лисиппа?

ЧАСЫ ВЕКОВ

Космический луч и мумия профессора Мори

Археология делала свои первые шаги в самом начале XIX в. и десятки лет после этого оставалась не столько наукой, сколько увлечением. Потому-то далеко не всегда ее рыцари и поклонники были учеными. Преобладали любители старины, путешественники, искатели приключений, мечтавшие о богатых кладах и сенсационных открытиях. Поскольку жизни этих людей почти всегда сопутствовали драматические и забавные происшествия, и прежде всего удивительные случайности, созданная ими история археологии изобилует бурными страстями, восхитительными коллизиями, как будто заимствованными из авантюрной повести. Надо признать, что сегодня эта романтика в стиле XIX века слегка выцвела, стала анахронизмом. Романтическая фигура столь признанного авторитета, как пионер египтологии Джованни Баттиста Бельзонни (он начинал жизненный путь цирковым силачом, а закончил известнейшим первооткрывателем гробниц фараонов), принадлежит уже прошлому. Сегодня невозможно представить себе ничего забавнее археологического мошенничества, пример которого я приведу в одном из последующих рассказов. Мистификация сейчас наверняка не удалась бы, потому что археология вполне

**Так называемая голова
Хаммурапи**
Начало II тыс. до н. э.
Париж. Лувр

созрела как наука, имеющая в своем распоряжении надежные и чрезвычайно точные методы исследования. Высококвалифицированные специалисты не только довели до совершенства методику раскопок, искусство датирования своих находок на основе стратиграфического анализа изделий из керамики, камня, металла, но используют в работе возможности других отраслей знания: химии, антропологии, зоологии, ихтиологии, геологии, металлографии, ядерной физики, астрономии, электроники. Вместе с учеными других специальностей археологи ведут полевые и лабораторные исследования.

И разве археология утратила хоть что-нибудь, соединив колдовское очарование фантазии со страстностью интеллекта? Разве она стала менее захватывающей и интересной для нас, профанов? Мы, современники эпохи атома и космонавтики, не колеблясь ответим на этот вопрос отрицательно. Широкие и новые горизонты знания, которые открыла перед нами плеяда ученых — астрономов, биологов,

Архитектурный декор храма Караиндаша в Уруке. XV в. до н. э.
Берлин, Государственные музеи

физиков, основательно преобразили наши представления о прекрасном и увлекательном мире.

Взять хотя бы проблему космических лучей. Она похожа на утопию из научно-фантастического романа. Несомненным, однако, остается факт, что археология использует этих таинственных пришельцев из космической бездны, чтобы наиболее точно очертить время органического происхождения дерева, кости, шкур, остатков растений и культур. Постараемся же в двух-трех словах описать путь столь импонирующих нам достижений человеческого разума.

На землю падают космические лучи очень высокой энергии. Они бомбардируют верхние слои нашей атмосферы, рождая огромное количество нейтронов. В свою очередь эти нейтроны сталкиваются с некоторыми атомами азота, преобразуясь в изотопы углерода, то есть в радиоактивную разновидность обычного углерода C^{12} . Что происходит дальше? C^{14} соединяется с двуокисью углерода и как его радиоактивная разновидность равномерно распространяется в атмосфере. Двуокись углерода, а вместе с нею и радиоактивный углерод, благодаря фотосинтезу поглощается растениями. Поскольку и животные, и человек потребляют растительную пищу, атомы C^{14} тем самым включаются в непрерывный круговорот природы. Те атомы C^{14} , которые распадаются вследствие выбрасывания частиц, постоянно восполняются через пищу, и потому их количество в живых организмах благодаря непрерывающемуся природообмену остается одним и тем же. Но когда какой-то организм умирает, то, вполне понятно, процесс поглощения атомов C^{14} прекращается, а находящийся в тканях радиоактивный углерод в результате постепенного распада исчезает. Это явление стимулировало гениальную догадку американского физика Уилларда Ф. Либби. Логика подсказывала: вследствие такой убыли чем старше вещи, обнаруженные в раскопках, тем слабее излучение C^{14} .

Следовательно, если бы удалось рассчитать степень и время распада, археология обрела бы прекрасные атомные часы, с помощью которых можно было бы определить возраст археологических памятников органического происхож-

дения, например возраст полотна, в которое заворачивали египетские мумии.

Трудности, с которыми встретился Либби, просто поразительны. Прежде всего, количество C^{14} в мире и живых тканях чрезвычайно мало. Один атом радиоактивного углерода приходится на миллион миллионов атомов обычного углерода C^{12} . Естествоведы и математики подсчитали, что в мире есть всего лишь 79 тонн C^{14} . Частички обычного углерода составляют $1/5$ человеческого веса, однако содержащиеся в нем радиоактивные изотопы весят всего только одну миллионную часть грамма.

К счастью, благодаря своим радиоактивным свойствам C^{14} дает знать о своем присутствии в счетчике Гейгера характерным тиканьем. Интенсивность и частота тиканья зависят от количества радиоактивного углерода, содержащегося в организме, тем самым определяя годы, которые миновали с момента смерти исследуемого предмета.

Стремясь составить точный календарь убывания C^{14} из-за его постепенного распада, Либби проводил тщательные замеры интенсивности радиоактивного распада в предметах органического характера, предполагаемая дата смерти которых была ему известна по другим источникам. Начинал он с тканей, совсем еще недавно бывших живыми, и медленно продвигался в глубину прошлого, от предмета к предмету. Таким образом ученый нашел несколько зацепочек, которые позволили ему относительно точно подсчитать и вычленить вехи, служившие точками отсчета распада C^{14} . За свою выдающуюся работу Либби был удостоен Нобелевской премии.

Либби прежде всего утверждал, что распад C^{14} проходит достаточно равномерно, в соответствии с определенной нормой. Период полураспада составляет 5568 лет. Что это значит? По истечении определенного времени половина C^{14} трансформируется в обычный углерод, при этом колебания могут достигать 30 лет. После второго периода полураспада, то есть после еще 5568 лет, исчезает половина радиоактивного углерода, иначе говоря, остается лишь $1/4$ часть его первоначального количества. После третьего периода той же самой продолжительности, то есть после 16 704 лет с момента смерти исследуемого химического об-

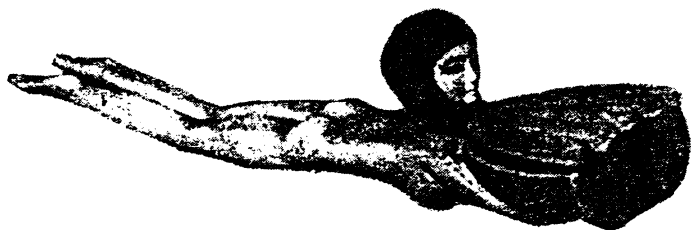

Женщины и стадо

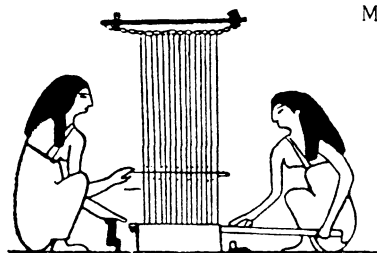
Роспись на скале. Тассили. Сахара. Неолит

разца, счетчик показывает уже только $1/8$ часть радиоактивного углерода.

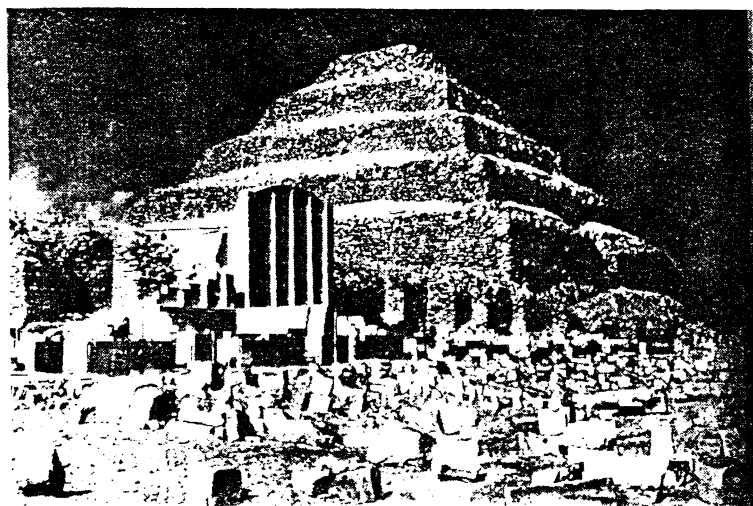
Американский ученый опробовал свою фантастическую машину для определения дат на разнообразнейших образцах, присланных ему археологами из разных концов све-

**Ложечка для притираний в виде
плывущей женской фигурки**
XVIII династия. Начало XIV в. до н. э.
Москва, ГМИИ имени А. С. Пушкина

Изготовление полотна

Заупокойный храм и пирамида фараона Джосера в Саккара
Зодчий Имхотеп III династия. XXVIII в. до н. э.

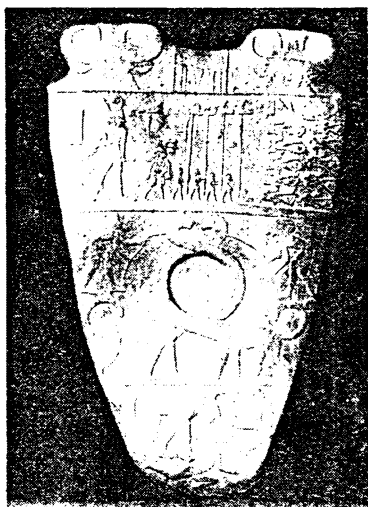
Образ бога Солнца
Ра в древнеегипетском
искусстве

та. Даты, которые он устанавливал с точностью до 250 лет (расхождение, которым, учитывая возраст рабочего материала, вполне можно пренебречь), совпадали с датами, определенными по другим источникам.

Исследовались прежде всего находки из гробниц фараонов, поскольку уже достаточно точно была установлена хронология их происхождения, примерно 2000 г. до н.э., и даже предметы, ранее датированные 3000 г. до н.э. Либби опробовал свою машину и на предметах иного рода. Так, например, он исследовал дерево, из которого был сделан потолок во дворце месопотамского монарха, о котором известно только то,

что он жил ровно за 250 лет до Хаммурапи. Счетчик подтвердил, что дерево оказалось срубленным в 2099 — 1887 гг. до н.э. На основе этих данных можно было подсчитать (учитывая погрешности метода C^{14}), что выдающийся царь, творец вавилонских законов, взшел на трон около 1750 г. до н.э.

Однако что общего между всем этим и упомянутой в заголовке мумией? Так вот, итальянский антрополог Фабрицио Мори в течение многих лет бороздил ливийскую пустыню вдоль и поперек, отыскивая древние изображения на стенах тамошних пещер. В один из дней неподалеку от оазиса Хат в пустыне Сахара Фабрицио Мори натолкнулся на чрезвычайно интересные африканские изображения. Грунт в пещере был покрыт толстым слоем песка. Когда начали его раскапывать, нашли мумифицированное тело

Палетка фараона Нармера из Иераконполя. Нулевая династия
Ок. 3000 г. до н. э. Каир. Египетский музей

ребенка, лишенное внутренностей и наполненное травами.

На ученых находка произвела огромное впечатление. Девочка была мумифицирована египетским способом. Откуда и как египетская мумия оказалась в Сахаре, в 800 км южнее берегов Средиземного моря? Однако по-настоящему бомба взорвалась только тогда, когда образец мумии был доставлен в Италию и исследован с помощью метода C^{14} . Оказалось, что ребенок умер примерно в 3450 г. до н.э., или за 250 лет до появления на исторической сцене первой династии египетских фараонов.

Некоторые египтологи полагают, что открытие итальянского антрополога — это, по сути, ключ к разрешению одной из самых волнующих загадок истории: где зародилась культура Египта? В бассейне Нила она появилась как бы внезапно, в 3200 году до н.э., одновременно со вступлением на трон первого фараона. Уже тогда египетская культура отличалась зрелостью и богатством, развитым религиоз-

ным культом, системой письменности, немалыми успехами в архитектуре, резьбе по дереву, живописи, ремеслах. Мы знаем, что для этого должны были уплыть в небытие столетия неспешного, трудного развития.

Между тем проведенные ранее раскопки свидетельствовали о том, что до указанной даты долину Нила населяли племена эпохи неолита с очень низким уровнем культурного развития. Отсюда возникло предположение, что египтяне должны были внезапно прийти в долину Нила из какой-то другой страны, которая и была их колыбелью. Обнаруженная профессором Мори мумия как бы подтверждала уже выдвинутую ранее гипотезу о том, что египтяне развили свою культуру в Сахаре, когда она еще не была пустыней. По мере того как климат Сахары становился все суше и выдерживать его было все труднее, египтяне перебрались в плодородную долину Нила, а следы их давних поселений в Сахаре надежно укрыли толстым слоем песка ветры, бури и ураганы.

Метод C^{14} — не такое простое дело

Метод C^{14} не так прост. Нами уже сказано, что в живых клетках радиоактивный углерод присутствует в ничтожно малом количестве. Один атом на миллион атомов обычного углерода C^{12} — эта пропорция выше человеческого воображения. В этих условиях только с помощью современных, чрезвычайно чутких счетчиков можно проследить взрывы отдельных изотопов C^{14} , подверженных распаду.

Определение археологического времени образца растения или животного — дело весьма сложное. Лаборатории, где проводятся подобные исследования, суть настоящие фабрики, наполненные сложнейшей аппаратурой. Образцы выполаскиваются в щелочных и кислотных растворах, что освобождает их от разного рода загрязнений, а затем сжигаются в стеклянной посуде. Полученный пе-

пел помешают в целую батарею бутылок и пробирок, где в сочетании с разнообразными химикалиями он очищается от последних наслоений. Затем пепел переносят в электронный счетчик.

Но на этом дело не кончается. Появляется другая забота: помимо археологического образца дают о себе знать еще два других радиоактивных источника — космическое излучение и радиоактивные атомы, находящиеся в материале, из которого сделан счетчик. Все три источника издают одинаковое тиканье, причем одновременно. Устанавливая возраст исследуемого образца, физик обязан уметь выделять тиканье, издаваемое только одним из источников.

Как же исключить нежелательные «элементы»? Для начала счетчик помешают в стальной панцирь толщиной более 20 см и накрывают так называемым «электронным зонтиком», то есть окружают менее мощными счетчиками, которые улавливают радиоактивный поток от нежелательных источников и издают тиканье, отличающееся от тиканья главного счетчика. Более того. В ту минуту, когда через них проходят космические лучи, на долю секунды автоматически отключается главный счетчик, находящийся под бомбардировкой излучения от археологического образца. В таких условиях физик может четко выделить и измерить частоту тиканья исследуемого археологического предмета и высчитать содержащееся в нем количество еще не излученных атомов C^{14} .

Этой весьма упрощенной, но наглядной для дилетанта картиной мы попытались показать трудности, связанные с методом C^{14} , и вызвать уважение к ученым, которые сумели преодолеть их силой своего разума.

Созданные ими электронные счетчики, естественно, очень дорогие. Даже в начальный период, когда они еще не были столь сложными, их стоимость в США в 1955 г. составляла 100 000 долларов, и только три американские лаборатории могли позволить себе пользоваться такими счетчиками.

Поэтому нетрудно представить себе скептицизм редактора одного из научно-популярных журналов, издающегося в США, когда однажды он получил письмо от некоего Фреда Шатцмана из Нью-Джерси с просьбой предоставить ему не-

сколько ископаемых образцов для определения их возраста с помощью аппарата на основе метода C^{14} , собственноручно сделанного автором письма. Редактор, уже неоднократно убеждавшийся в удивительнейших способностях и умении различных любителей-дилетантов, уговорил знакомого археолога послать Шатцману поплавков от египетской сети, без дела валявшийся на письменном столе археолога. Через несколько дней пришел ответ: дата, указанная неизвестным корреспондентом, ни на йоту не отличалась от общепринятой. Несколько обескураженный, но все еще раздираемый сомнениями, археолог выслал Шатцману поочередно кусочки материи, в которую была обернута мумия из Перу, и обугленный кусочек дерева, возраст которого он знал совершенно точно. И каждый раз он получал абсолютно точный и правильный ответ. Археолог сел в поезд и объявился в Нью-Джерси. И здесь его ждала самая потрясающая неожиданность: корреспондентом был четырнадцатилетний мальчик, который за 500 долларов смастерил себе безотказно действующий, хотя и с ограниченными возможностями, счетчик для измерения с помощью метода C^{14} . Сегодня ни один археолог не может обойтись без счетчика для измерения C^{14} .

Конечно, ученые не шадят усилий, чтобы усовершенствовать свою аппаратуру. Им, в частности, важно, чтобы при определении дат до минимума свести ошибку. Профессор Либби, изобретатель метода C^{14} , не раз месяцами подвергал измерениям один и тот же образец, прежде чем после коррекции установить максимально точную дату.

Некоторые результаты поистине поразительны. Так, было установлено, что знаменитые свитки с библейскими текстами, найденные в Кумране, вблизи Мертвого моря, относятся к I веку н.э. В другом месте мы расскажем о святыне Стоунхендж эпохи неолита. Пепел, собранный с тамошней жертвенной ямы, был датирован 1850 г. до н.э. В окрестностях Токио на глубине в несколько метров были найдены семена лотоса. Одно из семян высадили в горшок, оно проросло и распустилось чудным цветком. Метод C^{14} позволил определить, что эти семена насчитывают — о чудо! — три тысячи лет. В культурных слоях в пещере Шани-

дар (Ирак), где поколения неандертальцев жили более ста тысяч лет, обнаружен скелет человека, раздавленного упавшей скалой. Благодаря методу C^{14} мы узнали, что несчастный пещерный житель пал жертвой катастрофы, происшедшей 45 тысяч лет назад.

Большинство ученых считает, что это последняя граница, которую можно определить с помощью метода C^{14} . Более древние ископаемые образцы содержат столь ничтожное количество радиоактивного углерода, что нормальный электронный счетчик на них не реагирует. Однако голландский ученый Де Фриз из Гронингена проник во мрак прошлого на несколько тысячелетий глубже. Своего блистательного результата он достиг благодаря созданию значительно более чувствительного счетчика, который регистрирует даже $1/2000$ часть первоначального количества атомов C^{14} и тем самым позволяет установить возраст исследуемых образцов вплоть до семидесяти тысяч лет.

Метод профессора Либби основан на принципе, суть которого заключена в том, что количество атомов C^{14} в атмосфере, в живых тканях животных и растений остается неизменным, невзирая на эпохи, географические пояса и природные условия. Оказалось, однако, что новые, поистине сенсационные открытия ставят под сомнение этот тезис и требуют нового подхода к изучению проблемы в целом. Новозеландский физик Р. Рафтер и его ассистент Х. Янсен задумали исследовать содержание C^{14} отдельно в каждом концентрическом кольце срубленной восьмисотлетней сосны. К немалому удивлению, ученые обнаружили, что количество атомов радиоуглерода в каждом из колец не всегда одинаково. Иными словами, насыщение ими земной атмосферы из года в год менялось. Ученые даже установили, что эти изменения имеют постоянную тенденцию к росту, особенно в 1550 — 1650 гг. Конечно, результаты их исследований требуют сопоставления с другими данными, а также дополнительных экспериментов.

В последние десятилетия, точнее, с 1954 г., большое замешательство в этой области вызвали испытания ядерного оружия. Каждый взрыв неизменно увеличивает количество радиоактивных частиц в атмосфере, в том числе и атомов

C^{14} . Разумеется, это не может фатально не влиять на показания электронных счетчиков, заметно их искажая. Пробы, взятые с египетского саркофага и скелета доисторического индейца, содержали столько же атомов радиоуглерода, сколько и живые ткани. Доктор Де Фриз подсчитал, что от взрыва первой водородной бомбы количество изотопов C^{14} в атмосфере увеличилось на 10%. После каждого очередного взрыва все американские лаборатории, занимающиеся исследованием археологических образцов, вынуждены на месяц прекращать работу.

Однако физики преодолели и эту трудность. Слабым местом предшествующей процедуры исследования было то, что пепел от археологических образцов во время сушки не был изолирован от атмосферы. Поэтому он, естественно, поглощал имеющиеся в ней атомы радиоактивного углерода. Сегодня исследуемый образец ни в коем случае не вступает в контакт с воздухом. Превращенный в пепел в вакууме стеклянного сосуда, он затем трансформируется в газ, содержащий углерод: двуокись углерода, ацетилен или метан. Именно этот газ и становится объектом изучения и измерения при помощи счетчика C^{14} .

Если мы вспомним, что еще недавно самой далекой от нас датой, которую могли установить ученые путем труднейших исследований керамических черепков и стратиграфии, было третье тысячелетие до нашей эры, то понятно, насколько велик и значителен научный прогресс, достигнутый с помощью C^{14} . Семьдесят тысяч лет — совсем не шуточный отрезок истории человечества. Но как же он микроскопичен по сравнению с возрастом Земли и эволюцией человека от питекантропа, жившего 600 тысяч лет назад, через неандертальца до современного гомо сапиенс! Подобно тому, как астроном проникает в глубины Вселенной все дальше и дальше, изучает уже дальности порядка миллионов световых лет, так и геолог, антрополог и археолог прилагают усилия, чтобы преодолеть эту магическую стену, дальше которой они пока не смогли пройти с помощью метода C^{14} . А так хотелось бы еще дальше проникнуть в глубины истории, в тайны прошлого нашей планеты! Посмотрим, с помощью каких методов они пытаются осуществить свои фантастические замыслы.

Человек проникает в глубь прошлого

Метод C^{14} позволяет определить возраст найденных памятников органического происхождения не старше семидесяти тысяч лет, но такой временной диапазон уже не удовлетворяет запросы современной науки. Ведь геологи, стремясь установить возраст горных пород и нашей планеты, оперируют сотнями миллионов лет, подчас миллиардами лет. Даже археологи и антропологи, которые с этой точки зрения гораздо скромнее, тем не менее имеют дело с сотнями тысяч лет, что, естественно, также превышает возможности метода C^{14} .

Казалось бы, что тот чудодейственный инструмент, который позволил бы проникнуть в прошлое на сотни миллионов или хотя бы на сотни тысяч лет и открыть тайны минувших эпох, — это скорее вымысел фантаста, нежели изобретение человеческого разума. И однако такую прямо-таки поразительную машину времени удалось сконструировать, а точнее — открыть в природе. Ею является метод, сокращенно называемый методом калий-аргон.

Физики использовали тот факт, что среди атомов калия, наличествующего в живой и мертвой материи, имеется ничтожное количество радиоактивных атомов калия 40. Так, например, тело мужчины нормального сложения содержит 262 грамма калия, но только 31 миллиграмм его радиоактивной разновидности.

Атомы радиокалия не являются постоянными — распадаясь, они преобразуются в атомы кальция (выбрасывая частицы бета) или в атомы аргона (высылая гамма-излучение). Преобразование происходит мгновенно, в невообразимую долю секунды, но случается чрезвычайно редко. Если бы мы в пустой сосуд заключили 18 атомов калия 40, то за миллиард триста миллионов лет только 9 атомов видоизменились бы в элементы кальция и аргона. Иначе говоря, частота преобразования, хотя и равномерная, происходит невероятно медленно.

Этот бесконечно длинный период частичного распада позволяет ученым определить возраст исследуемых предметов

в границах миллионов и даже миллиардов лет. Проблема в том, чтобы правильно установить пропорции калия 40, кальция и аргона, высчитать на этой основе, когда начался процесс распада калия 40. Столь сложная и кропотливая работа требует огромных знаний в области физики и математики. Достаточно сказать, что исследуемый предмет проходит сначала через стадию нагревания в электронной печи до температуры в сотни градусов по Цельсию, затем охлаждается почти до двухсот градусов ниже нуля. Ввиду бесконечно малого количества калия и аргона 40, для измерения используется специальный спектроскоп, чрезвычайно чувствительный инструмент, способный отделить все находящиеся в исследуемом предмете атомы в соответствии с их атомным весом.

Метод калий-аргон уже имеет на своем счету ряд подлинно сенсационных успехов. Ископаемые останки первобытного человека типа зинджантроп, обнаруженные в Африке английским археологом Луисом Лики, были исследованы в атомной лаборатории в Беркли (штат Калифорния) профессором геологии Г. Куртисом. Полученные им расчеты вызвали замешательство в научных кругах. До сих пор считалось, что пользовавшийся орудиями человек впервые появился на Земле не раньше, чем несколько тысяч лет назад. А тут оказалось, что первобытный человек зинджантроп, скелетные останки которого вместе с каменными инструментами нашли в Африке, насчитывает ровно миллион семьдесят тысяч лет. Это, несомненно, революционным образом меняет взгляды на историю эволюции человека.

Располагая столь великолепным инструментом для расчетов, геологи решились вычислить возраст нашей планеты. Расчеты велись на основе измерения радиоактивных материалов в горных породах. Оказалось, что старейшая из гор — Мучинга, находящаяся в Южной Родезии, сформировалась 3,3 миллиарда лет назад, т.е. она, следовательно, более чем на миллиард лет моложе Земли. Отсюда геологи пришли к убеждению, что земная кора незадолго до этого была еще в жидком состоянии. Их гипотезу подтвердили измерения, проведенные на метеоритах — остатках прото-солнечной туманности после формирования Солнца и пла-

нет. Результаты многократно и тщательно проведенных измерений показали, что возраст метеоритов составляет четыре с половиной миллиарда лет. Эта цифра совпадает с расчетами астрономов и астрофизиков.

Методами C^{14} и калий-аргон ни в коей мере не исчерпываются эксперименты, направленные на усовершенствование датирования ископаемых памятников. О некоторых из них следует сказать особо, чтобы полнее описать изумительную работу ученых, стремящихся рассеять мрак над прошлым.

Во время второй мировой войны английский антрополог доктор К. Оклей изучал возможность предотвращения кариеса зубов путем добавления в воду фтора. Проводя исследования, он случайно обратил внимание на то, что ископаемые кости из древних захоронений впитывают фтор, находящийся во влажной почве, хотя такое впитывание происходит очень и очень понемногу. Отсюда доктор Оклей сделал вывод, что чем дольше кости находятся в земле, тем выше в них содержа-

Статуэтка коня. Бронза
Середина VIII в. до н. э.
Западный Берлин.
Государственные музеи

Дипилонская амфора.
Керамика
Середина VIII в. до н. э. Афины.
Национальный археологический музей

ние фтора. Следовательно, и на этой основе можно вычислить возраст находки.

Конечно, датирование керамики, главным образом дошедшей до нас в виде черепков, и впредь будет продолжаться исходя из ее формы, глазури, орнамента, но уже сегодня можно воспользоваться более точными, хотя и более трудоемкими методами. К таковым прежде всего относится метод термолюминесценции. Обожженная глиняная посуда и другие керамические изделия содержат определенное количество радиоактивных элементов урана и тория, которые бомбардируют атомы, вызывая изменения в их структурной системе. Под воздействием высокой температуры эти атомы возвращаются в свое первичное состояние. Этому процессу сопутствует явление люминесценции, то есть свечения, интенсивность которого зависит от того, как долго атомы оставались под воздействием урана и тория. Люминесценцию можно измерить очень чуткими аппаратами и тем самым установить возраст исследуемой керамической посуды. Недавно с помощью этого метода было установлено, что найденные неподалеку от Афин вазы относятся к IX в. до н.э.

Не менее точен и другой метод. Обожженная при высокой температуре глина отражает в своей атомной структуре направление магнитного поля Земли. Известно, что полюса этого поля постоянно перемещаются. Поскольку геофизики точно рассчитали их положение в определенные периоды, то с помощью специальных аппаратов можно установить возраст керамики на основе ее атомной структуры. Не так давно в Греции воспользовались этим методом. В одном из археологических раскопов была найдена прелестная женская статуэтка, но, к сожалению, без головы. То-то была радость, когда поблизости обнаружили головку, которая по всем внешним признакам принадлежала ранее обнаруженному туловищу. Но, так как все же оставались сомнения, археологи обратились за помощью к физикам. Воспользовавшись методом магнитного исследования, физики сделали безоговорочный вывод: головка не является частью найденной статуэтки.

Сегодня керамические изделия можно подвергнуть и химическому анализу, не нанеся им при этом ушерба. Пред-

меты помешают в реактор и бомбардируют потоком нейтронов, что делает керамику радиоактивной. Проведя затем специальный анализ, физики легко выявляют даже миллиардные доли грамма какой-либо субстанции. Благодаря этому методу установлено, например, что китайские вазы XVIII века, которые считались ценнейшими экспонатами нью-йоркского Метрополитен-музея, были сделаны весьма искусным фальсификатором.

Небесные светила и археологические находки

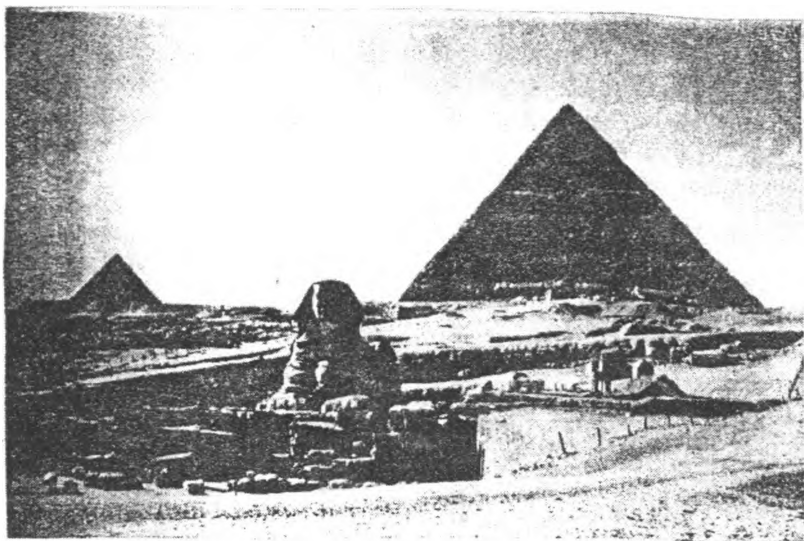
Мы уже знаем, какую переломную роль сыграла ядерная физика в современной археологии. Метод C^{14} позволяет сравнительно точно установить возраст памятников, насчитывающих до пятидесяти тысяч лет, а при определенных условиях — даже до семидесяти тысяч лет. Однако до того, как эти фантастически точные часы эпох были открыты, археологам пришла в голову гениальная идея использовать для своих целей астрономию. Полученные этим путем научные результаты во многих случаях вызывают глубокое восхищение интеллектом человека, который в поисках знаний и истины неисчерпаем в изобретательности.

Без помощи астрономии очень трудно было бы реконструировать, например, хронологию Древнего Египта. Египетские жрецы вели точный астрономический календарь, благодаря которому знали сроки смены времен года и могли предвидеть периодические разливы Нила. Поэтому египтологи установили сотрудничество с астрономами и математиками, вручив им в качестве расчетных материалов папирусные свитки и копии надгробных надписей, содержащие сведения о тех исторических событиях, которые по времени совпадали с определенным расположением звезд или появлением кометы. Обратившись к текстам, ученые смогли вычислить с точностью до четырех лет, что XII из трехсот династий фараонов стала господство-

Статуя фараона Хефрена

Фрагмент. IV династия. XXVII в. до н. э. Каир, Египетский музей

Пирамиды и сфинкс в Гизе

вать с 2000 г. до н.э., а XVIII династия — с 1500 г. до н.э.

Имея эти две исходные даты, историки Древнего Египта уже с большой вероятностью определили даты правления остальных династий, поскольку располагали сохранившимися списками фараонов и сведениями о сроках их царствования. О том, насколько точны были эти расчеты, свидетельствует факт, что даты, установленные астрономами и математиками, в подавляющем большинстве случаев были подтверждены результатами, полученными с помощью метода C^{14} . Совпадение результатов тем более важно, что позволяло внести окончательную ясность в одну весьма спорную проблему.

В свое время бурно дискутировалась проблема так называемой «короткой» или «длинной» хронологии Египта. Вопрос отнюдь не второстепенный, коль скоро речь шла о том, начинается ли история Египта на 1500 лет раньше или позже.

Постараемся максимально сжато изложить чрезвычайно

важную и интересную проблему. Итак, во времена правления II династии египетские жрецы ввели солнечный календарь. Поскольку они делили год на полные 365 дней, между солнечным и календарным годом возникла разница в одну четвертую часть дня. За четыре года расхождение составляло уже полный день, а за 1460 лет — целый год, то есть наступало новое выравнивание календарного года с солнечным годом.

Новый год египтяне начинали с той минуты, когда разлив Нила совпадал по времени с восходом Солнца и звезды Сириус. Астрономы и математики вычислили, что такое явление приходилось на начало календарного года в 4339, 2773 и 1317 гг. до н.э.

Проблема заключалась в том, чтобы выбрать одну из этих трех дат как год возникновения египетского календаря и тем самым определить примерное время царствования II династии фараонов. 1317 год как слишком поздний, естественно, не принимался в расчет, а потому спор ученых велся вокруг первых двух дат, которые представляют упомянутую «длинную» или «короткую» хронологию.

Довольно долго часть египтологов решительно высказывалась за 4339 г. до н.э. Сегодня же, благодаря новым стратиграфическим открытиям в Египте и Месопотамии, достижениям метода C^{14} , эта позиция признана ошибочной. Сегодня бесспорной датой считается 2773 г. до н.э. Исходя из этого факта, египтология пришла к убеждению, что начало царствования I династии фараонов и объединения египетского государства приходится на 2900 г. до н.э.

Другой чрезвычайно любопытный случай плодотворного сотрудничества археологии с астрономией зафиксирован в США. В одной из многочисленных пещер Аризоны был открыт очень оригинальный рисунок древнего индейского художника, нанесенный на скальную породу каким-то острым инструментом. На рисунке изображен серп Луны с прилегающим к нему кольцом. Лунный серп хотя и весьма редко, но все же встречается на старых индейских рисунках, происхождение же кольца не поддавалось никакому объяснению.

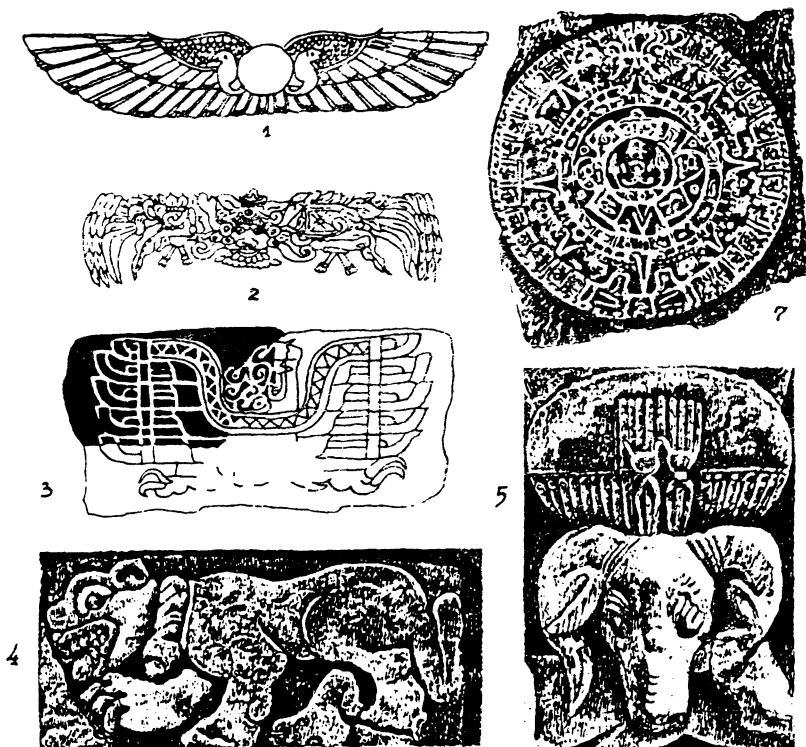
Казалось, будто индейский художник пытался запечатлеть какое-то незаурядное явление, которое он наблюдал на небе. Поэтому открыватели рисунка обратились за помощью к английскому космографу Фреду Койлу, профессору Кембриджского университета. После длительных кропотливых комбинаций и сочетаний англичанин пришел к выводу, что кольцо на удивительном рисунке может означать появление на небе звезды, называемой «сверхновая». Каждые несколько сот лет одна из таких звезд, обычно невидимая, в результате ядерного взрыва чрезвычайно ярко вспыхивает в нашей галактике или в одной из космических туманностей и бывает видна даже при дневном свете.

Об одной такой сверхновой звезде сообщается в хрониках китайских и японских астрономов. Она была замечена точно 4 июля 1054 г. н.э. Есть вероятность, что именно ее наблюдали и арizonские индейцы.

Однако все же оставались кое-какие сомнения. Полностью их разрешить сумел только американский астроном Вальтер Бале, работавший в известной обсерватории в Паломаре. Он рассчитал фазы и положение Луны в момент появления сверхновой звезды и полностью подтвердил предположение Койла. 4 июля 1054 г. н.э. сверхновая озарила небо над Аризоной вблизи от Луны, находившейся тогда в фазе серпа. Так был не только объяснен смысл рисунка древнего индейского художника, но и установлена точная дата его создания.

Есть доля захватывающей романтики в том, что археология в своих целях может использовать даже ядерный взрыв звезды. И эта романтика распространяется не только на далекое прошлое. По сей день астрономы спешат с научной помощью к археологам — разница лишь в том, что сегодня для расчетов они используют мозг электронных машин. Заметим попутно, что кибернетика в археологии — это отдельная интереснейшая тема.

Но вернемся к нашей теме. Так вот, множество глиняных вавилонских табличек содержали не только информацию о различных исторических событиях, но одновременно и сведения о положении Солнца, Луны и других планет в соот-

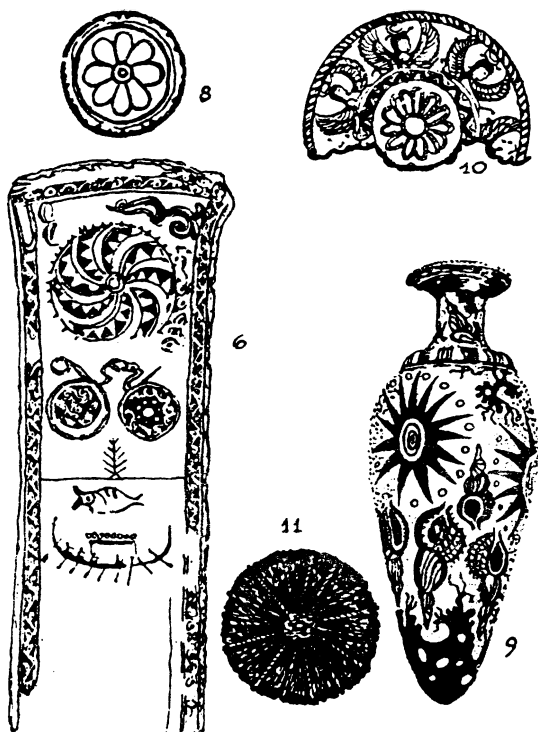

ветствующий этим событиям период. Вполне понятна неоспоримая важность таких табличек для установления хронологии древнего мира. Беда заключается в том, что археологи вынуждены были пересчитывать астрономические данные каждой таблички по отдельности, что было бесконечно нудно и трудоемко.

Поэтому астрономы решили преподнести археологам великолепный подарок в виде таблиц, чрезвычайно облегчивших расчеты. С помощью вычислительных машин астрономы точно рассчитали положение Солнца, Луны и планет в Вавилоне в 7 часов вечера в период от 601 г. до н.э. вплоть до 1 г. н.э. Археологам оставалось только сопоставить информацию, содержащуюся в клинописных табличках, с таблицей астрономов, чтобы мгновенно установить

ЗНАКИ
СОЛНЦА

- 1 — Египет
- 2 — Южная Америка
- 3 — Крылатые
диски (мая)
- 4 — ягуар —
солнечный символ
(Мексика)
- 5 — Амон — бог
Солнца в
образе барана
(Египет)
- 6 — солярные знаки
на камне с
о. Готланд
- 7 — "Камень
Солнца"
(Мексика)
- 8 — знак Солнца
(Бенин,
Африка)
- 9 — финикийская
ваза (Кипр)
- 10 — часть
кносской вазы
- 11 — Pintacderas
гуанчей

дату исследуемого исторического документа. Это прямо-таки бесценная научная помощь. Уже разрабатываются планы составления подобной таблицы и для более отдаленных эпох.

В Польше проблемами установления хронологии с помощью небесных светил занимается выдающийся астроном и исследователь кометы Галлея профессор Михал Каменьски. Астрономы определили годы появления кометы Галлея вплоть до 240 г. до н.э., но именно Каменьски на основе различных дополнительных расчетов и исторических документов установил время ее прохождения с 2320 г. до н.э. до 240 г. до н.э. Тем самым он не только уточнил некоторые исторические даты, но и внес определенные коррективы. Так, например, согласно

Легионеры императора Трояна

зычислениям Каменьского, Троянская война началась в 1163 г. до н.э. и закончилась в 1150 г. до н.э., а не в 1180 г. до н.э., как считалось ранее; Хаммурапи вступил на престол в 1792 г. до н.э.; Авраам родился в 1858 г. до н.э., а разрушение Содома и Гоморры произошло в 1759 г. до н.э.

ВЕКОВЕЧНАЯ ЗАГАДКА АТЛАНТИДЫ

Как, собственно, обстоит дело с Атлантидой? Существовала она или нет? Этим вопросом человечество задается уже двадцать пять столетий. Ученые и псевдоученые ломали копья в жарких спорах, мечтатели грезили о храмах и дворцах из золота и слоновой кости, литераторы посвящали ей стихи, эпические поэмы и фантастические романы, а в последние десятилетия к ней обратились кинематографисты, воссоздавая на экране прекрасную утопию жизни и трагическую гибель легендарного континента.

Атлантида — проблема вечно живая, бессмертная, устойчивая! Проблема, игнорируемая наукой и, однако, имеющая своих упорных, горячих сторонников.

Поэтому спросим в нетерпении: как же, в конце концов, обстоит дело с Атлантидой?

Платон

Платон, размышляющий о бессмертии
перед бюстом Сократа,
черепом, бабочкой и цветком мака
Английская гравюра 1897 года

Во всем виноват Платон

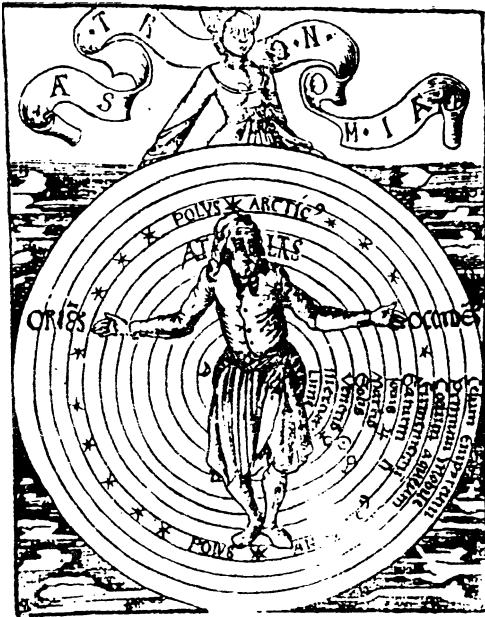
Был 367 год до н.э. В саду афинской Академии в окружении своих учеников прогуливался великий философ Платон. С моря веял теплый влажный ветерок. Под шелест лимонных и апельсиновых листьев велась беседа о Сократе, его мудрости, жизни и смерти в афинской тюрьме. Это была живая и неисчерпаемая тема, ибо великий мыслитель Греции всегда оставался главным героем большинства диалогов Платона.

В ту минуту, когда все общество было занято воспоминаниями о старом Учителе, в аллее появился низкорослый худощавый юноша. Своим обычным приглушенным голосом Платон спросил у пришельца, кто он и зачем пожаловал. Как выяснилось, это был семнадцатилетний Аристотель. Он прибыл из далекой греческой колонии в Тракии. Потеряв родителей, Аристотель испытал нужду и тяжелые превратности судьбы, а сейчас он просил прославленного философа принять его в число учеников. Платон немало удивился, но, приглядевшись повнимательнее к претенденту, выразил согласие. От пронизательного взора ученого не укрылась интеллигентность, озарявшая детское личико. Вскоре Аристотель стал самым способным учеником философа.

С годами выяснилось, что Платон вскормил змею на своей груди. Гениальный молодой человек, необыкновенно блестящий оратор, остроумный, но в то же время фанатик точности и экспериментального подтверждения выдвигаемых научных положений, со все возрастающим скептицизмом отзывался об идеалистической системе своего учителя и в конце концов навсегда разошелся с ним.

Тем временем Платон писал свои наполненные мудростью и благородной поэзией диалоги, в которых превозносил Сократа, любимого учителя. На склоне жизни Платон издал диалоги «Критий» и «Тимей». Именно в них впервые всплыла проблема Атлантиды.

Из уст девяностолетнего старца Критиаса мы узнаем, что великий законодатель Солон (640 — 559 гг. до н. э.) оставил его предку записки о своих путешествиях. Как-то во время пребывания Солона в Египте саисские жрецы поведали ему об Атлантиде, большом континенте, который лежал «по ту сторону Столпов Геракла», то есть в Атлантическом океане между Африкой и Америкой. Якобы за девять столетий до жизни Солона там существовало могущественное царство. Его армия подчинила Атлантиде все средиземноморские страны, за исключением Афин, сумевших защитить себя. Потом Атлантиду поглотило море, и только архипелаг островов остался последним напоминанием об этом континенте.

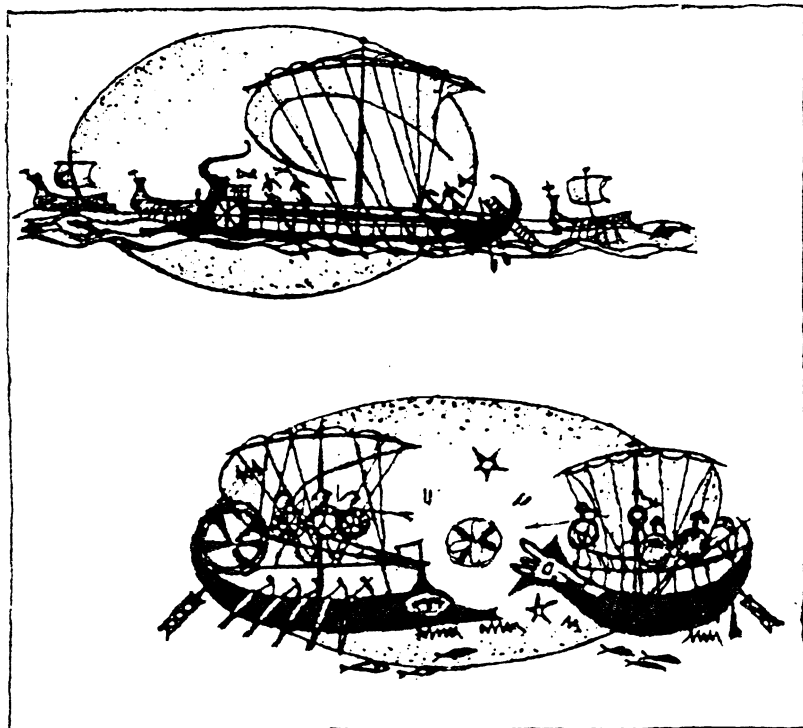

Титан Атлант

Гравюра для книги
"Маргарита
Философика".
Ж. Рейха, издание
1535 г.

**Корабли минойцев
бороздили
Средиземное —
Атлантическое море**

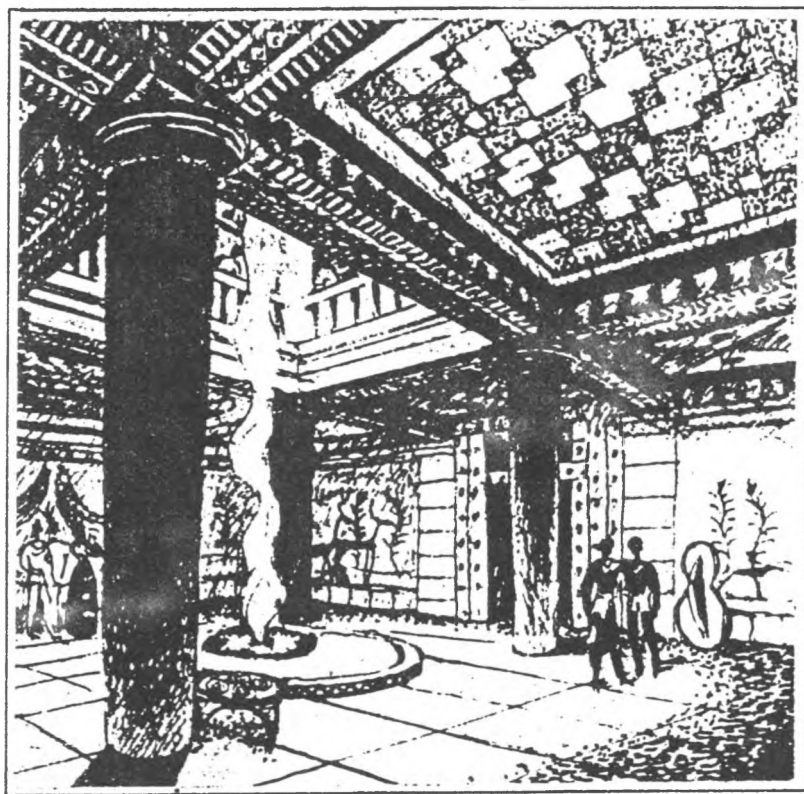
В «Тимее» Платон подробно описывает сказочную жизнь этого государства. Это была страна, где господствовал идеальный аристократический строй и была создана чрезвычайно высокая цивилизация. В лучах солнца блестели золотом покрытый и сверкали слоновой костью купола храмов и башни дворцов. Многочисленными были города Атлантиды. В портах непрерывно мельтешили торговые и военные суда. Земля, покрытая сетью искусственных каналов, давала обильные урожаи плодов, овощей, зерновых. Словом, с любой точки зрения это было счастливое, богатое и совершенное государство, которым управляли царь и каста благородных воителей.

Аристотель — инициатор великого спора

Аристотель, скептик и злока, воспринял красивое повествование об Атлантиде с гримасой недоверия. Абсолютно не считаясь с авторитетом, всеобщим поклонением и чуть ли не обожествлением своего бывшего учителя, он бесцеремонно заявлял, что Платон высосал из пальца историю Атлантиды, чтобы на конкретном примере изложить свою политическую теорию, идеализирующую аристократический строй.

Поклонники Платона встали на его защиту. Спустя восемь лет выдающийся философ Прокл в комментариях к диалогу «Тимей» сообщает, что около 260 г. до н.э., то есть через триста лет после Солона, некий грек по имени Кран-

Аристотель

тор отправился в Саис. Там его внимание привлекла иероглифическая надпись на колонне в храме Неф. По его просьбе один из египетских жрецов перевел текст. К великому удивлению Крантора, оказалось, что текст содержал описание Атлантиды, причем по смыслу совпадавшее с тем, что приводил Платон. Но поскольку до сегодняшнего дня в египетских текстах ни разу не было обнаружено слово «Атлантида», мы с сожалением подозреваем, что Прокл, руководствуясь благими намерениями реабилитировать своего учителя, допустил мистификацию.

Спор продолжается двадцать пять веков

С течением веков возрастал научный авторитет Аристотеля. Для учеников Александрийской школы его воззрения были неоспоримыми, и вполне понятно, что все они отрицательно относились к вопросу о вероятном существовании Атлантиды. Христианство поставило Аристотеля наравне с отцами церкви, и практически каждое его утверждение воспринималось как догмат.

Казалось, что вопрос об Атлантиде раз и навсегда снят. Однако в средние века европейские путешественники узнали о ней от арабских географов, которые читали Платона. Так старый спор возродился вновь. В эпоху Ренессанса хватало как сторонников, так и противников существования Атлантиды. На многих тогдашних географических картах помечался исчезнувший континент, причем располагали его в разных местах известных в те времена морей. Последующие поколения приверженцев существования Атлантиды идентифицировали ее с Америкой, Скандинавией, Канарскими островами и даже с Палестиной. Высказывалось предположение, что индейцы, баски или, к примеру, этруски могли быть потомками атлантов. В XVIII в. по-прежнему всерьез дискутировался вопрос о существовании Атлантиды. Здесь следует добавить, что в нее верили такие мыслители, как Монтень, Бюффон, Вольтер.

Платон и Аристотель

Медный великан Талос, обороняющий о. Крит
Согласно мифу, Талос три раза в день обходил Крит и, когда к острову приближались чужеземцы, бросал в них камни

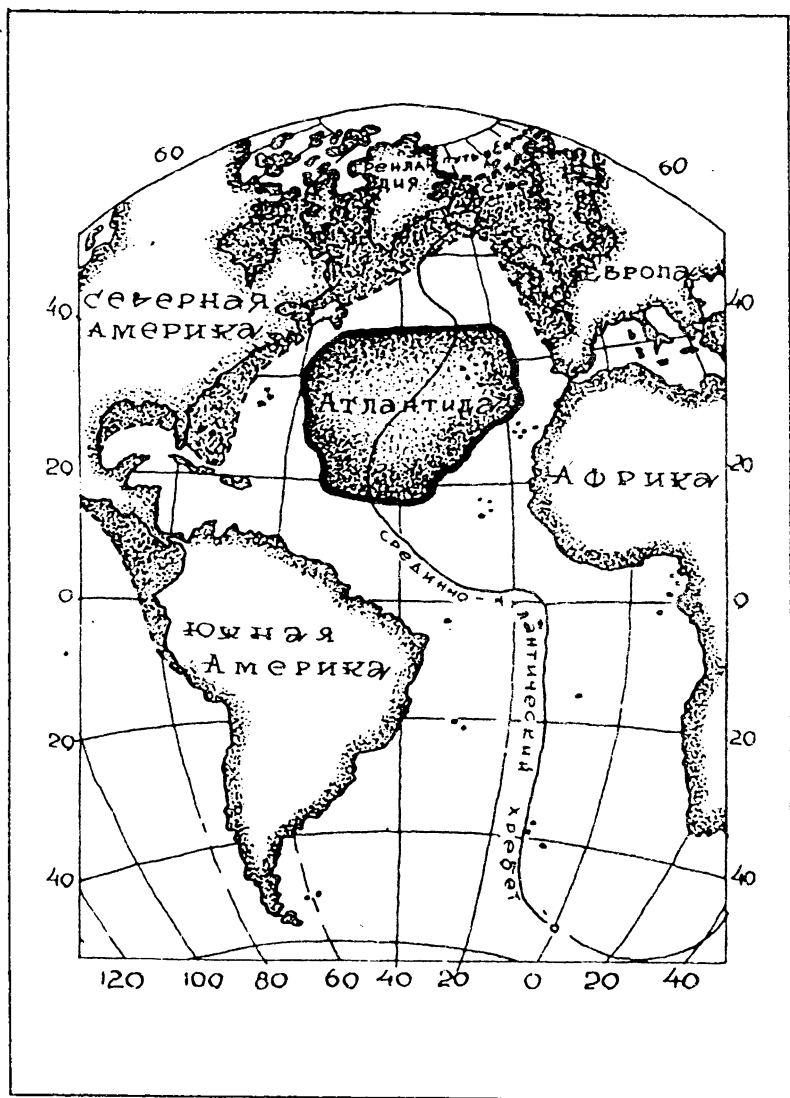
В конце прошлого века, когда возникла мода на спиритизм и оккультизм, в западных странах, особенно в Англии, устраивали сеансы, в ходе которых вошедшие в транс медиумы якобы устанавливали контакт с атлантами. Их устами жители погибшего континента описывали свою родину в ослепительных красках, и воссоздаваемые медиумами картины безудержностью воображения превосходили даже сообщения Платона. В те времена посвященные устанавливали оккультные контакты с населением и другого затонувшего континента — Лемурии. Жители Лемурии и Атлантиды охотно появлялись на сеансах контактеров, были словоохотливы, не скупилась на информацию и потому пользовались огромной популярностью.

Современная наука на службе Атлантиды

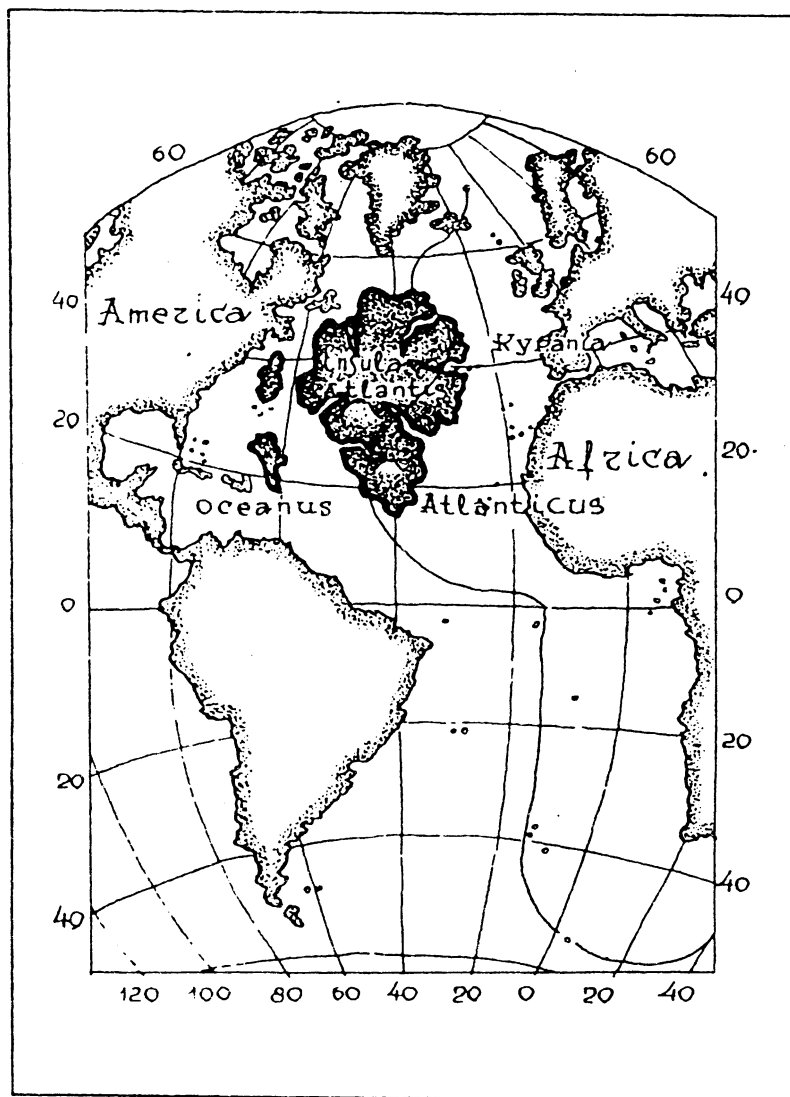
Псевдонаучные сообщения, фантазии и нелепые выдумки наивных энтузиастов серьезно дискредитировали проблему Атлантиды. Ренессанс наступил совсем недавно, когда новое поколение более рассудительных сторонников ее существования решило искать доказательства своей правоты с помощью строго научных аргументов.

Для этой цели были мобилизованы все новейшие открытия и современнейшие методы проведения научных исследований в области археологии, биологии, климатологии, палеографии, геологии, океанографии, этнографии и даже ихтиологии.

Конечно, в узких рамках нашего повествования невозможно даже в общих чертах воссоздать целостность этой аргументации. Для характеристики изложим лишь некоторые ее доводы.

Атлантида по Черчуорду

Атлантида по Кирхеру

Тайна Атлантического океана

Исследования Атлантики с помощью эхозонда принесли сенсационные сведения. Огромный океанический бассейн делится пополам скальным барьером, протянувшимся от Азор до границ Антарктиды. Глубина океана в его западной части достигает 6500 метров, а в восточной — 4500 метров. Сам горный хребет поднимается со дна океана в среднем на высоту 2750 метров и на 3000 метров скрыт под водой. Из этого подводного массива выстреливают вверх горные вершины, высота одной из которых — пик Альто — составляет 6000 метров. Острия вершин выступают из воды, образуя архипелаг Азорских островов. Следует добавить, что эти обрывистые хребты — вулканического происхождения, а некоторые из них и по сей день являются действующими вулканами.

Итак, это массивное плато с горами и четко определенными границами. Может ли оно быть континентом Атлантида, затонувшим в море? Сторонники Платона отвечают утвердительно. В качестве главного аргумента они указывают на тот факт, что подводный материк географически совпадает с выступающими на поверхность океана горными грядами и что именно это место указывал греческий философ. В конце I эпохи четвертичного периода, т.е. примерно в 9000 г. до н.э., имел место какой-то чудовищной силы катаклизм, вследствие которого Атлантида погрузилась под воду на глубину трех тысяч метров. Лишь отдельные самые высокие горные пики выступают над водой. Что могло спровоцировать катастрофу? Небывало мощное землетрясение? Некие изменения в форме земного шара, повлекшие за собой понижение морского дна, удар гигантского планетоида?

Неуместно здесь оценивать подобные объяснения в свете современных научных знаний. Замечу лишь, что, согласно мнению ученых, в четвертичный геологический период на Земле произошли очень небольшие изменения в системе материков и морей. Кроме того, существуют и другие теории, исключаящие возможность существования отдельного кон-

тинента между Европой и Америкой. В частности, океанографические исследования показали, что гигантская атлантическая горная система по своим очертаниям похожа на вытянутую латинскую букву S, напоминающую границы обоих материков, и что к тому же вдоль ее вершин проходит глубокая впадина в земной коре. Если мысленно приблизить Американский континент к континенту Старого Света, их берега практически точно совпали бы. Отсюда некоторые ученые делают вывод, что в результате разрыва земной коры оба континента отделились друг от друга, что подводный горный хребет не является затонувшим континентом, а всего лишь частичным следствием этого геологического события.

Угри не забыли свою родину

На запад и юго-запад от Азор находится огромный плавающий остров, называемый Саргассы или Саргассово море. Оно представляет собой скопление водорослей, образующих как бы океанические джунгли. Именно здесь, в этой необузданной мешанине, рождаются маленькие угорьки. С этой минуты цикл их жизни удивительно необычен. Лишь недавно ихтиологи сумели разгадать их тайну. Миллионы маленьких, прозрачных как стекло угорьков разделяются на две группы: одна плывет на запад, к берегам Америки, вторая — на восток, к Европе. Путешествие длится три года. Европейские мальки плывут по течению Гольфстрим и добираются до берегов Западной Европы. И тогда здесь наступает другой, чрезвычайно своеобразный процесс. Самки угрей, преодолевая немыслимые препятствия, плывут в верховья рек и два года кормятся там, тогда как самцы остаются в море. Откуда столь странная и опасная эскапада? Оказывается, самки могут достичь половой зрелости только в пресной воде. Через два года они возвращаются в море, соединяются с самцами и вместе плывут в Саргассы, где рожают новое поколение. И тогда вновь на-

чинается пятилетний цикл их жизни.

Ихтиологи ломают головы над загадкой столь странного поведения угрей. Почему морские самки созревают для деторождения только в пресной воде? Понятно, что дело здесь в каких-то химических элементах, которых нет в соленой морской воде. Но с какой целью так распорядилась природа? Ведь это противоречит законам сохранения вида. Во время длительного и далекого путешествия бесчисленные миллионы рыбок становятся жертвами хищных рыб и птиц; лишь небольшой их процент в состоянии выполнить свое биологическое предназначение.

Апологеты Платона усматривают в своеобразном поведении угрей еще одно доказательство существования Атлантиды. Проследим за их рассуждениями. Гольфстрим, мощное морское течение, несущее теплую воду, начинается в южной Атлантике и идет до Карибского моря и Мексиканского залива, откуда поворачивает на восток и через район Азорских островов устремляется к берегам Ирландии и Северной Норвегии. Благодаря Гольфстриму, например, на западном берегу Ирландии так тепло, что растут пальмы.

Но трасса Гольфстрима могла сформироваться таким образом только после затопления Атлантиды. Огромный материк преграждал путь течению, что наряду с другими факторами сохраняло холодный климат в тогдашней Европе. Мощная морская река, подталкиваемая ветрами, уперлась в берег Атлантиды и образовала водовороты именно в том месте, где находятся Саргассы. Именно в этой колышущейся кутерьме была родина угрей. Природа, заботясь о сохранении вида, приказала самкам прятаться в реках Атлантиды и с этой целью устроила так, что для полового созревания им необходимы химические элементы пресной воды.

Минойцы владели мастерством плавки металлов. Они оставили многочисленные золотые, серебряные и бронзовые предметы

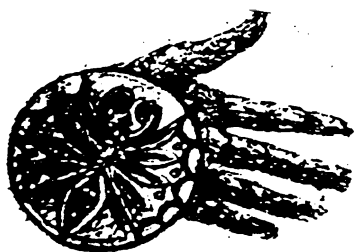
Что же случилось, когда затонула Атлантида? Угри потеряли свою континентальную базу и, ведомые древним инстинктом, пустились в далекое путешествие в поисках других рек. Так они достигли берегов Америки и Европы. Тысячи лет поколения угрей совершают свое таинственное паломничество, чтобы непременно вернуться туда, где на глубине 3000 метров скрыта их старая родина.

О богах, пирамидах и исчезнувших городах

Приверженцы Атлантиды утверждают, что не все жители таинственного царства погибли при катаклизме. Часть сумела спастись и уйти на Американский континент, часть же на судах переправилась в Европу. Эти эмигранты и явились, собственно, родоначальниками творцов великих цивилизаций в Египте, Месопотамии, Мексике, Перу. Что говорит в пользу столь смелого тезиса?

Обращает на себя внимание в первую очередь то, что на обоих континентах у людей есть поразительно идентичные космогонические мифы и легенды, а это якобы может служить свидетельством их общего происхождения, т.е. свидетельством существования Атлантиды. Миф о потопе встречается не только в Палестине, Египте и в месопотамском Шумере, но также у древних индейских племен обеих Америк. В них под различными именами всегда выступает некий Ной или шумерский Ут-Напиштим, который спасается на лодке или в ковчеге. В этих мифах, возможно, сохранилась память о гибели Атлантиды.

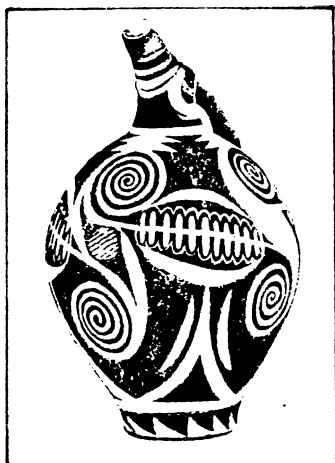
Следующим доказательством могут быть пирамиды. Нужно признать, что пирамиды Египта, Месопотамии и Мексики действительно удивительно схожи. Достаточно взглянуть на реконструкцию пирамиды в Уре и сохранившиеся пирамиды в городах бывших мексиканских майя, чтобы убедиться в этом. Да и древнейшие пирамиды Египта, так называемые ступенчатые пирамиды, по архитектуре весьма близки

**Бляшки такого типа украшали
одежду микенцев**

**Ваза с носиком в стиле
камарес**

Грот Камарес, где имеется
множество полихромной керамики,
был открыт в 1895 году
на склонах горы Ида, Крит

к американским постройкам. Но мы обязаны напомнить, что наука отвергает этот тезис. В развитии культур наблюдаются определенные закономерности, вследствие которых люди из отдаленных частей света могут независимо создать чуть ли не идентичные формы в искусстве и архитектуре.

Более привлекательна мексиканская и перуанская легенда о белом боге. Бородатый бог ацтеков Кетцалькоатль прибыл из «страны восходящего солнца» на парусной лодке и высадился в Юкатане. Он обучил индейцев ремеслам, строительству, земледельческим работам, одарил их законами и религией, заложил могущественное государство, а затем таинственным образом исчез. У перуанцев, хотя они не знали о существовании ацтеков, также был свой белый бог — Виракоча, который прибыл с востока, из-за моря, и потом тайно исчез. Миф об этих богах может быть отражением неожиданного появления в Америке атлантов. При раскопках в Паленке и других городах Мексики обнаружилось, что индейцы знали и почитали знак креста, который является культовым символом также в первобытных европейских культурах.

В пользу существования Атлантиды говорят и руины древних городов в Центральной Америке и перуанских Андах. Пирамида Чучулько (в южной оконечности города Мехико) вместе с расположенным около нее поселением была унич-

Пирамида Хеопса (Хуфу)
Третье тысячелетие до н. э.

**Изображение типичной
центральноамериканской
пирамиды с храмом
наверху**
(Тикаль, Гватемала,
культура майя,
700 год до н. э.).

тожена извержением вулкана. Исследования окаменевшей лавы позволяют геологам утверждать, что возраст пирамиды не менее 8000 лет. В 1913 г. в мексиканском штате Оахака были открыты руины огромного города, также разрушенного извержением вулкана. Город располагался на возвышенности Монте-Альбан. В нем были великолепные храмы, украшенные колоннами, дворцы и другие каменные постройки. Ученые подсчитали, что этот таинственный город погиб в 2000 г. до н. э. На одном из барельефов археологи, к своему удивлению, увидели изображение слона. Поскольку известно, что слоны вымерли в Америке десять тысяч лет назад, можно представить, сколь безмерно стары эти руины.

В неприступных перуанских Андах на высоте почти четыре тысячи метров над уровнем моря лежат гигантские развалины Тиауанако, столицы народа, возникновение, история и исчезновение которого до сих пор остаются неразрешимой загадкой. Этот народ появился внезапно, как бы с другой планеты, и сгинул бесследно в сумраке минувших эпох. Руины города занимают площадь два квадратных километра и представляют собою каменные блоки, которые, казалось бы, под силу передвинуть только великанам. Над развалинами города возвышается высокая пирамида с усеченной верхушкой, где находятся цистерны для сбора дождевой воды.

Строители этих городов по уровню развития стояли гораздо выше, чем позднее появившиеся индейцы. Откуда они пришли и что вызвало гибель их цивилизации? Наука пока еще не дала окончательного ответа на этот вопрос, но сторонники платоновского сообщения решительно утверждают, что это были переселенцы из затонувшей Атлантиды.

Атланты в джунглях Бразилии

Совершенно иной путь в поисках следов Атлантиды избрал французский ученый Марсель Гоме, профессор восточных языков университета в Алжире, археолог и путешественник. В один прекрасный день он покончил с устояв-

шимся образом жизни и вместе с женой отправился в джунгли Бразилии на поиски Атлантиды. Он прожил в джунглях пятнадцать лет, проник в самые опасные закоулки дремучих чащоб. Там, в непроходимом переплетении тропических растений, он открыл гигантские руины храмов и гробниц, надписи и рисунки на камнях.

Прежде всего его поразило то, что рисунки настолько разительно напоминали наскальную живопись кроманьонцев в пещерах Франции и Испании, что казались абсолютно идентичными. Особенно поразительным сходством обладают изображения обычного человека или шамана, одетого в кожу и украшенного ветвистыми рогами оленя. Нанесенные на стены знаки удивительно напоминают старокельтские надписи, найденные в Европе. В одном месте Гомер даже наклонился на мегалитические надгробия, подобные дольменам в Палестине и Европе.

Эти открытия позволили французскому ученому сделать следующее заключение. Когда-то Европу населяли неандертальцы. Они не были прямыми предками современного человека. В некий отрезок времени четвертичного периода вдруг появился кроманьонец — наш непосредственный предшественник. Он обладал уже достаточно развитым интеллектом, создал некий религиозный культ и был автором совершенных наскальных рисунков.

Откуда пришел кроманьонец? Его костные останки обнаружены главным образом в западной части Европы. Французский ученый утверждал, что кроманьонец не мог прибыть с востока или с севера, поскольку путь ему преграждали бескрайние топи и ледники. К тому же раскопки говорят о том, что он двигался с запада, следовательно, от Атлантики. Таким образом, кроманьонец — это древний житель Атлантиды. Одна группа, спасаясь в момент гибели материка, дошла до Бразилии и постепенно распространилась по всему американскому континенту; другая же группа освоила Европу. Поскольку именно кроманьонец является предком современного гомо сапиенс, из этого следовало бы сделать вывод, что все мы — потомки атлантов.

Уже просто перечисляя главные аргументы в пользу существования Атлантиды, я несколько раз выражал свой

скептицизм и предупреждал, что всю конструкцию доказательств следует принимать с пресловутой ложкой дегтя. Утопия о великой цивилизации, погрузившейся в океан, потрясает воображение и потому легко сбивает с истинного пути. Безусловно, факты, приводимые в ее пользу, заставляют задуматься, но очень часто из них делают откровенно спекулятивные выводы. Покажем на примере: да, действительно, есть горный хребет на дне Атлантики, но нет никаких доказательств, что некогда здесь был материк, затонувший в результате какого-то стихийного бедствия. Это всего лишь домыслы неистовых поборников платоновского сообщения о погибшем континенте. Подобных слабых звеньев в цепи аргументов и доказательств столь много, что одному лишь их перечню можно посвятить целый раздел. Сказанное распространяется также и на теорию об угрях, равно как и на совпадения в материальной культуре древних людей. Пирамиды, культовые символы и мифы могли возникнуть в разных частях земного шара независимо друг от друга, ибо природа человеческая — одна, хотя географические и общественные условия могли быть разными. Марсель Гоме нашел, например, в Бразилии фигурку богини плодородия, своими пышными формами потрясающе напоминающую статуэтки, обнаруженные во Франции, Палестине, Финикии и Месопотамии, и на этой основе, в частности, построил теорию об атлантах как наших предках. Но мы понимаем, что культ богини плодородия, Матери-Земли у земледельческих племен на стадии матриархата является совершенно естественным и психологически объяснимым.

Итак, если бы меня спросили, что я думаю об Атлантиде, я ответил бы так: внимательное, вдумчивое чтение несомненно интересных трактатов о легендарном континенте — это отличное интеллектуальное развлечение. Но не будем терять почву под ногами — давайте больше доверять науке, которая все еще ставит вопросительный знак в проблеме существования Атлантиды.

КАК БУХГАЛТЕР УПОРЯДОЧИЛ ИСТОРИЮ

Есть истины, которые от частого повторения до такой степени становятся обыденностью, что никому не приходит в голову задуматься над их возникновением. В беседах ими пользуются как математическими символами, не думая, о сущностном смысле и генезисе. А ведь такие истины, прежде чем стать аксиомами, прожили бурную молодость, своим новаторством вызывая энтузиазм у одних и ненависть и отрицание у других. В каждой из них запечатлены драматические, подчас очень своеобразные извивы человеческих судеб, ума, жаждавшего знаний человека-открывателя, боровшегося за признание своего научного завоевания, часто одновременно героя и мученика в борьбе с апатичным мнением современников.

Каждый школьник знает, что историю материальной культуры человечества мы делим на три основополагающие стадии развития: каменную эпоху, бронзовую и железную. Наши примитивные предшественники имели под рукой камень в неограниченном количестве. Поэтому они использовали его в качестве сырья для орудий и с течением веков достигли такого совершенства, что топорики или ножи, серпы и наконечники стрел эпохи неолита доставляют нам сегодня эстетическое удовольствие благодаря изумительным фор-

мам и отполированной поверхности. Только значительно позднее, причем очень медленно, постепенно, камень стал уступать место изделиям из меди, затем из бронзы, пока, наконец, в результате переселения народов в мире не распространилось искусство плавки железа, зародившееся в XIV в. до н.э. где-то в горах Армении. Это нам известно более или менее точно, но отдает ли кто-либо себе отчет в том, насколько молодо это знание?

Еще в конце XVIII века учебником по древней истории для подавляющей части европейцев была Библия; по их убеждению, мир вел свое начало от Адама и Евы. Ирландский архиепископ Ашер в 1636 г., опираясь на библейские тексты, заявил, что мир был сотворен точно в 4004 г. до н.э. Из-за этого в течение почти двух столетий ханжи Ирландии и Англии считали сомнения в правильности расчетов архиепископа ересью.

Столь трудно объяснимое невежество рикошетом отразилось и на археологии. Правда, в XVIII в. не было пылких коллекционеров, посвятивших себя археологическим раскопкам. В музеях для публичного обозрения выставлялись коллекции найденных в земле каменных орудий, керамики, металлического оружия. Однако все эти находки трактовались как диковинки, не имеющие научного значения. Прочитать по ним историю цивилизации не могли. Считалось, в частности, что эти вещи, независимо от того, из какого материала они сделаны, относятся к одной, точно неопределимой эпохе, то есть к ним относились просто как к прошлому. Никому не приходило в голову, что найденные предметы могут представлять определенные стадии развития материальной культуры человека на протяжении многих тысячелетий.

Правда, человеческую цивилизацию делили на несколько эпох. В соответствии с поэтической концепцией Гесиода считалось, что сначала человечество прошло через эпоху золота, потом серебра и наконец — железа. Первоначально наши предки как бы купались в золоте и достатке, но постепенно очередные поколения деградировали и беднели, пока в конце концов у них не осталось ничего, кроме железа. Апология прошлого в таком толковании не стала анахронизмом и в начале XIX в.

Но в конце XVIII в. родился человек, который совершенно случайно победил этот предрассудок. Им был датчанин Христиан Томсен, сын богатого торговца и судовладельца из Копенгагена. Как и пристало отпрыску старой купеческой династии, он с юных лет готовился занять место отца в семейных торговых предприятиях. Изучал бухгалтерию и языки, вникал в тайны биржи и фрахтовал торговые суда.

И, безусловно, прожил бы жизнь, как и другие копенгагенские торговцы, в кругу монотонных обязанностей отца семейства, патриция города и судовладельца, если бы не случилась революция во Франции. В Копенгаген из Парижа возвратился датский консул, и Томсен, подружившись с ним, помогал ему распаковывать вещи. Консул был заядлым коллекционером произведений искусства, и особенно картин. Помимо многих ценных вещей он обладал и великолепной нумизматической коллекцией. Его сокровища произвели глубокое впечатление на молодого ученика-судовладельца, и с этой минуты Томсен превратился в страстного собирателя, тем более что, по воле случая, вполне мог позволить себе такую прихоть.

Во время наполеоновских войн Копенгаген был обстрелян английским флотом под командованием адмирала Нельсона. В городе пылали пожары. С угрозой для жизни Томсен спасал городские коллекции искусства и свои собственные собрания. Он разместил их в подвалах датского Национального музея и однажды познакомился с его директором, Ниерупом, поклонником национальных древностей. После заключения мира Ниеруп обратился к общественности с призывом присылать в музей ископаемые находки. Результат превзошел все ожидания. За небольшой промежуток времени помещения музея по самую крышу оказались забитыми присланными находками и диковинками. Они лежали там годами, поскольку Ниеруп был слишком стар и болен, чтобы их каталогизировать. По этой причине он подвергся резкой критике и подал в отставку. Заботы о коллекции доверили Христиану Томсену.

Молодой энтузиаст взялся за работу с тщательностью кладовщика, привыкшего оперировать четко определенными товарами. Он разложил все поступления на деревянных

полках, а потом попытался их как-то систематизировать, пользуясь техникой, принятой в портовых складах.

Прежде всего он отобрал все предметы в зависимости от материала — каменные, бронзовые, железные. Затем внутри каждой группы по отдельности разложил посуду, оружие, инструменты, украшения, предметы религиозного культа.

Часами Томсен рассматривал свои сокровища, и постепенно что-то прояснялось у него в голове. Исходя из различий в форме, обработке материала и узорах орнамента, он пришел к убеждению, что изделия из камня хронологически гораздо старше предметов из бронзы, а те, в свою очередь, старше находок из железа. Отсюда он сделал вывод, что историю цивилизации следует разделить на три эпохи: каменную, бронзовую, железную.

Свою трехступенчатую теорию он отстаивал с запалом прозелита. Писал статьи и заваливал письмами европейских ученых, но столкнулся с оппозицией и издевками. Особенно преуспели в этом плане немецкие ученые. Они не могли смириться с тем, что их осмелился поучать судовладелец, дилетант. Да и в самой Дании у Томсена не было недостатка в противниках. Они настаивали на том, что различия в материале следует объяснять экономическими условиями разных общественных классов, что в одно и то же время бедные изготавливали для себя посуду и орудия из камня, а зажиточные использовали в этих целях бронзу и железо.

Миновали годы, прежде чем наука признала деление истории на три эпохи. Но Томсен был уже озлобленным старцем, мучеником научной истины, которому победа улыбнулась слишком поздно — в конце длинной, восьмидесятишестилетней жизни. Кажется странным, что истина, столь очевидная для нас, потребовала столько лет борьбы со слепотой тех, кто носил почетное звание ученых.

По прошествии времени открытие Томсена было, естественно, углублено и детально разработано. Так, каменная эпоха делится ныне на палеолит, мезолит и неолит, а каждый из них, в свою очередь, на поздний, средний и новый. Мы также знаем, что отдельные эпохи в разных странах могут приходиться на абсолютно разные годы и

что, имея гибкие границы, они во времени могут налагаться одна на другую. В принципе ничто не изменилось в теории, создателем которой был скромный судовладелец из Копенгагена.

Но, как и во многих других случаях, и здесь не обошлось без исключения. Ученые допускают, что японцы от тунгусских племен научились сначала искусству плавки железа и только позже, под влиянием Китая, стали пользоваться бронзой.

ФАЛЬСИФИКАЦИИ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ПРОИСТЕКАЕТ

В конце XVIII в. в некоторых европейских странах были найдены костные останки человека. В самом факте не было ничего особенно удивительного; потрясение же вызвало то, что они были обнаружены в том же самом слое земли, что и останки таких давным-давно вымерших животных, как, например, мамонты и носороги. Это неоспоримо свидетельствовало о том, что человек — гораздо более древняя сущность, чем считали богословы-схоласты, толкователи Ветхого завета. Несмотря на найденные доказательства, потребовалось почти сто лет, чтобы преодолеть сопротивление различного толка фидеистов, яростно выступавших в защиту веры. Гротескной разновидностью такой оппозиции являлся профессор естественных наук Вюрцбургского университета, доктор Берингер. Когда в предместье города были выкопаны останки допотопных животных, он заявил во всеуслышанье, что такие животные никогда не существовали, что кости подделал сам Бог, дабы подвергнуть испытанию веру людей в Ветхий завет. Когда в 1859 г. Дарвин опубликовал свою теорию эволюции в книге «Происхождение видов путем естественного отбора», в Великобритании поднялась волна протестов, и гениальный ученый долгие годы действовал как красная

тряпка на ханжей и святош Европы и Америки. Но нелегко думать, что в наш век невежество и тупость вновь активно поднимут голову. В 1925 году власти города Дейтон в штате Теннесси в США арестовали и привлекли к судебной ответственности молодого учителя только за то, что он излагал в школе теорию Дарвина.

Нам интересно то, что революционная теория о глубокой древности человеческого вида имела своего героического пионера, о котором, к сожалению, мало кто знает. Им был француз Жак Буше де Перте. Он родился в 1788 г. в Арденнах, в аристократической семье, которая каким-то чудом избежала гильотины Робеспьера. 1825 год застает де Перте в Абвиле, где он унаследовал от отца пост директора тамошнего таможенного управления.

Было ему уже 38 лет, и казалось, что таможенные проблемы до конца жизни станут единственной сферой его интересов. Даже внешне он имел все признаки типичного французского бюрократа. Жак был высок и худощав, носил бакенбарды и отличался размеренным и строгим образом жизни.

Но в 1826 году начальника таможни из Абвиля коснулось крыло романтизма. В шахте, в которой добывали гравий, нашли несколько ножей и топориков, вытесанных из кремния примитивным способом. Они лежали в слое земли, который, по мнению местных ученых, относился к периоду «до потопа». Эта минута изменила Жака. Зараженный бациллой археологических раскопок, де Перте прочесывал окрестности города, рылся в песчаных насыпях и благоговейно собирал найденные каменные предметы.

Добропорядочные обыватели Абвиля, и особенно коллеги из государственных учреждений, шептались друг другу, что у Буше де Перте «не все дома». К тому же, в довершение зла, энтузиаст археологии эксцентрично заявлял, что необходимо признать за женщинами все гражданские права, бороться за мир во всем мире, повышать жизненный уровень трудящихся.

Найденные им каменные орудия отличались одной особенностью, которая была их слабой стороной, — они были столь примитивно обработаны, что лишь с большим трудом в них можно было признать творение рук челове-

ческих. Поэтому не для всех они были убедительным доказательством существования человека в древние времена. Только в 1832 году Жак выкопал топорик четкой формы. У топорика было тщательно отполированное острие и искусно округленная рукоятка, которая удобно размещалась в ладони.

В 1847 году Буше де Перте написал трехтомный труд, в котором, основываясь на коллекциях из своих раскопок, обосновал вывод, что человеческий род имеет не поддающуюся исчислению тысячелетнюю историю. В то время получила известность теория Томсена о трех этапах в развитии материальной культуры человека. Труд де Перте в целом был встречен благосклонно, и даже самые резкие противники его уже не могли отрицать, что человек гораздо старше, чем утверждают наивные интерпретаторы Ветхого завета. Поэтому воззрения французского исследователя не вызвали резкого осуждения.

Но за исключением самой Франции. Археолог-энтузиаст на собственной шкуре прочувствовал старую истину, что никто не может быть пророком в своем отечестве. В одном из писем он с горечью сообщает: «По отношению ко мне они пользовались гораздо более сильным оружием, нежели протест, критика, сатира, преследование. Они выказали полное пренебрежение. Не оспаривали приведенные мною доказательства, не дали себе труда опровергнуть их. Они просто не замечали их и обошли молчанием».

Но один из французских ученых, доктор Риголле, решил победить дерзкого новатора его же собственным оружием. С этой целью он сам занялся археологическими раскопками, чтобы с помощью собственноручно добытых находок доказать беспочвенность теории о древности рода человеческого. Однако по мере того, как у Риголле накапливались каменные топоры, ножи из кремния и другие подобные вещи, он пришел к выводу, что Буше де Перте прав и что им было сделано эпохальное открытие.

В 1854 году доктор Риголле выступил с сообщением, в котором решительно встал на сторону своего бывшего оппонента. Перте было уже 66 лет, из них последние 15 лет он преодолевал безумное сопротивление французских ученых. Венцом победы было выступление Британского науч-

ного общества, которое в 1859 году публично признало выдвинутый де Перте тезис научным.

Но блистательный первооткрыватель, несмотря на преклонный возраст, не почил на лаврах. Раньше он выкапывал только изделия из камня, теперь же решил найти останки первобытного человека, создавшего эти вещи. Только в этом случае, считал он, его теория станет неоспоримой.

Перте вел раскопки в разных уровнях культурных слоев и обещал большую награду тем рабочим, которые в гравийных шахтах найдут останки человека. В 1863 году один из рабочих принес часть человеческой кости. Внешне она производила впечатление чрезвычайно древней. Понятно, что радость Перте была безгранична. Наконец-то он держал в руках свидетельство существования творца тех каменных предметов повседневного пользования, которые так его интриговали.

Но один из английских археологов, принадлежавший к молодому поколению, был настроен более скептически, чем его старший собрат из Франции. Он втайне обследовал то место, где были обнаружены кости, и едва не разразился грандиозный скандал, ибо выяснилось, что рабочие, желая получить премию, подбросили не только человеческие кости. Они давным-давно вводили в заблуждение Буше де Перте многими другими мистификациями.

Авторитет археолога оказался серьезно подорванным; как принято в таких случаях, нашлись завистники и недоброжелатели, которые воспользовались этим моментом, чтобы осмеять де Перте. К счастью, их триумф не был длительным. Все быстро осознали, что Жак пал жертвой человеческой жадности, и если его можно в чем-то обвинить, так только в легковерии. В целом же этот инцидент ни в малейшей степени не подрывал его научный тезис, основанный на материале ранее проведенных раскопок, подлинность которых не подлежала сомнению.

Но для самого де Перте случившееся оказалось слишком серьезным потрясением. Униженный, разочарованный, утративший интерес к дальнейшим поискам, он был духовно сломлен и в старости стал нелюдимом. Открытие костных останков первобытных людей выпало его более удачливым последователям.

Если мы осознаем, какой огромный прогресс совершила наука о происхождении человека, трудно освоиться с мыслью, что менее ста лет назад такие пионеры, как Жак Буше де Перте, были вынуждены бороться с наивными убеждениями, будто Библия является альфой и омегой любого знания о человеке. Это нас удивляет, но одновременно придает оптимизм. Ибо если современная наука, так недавно вышедшая из зачаточного состояния, уже сделала столь гигантский прогресс, то каких же блестящих открытий мы можем ждать от нее в ближайшем будущем!

ПОСЛЕДНИЙ РЕДУТ НЕАНДЕРТАЛЬЦА

Приблизительно 150 тысяч лет тому назад Европу, Африку и Азию населяла первобытная раса людей. Ученые называют их неандертальцами, по названию долины реки Неандер в Германии, где впервые были обнаружены их ископаемые останки. Неандерталец не был прямым предком современного человека. Его грубокостный череп с приплюснутым лбом и выступающим полукружьем над глазами, мощная, выдвинутая вперед нижняя челюсть и крошечный подбородок делали его похожим скорее на гориллу. К тому же он был низкорослым и коренастым, а туловище, покрытое густым волосяным покровом, слегка наклонял вперед.

Но, несмотря ни на что, он был уже человеком; бесчисленные века медленной и непрекращающейся эволюции намного отделили его от остальных млекопитающих. Большой, очень выпуклый череп, обнаруженный в Неандере, свидетельствует, что он обладал огромной мозговой массой — большей, чем мозг современного человека. Правда, это был еще несовершенный и плохо настроенный инструмент, нацеленный главным образом на борьбу за существование в окружающих его суровых условиях. И тем не менее свершения, сделанные неандертальцем, можно назвать пе-

реломными в биологическом развитии жизни. Ведь он научился одеваться в шкуры пойманных им животных, разжигал огонь и готовил себе пищу, а на охоте пользовался дротиком, каменной палкой и рогатиной. Кроме того, в местах его бытования найдены грубо вытесанные орудия для самых необходимых повседневных работ. Больше того — он хоронил своих умерших и клал им в могилу разные предметы, что позволяет предположить, что у него зарождалась вера в загробную жизнь.

Таким быстрым биологическим продвижением неандерталец обязан главным образом благоприятному климату. В те бесконечно далекие времена Европа оказалась почти что субтропической зоной. Среди буйной растительности все кишело дичью, являющейся для неандертальца обильной пищей. В лесах, полных урочищ и болот, кормились слоны, носороги и различные виды диких котов, а на открытых равнинах паслись бесчисленные стада антилоп.

Лед покрывает Европу

Но это была высшая точка развития, которой неандерталец достиг за многие тысячелетия своего существования. Дальнейшее его развитие затормозили ухудшавшиеся климатические условия. Медленно, незаметно приближалось четвертое оледенение. Солнце как бы меркло, из северных районов на Европу двигались гигантские ледники, которые смазывали с лица Европы все живое и неживое и в конце концов сковали огромные просторы единым беспредельным покровом ледяной глазури.

За 50 или 40 тысяч лет до нашей эры Европейский континент стал мрачным краем. Солнце, низко проходящее над горизонтом, посылало остывшие лучи и почти не грело; по безоглядным просторам гуляли колючие вихри, в морозной глуши раздавался только глухой треск раскалывающегося льда. Жизнь как бы полностью умерла.

1

2

3

4

1. Питекантроп (реконструкция). **2. Синантроп** (реконструкция)
3. Неандерталец (реконструкция)
4. Кроманьонец (реконструкция)

И однако неандерталец, оснащенный лучшим мозгом, чем другие млекопитающие, стойко боролся за выживание. Он укрывался в пещерах, где, скрючившись около огня, согревал окоченевшие конечности, и, закутанный в меха, только тогда решался на вылазки, когда голод вынуждал его отправиться на поиски дичи, ставшей редкостью. Именно то обстоятельство, что неандертальцы искали убежища в пещерах, помогло обнаружить ископаемые их останки, основываясь на которых мы можем воссоздать их внешний облик и образ жизни. Ведь под коркой ледников кости первобытного человека подверглись разрушению, но все-таки под наслоениями земли и пепла частично законсервировались.

Мороз становился все более жестоким, животные вымирали, и несчастные неандертальцы гибли как мухи. Их становилось все меньше; малочисленные группы с трудом обеспечивали себе существование в отдаленных друг от друга горных пещерах. Но ничтожные их остатки сумели все же пережить эту страшную геологическую эру. Одни, очевидно, перекочевали в Азию, в первую же очередь — в Африку, которая в те времена была связана с Европой двумя ледовыми платформами. Что же касается тех, кто остался в Европе, то бытует мнение, что они выжили за счет самых слабых собратьев по несчастью, то есть сохранили себе жизнь, прибегнув к людоедству.

На сцене кроманьонец

Прошли тысячелетия, и облик Европы вновь изменился. По причинам, до сих пор не выясненным, ледники начали отступать и таять. Солнце пригревало, под влиянием все более теплеющих воздушных потоков температура повышалась. Пейзаж Европы напоминал Лапландию. На месте прежних ледников возникали болотистая тундра с кустарником и деревьями, озера, поросшие камышами, перелески. Вслед за отступающим льдом шли

животные совершенно иного вида: волосатый носорог, мамонт, тур, зубр, овцебык, пещерный медведь, полярная лиса, россомаха. Шли бесчисленные табуны диких лошадей, похожих на сибирских коней, и было так много северных оленей, что ученые называют этот период «эпохой северного оленя».

Неандертальцы, сумевшие успешно пережить все муки ледового ада, постепенно оправались и стали заселять Европу. И вдруг однажды все прервалось. По причине какого-то таинственного катаклизма с поверхности Земли исчезла человеческая раса, которая победоносно пережила тягчайшее испытание в борьбе за свое выживание.

В Европе появился человек совершенно иного вида. Наука дала ему имя «кроманьонец» — по названию французской деревушки, где были раскопаны его костные останки. Кроманьонец — это наш прямой родоначальник. Конфигурация черепа и скелета, распрямленная спина и в первую очередь более сложный мозг и, соответственно, более развитый интеллект обеспечивали ему больше шансов в борьбе с природой. Сделанные им орудия искуснее обработаны и удобны в применении. Достойные восхищения наскальные рисунки в пещерах Франции и Испании говорят нам о его развитом творческом инстинкте. Кроме того, по некоторым признакам можно предположить, что кроманьонец отправлял некий религиозный культ, сопровождая его ритуальным танцем и магическими действиями, связанными главным образом с охотой.

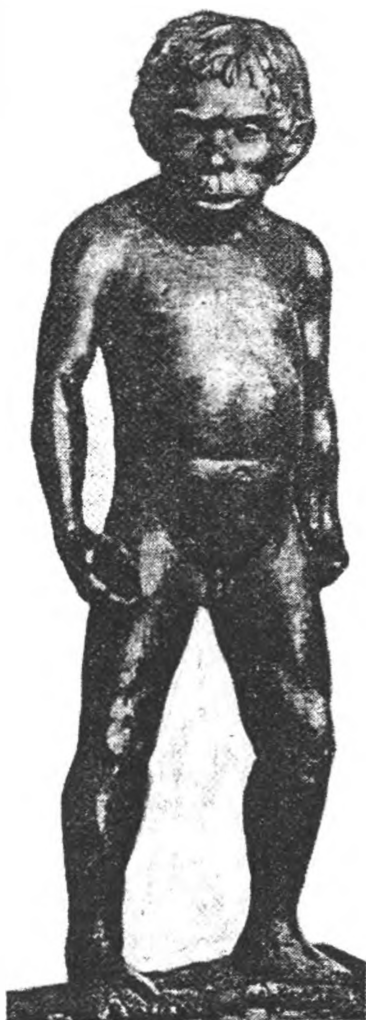
Как видим, его ум не был направлен исключительно на выживание, он делал первые попытки прорыва в просторы абстрактного мышления, что следует считать огромным скачком вперед в духовном развитии человечества. Поэтому наука увенчала его именем «современный ископаемый человек» и занесла в ряды гомо сапиенс, к которым относимся и мы.

Находки позволяют считать, что человек из Кро-Маньона какое-то время жил одновременно с коренным населением Европы. И, безусловно, в этом обстоятельстве следует искать загадочную причину внезапного исчезновения неандертальца.

Свидетель потопа — пещера Шанидар (на севере Ирака)

Относительно последнего тезиса существуют две гипотезы. Согласно первой, неандерталец растворился в кроманьонской расе путем скрещивания. Однако современная наука оспаривает эту точку зрения. Даже оставив в стороне то обстоятельство, что нет подтверждений какого бы то ни было генетического наследия неандертальца в антропологическом виде гомо сапиенс, сомнительно, чтобы кроманьонец захотел породниться с существом, похожим на гориллу. Безусловно, он испытывал к нему отвращение и воспринимал как и остальных животных новой страны.

Неандертальский мальчик
из пещеры Тешик-Гаш

Реконструкция
М. М. Герасимова

Погребение юноши-неандертальца в пещере Ле-Мустье
Рисунок-реконструкция З. Буриана

Тайна пещеры Шанидар

Итак, остается вторая версия. Кроманьонец вытеснял неандертальца с территорий, богатых дичью, и, загнав его в самые отдаленные горные отроги, обрек на голодное вымирание. Примитивный человек оказался вынужден уступить место более современному изданию человеческого рода.

До сих пор слабой стороной этой гипотезы было отсутствие какого-либо ископаемого следа. Не перехвачено звено, соединяющее две эры в праистории человека. И лишь совсем недавно был обнаружен след, ставший поразительным поворотом. Этим сенсационным открытием мы обязаны американскому ученому, поляку по происхождению, выдающемуся антропологу Колумбийского университета в Нью-Йорке, доктору Ральфу Солецкому.

Совершая свое очередное научное путешествие, Солецки заинтересовался большой пещерой Шанидар, которая находится в диких горах Ирака. Ею в своих целях часто пользовались курдские пастухи. Пещера удачно расположена — вблизи от редких здесь источников воды. Глиняный пол пещеры на несколько метров засыпан утрамбованным слоем пепла, щебня и различных отходов, накопившихся за бесчисленное количество веков. Солецки пришел к выводу, что в незапамятные времена пещера могла служить убежищем для людей.

В 1956 году в пещере начались систематические раскопки. Разведочная траншея, прорытая в грунте, подтвердила его предположения целиком и полностью. Даже превзошла все ожидания, так как оказалось, что не менее чем 150 тысяч лет назад в пещере, несомненно, обитали люди. Четко различались пять культурных наслоений, которые отличались друг от друга цветом. Последовательно они относились ко все более молодым эпохам, а именно: приблизительно 65 тысяч лет, 45 тысяч лет, 34 тысячи лет и 7 тысяч лет до нашей эры. Возраст обнаруженных в отдельных слоях костных останков определялся с помощью радиоактивного метода C^{14} .

Последний шанс вымирающей расы

В археологии открытие Солецкого стало уникальным. Пещера Шанидар являет собой как бы экран, на котором можно увидеть тысячелетнюю историю человека. В кучах щебня и оставшейся золы от костров было найдено сразу три скелета неандертальцев. Первый из них жил приблизительно 45 тысяч лет назад, второй — 65 тысяч лет. В слое, возраст которого ученые отнесли к 70-й тысяче лет до н.э., был обнаружен скелет ребенка.

Удалось выяснить кое-какие подробности о втором неандертальце. У него от рождения было деформировано левое плечо, он сам либо кто-то из соплеменников отсек ему кремниевым ножом недоразвитую конечность, которая ему мешала. Поскольку он был калекой, его оставляли в пещере заниматься хозяйственными делами. Однажды, когда он в одиночестве сидел подле огня, окрестности содрогнулись от сильного землетрясения. В панике наш одорукий неандерталец прижался к стене пещеры, где его и погребла под собой обрушившаяся сверху часть свода.

Но особенно любопытен скелет, датированный 45 тысячелетием до н.э. Солецки установил, что при жизни неандерталец получил увечье. Удар был нанесен, несомненно, копьем с деревянным острием. Итак, он был павшим в бою воином.

В 1960 г. дальнейшие работы в пещере принесли новые, еще более сенсационные открытия. Были найдены не только еще три скелета неандертальцев, но и 26 скелетов кроманьонцев, живших в 8 тысячелетии до н.э. Это были скелеты наших прямых предков. Лежавшие поодаль каменные топоры, украшения из резной кости и рогов, отходы съеденных животных говорят нам, что этот ископаемый разумный человек занимался преимущественно разведением коз, а охотился лишь по случаю.

Поблизости от пещеры Шанидар были обнаружены руины поселения — одного из древнейших в истории человечества наряду с палестинским Иерихоном. Поселение датиру-

ется 8 тысячелетием до н.э. — значит, оно, несомненно, было основано кроманьонцами.

Возможно, ее населяли те же самые люди, костные останки которых были найдены в пещере. Так, благодаря открытию Солецкого, наука восполнила пробел, существовавший на стыке двух человеческих рас, поскольку наконец-то был ухвачен тот исторический момент, когда кроманьонская культура нанесла удар по культуре пещерных неандертальцев.

Конечно, мы должны терпеливо ждать результатов дальнейших археологических раскопок. Но даже такой осторожный ученый, каким был Солецки, опираясь на собранный материал, не колеблясь выдвинул тезис, что 45 тысяч лет назад пещера была свидетельницей решающей борьбы между неандертальцами и кроманьонцами, ставшими невольными захватчиками, и потому являла собой последний рудут вымирающей расы.

Позволим себе вообразить захватывающую драму, разыгравшуюся в те незапамятные времена. Еще царил холод — даже в бассейне Тигра, где находится пещера Шанидар, с севера дули ледяные ветры. Неандертальцы, поколение за поколением, считали пещеру общим «домом» орды. Но близился час величайшей для них опасности. Как показывают археологические находки, на горе Кармель в Палестине обосновался кроманьонец. Расстояние, отделявшее их друг от друга, невелико — оно составляет всего 400 километров. Число кроманьонцев быстро растет, и со временем новые пары вынуждены искать места обитания на новых территориях. Какая-то часть этих переселенцев достигла пещеры Шанидар и обнаружила, что она занята косматыми, похожими на горилл существами.

Борьба за крышу над головой была неизбежна. Неандертальцы, истощенные морозами, голодом, болезнями и землетрясениями, были слабее, запуганнее и нерасторопнее. Ведь они принадлежали к вымирающей расе, которая на протяжении тысячелетий своего существования постепенно утрачивала жизненные силы. Их же противники были представителями молодой, темпераментной и предприимчивой расы, к тому же одаренной мозгом, который воспринимал

реалии мира гораздо четче. Победа кроманьонцев была предопределена заранее.

Дадим волю фантазии и представим, что одним из павших неандертальцев, защитником последнего редута, был тот человек, скелет которого со следами ранения выкопал Солецки. Кто знает, не встретились ли мы в таком случае с первым неизвестным солдатом, погибшим 45 тысяч лет назад при защите «отчего дома»?

ЛЮДИ И ЖИВОТНЫЕ

П риблизительно 150 тысяч лет назад появился человек неандертальской расы. Первый человек, который заслужил право так называться, поскольку делал орудия, разводил огонь, пробудил в себе творческую искорку, верил, что миром правят неизвестные и страшные силы. Почти сто тысяч лет населял первобытный неандерталец Землю, и за этот период климат Европы постепенно менялся: тропическая жара уступала место арктическим морозам. Перед угрозой шаг за шагом надвигающихся с севера ледников волнами отступали очередные виды животного мира. Первыми двинулись на юг слоны, тигры, львы, гиены и обезьяны. Последними капитулировали млекопитающие, привыкшие к холоду тундры: мамонты, волосатые носороги, кони, олени, овцебыки. Из крупных млекопитающих в морозной Европе остались только человек и пещерный медведь, физической силой и мощью превосходивший своих современных родственников.

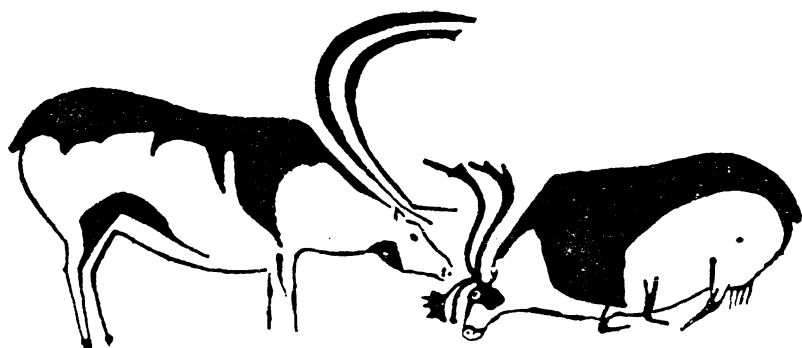
Медведя защищали от морозов густой бурый мех и толстый слой жира, но человек стоял выше его, благодаря тому прекрасному инструменту, который он добыл себе за сотни тысяч лет развития, а именно — отлично работающему мозгу. Единственным укрытием от безжалостных моро-

зов были пещеры в горных склонах, особенно в Пиренеях. Там человек и медведь устроили свои стоянки, там разыгралась между ними жестокая борьба не на жизнь, а на смерть. Человек смотрел на медведя как на свою кладовую, загонял его в самые отдаленные коридоры пещерных лабиринтов, забивал каменной дубинкой. Мясо жарил на открытом огне, мех использовал для утепления, из костей делал орудия, ожерелья, амулеты и другие предметы. Мрачные подземные гроты были свидетелями не одной трагедии, которая разыгрывалась при колеблющемся свете лучины между безжалостным охотником и могучим, но грузым медведем.

Археологические раскопки, относящиеся к тому мрачному геологическому периоду, встречаются сегодня в слоях пищевых отходов, пепла и песка, нагромодившихся в пещерах за много веков их использования в качестве жилища. Найдены костные останки неандертальцев и забитых ими животных, главным образом медведей. Самым достопримечательным открытием были наскальные рисунки. Чаше всего встречается изображение медведей. Их профили, выполненные примитивным художником, которому был не чужд реализм, служили каким-то магическим обрядам, призванным обеспечить удачу на охоте.

Но самое сильное впечатление производят следы, оставленные в пещерах лапами медведей. В глиняном полу и на известняковых стенах коридоров ясно сохранились их отпечатки и царапины от когтей. Это как бы своего рода нотные знаки, позволяющие прочесть их привычки, грустные и комичные эпизоды из жизни, подчас устрашающую драму борьбы и гибели.

В одной из пиренейских пещер медведица со своим малышом отправилась в глубь узкого коридора, оказавшегося тупиком. Стиснутая стенами, она уже не могла развернуться и сдохла там вместе с медвежонком. Можно предположить, что туда ее погнало страх перед наступающим на нее человеком. В другой пещере один из коридоров резко обрывается в бездонную пропасть. Это была ловушка, в которую, что очевидно по груде костей, свалилось множество медведей, по всей видимости, во время облав неандертальских охотников.

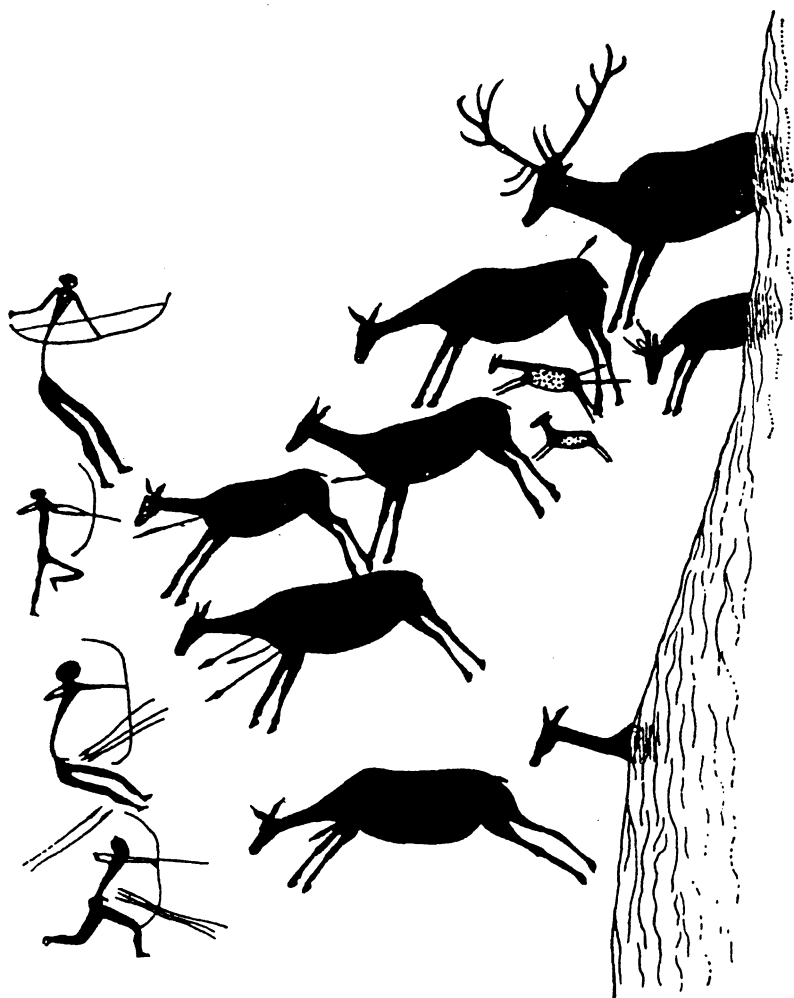
Два оленя

Мадленская полихромная живопись
из пещеры Фон-де-Гом, Франция

Встречаются сценки забавные и безмятежные. Одна из галерей стала для медведей любимым местом для танцев. Следы лап в глиняном полу свидетельствуют о том, что здесь животные грузно переминались на задних лапах. В темном закоулке другой пещеры два маленьких медвежонка упорно возились, а их мать, опершись на известняковую стену, преспокойно отдыхала. Видимо, в этом отдаленном закутке она чувствовала себя в безопасности от преследующего ее человека.

Один из крупных гротов в Пиренеях поведал нам о забавном и трогательном эпизоде из жизни медведей. В гроте был глубокий пруд с очень крутыми глиняными берегами. Медведи использовали эту крутизну в качестве, так сказать, «саночного пути». Всеми четырьмя лапами они съезжали по скользкой глине и с шумом плюхались в воду. Сейчас пруда уже нет, но в засохшей глине остались четкие следы этого развлечения: дорожка, выдолбленная лапами и спинами животных, и пучки слипшихся косм, вырванных во время езды. Как видим, жизнь преследуемых созданий не была лишена и беззаботных минут.

Пожалуй, пещерный медведь вымер уже во время последнего ледникового периода. Сначала полагали, что его истребил неандерталец. Сегодня же мы склоняемся к мнению, что он просто физически не мог противостоять чрезвычай-

Олени, загоняемые на цепь охотников, вооруженных луками
Позднепалеолитическая стенная роспись черной краской
из пещеры Лос-Кабальос, Испания

но суровой природе. Наступили небывало жестокие морозы. Ледяной покров накрыл большую часть Европы, все труднее было добывать пропитание. Голод и болезни страшным образом косили медведей. От последних их поколений остались сохранившиеся до наших дней в пещерах груды костей. Деформированные пасти, изуродованные артритом конечности, кальцинозные суставы, какие-то наросты на лопатках и позвоночнике — все это достаточно ясно говорит о страданиях животных. Естественно, что вырождение повлекло за собой бесплодие. Последний голодный, больной, увечный медведь поковылял в отдаленный закоулок пещеры, чтобы в одиночестве закончить свое жалкое прозябание.

Вымерли и неандертальцы, но их место заняли люди типа кроманьонцев и Aurignas — наши прямые предки. Льды отступали, климат Европы постепенно смягчался. Было это приблизительно 20 тысяч лет назад. В бескрайней тундре бродили стада животных: табуны коней, овцебыки, волосатые носороги, туры, зубры, лоси, олени, величественные мамонты. Правда, мамонты вымерли уже давно, но мы абсолютно точно знаем, как они выглядели. Кроманьонские художники оставили на скалах их изображения, но в замерзших сибирских болотах мамонты сохранились до наших дней как живые: с кожей, волосатым покровом, спадающим до самых бабок, с растительной пищей в желудках и пасти.

Люди тех далеких времен были прежде всего охотниками и собирателями. Охота составляла основу их жизни, а важнейшим промысловым животным был мамонт — поставщик всякого добра: мяса, кожи, кости для обработки, особенно великолепных бивней.

Мы можем наглядно увидеть масштаб охоты благодаря открытию, сделанному в моравской деревушке Предмост, находящейся неподалеку от города Преров над речкой Бечва. В хрониках XVI века сообщается о выкопанных там костях «великанов», а в середине XIX века местные крестьяне использовали костные останки мамонтов для удобрения почвы. Только в конце XIX века раскопками заинтересовался профессор Машка. Он обнаружил в деревушке выкопанную поколениями крестьян шахту с отлогими краями из плотной послеледниковой пыли, так называемого лесса. На серо-

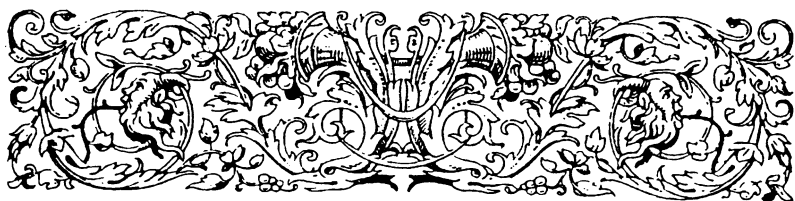
желтой стене отчетливо выделялся черный пояс пепла от костров, а в нем — груды костей мамонта, перемешанных с останками других животных и спайками кремния. Здесь насчитали почти тысячу мамонтов, павших добычей охотников.

Как их поймали? Сметливая группа кроманьонцев намеренно поселилась здесь, поскольку здесь были естественные горные ворота, связывавшие долину Дуная с равнинами Европы. Животные, и в частности мамонты, вели жизнь сезонной миграции. Летом они паслись в Европе, а зимой тянулись через перевал в Предмосте в район Черного моря. Охотники обосновались в этом удобном месте и загоняли мамонтов в горную пропасть. Поселения охотников за мамонтами обнаружены также в Виллендорфе в Австрии, где в пепле была найдена великолепная статуэтка женщины с абстрактными пышными формами — так называемая Венера из Виллендорфа.

Профессор Машка открыл в Предмосте общее захоронение жителей поселения, обложенное костями и черепами мамонтов и закрытое сверху высокой грудой камней. В нем лежало двадцать человеческих скелетов, среди них двенадцать детских.

Не подлежит сомнению, что поселение постигло какое-то внезапное несчастье. Трудно сказать, что это было. Возможно, лавина, эпидемия какой-то болезни, голод, нападение враждебных соплеменников или людей из соседнего поселения. Одно очевидно: факт, что трупы были похоронены в гробу и засыпаны сверху камнями, чтобы никто не смог их потревожить, — это бесспорное доказательство того, что охотники за мамонтами исповедовали культ мертвых.

О КРАСНОРЕЧИИ ПОЛЕВОГО ЦВЕТКА

Один из выдающихся французских археологов сказал, что, если бы археология удовлетворялась только каталогизацией раскопок, она была бы бесплодной наукой. Ее конечная цель — вернуть мертвым предметам тепло и истинную жизнь, воскресить в нашем воображении давно ушедший мир со всеми теми ценностями, которые достойны сохранения.

Так понимаемая археология является не только наукой, но обладает атрибутами искусства. Только ученые, одаренные артистической изобретательностью, могут воссоздать увлекательную и завораживающую картину давно прошедших времен, не просто давая волю фантазии, но сочетая ее со строго научным синтезом поисков, находок, сопоставлений и размышлений.

Почему археологические поиски обладают таким очарованием? Отвечая на этот вопрос, выделим два основных аспекта. Во-первых, археология раскрывает нам развернутую панораму неизвестных эпох, народов и культур, о которых еще несколько десятилетий назад мы и не подозревали. Благодаря археологии мы обогатились на тысячелетия историческими знаниями, получили ретроспективный взгляд на потрясающую эпопею человеческих поколений, которые

Голова Нефертити
Из Амарны. Известняк. Высота 0,5 м.

в гигантском марше развития строили и гибли, побеждали и терпели поражения в борьбе с первобытными инстинктами своей природы и с фантазмагориями мифов, часто являющихся причиной страшнейших трагедий. С такой точки зрения древние народы: шумеры, египтяне, ассирийцы, вавилоняне, персы, греки, римляне и т. д. — это очередные фазы в великой исторической драме, имя которой — человек.

Почему нас привлекает панорама истории? Современный человек — это сумма, резюме всех предшествовавших эпох. Самуэль Крамер в своей книге «История начинается в Шумере» показал, до какой степени мы являемся наследниками прадревней шумерской культуры. Новейшие науч-

ные исследования показали, каким множеством понятий и представлений из области законодательства, религии и традиций обязана Библия гению древних месопотамских народов. А ведь Библия — один из составных элементов нашей культуры.

Пока археология не открыла нам неизвестные эпохи истории человечества, мы были, собственно, так же несведущи, как дети. Сегодня мы стали взрослее. Мы созрели настолько, что можем отделить и оценить то, что давние эпохи отложили в пластах нашей психики. Мы можем очистить наш путь от наносов предрассудков и освободиться от террора тех мифов, которые сумели пережить даже самые бурные этапы человеческого прогресса.

Но есть и второй аспект археологии, пленяющий нас. Аспект чисто человеческий, а не исторический. Ничто не трогает так глубоко, как археологические находки, подтверждающие, что человек необозримо далеких эпох был таким же, как и мы, и подобно нам страдал, радовался, любил. Только соприкоснувшись с частной жизнью человека давних времен, мы полностью осознаем, что обширную панораму истории составляют жизни миллионов людей, похожих на нас в своих скромных интимных заботах и радостях.

Это прекрасно выразил Говард Картер, открыватель гробницы фараона Тутанхамона. В своих дневниках он пишет так: «Но что среди этого ослепляющего богатства действительно произвело сильнейшее впечатление, так это хватающий за сердце погребальный веночек из полевых цветов, положенный на саркофаг молодой вдовой. Весь внешний царский лоск, все богатство фараона поблекли перед скромной, засохшей охапкой цветов, которые сохранили еще следы прежних красок. Невыразимо красноречиво напомнили они нам, какой ничтожной малостью являются тысячелетия».

Приблизительно от 150 тысяч до 50 тысяч лет до н. э. Европу заселяла человеческая раса, называемая неандертальцами. Неандерталец не был прямым нашим предком. И однако он принадлежал к человеческому роду, так как сделал орудия и разжег огонь. Его мозг, как бы мало ни было в нем извилин по сравнению с мозгом современного челове-

ка, развился в надежный инструмент борьбы за существование. Но обладал ли он тем, что, по сути, и делает человека человеком? Трогательный ответ на этот вопрос мы получили благодаря открытию, сделанному на торфяниках полуострова Ютландия в Дании. Там был обнаружен скелет неандертальца. Покойник был бережно уложен в могилу, голова его отдыхала на камне. Каменное изголовье, подсунутое чьей-то заботливой рукой, говорит о неандертальце то, что, пожалуй, не пришло бы нам в голову, когда мы рассматриваем ископаемые памятники их материальной культуры. Оно доказывает нам, что в этих волосатых, гориллоподобных существах уже возникло чувство прочной привязанности.

Там же в Ютландии археологи получили возможность взглянуть в лица людей, живших 2 тысячи лет назад. Это было переживание сильное и необыкновенное. Ведь то были не скелеты, не мумии, не оттиснутые в вулканическом пепле контуры несчастных жителей Помпеи, но подлинные останки людей, законсервировавшиеся в торфянике вместе с кожей, волосами, внутренностями. Во время вскрытия врачи смогли провести секцию их сердец и желудков, даже получить четкие отпечатки пальцев.

В отложениях ютландских торфяников среди прочего был обнаружен гроб, вытесанный из дубового пня. Когда подняли крышку гроба, то увидели останки как бы погруженной в сон девушки с тонкими чертами лица. На груди у нее лежала высохшая гвоздичка, положенная на прощание любящей рукой, — свидетельство человеческой печали двухтысячелетней давности.

В ютландском местечке Толлунд в торфе нашли обнаженного мужчину с веревкой на шее. Несомненно, это был повешенный. Он лежал на боку, скорчившись, как бы сморенный сном. Брови слегка нахмурены, губы искривлены гримасой недовольства. Врачи установили, что ему было около 40 лет. Неподалеку от Толлунда были обнаружены останки другого обнаженного мужчины, горло которого было перерезано каким-то острым предметом.

В Шлезвиг-Гольштейне, то есть тоже в Северной Европе, в торфяниках раскопали останки двух человек — свидетельство давнишней трагедии. Это была обнаженная 14-лет-

Улица в Помпеях. I в. н.э.

няя девочка с повязкой на глазах. Левая половина головы была без волос и сохранила след от удара тупым предметом. Рядом с ней лежал мужчина в расцвете лет, нагой, с петлей на шее.

Что скрывается за этими убийствами? Это криминалистическая загадка, достойная Шерлока Холмса. Сразу следует сказать, что все эти находки относятся к одному и тому же периоду, а именно к I веку до н. э., и что кроме уже упомянутых четырех останков за последние сто лет было обнаружено еще около 100 трупов со следами насильственной

смерти. Жертвы были похоронены в том положении, в каком находились в момент смерти: на спине, на боку, со скрюченными ногами или на животе. Скупые остатки пищи в желудке говорят о том, что обреченных по меньшей мере три дня держали под надзором и без пищи. Мужчина, найденный вблизи Толлунда, судя по шетине на лице, не брился последние три дня своей жизни.

По поводу их смерти существуют две теории. Одни утверждают, что эти люди были преступниками, приговоренными к смертной казни. При этом ссылаются на Тацита, который в своем труде о германцах сообщает: германские племена обвиненных в предательстве и дезертирстве карали через повешение, а трусов и различного рода сексуальных извращенцев топили в болотах. Другие считают, что это были ритуальные жертвоприношения.

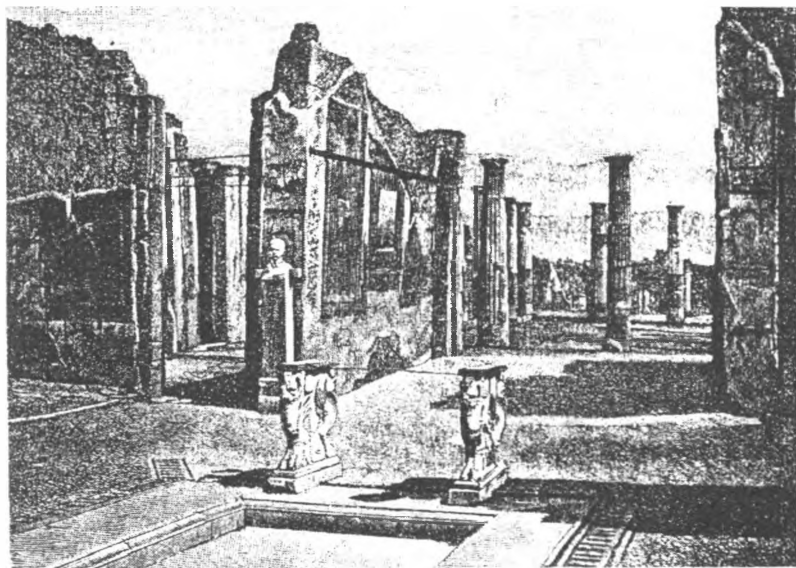
Мне кажется, что вторая теория ближе к истине. Германские племена Ютландии и Северной Европы исповедовали культ богини плодородия Нертус. Весной, накануне посевных работ, ее изображение возили по полям в повозке, запряженной волами. После процессии статую и повозку

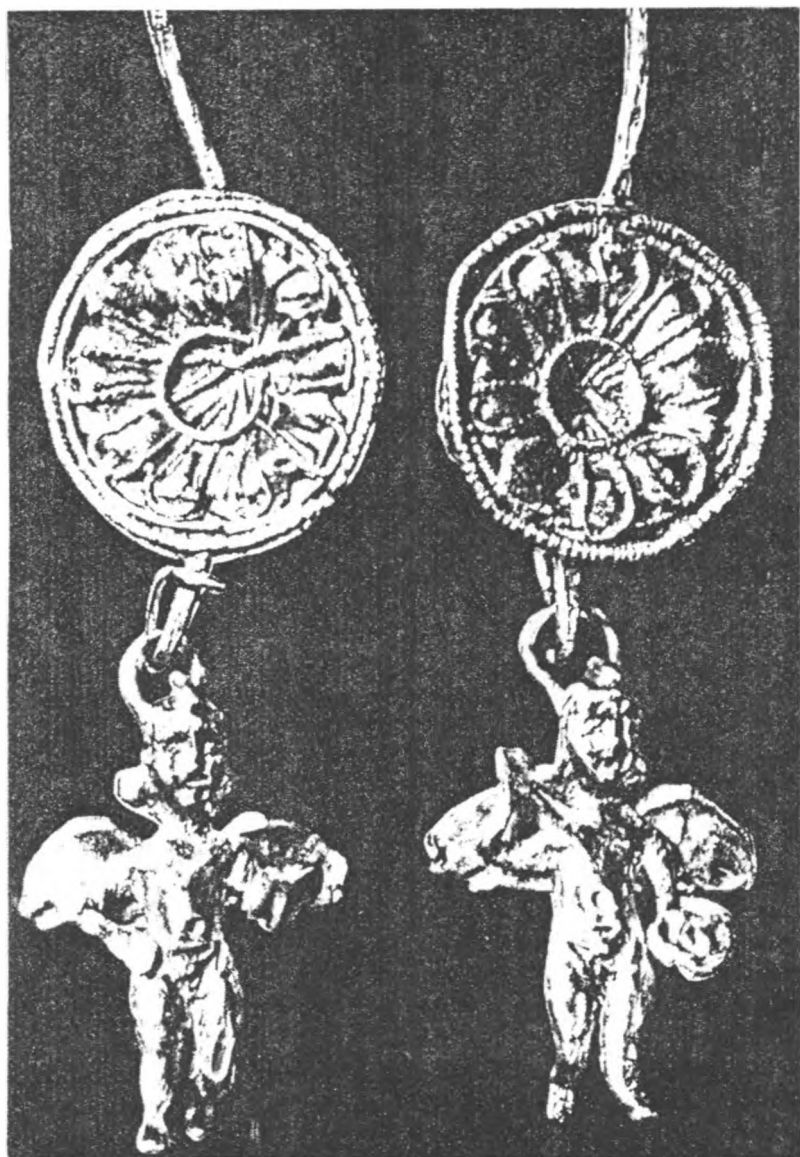
Портрет Помпея
Мрамор. 55—50 гг. до н. э.
Копенгаген. Нью-Карлсбергская
глиптотека

**Зеркало из дома Менандра
в Помпеях**
Серебро. I в. н. э. Неаполь.
Национальный археологический
музей

Руины Помпеи (Корнелий Руффо)

Серьги — золото, с фигурами зротов
Рим, II в. до н. э.

Танцующий фавн
Бронза. I в. н. э. Помпеи

обмывали, а людей, осуществивших этот ритуал и тем самым оскорбивших богиню своим видом, убивали и бросали в болото. Два аргумента поддерживают эту точку зрения. Во-первых, поражает тот факт, что все останки обнаружены исключительно на землях давнего культа богини Нертус. Во-вторых, хотя все трупы относятся к эпохе бронзы, при них не найдено ни одного металлического предмета. А нам известно, что во время торжеств в честь богини Нертус изымался весь металл. Следовательно, эти мужчины и женщины были ритуальными жертвами, принесенными в дар одному из тех варварских мифов, которые так тяжело давили на судьбы человеческих поколений.

КАК ЖИЛИ В ДРЕВНЕЙШЕМ ГОРОДЕ МИРА

Вторая половина XIX века — это эпоха крупных археологических открытий. В относительно короткий период жизни одного поколения были совершены все достопамятные археологические раскопки, обогатившие наши исторические знания о минувших тысячелетиях. Были открыты ранее неизвестная культура шумеров, прадавние метрополии Ниневии, Ура и Вавилонии, мумии фараонов, раскопаны из руин резиденция Агамемнона в Микенах и крепости других героев «Илиады», солнечная культура Крита и реконструкция дворца царя Миноса; плеяда незаурядных индивидуалистов и археологов, таких, как Шлиман, Шампольон, Эванс, Лэйярд, Вулли, — вот триумфальный марш археологии XIX века. Это было время ошеломляющих научных открытий, принципиально изменивших воззрения на прошлое и развитие цивилизации. Наши предки первой половины XIX в. в этом смысле еще разделяли взгляды Средневековья, и последние 50 лет прошлого столетия позволили нам сегодня свободно ориентироваться в минувших событиях незапамятных эпох.

Благодаря археологии мы проникли в прошлое вплоть до рубежа четвертого и третьего тысячелетий до н.э. — до самых отдаленных начал истории Египта и Шумера, когда над

Нилом, Евфратом и Тигром возносили пирамиды и зиккураты с храмами бога Луны на верхушке. Это была как бы последняя граница проникновения, невидимая стена, преодолеть которую, казалось, невозможно. Археологи, потрясенные количеством и важностью сделанных открытий, занятые их изучением, на некоторое время как бы затормозились в своем желании делать новые молниеносные находки. Зато они усовершенствовали методы поисковых работ и обратились к будничному, кропотливому труду, восполняя пробелы, которые в панораме истории оставили их великие предшественники. Могло даже показаться, что период великих открытий бесповоротно миновал.

Но оставались неразгаданными многие исторические тайны, являющиеся для вечно ищущего человеческого духа чрезвычайно притягательными. Правда ли, что история Египта и Шумера берет свое начало в третьем тысячелетии до нашей эры? Ведь находки в самых нижних, следовательно, самых старых стратиграфических слоях неопровержимо доказывали, что в начале третьего тысячелетия культура обоих народов уже достигла такой степени зрелости, что не могла не быть продуктом бесчисленных лет медленного развития.

На этом основании делался вывод, что оба народа откуда-то прибыли на берега Нила, Евфрата и Тигра, принеся с собой уже разработанные формы религиозных верований, норм совместного сосуществования, искусства, ремесел, традиций.

Но откуда они в таком случае прибыли? На этот интригующий вопрос, оставляя, естественно, в стороне фантастические гипотезы и спекуляции, не было научно обоснованного ответа. И тут археология переживала период бесплодного застоя, что не могли скрасить ни свершаемые там и здесь открытия, ни усовершенствованные методы научного исследования.

Эту недобрую паузу только в 1922 году прервал индийский археолог Р. Д. Банерджи, открывший ранее абсолютно неизвестную культуру и могущественное государство в долине реки Инд. Развалины двух метрополий — Хараппы и Мохенджо-Даро — стали в свое время подлинной сенсацией, ибо опровергли мнение, будто праколыбелью нашей культу-

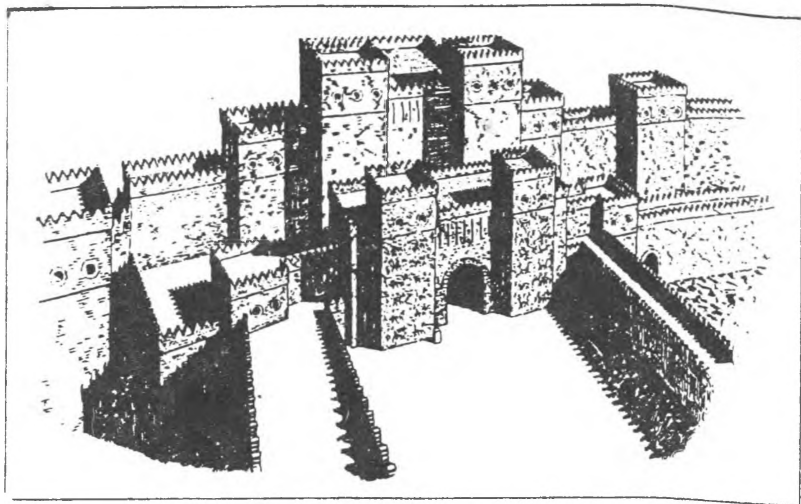

Богиня плодородия Иштар

ры были только Месопотамия и Египет. Оказалось, что мы являемся наследниками еще и третьего центра цивилизации, которая развивалась в долине Инда, что нашу историческую родословную составляют три, а не две протоплазмы.

Следующий переломный момент приходится на 1955 год, когда английский археолог Барбара Кеньон обнаружила руины Иерихона. Хотя факт обнаружения легендарной библейской крепости сам по себе уже был сенсацией, еще большее впечатление произвели результаты раскопок. Оказалось, в частности, что уже в VII тысячелетии до н.э. Иерихон был городским поселением в полном смысле этого слова.

Почему открытие Барбары Кеньон вызвало такое потрясение? Ученые были твердо уверены, что люди каменной эпохи не строили городов, а жили в маленьких, разрозненных, экономически самообеспечивающихся поселениях. Теперь эта точка зрения оказалась опровергнутой. Возникал вопрос: был ли в VII тысячелетии до н.э. Иерихон единичным, исключительным явлением, или можно

Ворота богини Иштар в Вавилоне

VI в. до н. э. Реконструкция

предположить, что со временем будут найдены развалины других, пока еще нам неизвестных городов? Вопрос более чем принципиальный. Ведь если будут обнаружены следы городской жизни в других частях тогдашнего мира, то из этого последует неоспоримый вывод: не шумеры и египтяне были прасоздателями городской культуры — они лишь воспользовались тем, что дал постепенный, длившийся веками процесс урбанизации, издавна известный поколениям людей.

Первый сигнал, что именно так все и было, поступил в 1961 году. Англо-американская экспедиция проводила раскопки в Анатолии и в местечке Чатал-Гуюк натолкнулась на руины очень древнего городского комплекса. В 1961 — 1963 гг. не оставалось сомнений, что этот город существовал уже в 7 тысячелетии до н.э., то есть одновременно с Иерихоном. Более того, под культурным слоем, относящимся к тому же тысячелетию, на глубине 10 метров были обнаружены хронологически более старые наслоения. Археологи встретились с остатками поселений, каких никогда раньше не встречали.

Герой и кентавр

Статуэтка из Олимпии. Бронза.
Середина VIII в. до н. э.
Нью-Йорк. Метрополитен-музей

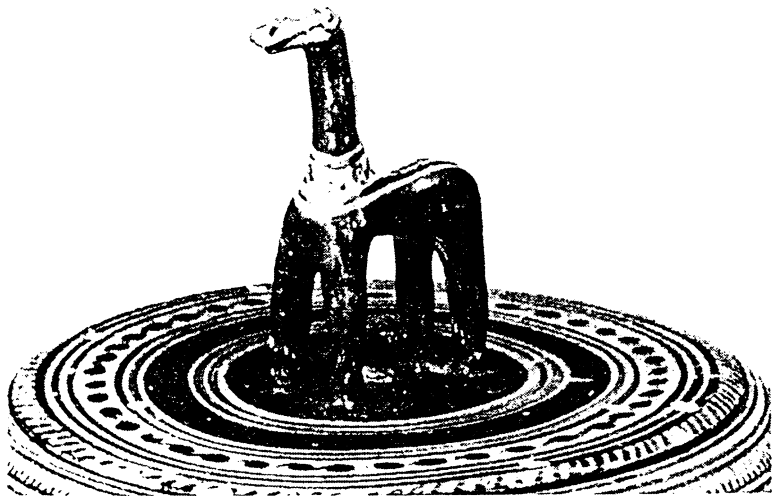
Удалось не только реконструировать архитектурный облик города в Чатал-Гююке, но и собрать множество замечательнейших сведений о его жителях.

Главной экономической основой этого городского праобщества были все еще земледелие и скотоводство. В развалинах нашли зерна пшеницы и ячменя, остатки бобовых, в частности горошка. По кусочкам обгоревших костей удалось прочесть, что живым инвентарем были козы, овцы, свиньи; кроме того, было много собак — судя по всему, пастушьих овчарок.

Не последнюю роль в питании людей играли охота и рыболовство, о чем свидетельствуют кости оленей, диких ослов, различной дичи, рыб. Любопытно, что уже тогда занимались пчеловодством и мед в этом городе был любимым лакомством.

О явно городском характере поселения в Чатал-Гююке говорят не только достаточно развитая экономика и общественная организация, но и богатая религиозная жизнь, специализированные ремесла и своеобразно выраженное декоративное искусство. Горожане вели оживленный товарообмен с близживущим населением, чтобы обеспечить себя необходимым сырьем для собственного ремесленного производства. То есть это была общность, дифференцированная по трудовой занятости, состоявшая из крестьян, торговцев, жрецов.

Один из раскопанных культурных слоев дал возможность сделать фундаментальное открытие. Оказалось, что именно здесь был перейден тот порог, который отделял докерамическую эпоху от эпохи, когда в Анатолии возникло гончар-

Геометрическая пиксида с изображением лошади на крышке
Керамика. VIII в. н. э. Деталь. Дрезден. Скульптурное собрание

ное производство в подлинном значении этого слова. Древняя утварь из дерева или лозы, облепленная глиной, уступила место посуде, вылепленной из глины и обожженной на огне. Эта древнейшая в мире глиняная посуда была покрыта черной или бронзовой краской, но пока еще не украшена орнаментом.

В чем важность этого открытия? В самых древних месопотамских или египетских поселениях археологи встречали только зрелую керамику. Несмотря на то что именно она является высшим итогом длительного развития, ранее никогда не удавалось обнаружить следы переходных фаз этого развития. Древнейшие поселяне долин Нила, Евфрата и Тигра просто принесли с собой искусство обжига посуды из своих более древних, пока что не обнаруженных мест обитания.

В Чатал-Гююке впервые в истории археологии удалось проследить этот процесс в одном месте — на памятниках, хронологически наслоившихся в очередных культурных слоях. Открытие, со всех точек зрения достойное внимания. Но члены археологической экспедиции питали на-

дежды смелее и дерзостнее. Напомним, развалины города датировались 7 тысячелетием до н.э. Но ведь под ними скрыты другие, еще не исследованные культурные слои, уходящие на десятиметровую глубину. Что за ошеломляющая перспектива! Возможно, будет открыто место человеческого поселения, которое существовало непрерывно: от раннего палеолита через эпоху мезолита и вплоть до неолита. То есть место, уходящее началом во времена, когда гомо сапиенс начал обрабатывать землю. Не исключено, что удастся, как по чертежу, восстановить участок пути, который прошел человек в своем странствии от собирательно-охотничьего образа жизни до первых форм цивилизации.

С точки зрения архитектуры городское поселение скорее походило на оборонительное укрепление раннего Средневековья. Сорок жилых построек, сгруппированных вокруг двух дворов и помещений для культовых обрядов, замыкала в единую дугу обводная стена без окон и ворот. То есть это был строительный комплекс, некоторым образом напоминающий пчелиные соты, с той лишь разницей, что отдельные клетушки имели четырехугольную форму.

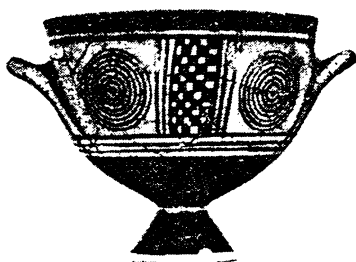
В помещения жители попадали своеобразным способом. Судя по следам на стенах, они сначала поднимались вверх по деревянной лестнице на плоскую крышу, а оттуда по другой лестнице спускались на дно дымохода, по которому уходил дым от домашнего очага. Наконец через узкое отверстие они на четвереньках протискивались внутрь своих клетушек. Руины не свидетельствуют о том, что поселение когда-либо было жертвой нападения неприятеля, несмотря на явно сохранившиеся следы от пожара. Возможно, тогдашним примитивным захватчикам оно казалось неприступным.

Следы, оттиснутые в некоторых помещениях на глиняном настиле, говорят, что полы, как того требовали холодные анатолийские ночи, устилали тканями. Выяснили, что это были шерстяные узорчатые ковры, поскольку на одной из стен был обнаружен пестрый геометрический орнамент, напоминающий современные узоры пользующихся славой анатолийских килимов. Можно сделать фантастическое

предположение, что тамошнее производство килимов насчитывает без малого десять тысяч лет, что за этот необозримый отрезок времени немногое изменилось в его узорчатых мотивах и цветовой гамме. Как видим, некоторые народные традиции немислимо прочны в своем консерватизме и на протяжении десятков веков сумели сохранить себя среди бурных перипетий истории.

Более всего поражает то, что по сей день сохранились доказательства высокого мастерства тогдашнего ткачества. Жители поселения остались верны погребальным обычаям эпохи палеолита. Сначала они помещали своих умерших в особые камеры и ждали, когда отпадут кожа, мускулы. Затем покрывали кости охрой, запаковывали в мешки и хранили под каменным полом храма. Вот в таких-то гробах и было найдено несколько десятков обугленных кусочков материи, по которым еще сегодня можно распознать тонкую пряжу из шерсти.

Пока раскопаны три культовых храма, стены которых богато украшены релье-

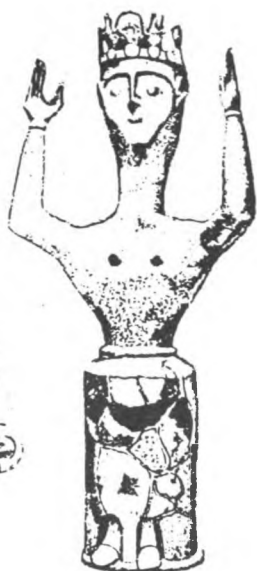
Аттический кратер
Керамика. X в. до н. э. Афины

Протогеометрическая амфора
Керамика. Вторая половина
XI—X в. до н. э. Афины

Геометрический канфар из Беотии
Керамика. 750—725 гг. до н. э.
Дрезден

Ритон с украшениями из морских звезд, раковин мюрекс и кораллов

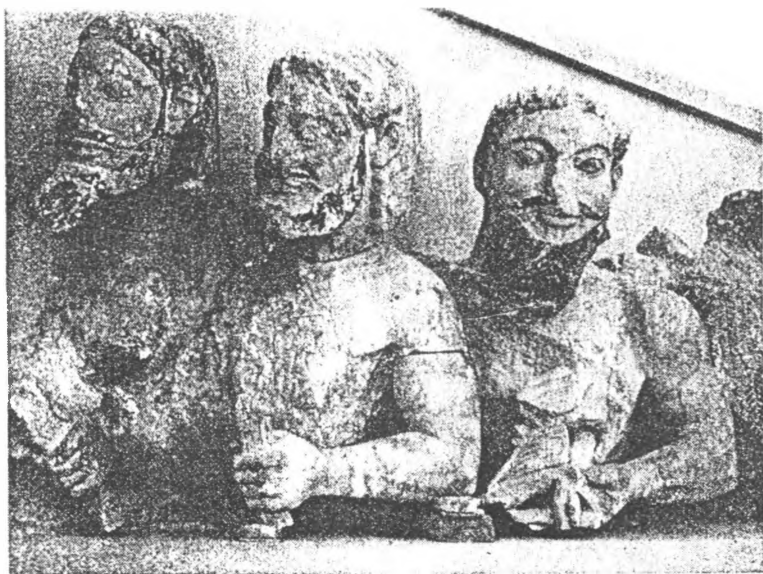
Из дворца в Закросе

Ритон в виде бычьей головы из черного стеатита

Женское божество, найденное при раскопках поселения Карпи в восточной части Крита

Весенние ласточки

Рисунок с фресок Тире

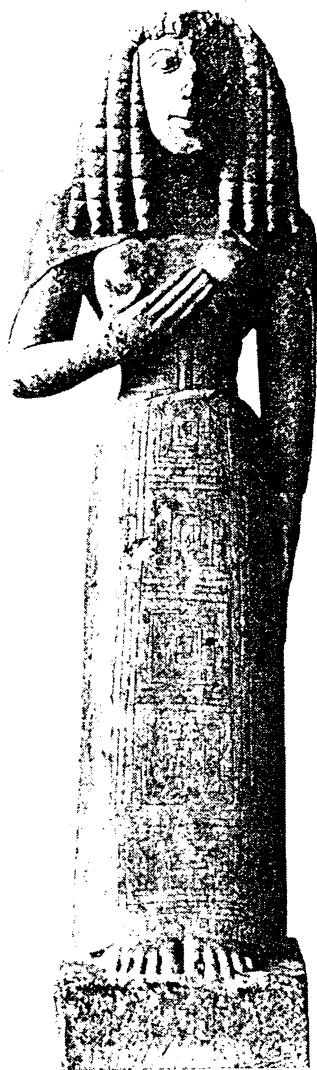

Фронтонная скульптура с храма на Афинском акрополе.

Трехголовый змей. Известняк.

Около 570 г. до н. э. Афины. Музей Акрополя

ефами, лепниной и живописью. Все мотивы необыкновенны и, вероятно, служили неким магическим культовым целям. В одном месте можно рассмотреть стилизованную фигуру богини, отдыхающей после родов, а под ней на стене выпуклая резьба из глины, изображающая голову быка. Всюду на стенах повторяются мотивы женских грудей, рожениц или сидящих на корточках женщин, быков

Статуя женщины из Оксерра
Известняк. Около 640 г. до н. э.
Париж. Лувр

и барана-производителя, лучников, раскрытых детских и взрослых ладоней, сдвоенных топориков и знаков креста. Каменный ларь с человеческими костями, четыре кинжала из кремния и шесть рогатин из отполированного камня наводят на подозрение, что в храмах совершались человеческие жертвоприношения.

В этих культовых помещениях найдено также несколько десятков фигурок из известняка, мрамора и глины. Одна из них напоминает устрашающую фигуру богини подземелья. Однако преобладают бородатые боги и богини-матери с детьми, символы плодородия и урожая. Одна скульптура из известняка изображает двух богинь и мальчика с леопардом. Предположительно это прототип греческих божеств Деметры, Керы и Плутона. Другая статуэтка — сидящий бог со сложенными на коленях руками — вырезана в стиле, удивительно напоминающем египетские рельефы.

Тогдашние колдуны-шаманы уже умели остроумным образом воздействовать на своих суеверных сородичей. На стене одного из храмов в оранжевом и

Триптолем между Церерой
(Деметра) и Прозерпиной
С античной живописи на вазах

Плутон

пурпурном тоне изображен крест, а поверх красок нанесен слой растолченного горного хрусталя. Легко представить себе хитрый замысел такой предприимчивости. Вокруг очага, в котором горели и дымились смолистые щепки, плясали шаманы в ритуальных масках, а колдовской крест светился в отблесках огня, как таящий угрозу неземной знак богов, которым приносили жертвы.

МИССИОНЕРЫ СОЛНЦА В КАМЕННОЙ ЭПОХЕ

Когда после бегства из Египта Моисей со своими сподвижниками оказался у границ Ханаана, его самым заветным желанием было поймать языка, чтобы хоть что-то узнать о людях этой страны. Его собственные лазутчики вернулись с неприятной вестью, что приграничные земли Хеврона заселены племенем великанов, которых нелегко одолеть в борьбе. Во Второзаконии и в Книге Иисуса Навина мы встречаем имя Ог. Об этом жестоком владыке ходили слухи, что он спит на железном одре в девять локтей длиной и в четыре локтя шириной.

Сообщение о великанах относится к категории так называемых этиологических мифов, которых в Библии очень много. Это мифы, созданные *ex post* для объяснения определенных фактов, имен, названий и исторических эпизодов, подлинный смысл которых или их развитие со временем забывались.

Благодаря поискам немецкого археолога Густава Далмана выяснилось, что земли Хеврона и древнего царства Васанского на восточной стороне Иордана хранят огромное количество мегалитических гробов каменной эпохи, называемых дольменами. В Васане Ога они сделаны из твердых, как железо, базальтовых блоков. От-

сюда, скорее всего, и происходит библейское определение «железное ложе».

Поколения сынов Израилевых, живших спустя сотни лет после Моисея, сложили легенду о том, что эти гробы были якобы ложами великанов, с которыми некогда встретились беглецы из Египта. Так возникла некая героическая сага, впоследствии практически без изменений перенесенная в Библию.

Дольмены подобной архитектурной формы давно известны и встречаются почти по всей Европе, в Африке, некоторых районах Индии. Их можно тысячами увидеть в Норвегии, Швеции, Дании, Шотландии, Ирландии, Франции, Испании, Португалии, Германии, Польше. В основном они вскрыты и разорены. Огромные, грубо отесанные каменные валуны, которые когда-то образовывали потолок и стены подземной погребальной камеры, сейчас лежат в романтическом беспорядке на дне оврагов, среди мхов, вьюнков и сорняков. Согласно народным преданиям, дольмены — это творения легендарных великанов, потому-то их и называют «ложами гигантов». Они послужили темой для многих прекрасных баллад о дьяволах, драконах и благородных героях.

Во второй половине XIX в. археологи заинтересовались многочисленными гробницами, разбросанными по приморским равнинам Европы. Часть из них имеет округлую форму, другие — овальную. Среди них встречаются настоящие холмы, по высоте равные пятиэтажному дому. У побережья Атлантики найдено 12 таких гробниц!

Когда стали поочередно проникать внутрь захоронений, выяснилось, что там скрыты гробы, сделанные из огромных валунов. Протиснувшись во входную щель между двумя каменными столбами, попадаешь в наклонный коридор, стены и свод которого возведены из продолговатых, грубо отесанных скальных глыб. Коридор ведет в могильную камеру, иногда имеющую боковое помещение. Расположение костных останков людей и памятников материальной культуры дало возможность сделать несомненный вывод, что это были общие гробы, которые использовали несколько поколений племени.

Во второй половине XIX в., когда археология как наука

еще переживала период детства, люди охотно фантазировали, распространяя различные теории о происхождении и назначении этих строений. Свято верили, что именно в этих местах в белых, развевающихся и ниспадающих до земли одеждах собирались кельтские жрецы — друиды, чтобы свершать свои таинственные культовые обряды.

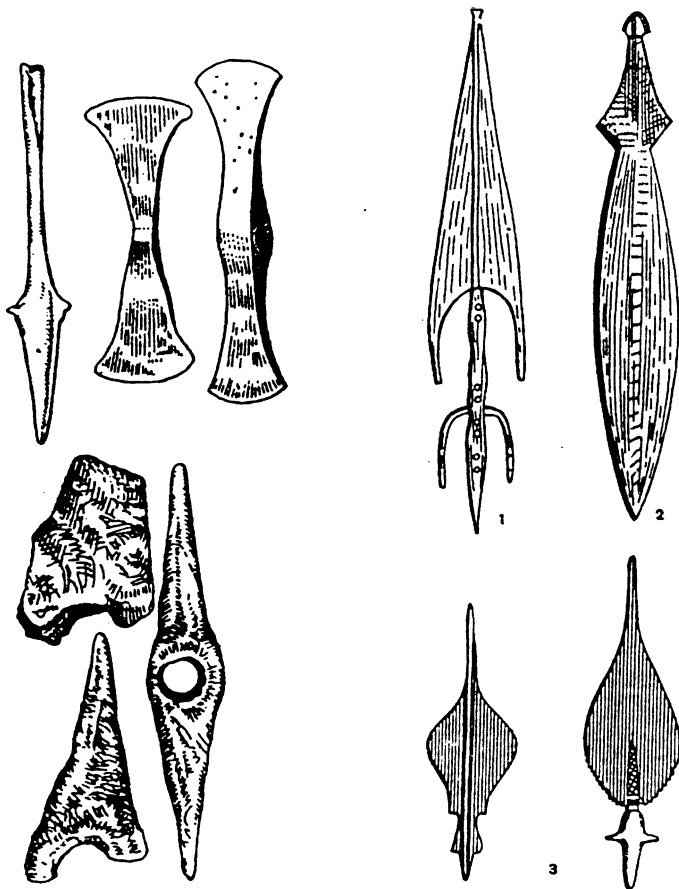
Друиды появились в Европе где-то в IV веке до н.э., но сегодня нам точно известно, что дольмены гораздо старше, так как ведут свое начало от каменной эпохи. Найденные в них предметы сделаны исключительно из камня и кремния и датируются периодом неолита.

Помимо Европы аналогичные гробницы обнаружены еще в Индии и Африке. Когда исследователи нанесли на географическую карту их местоположение, вырисовалась более чем поразительная система их размещения. Оказалось, что гробницы и дольмены тянутся непрерывной цепью от Индии через Сирию, Палестину, Северную Африку, Испанию, Португалию и Францию вплоть до Ирландии, Великобритании и Скандинавии. Этот четко прорисованный путь мегалитических гробниц проходит главным образом у моря, то есть простирается вдоль побережья Средиземного моря, Атлантического океана, Северного и Балтийского морей.

В конце прошлого века ученые открыли два других очень важных факта. Во-первых, все могильники построены по единому архитектурному проекту. Во-вторых, они похожи на древнегреческие гробницы толосского типа, которые были в городе-крепости Агамемнона в Микенах, а также на Мальте и в Малой Азии. Различие только в том, что толосы представляют более высокую стадию развития строительства и потому сделаны из квадратных, старательно отесанных каменных блоков.

Проведенные исследования позволили некоторым ученым выдвинуть чрезвычайно интересную, хотя и спорную гипотезу. По их мнению, во втором тысячелетии до нашей эры некие племена, для которых было типичным хоронить своих умерших в общих родовых гробницах, очередными волнами покидали бассейн Средиземного моря и в поисках новых мест поселения перебирались в Индию, Сирию, Палестину, Северную Африку и в Европу.

Удивительно то, что образцы материальной культуры, об-

**Предметы из кладов
бронзового века, служившие
в качестве денег**
(по В. И. Равдоникасу)

**Африканские металлические
изделия, использовавшиеся в
качестве денег:**

- 1 — железное копье,
Северное Конго
- 2 — медная "монета", Конго
- 3 — наконечники копий,
Западная Африка

наруженные в курганных гробницах, принципиально отличаются от тех, какие находят неподалеку от них. Отсюда вывод: колонизаторы застали новые для себя территории

заселенными другими, более примитивными племенами, но, оказавшись в меньшинстве по сравнению с автохтонами, продолжали соблюдать собственный, привычный образ жизни.

Орудия и костные остатки домашних животных позволяют также предположить, что колонизаторы выполняли в Европе важную цивилизаторскую миссию, так как в страны, население которых еще находилось на стадии собирательства и охотничества, привносили навыки земледелия и скотоводства.

Эти поселенцы давно минувших эпох снабжали своих умерших пищей, инструментами, украшениями, из чего неизбежно вытекает, что они соблюдали культ предков. То есть у них были какие-то верования. Но какие? В поисках ответа на этот вопрос ученые обратили внимание на другие мегалитические постройки, самой значимой из которых является Стоунхендж в Англии.

С плоской низменности Солсбери «выстреливает» в небо удивительное скопление гигантских каменных блоков, каждый из которых весит без малого восемьдесят тонн. Прimitивно обработанные, эти монументальные скальные колоссы образуют замкнутый круг. Тут и там на их верхушках «отдыхают» монолитные притолоки, которые, пожалуй, только великан мог поднять на такую высоту. Внутри этого необычного круга стоят другие валуны, помельче, образующие подкову. Весь комплекс доисторических каменных творений двойным кольцом окружает углубление, в котором и сегодня можно найти обугленные следы жертвенных костров.

От алтарного валуна ведет четко обозначенная церемониальная тропа, заканчивающаяся вертикально установленным столбом. Ученые пришли к убеждению, что некогда на оси тропы в полдень 22 июня, в день летнего солнцестояния, появлялось солнце. Иначе говоря, согласно этой теории, Стоунхендж был святилищем Солнца.

Следует заметить, что Стоунхендж ни в коем случае не является уникалом. Подобные строения археологи открыли во многих странах, в частности в Скандинавии, Ирландии, Франции, Португалии, Испании, Италии и на Мальте. Недавно точно такой же храм, датируемый каменной эпохой,

**Фанагорийский
фигурный
сосуд "Сфинкс"**
V в. до н. э.

был открыт в местечке Скорба. Все эти строения, что необходимо подчеркнуть, имеют церемониальную тропу, направленную в ту точку горизонта, где когда-то всходило солнце в день летнего солнцеворота.

Рассматривая карту, нетрудно заметить, что топографический путь, образуемый местоположением этих святилищ, практически совпадает с путевой дорогой строителей курганных могильников. Не одни ли и те же люди создали эти типы строений? Не были ли пионеры земледелия и скотоводства в прадревней Европе одновременно и миссионерами культа Солнца?

Усилия, направленные на поиски окончательного ответа, имели более чем драматическое течение. Все началось в 1901 году, когда английский астроном сэр Норман Локкер

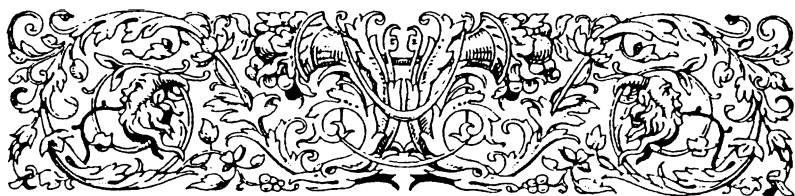
рассчитал, что на церемониальной оси Стоунхенджа в день летнего равноденствия солнце в последний раз взошло в 1840 году до н.э. Прадавние строители рассчитывали церемониальную тропу не с помощью инструментов, а на глазок. Малейшая, микроскопическая ошибка означала различие в десятки лет в ту или иную сторону. Поэтому строительство святыни следует поместить между 1940 и 1740 гг. до н.э.

Прошло полгода, и расчеты Локкера были подтверждены самым удивительным образом — достижениями в области ядерной физики. Английские ученые Пиготт, Аткинсон и Стон с помощью счетчика Гейгера исследовали пепел, собранный с одного из ритуальных столбов в Стоунхендже. На основе неизлученного изотопа C^{14} они установили, что пепел следует датировать 1848 г. до н.э., причем и в этом случае нужно учитывать колебания в диапазоне 275 лет.

Самый драматический момент пережил профессор Аткинсон. Решив сфотографировать надпись XVII века на одной из глыб Стоунхенджа, он навел аппарат и в зеркальце увидел нечто, потрясшее его до глубины души. Этим «нечто» оказался сильно выветрившийся и поэтому ранее не замеченный кинжальный контур, вытесанный каким-то острым инструментом. Характерная форма клинка и рукоятка, заканчивающаяся шариком, не оставляли сомнений в том, что это кинжал микенского происхождения. Нигде больше не выделялись острие и рукоятка такой формы. Прачеловек, сделавший кинжал, должен был прибыть сюда из Пелопоннеса либо каким-то образом соприкоснуться с культурой Микен. Именно по микенским образцам он воздвигал курганные могильники и святилища в честь бога Солнца.

Конечно, нельзя точно сказать, как все было на самом деле, но ясно одно: в Европе периода каменной эпохи происходили вещи более любопытные, чем мы склонны предполагать.

ТАИНСТВЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ИНДА

«Ригведа» — священная книга ариев

Из священных книг индуизма древнейшей является «Ригведа». Похоже, что она была создана уже в XV или XIV вв. до н.э. Собственно, «Ригведа» — это антология, включающая в себя тысячи эпических поэм, религиозных гимнов и молитв, написанных на архаичной разновидности санскрита, и во многих случаях требующая лингвистического комментария. Ценность отдельных произведений отнюдь не равнозначна. Наряду с подлинными жемчужинами поэтического вдохновения, мудрости, страстей, в ней много примеров варварской вульгарности, темного суеверия и жестокости.

Очень интересны обстоятельства, благодаря которым эта древнейшая книга сохранилась до наших дней. Индусские жрецы устно передавали ее из поколения в поколение. Только в начале XIX века английский ученый сэр Вильям Джонс уговорил жрецов продиктовать текст «Ригведы» его секретарям. После этого, переведенная на европейские языки, «Ригведа» быстро стала модной книгой.

Зададим себе вопрос, можно ли считать текст книги подлинным, коль скоро он сохранялся в ненадежной памяти неграмотных жрецов? На первый взгляд ответ может показаться парадоксальным, однако он абсолютно правилен —

именно потому, что он передавался устно, а не в записи, мы можем быть уверенными: он не искажен временем и является подлинным памятником отдаленнейших эпох. Поэты и жрецы прошлого, вынужденные вверять свое духовное наследие устной традиции, развили просто-таки феноменальную память, о которой мы, люди письменности и печатного слова, не имеем ни малейшего понятия. Совсем недавно некий индусский жрец, живущий в Бенаресе, продиктовал очень длинную поэму, ранее неизвестную науке. Анализ языка и стиля неоспоримо показал, что это действительно древнее произведение, созданное несколько веков назад.

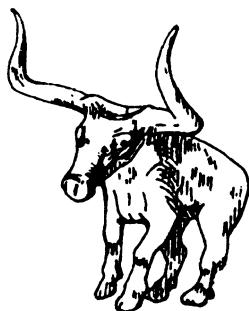
У освященной традицией словесной точности в передаче религиозных текстов есть еще одна, очень любопытная причина. «Ригведа» почиталась боговдохновенной книгой, дарованной сверхъестественными силами. Поэтому ее хранители были убеждены, что не только содержание, но даже каждая буква в отдельности и любой акцент в ритме стиха имеют глубокое магическое значение. Жрецы остерегались допустить ошибку в заученном тексте, опасаясь, что она повлечет за собой весьма печальные для них последствия.

В «Ригведу» включено мифологическое сказание, которое является типичным отражением тогдашних суеверных представлений. Мы читаем о каком-то демоне Тваштаре, который боролся с богом Индрой и хотел победить его с помощью волшебного заклятия. К своему несчастью, он допустил неточность, неправильно выделив стихотворную формулу, и магическое проклятие обернулось против него самого, смертельно ранив.

Такая точность в воспроизведении древнего текста позволяет считать «Ригведу» документом, правильно описывающим не только обычаи и религиозные верования народа, который был его автором, но даже до определенной степени и его историю. Что можно сказать о творцах этого поразительного произведения? Ими были воинственные пастушеские племена, называемые ариями. Они, несомненно, принадлежали к большой семье индоевропейских народов, которые во II тысячелетии до н.э. образовали в восточной России и Туркестане свободную федерацию. Эти народы, что подтверждают документы, найденные в Месопотамии и

Фигурка быка из Аладжи
(2200 г. до н. э.)

Фигурка быка из майкопского кургана
(2200 г. до н. э.)

Анатолии, имели общую культурную традицию и говорили на родственных индоевропейских наречиях.

В XVI в. до н.э. отдельные группы этих народов вторглись в Анатолию и Месопотамию и создали там могущественные царства Митанни, касситов, хеттов. В миграционную волну входили также и арии. Где-то в XV в. до н.э. они через Иран и Белуджистан проникли в северо-западную Индию и покорили неизвестный нам народ, населявший долину реки Инда.

Из «Ригведы» мы узнаем, что арии были пастухами, которые использовали длительные стоянки для занятий земледелием. Выращивали они главным образом ячмень, который косили серпом. Для пахоты использовали волов. Избы, построенные из дерева и крытые соломой, не имели печей. Огонь разводили посередине избы, а дым уходил через щели в стенах и крыше. В свободные от работы минуты мужчины азартно играли в орехи, причем ставки были очень высокими. В «Ригведе» есть забавная элегия — «Жалобы игрока»: азартный игрок умоляет богов даровать ему удачу в игре и жалуется, что, когда проигрывает, «жена не допускает к себе, а теща преследует ненавистью».

Главным богатством ариев был живой инвентарь: скот, овцы, козы, но в первую очередь лошади, которых использовали только для упряжи, поскольку арии еще не знали ни стремян, ни седла. Изготовление и украшение повозок, в которых арии совершали все переезды, описаны так детально, что сегодня можно было бы сделать их точную копию. Хозяйства охраняли свирепые сторожевые псы, но для охоты держали охотничьих, породы догов.

У ариев уже было общественное и имущественное разделение. К низшему слою относились пастухи, земледельцы и ремесленники. В случае войны люди физического труда составляли пехоту, то есть выносили на своих плечах все тяготы войны. Очень влиятельной была каста жрецов-шаманов, но высшая правящая власть в обществе ариев была в руках военной аристократии, занимавшейся главным образом охотой и войной.

Индра — бог упитанный и воинственный

«Ригведа» позволяет познакомиться с жизнью и мировоззрением этих владык. Символом их представлений о том, каким должен быть идеальный воин, является высший бог Индра. Этот повелитель войны и молний сражается, подобно другим ариям, в мчашейся повозке, поражая врагов стрелами из лука. Индра — мужчина с льяной растительностью на лице, упитанный пузан, грубоватый, темпераментный, обжора и невиданный выпивоха. На пиршествах он поглощал невероятное количество говядины, каши, ячменных оладий, горшками осушал медовый напиток, пиво и таинственный напиток сома, в который примешивался какой-то наркотик. Сомой как одурманивающим средством во время религиозных обрядов пользовались также и жрецы. Как видим, достаточно варварский идеал воителя. Одновременно это точный автопортрет ария, позволяющий нам понять, какими были завоеватели Индии.

Гомер — легендарный эпический поэт, которому приписывают авторство "Илиады"

Статуя императора Траяна
Деталь. Мрамор. Начало II в. н. э. Музей в Остии (Италия)

Мы располагаем археологическими доказательствами того, что арии покорили долину Инда приблизительно в XV в. до н.э. Об автохтонах завоеванной страны в «Ригведе» говорится с безграничным презрением. Это были якобы темнокожие безносые люди, которые отказывались признать высшую власть Индры, не приносили богам жертв и отправляли фаллический культ. Но несмотря на столь тяжкие обвинения, авторы информации вынужденно признавали, что исконные племена, жившие в долине Инда, основали крупное государство, что они обитали в укрепленных городах и владели огромными запасами золота.

Поэтому захватнический поход ариев оказался нелегким. Пришельцы вели кровопролитные героические бои за каждую крепостную стену, а стены эти были очень высокими и прочными, сложенными из булыжника и обожженного кирпича. В хвалебных гимнах творцы «Ригведы» наделили Индру почетным прозвищем пармадар, или «разрушитель крепостей». В посвященных ему апострофах они, в частности, говорят:

Колонна императора Траяна

Мрамор. 113 г. н. э.

Архитектор Аполлодор. Рим

«Ты поразил врагов и разрушил множество крепостей или Ты разрушил семь крепостей».

Когда «Ригведу» перевели на европейские языки, никто не сомневался, что повествование о мощных укрепленных городах всего лишь миф, призванный создать ореол героизма вокруг предков, которые покорили северо-западную Индию. В научных кругах преобладало мнение, что долину Инда тогда населяли какие-то дикие племена, которых было легко подчинить себе, поскольку они оборонялись за примитивными земляными валами и палисадниками из древесных пней.

Давайте проследим, как археология, благодаря сенсационным открытиям, опровергла этот взгляд и реабилитировала «Ригведу». Произошло то, что весьма напоминает историю, связанную с именем Гомера и его «Илиадой». Многие годы считалось, что Троянская война и ее герои — это легенды Греции. Только Шлиман был другого мнения. Невзирая на насмешки, он отправился в Анатолию на поиски руин Трои и в 1873 году, к вящему потрясению всего мира, действительно обнаружил их.

Забывтые метрополии и крепости

Уже в 1856 г. оказалось, что якобы легендарные крепости над Индом, описанные в гимнах «Ригведы», действительно существовали. Невольными виновниками восстановления истины стали братья Джон и Вильям Брантон. Они были подрядчиками, которые по поручению «Восточноиндийской железнодорожной компании» прокладывали железнодорожные пути на участке Карачи — Лахор.

Сохранились дневниковые записи Джона о ходе строительства. Укладывая рельсы в провинции Синд в низовье Инда, он испытывал острую нехватку материала для возведения насыпей. Как-то он случайно услышал, что неподалеку есть огромные руины из обожженного кирпича, и не замедлил воспользоваться этим обстоятельством.

Одновременно Вильям прокладывал участок путей в Пенджабе, в верховьях Инда. Узнав о счастливой удаче брата, он решил поискать поблизости такой же строительный материал и вблизи деревушки Хараппы действительно обнаружил обширные кирпичные развалины.

Английских колонизаторов, увлеченных эксплуатацией порабощенной страны, ни в малой степени не интересовало историческое прошлое Индии. Никому не пришло в голову, что руины — бесценное по важности археологическое открытие, требующее тщательного научного изучения. Более семидесяти лет никто не подозревал, что поезда, курсирующие на линии Карачи — Лахор, ездят по насыпям из кирпичей более чем четырехтысячелетней давности.

Только в 1922 году руинами Хараппы заинтересовался известный индийский археолог Р. Д. Банерджи. Уже первые пробные раскопки показали, что это руины какого-то большого и очень древнего города. Банерджи обратился в английское археологическое общество, руководителем которого был сэр Джон Маршалл. По инициативе этих ученых мужей была начата масштабная систематическая работа, успешно ведущаяся по сей день.

В северо-западной Индии уже откопаны две крупные метрополии — Хараппа и Мохенджо-Даро; Лотал, порт на Аравийском море; более шестидесяти мелких городков и сельских поселений. Уже само количество точек, где ведутся археологические раскопки, свидетельствует о том, насколько густо был заселен бассейн Инда.

Две обнаруженные метрополии следует считать самой сенсационной находкой. Выяснилось, что они были построены по заранее разработанному урбанистическому плану. Улицы, проложенные с севера на юг и с востока на запад, пересекались под прямым углом, образуя правильные квадратные блоки жилых домов. В середине, где скрещивались главные артерии города, стояла мощная крепость из обожженного кирпича, возведенная на искусственной платформе, усиленная прочной оборонительной стеной.

Крепость в Хараппе занимает четырехугольник размером 400x200 метров, а высота ее защитных стен равна 15 метрам. На этой площади размещались огромное зернохранилище, глубокий бассейн или цистерна для хранения запасов

питьевой воды, много строений с внутренними двориками, галереями и колонными залами. Судя по расположению многочисленных каморок, можно предположить, что часть этих построек служила монастырским и учебным целям. В любом случае практически нет сомнений, что крепость была резиденцией властей, центром религиозной и административной жизни города.

Под сенью мощных укреплений располагался муравейник довольно солидных домов, построенных из обожженного кирпича. В домах не было окон, выходивших на улицу, вход в помещение был с общего двора, где, по всей видимости, сосредоточивалась жизнь всей семьи. Вызывает удивление высокое развитие общественных и индивидуальных санитарных удобств. Повсюду — вдоль каждой улицы и под каждым домом — археологи обнаружили густую сеть канализационной системы и дренажных труб для отвода сточных вод. Общественные колодцы снабжали жителей питьевой водой. Во многих домах были собственные колодцы и даже ванне комнаты и уборные. Дома были в основном небольшими — одно-двухэтажными, с плоскими крышами. На второй и последующие этажи, поддерживаемые деревянными колоннами, поднимались по деревянным лестницам. Многочисленные лавочки и склады позволяют предположить, что жильцы таких домов были зажиточными торговцами или ремесленниками, что они образовывали средний слой общества.

Но в Хараппе и Мохенджо-Даро были и совершенно другие кварталы. Это были многочисленные двухкомнатные домишки-бараки, напоминающие лагерные или казарменные помещения. В их руинах были раскопаны площадки, вымощенные кирпичом, с углублением посередине в форме миски. Потрясает то, что в этих местах кирпичи сильно вытерты, словно по ним прошли тысячи босых ног. Как правило, поблизости от таких мест находятся зернохранилища. Все говорит о том, что это были кварталы невольников, которые на кирпичных площадках обмолачивали зерно. Здесь же археологи обнаружили множество печей для обжига кирпича и кухонной утвари, из чего можно сделать неизбежный вывод, что часть рабов была занята на кирпичном или гончарном производстве.

Под фундаментом одной из таких убогих халуп была сделана удивительная находка. Внизу, на глубине более двух метров, нашли закопанный клад большой ценности: пятьсот различных украшений из золота и полудрагоценных камней. Среди этих ценностей были великолепные многорядные бусы, изысканные серьги и браслеты, подвески, пояса из золота, обильно украшенные камнями и тончайшими узорами.

Почему такое богатство оказалось под домом раба? Может быть, удалось открыть удачную кражу, совершенную более четырех тысяч лет назад одним из преследуемых и презираемых жителей города? Или это какой-то богач, опасаясь нашествия ариев, закопал свои сокровища в надежде, что никому не придет в голову искать их в квартале невольников? Как бы там ни было на самом деле, ясно одно: человек, спрятавший сокровища, — неважно, был он владельцем или разбойником, — никогда их себе не вернул. Можно строить различные предположения относительно его дальнейшей судьбы. Скорее всего, он погиб от руки врага, варваров-завоевателей в страшной военной заварухе, поэтому клад пролежал нетронутым до наших дней и доказывает, что некоторые члены общества в Хараппе и Мохенджо-Даро были достаточно зажиточными.

Как видим, археология реабилитировала два утверждения «Ригведы»: 1) в долине Инда ариям пришлось в упорных сражениях покорять мощные крепости, и 2) у жителей этих укрепленных городов действительно было много золота. А как обстоит дело с третьим утверждением, а именно с тем, что люди, населявшие бассейн Инда, были темнокожими и «почти не имели носов»? Что говорят по этому поводу антропология и археология?

Оказывается, что и в этом вопросе «Ригведа» заслуживает полного доверия. В развалинах городов Хараппы, Мохенджо-Даро и Чангу-Даро обнаружено около пятидесяти человеческих скелетов с черепами. Антропологи исследовали их и после тщательных измерений пришли к выводу, что население долины Инда состояло из нескольких этнических рас. Половина принадлежала к средиземноморскому типу, распространенному в Египте, на Аравийском полуострове

и в Палестине. Сегодня этот тип распространен в северной Индии.

Вторая же часть скелетов принадлежала весьма примитивным людям, относившимся к так называемому протоавстралийскому типу. Понятно, что представители этой расы были подлинными автохтонами, которых подчинили себе люди средиземноморской расы. Для протоавстралийцев были характерны низкий рост, почти черный цвет кожи, густые, туго завитые волосы, мясистые губы и плоский нос. Сегодня потомки этих автохтонов составляют многочисленную группу беднейших каст Индии. А в те далекие времена их предки в цивилизации Инда были теми рабами, которые обрабатывали землю, обмолачивали зерно, лепили горшки и обжигали кирпич.

Цивилизация Инда в эпоху высшего расцвета

О великой культуре в долине Инда почему-то умалчивается в древних документах Месопотамии и Египта. Поэтому мы можем опираться лишь на то, что сумели прочитать археологи. К счастью, ими открыто так много, находки столь богаты и разнообразны, так поучительны, что мы можем восстановить и рассказать много любопытных подробностей о жизни, обычаях и истории того загадочного народа, который основал в долине Инда могущественную цивилизацию.

В IV тысячелетии до н.э. некие племена из горных районов Белуджистана спустились в долину и заняли находившиеся ниже по течению урожайные земли. Позже к ним присоединились другие племена, которые по тем или иным причинам оказались вынужденными покинуть Шумер. Именно они стали творческим зародышем будущего развития, принеся с собой искусство градостроительства, ремесленничество и оборотистость в торговых делах.

Безусловно, эмигрантов покорили благоприятные клима-

тические условия. Под этим углом зрения долина Инда напоминала долины Нила, Тигра, Евфрата. Ритмичный подъем воды и разливы разносили по долине плодородный ил. Правда, довольно часто случались катастрофические паводки, сводившие на нет все усилия людей, но постепенно поселенцы научились бороться с ними и даже обращать себе во благо. Городки и деревушки строились на искусственных возвышениях из кирпича и земли, а непокорную воду заключили в цистерны и направили на поля через сеть ирригационных каналов.

В дальнейшем развитие шло тем же путем, что в Египте и Месопотамии. Чтобы разветвленная ирригационная система действовала надежно и бесперебойно, требовалось единое централизованное управление. В силу этой необходимости постепенно выделилась монолитная государственная организация во главе с сильной властью, которую представляли царь, высшие сановники и аристократия.

Согласно тогдашним обычаям и представлениям, царь почитался божественным существом и занимал должность верховного жреца. Миф о его сверхъестественном происхождении был необходим: он обосновывал, что земля и урожай — собственность господствующего класса, а хозяйство опирается на принудительный труд. Угнетенные массы рабов и беднейших членов общества должны были верить (и верили), что собственником земли является не аристократия и священники, но высший бог племени, что труд на его благо есть святая религиозная обязанность. Так удерживались в послушании поработанные земледельцы и невольники, занятые на обмолоте зерна, обжиге кирпича, в гончарном ремесленничестве.

Однако большие кварталы комфортабельных двухэтажных домов говорят о том, что слой относительно свободных ремесленников и торговцев был достаточно многочисленным. Именно этот слой обеспечивал городу оживленный ритм, способствовал развитию торговли и ремесел, устанавливал торговые контакты с другими государствами.

Вероятно, около 2600 года до н.э. на географических полюсах удлинённого экономического бассейна, растянувшегося на 50 км по обоим берегам Инда, возникли две сто-

лицы-близнецы: Хараппа и Мохенджо-Даро. Это были центры власти, откуда исходили решения, касающиеся повседневной жизни, экономических и политических проблем государства.

Единая, проводимая в широком масштабе система управления государственным достоянием была немыслима без бухгалтерии, а та, в свою очередь, требовала письменности. И вот в государстве над Индом очень рано, возможно, даже не позднее, чем в Шумере и Египте, создали письмо. Его зачатки были обнаружены археологами на печатях, бронзовых табличках и глиняных черепках. Это типично пиктографическое письмо, выражающее понятие или конкретные предметы с помощью графических значков, а также изображений слонов, быков, носорогов, фиговых деревьев и других подобных символов. К сожалению, все попытки расшифровать эти загадочные письма пока что ничем не завершились.

Археологические находки позволили нам подробно ознакомиться с хозяйственной жизнью индской цивилизации. На искусственно орошаемых полях выращивали главным образом пшеницу, ячмень, хлопок. Кроме того, жители долины Инда занимались растениеводством и овощеводством. Особой популярностью пользовались фиговые деревья, почитавшиеся священными.

Мир домашних животных, судя по найденным костным останкам и рисункам, был весьма разнообразным. Так, разводили животных с жировым горбом типа зебу, овец, свиней, коз. Роль тягловых и вьючных животных выполняли верблюды, ослы и даже лошади. Нужно заметить, что лошадь появилась над Индом раньше, чем в Месопотамии, где ее долго называли «горным ослом», поскольку вывозили из Персии и Туркестана. Горы этих двух стран образуют единое географическое целое с горами Белуджистана. А поскольку Белуджистан непосредственно соседствует с долиной Инда, вполне понятно, что там лошадь появилась раньше, чем в Месопотамии.

Пожалуй, ни в городах, ни в маленьких поселениях не было дома, где не держали бы кошку или собаку. По крайней мере мы можем так предположить, исходя из огромного количества их костных останков. Тому есть и еще одно

Образы
нероглифических знаков
из Древнего Египта

Письмена древних майя,
относящиеся к первому
тысячелетию н. э.

подтверждение, причем совершенно иного рода и довольно забавное, ибо говорит нам о том, что непрекращающаяся вражда между кошкой и собакой не просто какая-то там традиция — она длится уже добрых пару тысяч лет. Археологами были обнаружены большого объема кирпичи с отпечатавшими на них следами кошачьих и собачьих лап. По

расположению следов, почти перекрывающих друг друга, видно, что кот, настойчиво преследуемый псом, шмыгнул по кирпичам, когда они были еще мокрыми и сохли на солнце. И нам сразу представляется лицо того невольника, который потел над изготовлением кирпичей, так и слышится, как он, под яростный собачий лай, клянет незваных гостей, испортивших работу.

Кстати, еще о животных: а как к ним относились жители долины Инда? Все говорит о том, что отношение было самым добрым, приятным, пожалуй, даже окрашенным любовью. К такому суждению нас склоняет, например, тот факт, что в руинах было найдено множество фигурок зверей, с юмором и трогательной чуткостью вылепленных из глины. Создается впечатление, что эти фигурки были самой популярной игрушкой; детишки забавлялись с ними на улице и роняли в каналы, откуда их сегодня добывают археологи.

Среди этих фигурок чаще всего встречаются коровы, ослы и верблюды с подвижными ногами и головой, приводимые в движение шнурочком; лазающие по веревочке обезьянки, повозки с вращающимися колесиками, свистульки-петушки и слоны, поднимающие хобот. Найдено так много игрушек, что возникает подозрение, что их массово производили на экспорт.

Ведь совершенно точно установлено, что государство над Индом вело активную и разнообразную международную торговлю. Тому есть масса археологических доказательств. В развалинах городов над Тигром и Евфратом обнаружены предметы индийского происхождения, а в клинописных глиняных документах встречаются упоминания о пребывании в Месопотамии индийских купцов. Купцы Хараппы и Мохенджо-Даро торговали кожами, благовониями и невольниками, но в первую очередь хлопковыми тканями. Взамен они везли из Месопотамии ювелирные украшения из золота и полудрагоценных камней, изукрашенное оружие и, кто знает, может быть, экзотических рабынь-танцовщиц, на мысль о чем наводит найденная в Хараппе бронзовая фигурка танцовщицы.

Сначала ученые полагали, что экспорт товаров осуществлялся исключительно сухопутным путем, что для этих це-

лей использовались только караваны вьючных животных. Однако после раскопок портового города Лотал, тщательно спланированного с урбанистической точки зрения, имевшего даже просторный док, построенный из обожженных кирпичей, стало очевидным, что торговцы из долины Инда занимались и морскими перевозками. Их суда плавали прямо в Месопотамию через Аравийское море и Персидский залив.

Как цивилизация Инда исчезла со страниц истории

Где-то в XV в. до н.э. из оврагов и горных котловин выпала несметная рать воинов-ариев и, как ураган, обрушилась на мирных жителей долины Инда. Страшную панику и опустошение сеяли боевые колесницы, проносья, как вихрь, на легких ивовых колесах со спицами. Впряженные в них рысаки, подгоняемые кнутами, которые держали в руках бородатые воины в бронзовых шлемах, хрипя и брызгая пеной, стремительно мчались вперед. Правда, в долине Инда были собственные средства передвижения, но то были непригодные для военных действий транспортные повозки, медленно передвигавшиеся на дисковых, страшно скрипевших колесах из дерева.

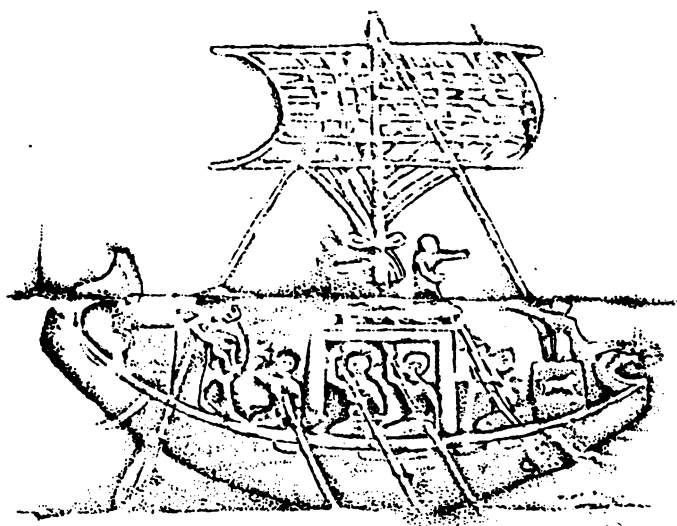
За короткое время земли в долине Инда превратились в одно дымящееся пепелище. Под крики и стенания убиваемых людей захватчики неудержимо рвались вперед, с невиданной жестокостью грабя и поджигая поселения и города, пока в конце концов не взяли штурмом и не превратили в груды развалин прекрасные крепости Мохенджо-Даро и Хараппу. Тысячелетнее государство в долине Инда перестало существовать.

Сегодня, по истечении почти 3500 лет, археологи находят в развалинах городов волнующие следы тех драматических событий. Повсюду закопченные дымом кирпичи, сознательно разрушенные стены и скульптуры, разбитые горшки, несметное количество бронзовых наконечников от

стрел. Что самое странное — найдены даже непосредственные свидетели борьбы и поражения. В Мохенджо-Даро откопали несколько человеческих скелетов. Их положение говорит о том, что это были жители города, которых поразила внезапная смерть от рук ариев. В Хараппе в руинах нашли человеческие скелеты, которые валялись на улицах, лестницах, порогах домов. То положение, в каком они были найдены, не оставляет сомнений, что это останки несчастных жертв неожиданного нападения, которые в панике искали спасения в бегстве и погибли, пронзенные стрелой и заколотые мечом неумолимого захватчика. То здесь, то там встречаются могилы воинов с бронзовым топориком в руке и копьем под боком. Удлиненная форма черепа, присущая каспийскому типу, равно как характерный топорик с отверстием в рукояти, неизвестный в долине Инда, указывают на то, что это захоронения погибших арийских воинов.

Доказательством вооруженного нападения ариев служит также оружие месопотамского и персидского происхождения, в частности бронзовые мечи с украшенной рукоятью, которые находили, как правило, только в гробах персидских воинов. Один из таких мечей, отличающийся особо изысканным украшением, принадлежал, без сомнения, крупному арийскому вождю. Не менее ценное доказательство — найденные в большом количестве украшения, выполненные в западноазиатском стиле, например булавки для одежды, никогда не использовавшиеся на землях Инда.

Авторы «Ригведы», как мы уже отмечали по другому поводу, питали к своим противникам глубокую неприязнь. Но сегодня мы достоверно знаем, что именно арии были варварами, что они напали на государство с высокоразвитой материальной культурой. Археологические открытия не оставляют никаких сомнений в том, что новые хозяева не хотели или не умели восстанавливать разрушенные города. На руинах они ставили пастушьи шалаши, в лучшем случае строили убогие домишки, вели традиционную жизнь скотоводов и охотников, предавались, как и раньше, удовольствиям и пирам. Землю, которая за время захвата не успела превратиться в залежь, обрабатывали покоренные автохтоны. О системе ирригационных каналов никто не заботился, поэто-

Папирусные корабли по древнеегипетским петроглифам
(Реш, 1967)

му урожай стали год от года сокращаться, и долина Инда вскоре превратилась в опустошенную, убогую страну.

Как же могло случиться, что примитивные племена пастухов подчинили себе многолюдное, прекрасно организованное царство, достигшее высокой ступени цивилизации? Тому было много причин, среди них и тот странный факт, что цивилизация Инда, судя по потрясающе малому количеству найденного оружия, не располагала сильной армией для защиты страны, а ее население не отличалось воинственностью. Однако главная причина поражения заключалась в психике, присущей жителям долины Инда, и в общественном устройстве этой цивилизации.

Раскапывая руины городов, археологи обнаружили обстоятельство, странное со всех точек зрения. Они насчитали в Хараппе девять очередных уровней заселения, прерываемых паводковыми катаклизмами. Эта стратификация соответствует где-то тысяче лет. И оказалось, что предметы, обнаруживаемые в каждом очередном культурном слое, от древнейшего до последнего, ничем друг от друга не отличаются. Нет никаких изменений, вызванных прогрессом и

развитием или хотя бы модой. Например, мы знаем, что предметы из керамики, поскольку они легко бьются, всегда и всюду носили на себе отпечатки новых модных течений и пристрастий. Поэтому их называют «часами эпох», ведь по их форме и росписи можно определить возраст культурных напластований, в которых они были найдены. А в Хараппе керамика за тысячу лет ни в чем не изменилась.

То же самое ученые обнаружили в Мохенджо-Даро. Когда мы опускаемся в раскоп, нас окружает девятиметровая стена культурных слоев. Но найденные в них предметы, хотя порой их отделяет друг от друга не одно столетие, поразительно похожи, просто близнецы. То есть культура Инда была потрясающе консервативной, застывшей в традиционных формах, неспособной к прогрессу, а значит, беспримерно стерильной. Консерватизм доходил до того, что в земледелии и ремеслах царила страшная даже для тех времен техническая отсталость. Вплоть до самой последней минуты существования этой цивилизации здесь пользовались орудиями каменной эпохи.

В довершение всего общество Инда пронизывал какой-то дух ограниченного утилитаризма. Все, что делалось, было направлено на сиюминутное потребление, во всем были строго обязательны стандартизация, посредственность и стремление к сугубо экономической полезности. Особенно это заметно по глиняной утвари, которую хотя и производили на гончарном круге, но с декоративной точки зрения она была более чем убогой. Видимо, ее в массовом количестве изготавливали для практических целей, вовсе не стремясь придать ей хоть какую-то художественность. Такой же поразительный утилитаризм проявляется и в почти казарменной симметрии городских улиц, равно как и в отсутствии красивых архитектурных построек и скульптурного искусства. Найденные немногочисленные скульптурные вещицы скорее подтверждают правило.

Кто приковал население Инда к этой бездушной монотонной лямке традиционализма, убивающего индивидуальную инициативу, полет мысли и фантазии, изобретательность? Нам вспоминается уклад инков, которые повседневную жизнь поработенных перуанских племен регулировали мелочными предписаниями, чтобы обеспечить как можно бо-

лее высокую продуктивность земледелия и ремесел. Инки действовали от имени бога Инти. Не могли ли аналогичным образом, от имени своих богов, поступать цари и жрецы индской цивилизации? Ничто другое, кроме ритуальных требований, имевших религиозный характер, не могло бы так долго удержать в полном и безоговорочном повиновении десятки тысяч людей, лишив их, как муравьев, индивидуальности.

Однако достигнутая таким способом стабилизация носила в себе зародыш упадка и гибели. Когда наступили неизбежный застой, духовная апатия и усталость, настал также и закат государства. Огромное общественное образование, имевшее за собой почти 1000 лет, стало легкой добычей молодых, динамичных и воинственных горных племен, которых манила богатая, плодоносная речная равнина.

Над Индом на долгие века опустилась ночь варварства и забвения. В VI веке до н.э. персы присоединили долину к своей необозримой империи. А в 323 г. до н.э. там появился Александр Македонский. Греки, сопутствовавшие ему в этом походе, потом с удивлением рассказывали о многоводных реках и «шерсти, которая растет на деревьях» (хлопок). Только в III в. до н.э. для Индии началась новая историческая эпоха. Ее достойно открыл Ашока из династии Маурья (273 — 232 гг. до н.э.) — один из немногочисленных правителей, который не только провозгласил идеологию мира, но и последовательно проводил ее в жизнь. Одновременно он был первым царем, который стал горячим сторонником буддизма.

ХЕТТЫ — НЕДАВНО ОТКРЫТЫЙ НАРОД

Самые грозные соперники фараонов

Случилось как-то, что царь Давид прогуливался по дворцу в Иерусалиме и размышлял о странных превращениях своей судьбы. Почти вся молодость прошла в скитаниях по горам Ханаана, поскольку он был вынужден спасаться от мести Саула. Был он тогда изгнанником и главарем банды партизан, а теперь царь Израиля и Иудеи. После трудов и войн, поражений и окончательной победы он решил наконец отдохнуть и больше

Царь Давид

времени уделять радостям жизни. Своим заместителем в военных походах и верховным начальником он назначил Иоава, который победоносно сокрушил аммонитян и как раз сейчас осаждал Равву Аммонитскую. Стало быть, дела в царстве идут великолепно! Оно столь могущественно, что соседние народы предпочитают не вступать с ним в вооруженные конфликты.

Так, купаясь в самодовольстве, Давид остановился у оконной ниши и — о чудо! — в доме напротив увидел совершенно обнаженную женщину. Она мылась, не подозревая, что царь подглядывает за ней. В одну секунду Давид воспылал таким безудержным влечением к ней, что решил любым способом заполучить ее для себя. От слуг он узнал, что это Вирсавия, жена Урии Хеттеянина, заслуженного начальника израильской армии. Этот верный наемник сражался с аммонитянами бок о бок с Иоавом, а Давид, нимало не смущаясь, воспользовался его отсутствием и соблазнил жену Урии.

Спустя положенное время оказалось, что Вирсавия ждет ребенка. Тогда Давид, опасаясь неприятных последствий своего неблагоприятного поступка, решил избавиться от оскорбленного им супруга. Он потребовал от Иоава послать Урию в самое опасное место боя у стен Раввы и оставить одного среди врагов. Хеттский воин, предательски покинутый своими товарищами по оружию, погиб под ударами аммонитян.

Этот грустный рассказ о Давиде и Урии — не единственное доказательство присутствия хеттов в Ханаане, имеющееся в Ветхом завете. Из другого отрывка мы узнаем, что еще во времена Авраама, то есть в начале II тысячелетия до н.э., хетты основали там свои маленькие государства с царями во главе.

Патриарх был погружен в печаль, когда умирала его любимая жена Сара. Он обратился к хеттскому царю в Хевроне с просьбой разрешить похоронить дорогие останки в его земле. Царь с готовностью предоставил ему лучшее место на хеттском кладбище, но по религиозным причинам Авраам не принял его предложение. Вместо этого он просил царя походатайствовать перед богатым хеттеянином по имени Ефрон, поскольку у того была

пещера, пригодная для семейной гробницы. Поначалу Ефрон хотел отдать пещеру бесплатно и только после долгих уговоров Авраама взял за нее четыреста сиклей серебра.

Мы не погрешим против истины, если скажем, что на те времена хетты были исключительными джентльменами. Их великодушное поведение, широта в денежных вопросах и гостеприимство легче оценить, осознав, что Авраам был в Ханаане чужеземцем. Правда, богатым и достойным старцем, но, уж несомненно, кочевником, который бороздил страну в поисках пастбищ и ночевал в шатре.

Из разбросанных в Библии там и сям замечаний выясняется еще одна любопытная подробность: хеттские женщины обладали каким-то особым шармом и производили столь благоприятное впечатление, что иудеи не могли ему противиться. Они часто женились на хеттеянках, несмотря на то что племенные обычаи и религиозные запреты не разрешали брать в жены женщин чужой крови. Такой мезальянс допустил не только Исав, сын Исаака и *enfant terrible** Ветхого завета, от которого всего можно было ожидать, но даже сам царь Соломон. В его гареме было несколько хеттеянок, и, используя эти родственные связи, он поддерживал оживленные торговые отношения с хеттскими правителями в Северной Сирии, сбывая для боевых колесниц, приобретаемых в Египте, цуговых лошадей.

О сирийских хеттах есть еще одно замечание в Библии, которое представляет их в совершенно ином свете. Этот инцидент случился во время войны с сирийскими арамейцами. Мы читаем в Библии:

«...стану Сирийскому послышался стук колесниц и ржание коней, шум войска большого. И сказали они друг другу: верно нанял против нас царь Израильский царей Хеттийских и Египетских, чтобы пойти на нас.

И встали и побежали в сумерки, и оставили шатры свои и коней своих, и ослов своих, весь стан, как он был, и побежали, спасая себя».

И дальше мы узнаем, что в стане сирийцы оставили не только оружие, коней и большие запасы продовольствия, но

* *Enfant terrible* (фр.) — ужасный ребенок.

Соломон и царица Савская

(гравюра на дереве Юлиуса Шнорр фон Карольсфельда. XIX в.)

даже огромное количество золота и серебра. Действительно, серьезным противником должны были быть хетты, коль скоро вызвали такую панику одним только бряцанием оружия!

Хетты — таинственный народ

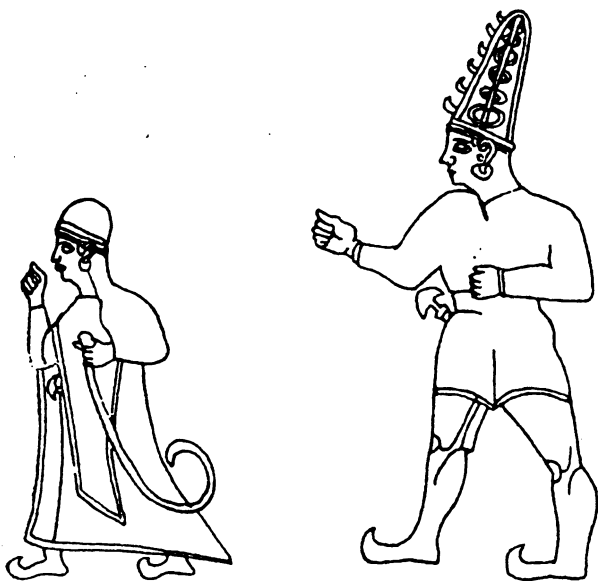
Вот почти и все, что до начала XIX века знали о таинственных хеттах. Как немного! Особенно если принять во внимание, что было неясно, насколько вообще можно доверять в этом вопросе хронистам Ветхого завета, которые легко переплетали мифы и легенды с подлинными историческими фактами.

В XIX веке проснулся интерес к странам Ближнего Востока. В 1812 году известный швейцарский путешественник Иоганн Людвиг Буркхардт издал книгу «Путешествие по Сирии».

Он пишет, в частности, что в сирийском городке Хама, тогдашней провинции турецкого Дамаска, заметил на базарной площади угловой дом, в стену которого была вмурована базальтовая дощечка с надписью на неизвестном языке. Это письмо, не похожее ни на одну из известных письменностей Месопотамии или Египта, представляло собой значки, изображающие различные предметы и человеческие фигурки, то есть имело ярко выраженный пиктографический характер.

Однако замечание швейцарского путешественника не вызвало отклика в научных кругах. Никому не пришло в голову, что табличка из Хамы может быть как-то связана с туманными хеттами из Ветхого завета. Ведь в то время никого вообще не интересовало, были ли они и кем были. Хетты? Подумаешь, один из многочисленных народов, некогда населявших Ханаан, — и достаточно. Такое равнодушие имело свои корни: дело в том, что фидеисты не придавали ни малейшего значения подобного рода мелочам, а рационалисты целиком и полностью отвергали Библию как источник исторических сведений.

В 1870 году, то есть спустя 58 лет после выхода книги Буркхардта, табличка из городка Хама вновь оказалась в центре внимания. Два американских путешественника, пораженные необычной надписью, стали перерисовывать ее в свои блокноты. Но они не учли фанатизм местного населения, которое приписывало табличке некую мистическую си-

Царь Тудхалия (слева) и бог Шаррума (справа)
Язылыкая

лу. В мгновение ока американцы оказались в тесном кольце вопящих и угрожающих мусульман, и только вмешательство турецких солдат спасло их от, казалось, неминуемого самосуда.

Еще через два года в городке Хама появился английский миссионер Вильям Райт в обществе турецкого губернатора Сирии. Под его вооруженной охраной и под пристальным вниманием враждебно настроенных горожан Райт снял табличку и отправил ее в константинопольский музей. Отличную же с нее копию подарил Британскому музею в Лондоне.

Приблизительно в то же время такая же табличка была обнаружена в городе Алеппо. Она была вмурована в стену местной мечети. К сожалению, надпись и барельеф оказались стертыми до такой степени, что с большим трудом удалось различить отдельные фрагменты. Виновными в этом были не климатические условия, а жители Алеппо, которые верили в целительную силу таблички, особенно для лечения

офтальмии. Бесчисленные поколения людей, страдавших этим заболеванием, терли воспаленные глаза о табличку и практически уничтожили надпись. Поэтому не стоит удивляться, что, как только к табличке начали проявлять интерес иностранцы, она бесследно исчезла. Жители города куда-то старательно ее упрятали.

Давным-давно известно, что в горах Тавра есть наскальный барельеф, изображающий вереницу бородатых мужчин. Есть в этих горах и множество руин циклопических крепостей с воротами, охраняемыми каменными сфинксами. Такие памятники рассыпаны по всей Анатолии и очень часто встречаются в излучине реки Галис. Барельеф с изображениями мужчин описывал уже Геродот, усматривая в нем фараона Сесостриса (Сенусерта) и его двор. Но никто не догадался соединить эти реликвии с библейскими хеттами.

И только в 1880 году это сделал выдающийся востоковед и археолог англичанин Арчибальд Сейс. Выступая с докладом на заседании «Друзей библейской археологии», Сейс выдвинул гипотезу, что авторами всех этих монументальных творений были хетты. Какой вывод позволяла сделать гипотеза Сейса? Ее подтверждение означало бы, что хетты населяли Анатолию и весь горный район на север от Месопотамии и что потомки этого народа проникли в Северную Сирию и Палестину.

Как оказалось позднее, гипотеза в целом была правильной. И очень скоро отпала необходимость вообще что-либо предполагать по этому поводу. Все предположения заменила цепь быстро следующих одно за другим открытий, ставших чуть ли не самым впечатляющим событием в истории археологии. Благодаря им перед историками открылся пленительный мир хеттов, о которых раньше ничего не знали.

Геродот

По следам хеттов

С момента дешифровки египетских иероглифов и месопотамской клинописи вопрос о хеттах вырвался из замкнутого круга домыслов. По мере прочтения обнаруживаемых в руинах исторических документов постепенно поднимался занавес, который так долго скрывал от нас сцену древнего мира.

Надписи на стенах египетских святынь сообщили нам, что уже в XV в. до н.э. империя фараонов с оружием в руках померялась силой с растущей агрессивией хеттов. Великий воитель Тутмос III направился тогда в Сирию и на ее северных окраинах сдержал натиск хеттских войск, стремившихся на юг, через ущелья и перевалы Тавра.

Теперь чуть ли не ежедневно обнаруживались новые источники, дающие ту или иную информацию об этом народе. Так, в храме Рамзеса в Луксоре давно вызывал восхищение настенный барельеф, изображающий какую-то батальную сцену, полную динамизма. Египетский художник, отнюдь не бесталанный, если судить по барельефу, с удивительной экспрессией изобразил фараона, который на колеснице во главе своего войска догоняет поверженного врага, в страхе отступающего за реку. Но только когда был прочитан иероглифический комментарий к сцене, мы узнали, что таким образом Рамзес II прославляет военную победу, которую он будто бы одержал над хеттами в битве у стен сирийской крепости Кадеш. При-

Хаттусили III с дочерью,
сосватанной за Рамзеса II
(с египетского рельефа в
Абу-Симбеле)

Статуя Аменхотепа IV (Эхнатона)

Деталь

Из храма Ра-Горахте в Карнаке. Песчаник. Высота около 4 м.
XVIII династия. 1-я четверть XIV в. до н.э.

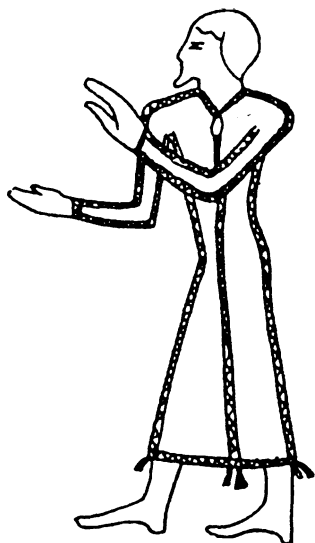
бегнув к календарным расчетам, египтологи установили, что эта битва разыгралась в 1286 г. до н.э.

Казалось бы, что барельеф в честь победы позволяет думать, что экспансия хеттов была тогда остановлена. Однако случайно выяснилось, что Рамзес II не по праву похвалялся одержанной победой. Хетты ни в коей степени не были разбиты, доказательством чего было хотя бы то, что именно они, а не египтяне, выстояли на поле битвы и тем самым обеспечили себе возможность обосноваться также и в Северной Сирии. Молодой, вспыльчивый фараон легкомысленно попал в западню, и только счастливому стечению обстоятельств он обязан тем, что вышел из окружения. Поэтому битву под Кадешем никак нельзя считать решающей.

После нескольких лет безрезультатной борьбы Рамзес был вынужден подписать с хеттским царем договор о вечной дружбе, а для упрочения союза даже взять в жены одну из его дочерей. Подписание договора произошло, главным образом, по вине ассирийцев, которые становились все сильнее и опаснее для обоих новых союзников. Но мы можем предположить, что фараон — властитель самой могущес-

Кувшин в форме двухголовой утки из Боказгей

**Праздничная одежда
"Хурритская рубашка"
(с египетского рельефа)**

**Детский браслет,
по-видимому, из Западной Турции
Британский музей**

твенной державы тогдашнего мира — не унизился бы до такого союза, если бы не поражение под Кадешем и последующие неудачи в войне с хеттами. Нужно заметить, что текст договора сохранился до наших дней, так как Рамзес не замедлил увековечить его полный текст на стенах храма в Карнаке.

Ассирийские надписи в Месопотамии со всей очевиднос-

тью подтвердили, что хетты обосновались в Северной Сирии надолго. Со времен господства ассирийского царя Тиглатпаласара I (около 1100 г. до н.э.) Сирия называлась «Страной Хатти», а столицей возникшего там хеттского царства стал укрепленный город Кархемиш.

В 1887 году сделано новое крупное открытие. В руинах Тель-эль-Амарна, давней столицы фараона Эхнатона, был обнаружен его архив, содержащий дипломатическую и административную переписку как самого Эхнатона, так и его отца, фараона Аменхотепа. Корреспонденция касалась политических событий 1370 — 1348 гг. до н.э. и содержала много важнейших сведений о хеттах. Ценнейшей находкой является подлинное личное письмо царя хеттов Суппилулиума, в котором он поздравляет Эхнатона со вступлением на трон.

Эхнатон, один из самых любопытных монархов древности и основатель монотеистической религии бога Солнца Атона, был первым в истории идейным пацифистом, отвергавшим насилие как инструмент политики. Из-за такого мировоззрения главы царства власть египетского государства в Азии, опиравшаяся на военную силу, пошатнулась. В архиве сохранилось несколько писем, в которых сирийские вассалы понапрасну зывают к фараону о помощи против агрессии хеттов.

Однако эти сведения, сколь бы сенсационны они ни были, имели скорее второстепенную и частную ценность. Все никак не удавалось проникнуть в самую суть проблемы, все еще нельзя было установить, кем были хетты и где находился главный центр их царства.

Загадка оказалась решенной только в 1906 году, когда Гуго Винклер, немецкий археолог, открыл местонахождение столицы хеттского государства в окрестностях турецкой деревушки Боказгёй, расположенной в 145 км на восток от Анкары. Столица хеттов располагалась на реке Галис (ныне Кызыл-Ирмак), которая в этом месте делает большую излучину и впадает в Черное море. Сегодня мы знаем, что столица называлась Хаттусас и занимала площадь в 170 га. В высоком кургане археологам посчастливилось раскопать руины великолепного дворца, святилища, общественные здания, мощные оборонительные стены,

фигуры из черного базальта. Скульптуры изображают мужчин с ниспадающими до плеч волосами, с высоким колпаком на голове, в коротких юбочках и остроконечной обуви.

Но важнейшим открытием стал царский архив, насчитывающий тринадцать тысяч глиняных табличек с клинописным текстом. Это главным образом документы, составленные на неизвестном хеттском языке, но среди них были и таблички, написанные на уже дешифрованном аккадском языке, который, подобно французскому языку в Европе, выполнял в древнем мире роль дипломатического языка.

Благодаря одному из тех счастливых случаев, которые, как фейерверки, освещают путь археологии, в архиве столицы Хаттусас обнаружили текст того самого мирного договора, который Рамзес II заключил с царем хеттов. Поскольку он составлен на аккадском языке, его, естественно, без труда прочитали и подтвердили идентичность с текстом, вмурованным в стену храма в Карнаке. Даже самый неисправимый оптимист среди археологов не мог предположить, что в огромной куче щебня окажется подлинный документ, написанный более 3000 лет назад и врученный царю хеттов египетскими посланцами.

Долгие годы ученые кропотливо искали ключ к тайне хеттского языка. Поэтому, когда в 1915 году чешский ученый-востоковед Бедржих Грозный составил первый краткий очерк грамматики хеттского языка, он встретился со всеобщим скептицизмом. Особенно потому, что его утверждения выглядели абсолютно фантастично. По мнению Грозного, хеттский язык относился к большой семье индоевропейских языков и был тесно связан с итало-кельтской группой. Предположение, что во втором тысячелетии до нашей эры население Малой Азии говорило на языке, похожем на латынь и греческий, многим ученым показалось слишком эксцентричным, но дополнительный доказательный материал, позднее предложенный Грозным в более полной грамматике хеттского языка, не оставлял в этом ни малейших сомнений.

Грозный установил, что структура хеттского языка имеет

флективный характер, то есть субстантивные и глагольные формы выражаются с помощью соответствующих окончаний. Более того. Выяснилось, что хеттские окончания удивительно похожи на окончания в греческом и латинском языках. Что же касается лексики, то хетты многое заимствовали из азиатских языков, но Грозный обнаружил также немало индоевропейских слов, смысл которых он установил путем сопоставления с аналогичными греческими и латинскими словами.

Здесь не место подробно описывать кропотливый труд и исследовательские методы, которыми пользовался чешский ученый при дешифровке хеттского языка. Но стоит упомянуть об одной любопытной подробности: немалую помощь оказал тот невероятный факт, что в своих текстах хетты часто прибегали к скорописи.

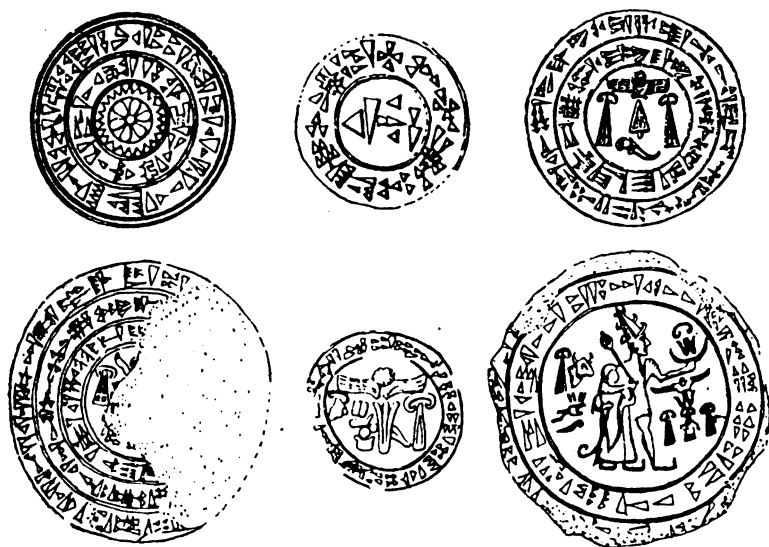
Дело выглядит следующим образом. Еще долгое время после ухода шумеров с исторической сцены на Ближнем Востоке мертвый шумерский язык выполнял ту же роль, что и латинский язык в средние века и по сей день в католической церкви. Он был, проще говоря, языком писателей и священников. Хетты оставались под сильным влиянием месопотамской культуры. Их хронисты и писатели, естественно, прекрасно владели и шумерским языком, но пользовались им довольно-таки оригинально. Шумерский язык состоит, главным образом, из односложных слов, выраженных на письме односложным клинописным знаком. Если какое-то слово в хеттском языке было многосложным, писцам было удобнее выразить его соответствующим сокращенным односложным шумерским знаком. Его читали по-хеттски, игнорируя подлинно шумерское фонетическое звучание.

Бедржих Грозный знал смысл этих шумерских знаков, поэтому их присутствие в непонятном тексте имело преимущество, которое позволяло додумать смысл целого предложения и логически вывести приблизительное значение отдельных составных элементов слов. Такова была одна из многочисленных тропинок, приведших Грозного к успеху.

И здесь было сделано одно из самых удивительных открытий нашего времени: оказалось, что во времена Авраама в

Оттиски печатей. Верхний ряд, слева направо:
из Боказгёй, из Угарита, из Боказгёй.
Нижний ряд, слева направо: из Боказгёй, из Угарита, из Угарита

Оттиски царских печатей. Верхний ряд, слева направо:
Хуцши, Асмуникал и Мурсили II; нижний ряд, слева направо:
Арнуванды и Асмуникал, Хаттусили III, Пудухепы и Муваталли

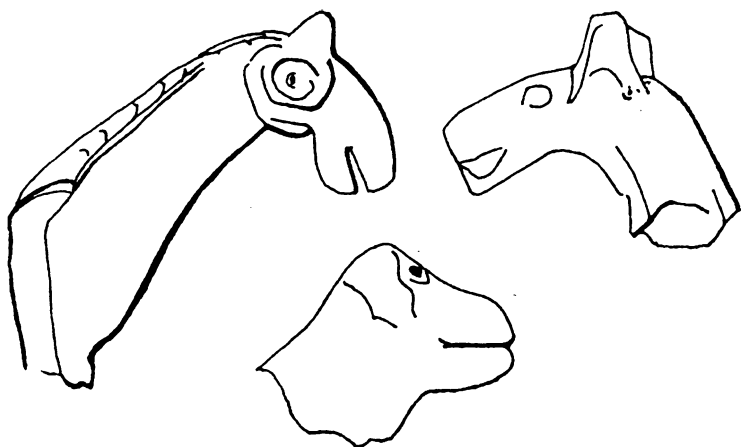
некоторых местностях Ханаана говорили на языке, похожем на греческий и латынь. Но мы еще увидим, что найденные в столице хеттов глиняные таблички с клинописными значками скрывали в себе много неожиданностей, которые полностью изменили взгляд востоковедов на историю и этнический состав Ближнего Востока.

Завоеватели в железных латах

В 1919 году, то есть спустя года два после публикации Б. Грозным грамматики хеттского языка, научные круги опять испытали сильнейшее потрясение. Швейцарский востоковед Э. Форер сообщил, что, исследуя клинописные таблички в Боказгёй, он сумел выделить в них — ни много ни мало — восемь языков. Из этого непреложно вытекало, что хеттское государство имело многоязычное население.

Помимо хеттского языка, который принадлежал к италокельтской группе индоевропейских языков, широко был распространен язык с совершенно другой грамматической структурой, не соответствующей ни семитской группе, ни индоевропейской. Так, если хетты склоняли и спрягали с помощью окончаний, люди, говорившие на этом неизвестном языке, для этих целей пользовались префиксами. Например, множественное число от слова *binu* (ребенок) звучало *lebinu*.

Кем были люди, говорившие на этом языке, какое общественное положение занимали они в государстве Хатти? Клинопись поведала нам, что подданные хеттского царя на этом языке главным образом молились. На нем в основном писались религиозные тексты, такие, как литании, гимны, экзерсисы, молитвы, хоральные песнопения. Архаичность языка свидетельствует о том, что на нем говорило местное население, жившее в Анатолии задолго до прибытия туда хеттов. Учитывая то очевидное влияние, какое они оказывали на религиозную жизнь государ-

Ручки сосудов в форме голов животных
Троя VI в. до н. э.

ства, мы можем предположить, что они образовывали средний слой общества, что из их среды выходили жрецы и торговцы.

Очень любопытен третий язык, называемый учеными «языком Лувии». Им пользовались угнетенные хеттами земледельцы, образовывавшие низший слой общества. Но неожиданно то, что в своей принципиальной основе это был индоевропейский язык, хотя очень смешанный с заимствованиями из азиатской группы языков. Исследователи предположили, что жители Лувии представляли собой форпост индоевропейскому вторжению и, прибыв в Малую Азию около 2300 г. до н.э., были подчинены автохтонным населением за 400 лет до прихода хеттов.

В остальных языках преобладали только индоевропейские наречия. Это говорит о том, что Малую Азию, Северную Месопотамию населяли еще какие-то родственные хеттам племена. В частности, ими были касситы и митанни, также игравшие значительную политическую роль.

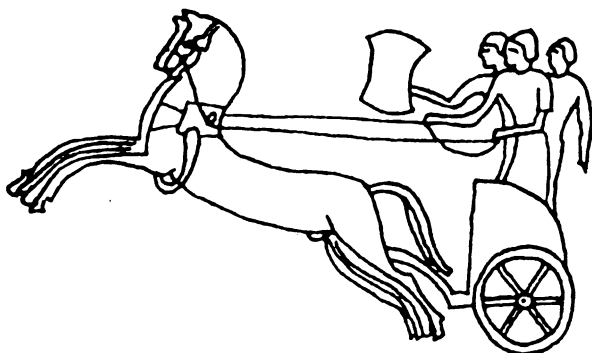
Открытие Форера вынудило востоковедов основательно пересмотреть взгляды на историю Ближнего Востока. Многие годы считалось, что до появления мидийцев и персов индоевропейские народы не участвовали в развитии культу-

ры и истории Малой Азии по той простой причине, что их там не было.

Откуда появились эти индоевропейские пришельцы? Русский археолог Б. А. Куфтин нашел на Кавказе керамику, покрытую черной глазурью и расписанную своеобразным орнаментом. Несомненно, это керамика индоевропейского происхождения. Идентичную керамику выкопали на берегу реки Галис и в Сирии над рекой Оронт.

Опираясь на эти и ряд других знаков, ученые реконструировали один из наиболее драматических периодов в истории древнего мира. Индоевропейские племена, которые первоначально населяли южные просторы России, в один прекрасный день в начале II столетия до н.э. по каким-то причинам решили эмигрировать и двинулись со всем своим скарбом через Кавказ на юг, в Анатолию. Во время этого безудержного марша, с женщинами, детьми, живым инвентарем и нагруженными повозками, завоеватели, по всей видимости, разрушили Трою, руины которой, носящие следы пожара, археологи обнаружили во втором снизу культурном слое раскопа. Это произошло за добрых пару сотен лет до появления у стен Трои других агрессоров: ахейцев.

Характерное наслоение языков, открытое Форером, позволяет сделать вывод, что индоевропейские завоеватели подчинили себе местное население и навязали господство. Одной из ветвей завоевателей были именно хетты. С течением времени их государство на землях Малой Азии превратилось в одно из самых могущественных царств, которое долгие годы с успехом соперничало с гордым Египтом. Вторая ветвь — касситы — после свержения аккадской династии Хаммурапи на протяжении 550 лет оставалась господствующим аристократическим слоем в Вавилонии. Но больше всего обращает на себя внимание третья группа индоевропейских племен, названных арии. Часть этих завоевателей обосновалась в Месопотамии и в верхнем течении Евфрата основала мощное царство Митанни. Фараон Аменхотеп III заключил с царем Митанни союз против хеттов и взял в супруги его дочь. Однако союз не принес предполагаемой выгоды, ибо партнеры не сумели сдержать марш хеттов в восточном направлении, к границам Сирии. Спус-

Хеттская колесница
(с египетского рельефа в Фивах)

тя какое-то время царство Митанни пало жертвой нашествия хеттов и ассирийцев. Воинов царства Митанни называли «мариянни». Этимологически название восходит к ведийскому слову «мария», что означает «молодой человек» или «герой». У них были типичные арийские имена, и они чтили известных нам по другим источникам индийских богов, например Митру и Варуну. Поэтому нет сомнений, что владыки Митанни были ответвлениями тех арийских племен, которые в XV в. до н.э. перевалили через горы Белуджистана и разрушили мощные укрепленные метрополии Хараппу и Мохенджо-Даро в долине Инда. «Ригведа» — эпопея, созданная по канве именно этих эпохальных исторических событий.

То, что хетты, касситы и митанни смогли обеспечить превращение своих государств в могущественные империи и сохраниться, несмотря на численный перевес коренного населения, следует приписать тому обстоятельству, что они владели искусством выплавления железа, разведения упряжной лошади и производства легких боевых колесниц со спицевыми колесами.

Где-то в горах Армении жило племя кизваданов, которое в XV в. до н.э. научилось выплавлять железо. Собственно, это не было открытием, но кизваданам повезло найти дешевый способ производства железа и в больших количествах. В Египте и Месопотамии железо

было известно уже в III тысячелетии до н.э., однако оно было редким и ценилось дороже золота. Кизваданов покорили хетты и, естественно, выжили у них секрет производства железа, который берегли как зеницу ока. Когда один из египетских фараонов попросил благорасположенного к нему хеттского царя поделиться секретом, он просто получил в ответ удар кинжалом, без каких-либо комментариев. Железное оружие давало хеттам огромное преимущество над противником, который продолжал жить еще в бронзовой эпохе.

Другим источником превосходства хеттов были кони. Существуют бесспорные доказательства, что именно индоевропейские племена, и особенно арии, первыми стали разводить лошадей в государствах Ближнего Востока и в Египте. В архиве клинописных табличек в Боказгёй сохранилось пособие по разведению и дрессуре коней, автором которого был некий Кукули, гражданин Митани. Заметим попутно, что хетты были первым в истории народом, который указывал авторов литературных произведений, то есть ввел понятие «авторская собственность».

Однако в те времена только в исключительных случаях коней использовали для верховой езды; в основном их впрягали в легкие колесницы. Здесь уместно подчеркнуть, что в лексике вавилонян, иудеев, египтян слова, определяющие коня, были заимствованы из языка ариев, то есть из санскрита. Еще один довод в пользу того, что лошадь получила распространение благодаря индоевропейским племенам.

Народы Месопотамии уже в III тысячелетии до н.э. знали боевую колесницу. Однако это была тяжелая повозка со сплошными дисковыми колесами, в которую запрягали волов или диких ослов. Легкая же колесница на двух спицевых колесах на поле боя перемещалась с пугающей скоростью. То есть это было революционное и бесконечно страшное оружие, перед которым противники, боровшиеся устаревшими способами, оказывались бессильными.

Как мы уже упоминали, хетты были немногочисленной замкнутой кастой военной аристократии, которая поко-

рила местное население и принудила его к зависимому труду в крупных земельных владениях. Правовой кодекс, обнаруженный в архиве Боказгёй, позволяет воссоздать тип и характер хеттов. Это были варвары с весьма суровыми обычаями, но как воины они обладали определенными достоинствами, которые можно бы назвать рыцарскими. Приводимый ниже текст показывает, что они могли быть благородными по отношению к женщинам. Вот что продиктовал один из хеттских царей своему хронисту:

«Как только Манапа-Даттас, сын Муви Льва, узнал, что я приближаюсь, он прислал гонца с письмом и писал мне: «Мой господин, не убивай меня, но прими как своего ленника, а что касается людей, перебежавших на мою сторону, я обязуюсь выдать их моему господину». Но я ответил ему так: «Когда твои братья изгнали тебя из твоей страны, я обратился к жителям Каркиса, я даже послал подарки жителям Каркиса, чтобы они приняли тебя назад. Но ты не остался верным мне и перешел на сторону моего врага Ухха-Зитис. А теперь я должен признать тебя вассалом?» И я хотел его уничтожить, но он прислал ко мне свою мать. Она упала передо мной на колени, и я отнесся к ней любезно и не захватил страну над рекой Сега».

Отчаянные письма царицы

Благодаря дешифровке хеттского письма ученым удалось относительно точно восстановить историю хеттов. Их государство возникло около 1640 г. до н.э., когда царь Табарна объединил под своей рукой все хеттские племена, населявшие Малую Азию. Его имя — Табарна — с тех пор стало царским титулом, подобно имени Цезарь.

Хеттские войска неудержимо наступали на восток и юг. Постепенно они завоевали Северную Сирию, дошли до Евфрата и около 1600 г. до н.э. овладели Вавилоном. Но они

были вынуждены отступить отсюда, так как в их столице Хаттусасе вспыхнули кровавые династические распри. Наступил второй период внутренних беспорядков, цареубийств и военной слабости. Причина таких политических потрясений крылась в характерном общественном устройстве. Формально земля принадлежала царю, однако ее разделили на крупные земельные наделы и отдали в собственность магнатам и святыням. Эта каста могущественных вельмож возводила на трон и ниспровергала царей, поднимала мятежи и бунты, когда ее это устраивало. Отсюда следует, что изначально хеттских царей избирали.

Порядок около 1525 г. до н.э. восстановил узурпатор Телепин. Это был крупный государственный деятель и воин. Он усмирил магнатов, утвердил право наследования, которое уважалось до конца существования Хеттского царства. Но претворенные в жизнь реформы потребовали от него ухода из Сирии под нажимом египетских войск.

С того времени в государстве хеттов господствовали самодержавные монархи, которые одновременно занимали посты командующего армией, высшего судьи и верховного жреца. Их эмблемой было крылатое солнце, а свою корреспонденцию они начинали словами «Я, Солнце....»

Как обычно бывает в абсолютных монархиях, хетты создали собственную государственную религию. Официальным, всеми почитаемым божеством была богиня Солнца, к которой обращались так: «Царица неба, земли и страны Хатти». Над многочисленными различными божками стоял бог Солнца, чьи золотые и серебряные статуи жрецы ежедневно мыли, одевали в чистые одежды, развлекали танцами под аккомпанемент музыкальных инструментов и пение. Но хетты терпимо относились и к божкам покоренного населения и даже включали их в свой пантеон. К числу таких богов относился, в частности, бог земледелия Телепин, который, подобно Аттису, Осирису или Адонису, умирал осенью и возрождался весной.

Любопытно то, что хеттская теогония имеет большое сходство с «Теогонией» греческого поэта Гесиода. Объяснить это можно не только родственностью с греками. Из

Семья Эхнатона

Рельеф из Амарны. Известняк Высота 0,32 м.
XVIII династия. 1-я четверть XIV в. до н. э.

найденных в Боказгёй документов выясняется, что хетты поддерживали тесные контакты с ахейскими Микенами, городом Агамемнона и Клитемнестры, а также с троянцами. Сын одного из глав ахейского рода жил некоторое время у царя хеттов, чтобы научиться управлять колесницами. Сохранились также свидетельства дипломатического обмена нотами по вопросу выдачи пирата, который скрывался в точно не обозначенном ахейском городе, а затем сбежал на судне при сознательном попустительстве сына ахейского царя. На одной из табличек сохранилось его имя — «Александр из Трои». Только непонятно, идентифицировать ли это имя с Александром, покровителем пиратов, или с Парисом, который похитил Елену и вызвал Троянскую войну.

Вскоре египтяне были вынуждены уйти из Сирии под давлением набиравшего все большую мощь государства Митанни, которое серьезно угрожало и хеттам. Около 1380 г. до н.э. на хеттский трон вступил Суппилулиума I, великий воин и администратор. Он вновь объединил государство, окружил столицу Хаттусас защитными стенами, сохранившимися и по сей день, наголову разбил армию Митанни и занял Северную Сирию.

Когда он стоял под стенами сирийской крепости Кархемиш, с ним произошло нечто со всех точек зрения невероятное. В лагере появился египетский посланник и вручил ему письмо от своей госпожи, вдовы недавно умершего фараона. «Мой супруг, — писала царица, — умер, а у меня нет сына. Но мне говорили, что у тебя много сыновей. Если бы ты прислал одного из них ко мне, он стал бы моим мужем. Ни за что на свете я не хочу назвать своим супругом одного из моих слуг. Я очень обеспокоена».

Суппилулиума I был так потрясен, что отправил в Египет своего представителя, дабы тот разведдал, не является ли письмо западней. Посланец вернулся со вторым письмом царицы, в котором мы читаем: «Почему ты говоришь: они обманывают меня? Если бы у меня был сын, разве писала бы я чужестранцу, стала бы доверять ему свои заботы и страдания? Ты оскорбил меня своим подозрением. Тот, кто был моим мужем, мертв, а у меня нет сына. Что же мне, выходить замуж за своего слугу? С этой просьбой я обращалась только к тебе. Здесь все говорят, что у тебя много сыновей. Дай мне одного из них, и да будет он мне мужем, а стране царем».

Суппилулиума поверил и послал в Египет своего сына. Но молодой человек не женился на вдове фараона и не вступил на египетский трон, потому что был убит.

Эта полная драматизма переписка была обнаружена в архиве хеттов в Боказгёй и, естественно, заинтересовала ученых. Вдова какого фараона скрывается за этими письмами? Путем подсчетов удалось установить, что ею может быть супруга Тутанхамона — третья дочь фараона Эхнатона.

Эхнатон боролся с чуть ли не всемогущей кастой жрецов из Фив, обладавшей сильной властью, и был основателем монотеистической религии, опиравшейся на культ бога Атона, выступавшего в символе Солнца. Это была религия, наполненная радостью жизни, проповедовавшая мир между людьми и народами.

Фараон Эхнатон, предтеча творцов монотеизма, был также меценатом и реформатором искусства. Молодые артисты, которых он опекал, взбунтовались против жреческого традиционализма, признававшего только иерархи-

"Сириянка"

Мрамор. Около 170 г. н.э.
Ленинград. Государственный
Эрмитаж

**Хеттская печать с
клинописным и
иероглифическим текстом**

ческое и конвенциональное искусство. В своих произведениях художники до такой степени стремились к правде, что без колебаний представили своего покровителя во всей его реалистической уродливости. Им мы обязаны фресками, позволившими нам заглянуть в личную жизнь Эхнатона. Мы видим его в окружении дочерей и супруги, в атмосфере, полной идиллического тепла и безмятежности. На этих же фресках мы несколько раз встречаемся с девочкой, которая позднее стала автором столь драматической переписки.

Следующая встреча с ней чрезвычайно трогательна. Ее мужа, Тутанхамона, похоронили среди ослепительного богатства в трех саркофагах, один из которых был отлит из чистого золота. Когда Говард Картер, обнаруживший его гробницу, поднял крышку третьего гроба, он заметил на груди мумии веночек из полевых цветов, который, безусловно, положила овдовевшая супруга. Картер признался, что перед этим скромным, но красноречивым свидетельством печали, которое было как бы посланием человеческого сердца из давно ушедших веков, мгновенно побледнели

вся великолепная пышность, блеск золота, царская роскошь, которыми поражали камеры усыпальницы.

Тутанхамон умер на девятнадцатом году жизни. Вдова, имени которой мы не знаем, была совсем молоденькой, восемнадцатилетней женщиной. Неопытная и почти беспомощная, окруженная заговорщиками и интриганам, она пришла к убеждению, что если не поспешит, то потеряет трон. Отсюда тот настойчивый тон писем, полный беспокойства и опасений. По законам Египта она могла выбрать себе нового супруга и возвести его на трон. Но каста жрецов не забывала, что вдова была дочерью их главнейшего врага — Эхнатона.

Эйе, фиванский жрец, подослал к хеттскому царевичу убийц и силой захватил трон. Нам неизвестна судьба овдовевшей царицы. Возможно, ее тоже убили или она умерла где-то в изгнании от печали и забот. Есть вероятность, что ее принудительно выдали замуж за узурпатора Эйе, чтобы легализовать государственный переворот. Как бы там ни было, но были перечеркнуты смелые планы возвести на трон фараонов хеттеянина, то есть представителя народа, ставшего грозным соперником египтян.

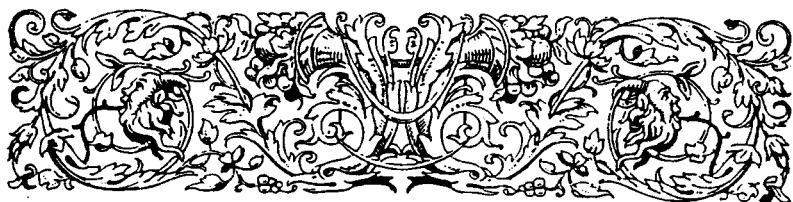
После битвы под Кадешем (1286 г. до н.э.) могущество хеттов стало медленно клониться к закату. Через неполных 100 лет после триумфальной победы над Египтом Хеттское царство рухнуло. Виновниками катастрофы были «люди моря», пестрая компания захватчиков разного этнического происхождения, которые через Балканы вторглись на просторы Ближнего Востока и дошли вплоть до Египта, где их разгромил Рамзес III. Эта мощная наступательная волна увлекла за собой некоторые отряды хеттов. Они окончательно обосновались в Северной Сирии и в некоторых районах Ханаана, где еще во времена Авраама жили неизвестно откуда прибывшие группы хеттского народа. Под влиянием египетских иероглифов они разработали свое собственное письмо, известное науке как хеттские иероглифы.

В 717 году до нашей эры ассирийцы под командованием Саргона II уничтожили Кархемиш — последнее крохотное хеттское государство в Сирии. Английский археолог Леонард Вулли нашел в руинах этого города убедительное тому подтверждение. В одном из пригородных домов пол

был покрыт слоем пепла, а в нем лежали сотни наконечников от стрел и копий, острия поломанных мечей. Больше всего наконечников валялось около дверей каждой из комнат. Они были искривлены от ударов о каменные косяки дверей. Из положения этих находок явствует, что защитники, отчаянно обороняясь, шаг за шагом отступали из комнаты в комнату.

Битва за Кархемиш — последний акт истории хеттов. Эти основатели могущественного государства и соперники грозного и гордого Египта бесследно исчезают с исторической сцены, смешавшись с местным населением. В частности, они ассимилировались и с арамейцами. От них осталось лишь лаконичное упоминание в Торе, священной книге евреев, и только современная археология вернула их истории.

СКИФЫ — НАРОД НЕОБОЗРИМЫХ ПРОСТОРОВ

Рыцари степей

За исключением этрусков и минойцев, в древности нет, пожалуй, другого народа, который был бы столь же обаятельным, загадочным и овеянным магией романтических легенд, как скифы. Эти вольные наездники и пастухи в VII веке до н.э. населяли обширные пространства Европы и Азии, начиная от Карпат и вплоть до Памира и Алтая.

Скифы — это многочисленные племена, которыми управляли наследственные цари или выборные вожди. Они принадлежали к великой семье индоевропейских народов, хотя в Азии среди них замечена монгольская и китайская примесь. Несмотря на то что они занимали огромнейшие территории, их, однако, объединяли общие культурные связи, схожие обычаи и идентичные религиозные представления.

Скифы никогда не знали письменности и денег. По этим причинам о них вплоть до того момента, пока на помощь истории не пришла археология, ничего не было известно, кроме кратких упоминаний в записках путешественников и историков древнего мира. Из сообщений Геродота, Страбона и Плутарха мы знаем, что скифы были

грозными воинами, кочевниками и пастухами, что в искусстве верховой езды им не было равных, что племена, жившие в нижнем течении Дуная, на Днестре, Буге, Днепре и Дону, в Крыму, — то есть племена, объединяемые названием «скифы царские», — поддерживали оживленные торговые отношения с жителями северного побережья Черного моря. Основным продуктом обмена была пшеница. Это позволяет предположить, что некоторые слои скифского общества, а скорее покоренные автохтоны, занимались земледелием.

Когда персидский царь Дарий I готовился к крупному военному походу против греков, он решил перекрыть им поставку пшеницы из Скифии и голодом принудить к капитуляции. Воодушевившись этой мыслью, сообщает нам Геродот, Дарий переправился через Босфор по мосту, построенному греческим инженером Мандраклесом, прошел через Турцию и форсировал Дунай.

Но скифская конница не стремилась к решающему сражению. Она отступала в глубь страны, оставляя за собой обращенные в пепел земли, отравленные колодцы, сожженные поля пшеницы. Персидская армия, измученная неожиданными набегами и еще больше голодом, постепенно утрачивала уверенность в себе.

У Дария оставался только один выход из сложной ситуации: вынудить врага к решающей битве. Надеясь спровоцировать скифского царя, он через посланника объявил его трусом, в страхе убегающим от него, Дария. Но спесивый скифский вождь отвечал, что начнет битву тогда, когда ему того захочется. «У нас, скифов, — добавил он еще, — нет ни городов, ни пашен, чтобы спешить на бой с вами, опасаясь, что вы захватите наши города и уничтожите поля».

Но вот, казалось, час решающей битвы все же наступил. Один из отрядов скифов в боевом порядке стоял напротив персов. В любую секунду мог прозвучать сигнал к атаке. Вдруг между войсками проскакал заяц. Скифских воинов мгновенно охватил охотничий азарт. Забыв о персах и боевом порядке, они под громкие крики и улюлюканье бросились в погоню за удирающим зайцем. Дарий, слыша этот гвалт, сказал решительным голосом: «Эти лю-

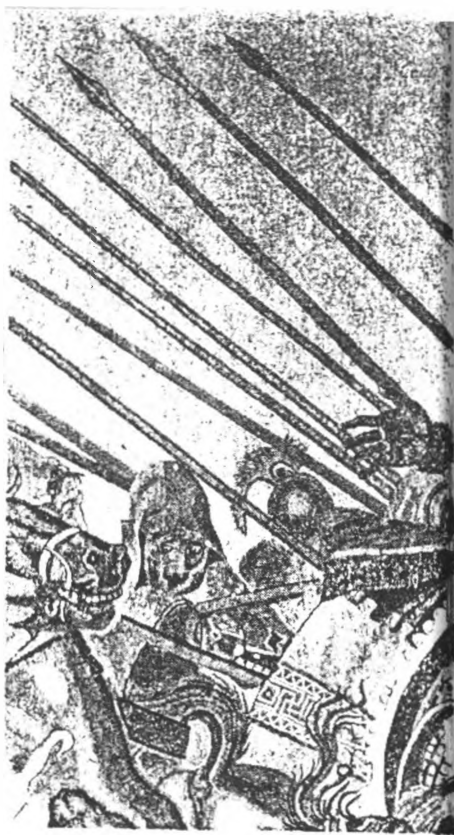

Плутарх

**Персидский царь Дарий в
битве с Александром
Македонским**

Мозаика. Деталь.

Около 100 г. до н. э. Неаполь.
Национальный археологический
музей

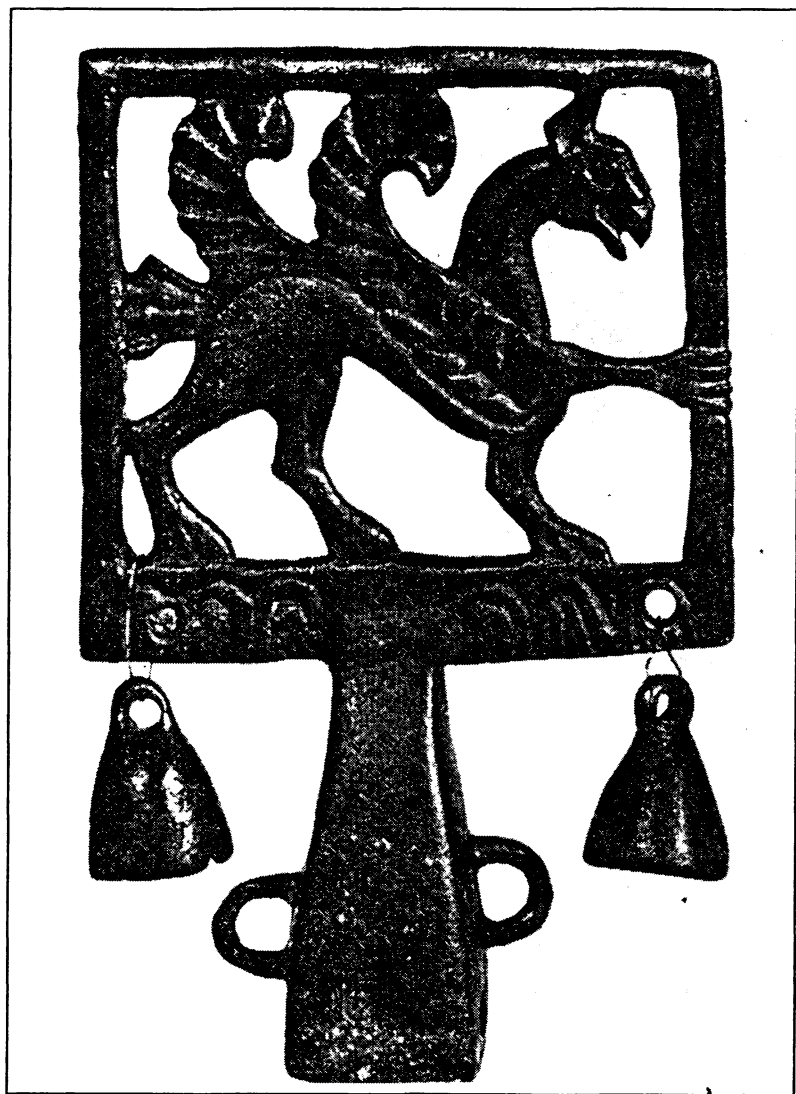

ди слишком нами пренебрегают», — и приказал отходить из Скифии.

Готовясь к написанию в своей «Истории» целого раздела о скифах, Геродот тщательно собрал всю доступную ему информацию. Он даже отправился в далекое путешествие в Ольвию — город, основанный греческими колонистами на берегу Черного моря при впадении в него Днестра. Жители Ольвии платили скифам дань, но тем не менее стали весьма зажиточными, меняясь с ними товарами. Ясно, что они отлично знали своих партнеров по купеческому ремеслу и поэтому многое поведали Геродоту, приводя точные и под-

робные сведения об их жизненном укладе, обычаях, религиозных верованиях и истории.

Скифы, как мы уже упоминали, вывозили главным образом пшеницу. Кроме того, они продавали грекам соль, мясо, молоко, сыры, кожу, мех, мед, рыбу и рабов. Взамен они брали дорогие ткани, предметы из золота и бронзы, драгоценности, орнаментированную керамику. Богатая скифская аристократия, владеющая безграничными запасами золотой и серебряной руды, даже заказывала у греков золотильщиков изделия, требующие особого искусства, — вазы с фигурным рельефом, драгоценные тонкие украше-

Навершие с изображением грифона
Начало III в. до н. э. Бронза.

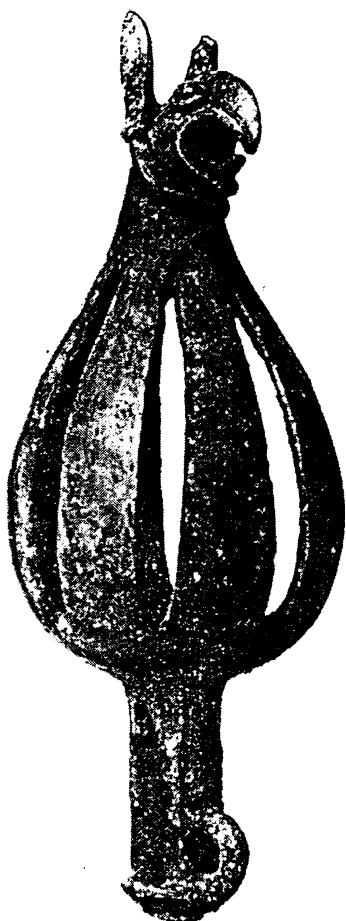
ния и парадное, богато украшенное оружие.

Скифы охотно поддерживали торговые отношения с греками, но остерегались попасть под влияние греческой культуры и морали. Особую неприязнь они испытывали к мысли о возможной урбанизации своего государства. Неотъемлемой чертой настоящего скифа была, по их мнению, любовь к степным просторам, конной езде, охоте, своему луку и аркану для ловли зверей. Что касается жилья, они спокойно довольствовались шатром, который, впрочем, любили украшать парчой и коврами. В лучшем же случае они строили деревянную халупу, крытую соломой. Тот, кто поддавался искушению греческими городами, подвергался упрекам в отступничестве и даже предательстве.

Историки древности приводят два примера, которые драматически воссоздают привязанность скифов к племенным обычаям. Один случай произошел со скифским царем Скилом, питающим такую склонность к эллинским обычаям и способу жизни, что тайно от своих подданных построил себе в Ольвии дворец, украсил его сфинксами и грифонами. Его личная стража, застав Скила в греческом храме во время посвящения его в таинства бога Диониса,

Изваяние скифа
IV в. до н. э. Камень

Навершие в виде головы грифона
VI в. до н. э. Бронза

заколола царя мечами как отступника и предателя.

Второй пример — это история князя Анархасиса, брата скифского царя Саулеса. В 589 году до н.э. он прибыл послом в Афины и подружился с Солоном. В ущерб своей посольской миссии он с энтузиазмом изучал философию и столь прекрасно овладел греческим языком, что афиняне прозвали «его скифским оратором». Кстати, имя Анархасиса связывают с изобретением гончарного круга и якоря.

В Скифию он возвращался кружным путем, чтобы увидеть как можно больше стран. В Кизикосе, греческом городе над Геллеспонтом, он принял участие в мистериях в честь Матери богов Кибелы и ее возлюбленного Аттиса. Обвешанный их изображениями, Анархасис вместе с другими посвященными пустился в ритуальный танец, ударяя в висевший у него на шее бубен. Покидая город, Анар-

хасис обещал богине, что воздаст ей почести в Скифии в благодарность за счастливое возвращение домой. Однажды он тайком ускользнул из лагеря своего брата и под звездным небом свершил те самые обряды, с какими познакомился в Кизикосе. К несчастью, кто-то заметил его, вызвал царя Саулеса и тот, увидев возмутительную сцену, взволновался до такой степени, что пронзил позор рода своего

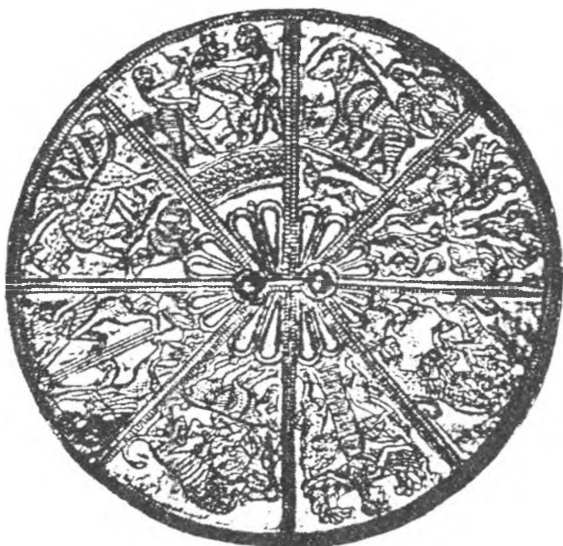
Дионисий — бог вина и виноградной лозы

"Размышляющий старец"

(худ. Леонардо да Винчи (1452 — 1519), набросок к рисунку)

Оборотная
сторона
скифского
зеркала;
позолочена
VI в. до н. э.

Бляшка с изображением скифа, охотящегося на зайца
IV в. до н. э. Золото

стрелой из лука. Так погиб князь степей, не устоявший перед чарами греческой культуры и греческой религии.

Скифы не удовлетворились безбрежными пространствами, какими располагали в юго-восточной Европе и в Азии. В IX веке до н.э. они напали на мирных китайских земледельцев. Ассирийские хроники сообщают о появлении скифов в 722 г. до н.э. в Месопотамии, после завоевания Малой Азии. В Армении археологи раскапывают укрепленные стены, в которых застряли типичные треугольные стрелы скифских завоевателей. Благодаря помощи скифов ассирийцы в 626 г. до н.э. освободили Ниневию, осажденную мидянами. Отдельные скифские племена заняли Сирию, Иудею и в 611 г. до н.э. дошли до Египта, где их, впрочем, разгромил фараон Псамметих I. Неудачливые захватчики, оставшиеся в живых, смешались в Малой Азии с местным населением, образовав область — Парти. Следы пребывания скифов находят также в Венгрии, Болгарии и Румынии в виде многочисленных курганов, хранящих поразительное количество предметов из золота, янтаря и серебра. Скифы дошли даже до Польши. Обнаруженные предметы из бронзы явно скифского происхождения говорят о том, что этот народ напал на укрепленные поселения в Штрегоме в Силезии, Крушвицы и Каменец возле Торуня. В Бискупине найдено скифское оружие. В Виташкове возле Губина был раскопан гроб скифского воина с великолепными предметами из золота.

В IV веке до н.э. через Дон прошли племена сарматов и в ожесточенных сражениях покорили скифов. Победой они были обязаны изобретению железного стремени, которое позволяло им сражаться на коне, будучи тяжело вооруженными. Кроме того, сарматы создали боевую конницу и использовали ее для массированного сомкнутого броска на неприятеля. Постепенно скифы растворились в местном населении.

Сарматы, также индоевропейского происхождения и в определенном смысле родственные скифам племена, интересны для нас тем, что с ними связана греческая легенда об амазонках. Археологические находки говорят, что сарматы сохранили пережитки матриархата. В отличие от скифских женщин, которые полностью подчинялись воле мужчин,

сарматские женщины были равноправными, даже ездили верхом и принимали участие в сражениях. По этим причинам скифы их язвительно называли «повелительницами мужчин». В сарматских курганах центральное место занимают захоронения женщин вместе с оружием. Неподдалеку от Тбилиси было вскрыто ставшее всемирно известным захоронение сарматской амазонки, которую похоронили в лежачей позе в полном боевом вооружении. Много говорит о том, что она погибла на поле брани.

Теперь посмотрим, как советские археологи на основе несметных сокровищ, обнаруженных в скифских курганах, по ценности не уступающих открытиям в пирамидах фараонов, не только подтвердили сообщения Геродота, но обогатили наше знание о скифах дополнительной, подчас сенсационной информацией.

Сокровища скифских курганов

Необозримые просторы России покрыты множеством курганов, среди которых встречаются огромные горы и высокие холмы. Поэтому кажется странным, что столько веков на них не обращали особого внимания. Но был определенный тип людей, который проявлял к ним повышенный интерес, — грабители могил. Они были столь активны и предприимчивы, что археологам частенько приходится убеждаться: раскопанные курганы уже кто-то посетил и вынес все ценнейшие вещи. В могильнике одного из курганов археологам представился случай познакомиться с бывшими грабителями: возле лаза грабительского хода сохранились их засыпанные землей скелеты, а рядом лежали уже собранные для выноса золотые и серебряные вещи.

Как ни парадоксально, но именно грабителям могил мы обязаны тем, что скифы перестали быть легендой. В конце XVII века до Петербурга дошли слухи, что в Южной Сибири, между Уралом и Алтаем, рыщут банды грабителей,

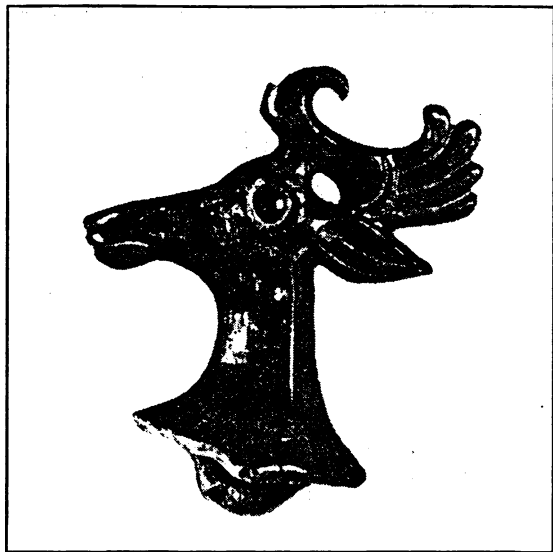

Бляшка с изображением богини
IV в. до н. э. Золото

которые выкапывают из курганов сказочные сокровища в виде золотых и серебряных предметов. Петр I приказал покончить с разбоем, отобрать находки и переслать их в Петербург. Ныне это прославленная на весь мир коллекция «Скифское золото», которая является гордостью петербургского Эрмитажа.

В коллекции много ювелирных изделий, сделанных из чистого золота: бляшки для украшения одежды, браслеты, ожерелья, перстни, шейные гривны и очень много золотых пластин с рельефным изображением различных животных,

**Конский
налобник со
скульптурной
головой оленя**
V в. до н. э.
Бронза

служивших для украшения конской упряжи. Эти великолепные произведения золотильного искусства свидетельствуют о высокой художественной зрелости их создателей, знании животного мира, умении сочетать реализм с тонкой стилизацией. Разнообразные по технике исполнения фигурки животных, созданные скифскими мастерами, сегодня во всем мире считают эталоном чувства красоты, причем незаурядного, так как люди эти жили в степях, в примитивных условиях пастушеского и кочевого существования.

«Скифское золото» Эрмитажа стало ошеломляющей сенсацией, но прошло немало лет, прежде чем курганы начали исследовать научно и систематически. Вплоть до конца XIX века то тут, то там вдруг раскапывали какой-нибудь курган, и всегда находки вызывали потрясение. Но и только. И лишь с 1940 года советские археологи начали планомерные, систематические раскопки курганов, используя все новейшие научные методы.

1929 год коренным образом изменил наши знания о скифах. Советский ученый С. И. Руденко организовал антропологическую экспедицию в Сибирь. В труднодоступной

долине Пазырыка, прячущейся в глубине Алтайских гор, он открыл скифский некрополь, насчитывающий 40 курганов, отличавшихся друг от друга как высотой, так и формой. Некоторые были круглыми, другие овальными. Над ними возвышались пять курганов, в которых были захоронены могущественные скифские цари. Руденко раскопал один из курганов и, к своему изумлению, убедился, что сделал археологическое открытие, исторической значимостью и ценностью не уступающее ни могилам фараонов, ни царским гробницам в Уре и Микенах. К сожалению, он был вынужден прекратить раскопки. Вновь археологи вернулись туда только в 1947 году.

Чтобы понять важность и значимость этого открытия, следует рассказать о строении кургана. Собственно гроб делался из толстых пней, затем над ним насыпали земляной холм, а наверху укладывали тяжелые глыбы, иногда весившие по нескольку тонн. В летние месяцы из-за таяния снега и льда вода через трещины проникала внутрь кургана, но там царила вечная мерзлота, так как тепло кратковременного солнечного сияния никогда туда не проникало.

Вечная мерзлота оказалась идеальным консервантом. Если в курганах юго-восточной Европы обнаружены только скелеты людей, то в Пазырыке забальзамированные останки умерших сохранились в первозданном виде. Одежды и украшения практически были не тронуты временем. Невозможно перечислить все то, что было найдено в захоронениях. Там были седла и упряжь с художественной оковкой из золота, узорчатые чепраки, вазы, оружие, потрясающей красоты украшения, золотые статуэтки, бляшки, которыми обшивали одежду. В одном из курганов в прекрасном состоянии сохранилась четырехколесная повозка с дышловой упряжью для четверки лошадей. Стены, пол и бревенчатый накат могильника были обтянуты парчой с аппликацией из цветного войлока. Но ценнейшей находкой стал древнейший в мире бархатный ковер, на котором в обрамлении растительного орнамента виднеются фигурки оленя, грифонов и двух воинов — сидящего на коне и ведущего лошадь под уздцы. Был найден, среди прочего, китайский шелк, служивший как накидка на чепрак. На нем сохрани-

Навершие с изображением человека, сражающегося с чудовищем, терзающим животное
IV в. до н. э. Бронза

Навершие в виде головы быка
 Вторая половина VI — начало V в.
 до н. э. Бронза

лись вышитые мифические фигуры сфинксов, летающих между деревьями или сидящих на ветвях.

Скифские вожди во всем великолепии парадных одежд и пышности окружающего их богатства почили в золотых саркофагах, украшенных росписью, или на носилках, покрытых узорчатой парчой. Они лежали в отдельном склепе, в окружении сосудов с едой и напитками, а в свободных пространствах могилы, отделенных стенами из деревянных пней, покоились останки женщин и мужчин. Под курганом вокруг деревянной постройки похоронено много великолепных верховых лошадей, которые сохранились настолько, что можно установить их возраст, пол и масть.

Могущественным предводителям степей при их уходе в мир иной сопутствовали люди из ближайшего окружения: одна из жен или наложница, повар, конюший, слуги, вестник; кроме того, несколько голов или несколько десятков, а на западе даже несколько сотен

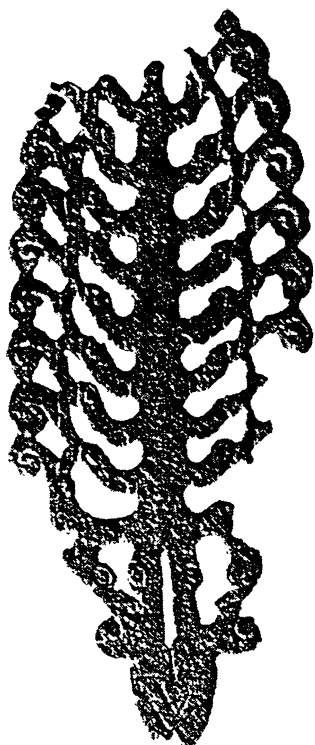
верховых лошадей из личной конюшни. Людей душили или отравляли ядами, а животных укладывали вповалку ударом чекана по голове.

В «Истории» Геродота есть описание погребального обря-

да. Его правдивость подтвердилась археологическими раскопками. Поскольку скифы вели кочевой образ жизни, будучи в основном пастухами, они переходили с пастбища на пастбище, поэтому умерших хоронили только весной и осенью. В таких условиях совершенно необходимо было бальзамировать тела — впрочем, можно предположить, что в этом определенную роль играла и вера скифов в загробную жизнь. Труп усопшего вычищали, наполняли рубленным купером, ладаном, семенами сельдерея, анисом и зашивали. Затем укладывали на устланную парчой повозку. Плакальщики, в основном соплеменники, брились наголо, подрезали себе уши и стрелами пробивали левую ладонь. Под плач и причитания похоронная процессия в течение сорока дней объезжала все владения умершего, сопровождая свой путь стуком в котлы и писком дудок.

Затем тело помещали в курган на подстилке или в деревянном саркофаге. Вокруг расставляли множество золотой утвари, сосуды с пищей и питьем, а по углам гроба в землю втыкали древки с родовым гербом наверху, как правило, в виде какого-нибудь зверя, отлитого из бронзы. После этого свершалась печальная церемония умершвления людей и лошадей, спутников умершего вождя в его путешествии в загробный мир.

Геродот сообщает, что по завершении погребальных це-

Навершие псаля в виде стилизованных голов оленя
IV в. до н. э. Бронза

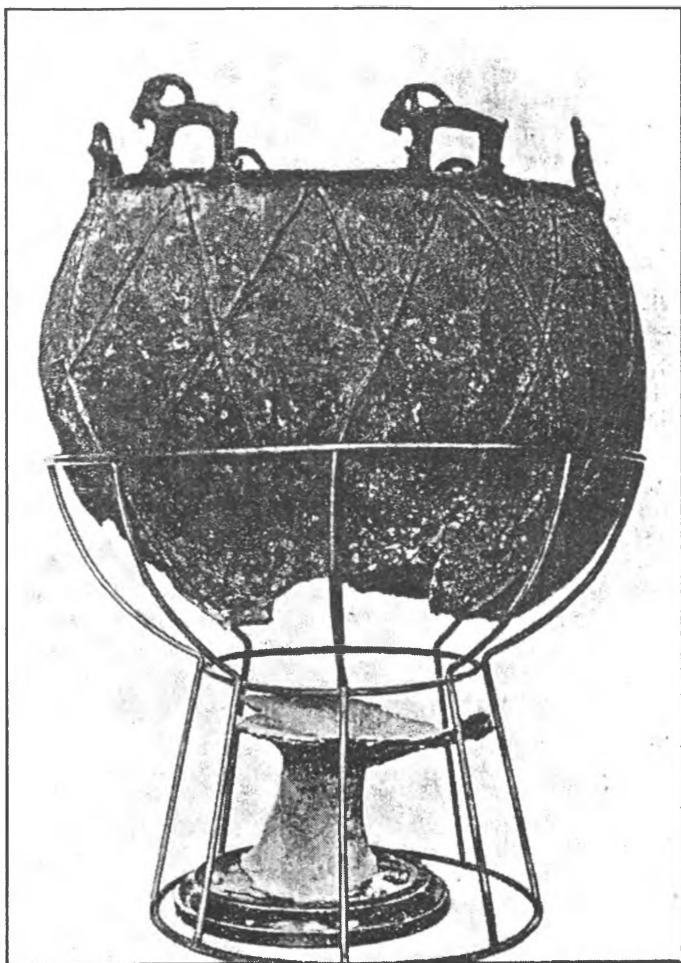
ремоний плакальщики проводили процедуру очишающего окуривания. В небольшом шалаше из трех жердей и войлочного занавеса они садились на корточки, бросали на раскаленный камень зерна конопли. Интересно, что археология полностью подтвердила эту версию, так как в курганах найдены треноги из жердей, на которые натягивался войлок.

Зато не удалось подтвердить достоверность другой, пожалуй, более странной версии Геродота. Но поскольку греческий историк очень и очень часто оказывался прав, у нас нет причин не верить ему и в этом случае. Речь идет о чудовишном обычае — приносить в жертву в первую годовщину смерти вождя пятьдесят воинов из его личной стражи вместе с лошадьми. Людей и лошадей убивали, сообщает Геродот, трупы набивали травой, затем насаживали на колья и устанавливали вокруг кургана. Эта жуткая конная стража стояла в степи до тех пор, пока не рассыпалась в прах или ее не растаскивали хищные птицы.

Разноцветные всадники

За чудовишный обычай убивать жену и слуг умершего вождя мы не должны осуждать всех скифов. Скифы отнюдь не были варварами. Обнаруженные в курганах художественные изделия, расшитые ткани, парча, украшенная аппликацией из цветной кожи, узорчатые ковры, изделия из золота и керамика убедительно доказывают, что скифам было присуще глубокое чувство красоты и гармонии, что этот народ в культурном развитии не стоял ниже других современных ему народов. Эти вольные всадники необозримых просторов вызывают симпатию и своим чувством юмора, беззаботностью, любовью к ярким краскам, музыке, окружающему их животному миру, который они удивительно тонко воспринимали и умели наблюдать.

Варварский погребальный ритуал соблюдался только в случае смерти вождей, следовательно, имел исключительно придворный характер. Он был выражением кичливости дес-

Котел

IV в до н. э. Бронза

потов, которые таким извращенным способом стремились продемонстрировать свое богатство и всемогущество. Нетрудно представить, каким дорогостоящим было погребение вождя. Баснословные сокровища в виде золотых и серебряных предметов, сложенные в могиле вождя, умершвление нескольких десятков отборных, чистокровных коней, возве-

Ваза со сценами
из скифской жизни
IV в. до н. э.

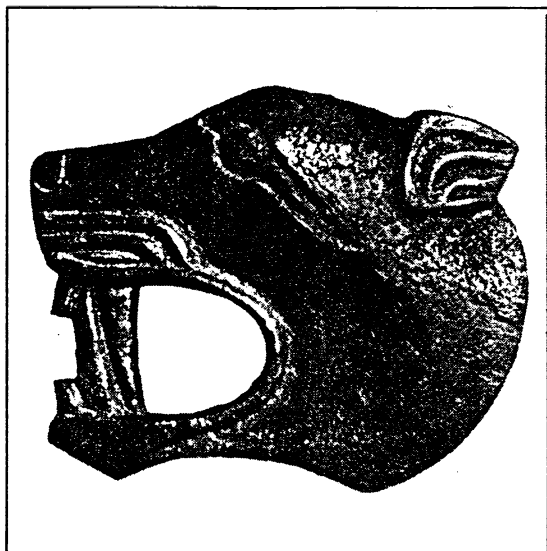
дение огромного кургана, требующее многих месяцев работы многих людей, — все это невероятные затраты и усилия, до определенной степени напоминающие строительство пирамид. С течением времени кровавый погребальный обычай принял прямо-таки патологическую форму. Так, в некоторых курганах найдено по нескольку сотен убитых коней. Правда, это были в основном маленькие лохматые тарпаны, сродни лошади Пржевальского, но было и немало породистых лошадей.

Различия в высоте курганов и богатстве погребальных вещей, безусловно, свидетельствуют о том, что в V веке до н.э. от давнего

общинно-родового строя у скифов остались лишь формальные признаки, что имущественное и социальное неравенство было уже значительным. Власть и богатство захватил немногочисленный, купающийся в роскоши слой общества, который можно было бы назвать скифской аристократией. Ее представители часто изображены на парче в полном блеске своего богатства. На одном из полотен художник вышил сцену жертвоприношения. Мы видим алтарь, а по бокам женские профили. Четко расставлены акценты: фигуры аристократических женщин с коронами на головах и в вуалях вышиты крупно, тогда как стоящие за ними в покорной позе служанки — гораздо мельче.

В случае опасности или военной угрозы племени и роды объединялись в племенные союзы. Выбирали верховного вождя на переходный период. Со временем эти посты переродились в наследственные институты царей и предводите-

Бляха в виде
головой льва
VI — V вв. до н. э.
Бронза

лей племен. Естественно, все преимущества были на стороне особо богатых и влиятельных родов. Как и всюду, здесь вожди тоже прибегали к различным способам, чтобы обеспечить послушание. Активнее всего насаждали версию, будто их власть идет от бога. На одном войлочном ковре фигурирует мать-богиня Апи с цветущей веткой в руке, а перед нею на коне сидит красивый, богато одетый всадник. Символика этой сцены читается без малейшего труда: это монарх, получающий из рук самой богини власть над скифским народом. Второй способ — поразить подданных величием. Для этого необходимы пышность, роскошь, блеск. Отсюда погоня за внушительностью, которая выражалась в чрезмерных украшениях — золотых монетах, подвесках и предметах повседневного пользования, в обилии дорогих одежд.

В Куль-Оба, неподалеку от Керчи, было раскопано погребение скифской царицы. В изумительном саркофаге-гробе покоились останки женщины, а в ногах у нее расположились служанки, которые должны были прислуживать своей госпоже и после ее смерти. Царица ослепляла драгоцен-

ностями: ее украшали золотая диадема, ожерелье тончайшей ювелирной работы, браслеты и перстни; кроме того, в склепе лежало невероятное количество предметов огромной стоимости, в частности зеркало из полированного серебра и золотая скульптура, изображающая лежащую серну.

Однако находкой, завоевавшей позднее всемирную славу, была янтарная ваза с рельефным изображением скифских воинов. Видимо, усопшая очень дорожила этой вазой, раз родные заботливо положили вазу на ее грудь, где она и пролежала до наших дней.

Антропологи с удивлением заметили, что вырезанные на вазе скифы очень напоминают бородатых крестьян царской России. Да и настенная живопись в царских усыпальницах свидетельствует, что в основном скифы были русыми или блондинами. Конечно, это вовсе не означает, что они были предками славян. Просто скифы, оставшиеся в живых после нашествия сарматов, смешались с автохтонными народами, передав им в наследство определенные этнические и анатомические признаки.

Судя по находкам и изображениям, скифы любили яркие цветные одежды. Они охотно украшали их, используя самые различные техники: аппликации, вышивки, бляшки. Одежду шили из кожи или войлока, часто оторачивали ее мехом. Носили главным образом подпоясанные в талии кафтаны, богато вышитые длинные штаны-шаровары, заправленные в мягкие кожаные сапоги без подметок и с острыми носами, остроконечные войлочные шапки-башлыки, широкие пояса. Высказывается мнение, что именно скифы были создателями брюк, так необходимых людям, которые почти всю жизнь проводили в седле. Их любимым оружием были мечи, копья, топоры, чеканы, но главное — лук, из которого они стреляли быстро и метко. Кроме того, они обязательно пользовались щитами и шлемами.

Повседневная жизнь скифов

У скифов существовало многоженство. Женщины были общественно ущемлены в правах и полностью подчинялись воле мужчины. В отличие от сарматок (амазонок из греческой мифологии) им не разрешалось ездить верхом. Во время кочевий и битв они оставались в повозках, охраняя скарб и детей.

Однако это не означает, что скифянки не заботились о своей красоте. Они одевались в широкие шаровары с буфами, короткие кафтаны с длинными рукавами, которые украшали нашивками в виде петушков или цветов лотоса и обшивали золотыми бляшками. На голове носили высокие цветные колпаки из войлока, обшитые ценным мехом. Сапожки из мягкой кожи, с удлинненными носами, на низком каблучке были расшиты орнаментом из стеклянного бисера или золотистого кристалла пирита.

Женщины, впрочем, и мужчины тоже, обвешивали себя множеством золотых украшений: кольцами, ожерельями, браслетами, подвесками, гривнами. Мужчины, кроме того, любили украшать свое тело татуировкой с изображением разных фантастических зверей. Такого рода татуировки были обнаружены на телах усопших, прекрасно сохранившихся в мерзлотных землях Пазырыка.

Скифы, как можно судить по многочисленным найденным музыкальным инструментам, любили музыку и танцы. Среди инструментов преобладают бубны и многострунные арфы. То есть культура скифов, как видим, была достаточно богатой и жизнеспособной. Советские ученые, каталогизировавшие относящиеся к скифам находки и проанализировавшие их своеобразные черты, отметили значительное влияние скифской культуры на искусство викингов, кельтов, франков. Естественно, этого влияния не избежали и славяне. Не исключено, например, что цветные народные бумажные вырезки восходят к скифским аппликациям из кожи.

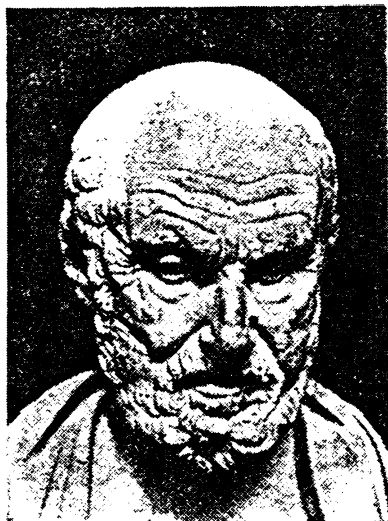
Мы уже знаем, что скифы располагали громадными запасами ценных металлов, причем получали их из собственных рудников, в частности, из Закавказья — медь, из долины Днестра и с Кавказа — железо, с Алтая и Урала — золото.

Пока не выяснено, каким образом царские скифы получали эти богатства: в силу ли наложенной дани или как статью товарообмена.

Древнегреческие историки делили скифов на земледельцев и кочевников. Обработкой земли занимались предположительно люди низшего слоя скифского общества, иноплеменные или покоренные автохтоны. Но и вольные скифы, которые занимались разведением скота, не были кочевниками в полном смысле этого слова. Богатые пастбища исключали необходимость в дальних кочевьях; достаточно было еже-сезонно переходить с пастбища на пастбище в замкнутых границах племенной территории. Поэтому скифы вели скорее оседлый образ жизни, с той разницей, что жили они в кибитках или пастушеских шалашах. Что это действительно так и было, доказывают часто находимые в могильниках реалистические фигурки кур и петухов, которых возможно разводить только в условиях постоянного проживания, а также огромных размеров жбаны для запасов продуктов — перевозить их с места на место было практически невозможно.

Благодаря вечной мерзлоте в курганах Пазырыка были найдены напитки, сыры, разные виды мяса. Они сохранились в таком состоянии, что их можно было попробовать на вкус. Так мерзлота помогла нам выяснить, что ели скифы. Основу их питания составляли конина и баранина, к которым добавлялись то козлятина, то говядина, то дичь. Кроме того, ели рыбу, главным образом тунцов и осетров. Много потребляли овощей, в основном фасоль, лук, чеснок. Из ячменя и пшеницы выпекали различные лепешки. Повседневным напитком был кумыс, который изготавливали из перебродившего кобыльего молока. Известный греческий врач Гиппократ, живший в 460-377 гг. до н.э., то есть одновременно со скифами, писал о них; что они любили много поесть, много попить и целые дни проводили в беседах, за пением и танцами. Конечно, замечание Гиппократа распространяется только на зажиточные слои общества. Обогатившись на торговле с черноморскими греками, они могли позволить себе пить лучшие греческие вина.

Во что верили скифы, какими были их религиозные убеждения? Информация по этому вопросу более чем скупа. У рассказа Геродота о том, как скифский царь от-

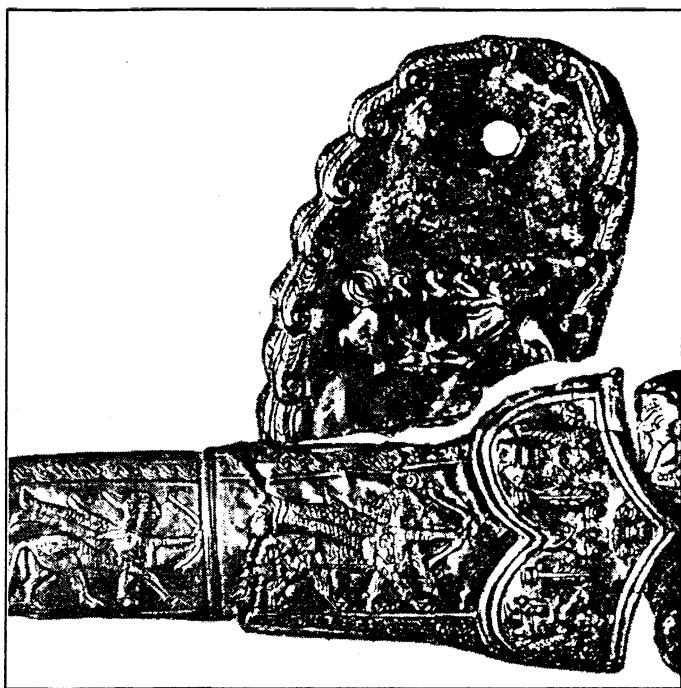
Гиппократ

казался от военного сражения с Дарием I, есть и продолжение. Якобы царь скифов в заключение добавил: «Но попробуйте разрушить могилы наших отцов, тогда увидите, будем ли мы за них драться...» Значит, религия скифов, подобно религии китайцев, опиралась на культ мертвых и веру в загробную жизнь. Об этом дополнительно свидетельствуют и другие выявленные археологами подробности, как-то: бальзамирование усопших, умерщвление их жен, слуг, коней, которые должны сопутствовать покойным в

ином мире, снабжение их всем, что может пригодиться и потребоваться для жизни на «том свете», то есть питьем, едой, утварью, вещами каждодневного пользования.

Скифы чтили различных божеств, символизировавших силы природы. Пантеон богов возглавляла покровительница скифов, богиня огня и животного мира мать-богиня Апи, изображение которой часто встречается на тканях, коврах и рельефах из Пазырыка. Скифы верили в злых духов, демонов, магию, амулеты, что подтверждает ритуал очищения после погребального церемониала.

Ни кочевники, ни пахари не имели храмов и жрецов. Но они пользовались услугами волхвов и ведунов, предсказывающих будущее. Это были своего рода шаманы, профессия которых передавалась от отца к сыну. Удивительно, что все они говорили дискантом и одевались в женскую одежду. Профессия их не была столь уж безопасной, ибо в случае ложного пророчества по важному поводу их сжигали на костре вместе со всем мужским потомством. Как видим, у скифов, впрочем как и у других близких к природе народов, радость жизни непосредственно соседствовала со смертью.

Обкладка ножен меча (деталь)

VI в. до н. э. Золото

Неаполь Скифский

На окраине Симферополя находятся руины столицы крымских скифов, которую древнегреческий историк Страбон назвал Неаполем Скифским. Город был заложен в IV веке до н.э., когда скифы основали в Крыму сильное государство. С 1945 года силами советских и российских археологов там ведутся планомерные раскопки. Руины бывшей столицы занимают площадь в 160 гектаров. Внимание привлекают прежде всего мощные оборонительные стены, толщина их достигает 12 метров. Оно и понятно, ведь вре-

мя основания города — чрезвычайно опасный для скифов период. Благодаря прочным защитным сооружениям Неаполь Скифский сохранил свою независимость вплоть до начала нашей эры, хотя в этот же исторический период жившие на севере племена скифов подверглись нападению сарматов и постепенно сошли со сцены истории.

Создается впечатление, что столица скифов была большим, богатым, пышным городом. О ее былом великолепии свидетельствуют монументальные строения общественного назначения, дворцы, колонны, увенчанные богато украшенными капителями, мозаики, барельефы, статуи из бронзы и мрамора, широкие площади, фонтаны, улицы. Все раскопки в Крыму говорят о высокой городской культуре тамошних скифских племен, оживленных отношениях, которые они поддерживали со всеми цивилизованными народами тогдашнего времени. Неподалеку от укрепленных стен Симферополя расположен глиняный карьер, откуда местное население всегда брало сырье для изготовления кирпичей. Однажды один из мальчиков, игравший в карьере, рассказал археологам, что на дне карьера он нашел какой-то каменный ящик. Археологи немедленно приступили к раскопкам и спустя короткое время увидели каменный гроб. Внутри лежал скелет мужчины, голова которого была обращена на запад. Рядом были найдены три наконечника для копья с позолоченными втулками на древке, два меча с серебряными рукоятками и серебряными ножами, железный шлем с бронзовыми украшениями, остатки шкуры с вышивкой золотой нитью и кафтан, обшитый бляшками из червонного золота. Всего в захоронении было найдено восемьсот предметов из золота, а потому не было особых сомнений, что это останки какого-то скифского вождя.

Археологи решили провести раскопки по всему карьере и вскоре раскопали больше, нежели поначалу предполагали. Оказалось, что рядом с каменным саркофагом было еще семьдесят деревянных гробов. В них находились скелеты мужчин, женщин, детей. Глаза покойников были закрыты золотыми бляшками, вокруг находилось множество золотых предметов и других ценностей. Рядом с трупами мужчин лежало оружие: мечи, топоры, луки, копья, стрелы, шлемы. У

женщин были зеркала из полированной бронзы, браслеты, кольца, перстни и тысячи бусинок из сердолика, янтаря, аметиста, агата, горного хрусталя и халцедона, подвески-амулеты в виде человеческих фигурок и головок демонов. Головки детей были украшены веночками из золотых розочек. Все были в парадном одеянии, богато расшитом золотой нитью, со множеством нашитых золотых бляшек.

Дерево гробов, конечно, истлело, но, по счастливой случайности, можно точно восстановить великолепный саркофаг скифской царицы, так как на глиняной стене карьера отпечатались все детали. Сохранились даже остатки красок и позолоты. После изготовления гипсовой отливки и окраски соответствующими цветами оказалось, что саркофаг блестел от золота и росписи. Он покоился на деревянных ножках, вырезанных в форме сфинксов и грифонов. По всей длине саркофага проходила резная гирлянда из листьев аканта и лавра, шишечек и цветущих подсолнухов. По углам стояли на страже искусно вырезанные львы и сфинксы.

Советских археологов мучил вопрос: почему захоронение было сделано в глиняном карьере под стенами города? Все прояснилось, когда разобрались, что карьер окружен четырехугольной стеной фундамента из известнякового камня. Стало понятно, что здесь когда-то был мавзолей скифских царей: на известняковом фундаменте возносились стены из необожженного кирпича, которые однажды обвалились вовнутрь. Под воздействием дождей кирпичи растеклись и облепили саркофаги скифской знати толстым слоем бесформенной глины.

Центральной фигурой в мавзолее был мужчина, покоившийся в каменном саркофаге. Затем вокруг него хоронили других умерших. Вероятно, он был могущественным царем или вождем племени, которого народ окружал исключительным почтением. Археологам нужно было обязательно идентифицировать его, поскольку только тогда удалось бы установить время строительства мавзолея.

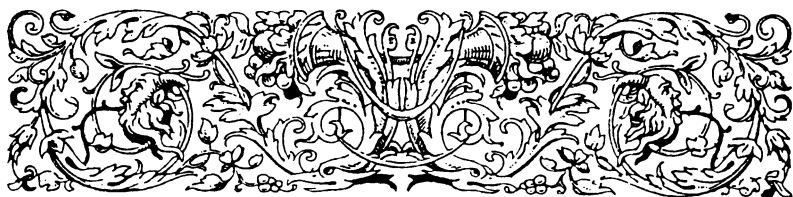
С этой целью череп усопшего передали советскому антропологу М. Герасимову, который реконструировал лицо царя, покрывая череп соответствующими слоями воска. И тогда антропология смогла похвастаться неожиданным ус-

пехом. Гордая голова пожилого скифа имела бесспорное сходство с лицом царя Скилура, известным по барельефам и чеканке на монетах.

Этот скифский царь известен всем благодаря преданию, поведанному нам Плутархом. Умирая, Скилур призвал своих сыновей, протянул им несколько связанных копий и потребовал, чтобы они их сломали. Сыновья по очереди пробовали, но никому не удалось сломать связку. Тогда царь развязал ее, сломал каждое из копий по отдельности и сказал: «Если между вами будет согласие, никто вас не одолеет, если же будете действовать поодиночке, никому не сможете противостоять».

Такова была максима, которую Скилур последовательно проводил в жизнь: он объединил все скифские причерноморские племена под своей властью и благодаря этому противостоял нашествию сарматов.

ВИКИНГИ ТИХОГО ОКЕАНА

Неустршимые мореходы

В самом центре Тихого океана, на огромном пространстве в несколько тысяч квадратных километров, находится мир вулканических островов и коралловых атоллов, которые на фоне лазурного, наполненного солнечным светом морского простора блестят, как изумрудные звездные галактики. Площадь, которую в целом занимают острова, по своей форме напоминает треугольник. Его вершину образует цепь архипелага Гавайских островов, в нижнем левом углу расположилась Новая Зеландия, а в правом лежит остров Пасхи. Где-то посередине находятся остров Таити и архипелаг Островов Товарищества.

На запад от этого воображаемого треугольника лежат две другие большие группы островов: Микронезия и на юг от нее — Меланезия с Новой Гвинеей, Соломоновыми островами и наиболее выдвинутый на юг архипелаг Фиджи.

Население Полинезии — одна из красивейших рас в мире. Статные, атлетически сложенные, со светло-коричневой кожей, прямым носом, гладкими, цвета воронова крыла волосами и слегка выступающими скулами, они как бы соединяют в себе все лучшие физические качества белых, желтых и черных народов. Кроме того, они очень интеллигентны, миролюбивы, жизнерадостны, что, возможно, объясняется тесной связью с окружающей их удивительной природой.

Завезенные белыми колонизаторами инфекционные болезни тяжело сказались на полинезийцах, но не привели к их деградации. Сегодняшние потомки островитян отличаются не меньшей красотой, чем их отцы, и в равной мере любят

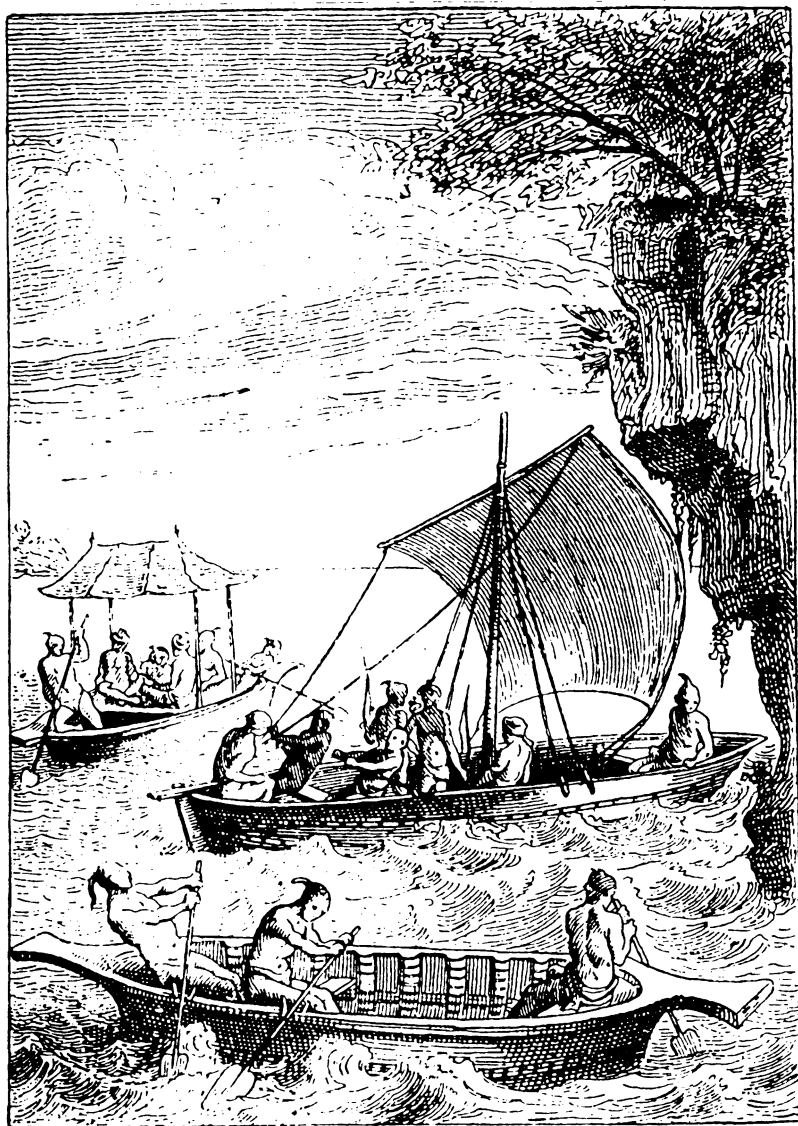
свой фольклор, богатую традицию легенд, мифов и песен, в которых звучат любовь к морю, мореходству, родным островам.

О происхождении полинезийцев в свое время бытовало много фантастических домыслов. Например, поскольку слово «солнце» звучит одинаково и у полинезийцев и у египтян — «ра», полинезийцев считали древними эмигрантами из Египта. Подобного рода лингвистических совпадений с другими языками нашлось немало, и это позволило некоторым ученым считать, что островитяне когда-то пришли не то из Месопотамии, не то из Индии.

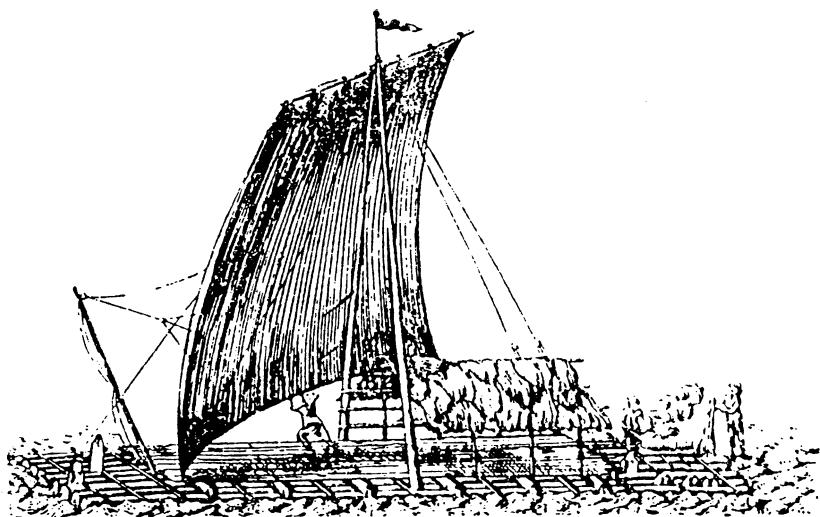
Совершенно иную точку зрения высказывает Тур Хейердал, норвежский исследователь, автор популярных книг «Путешествие на "Кон-Тики"» и «Аку-Аку». Исходя из статистических исследований групп крови, археологических находок и флоры (сладкий картофель, который разводят на островах Полинезии, привезен якобы из Перу), Хейердал утверждает, что Полинезия была колонизована индейцами Южной Америки.

Но разве люди, жившие в каменную эпоху, могли на примитивных плотках проделать тысячи миль по морю, известному жестокими штормами и ураганами? Желая доказать возможность такого морского путешествия, Тур Хейердал построил плот из стволов бальза и вместе с четырьмя товарищами переплыл Тихий океан.

Известный американский антрополог и исследователь Полинезии Роберт Сагс резко обрушился на Хейердала, обвинив его в недобросовестности научных исследований, погоне за дешевой популярностью и даже в сознательном замалчивании фактов, противоречащих его теории. С особенно ядовитой иронией он раскритиковал морскую экспедицию норвежца. Плот Хейердала был оснащен парусом, тогда как точно известно, что индейцы Перу и Чили до прибытия испанцев не знали паруса. Якобы исследователь плыл на примитивном плоту, однако он не забыл о таких достижениях цивилизации, как радио, компас и секстан. Кроме того, когда плот Хейердала разбился о коралловый риф острова Рароя, у него оставалось в запасе 1500 банок различных консервов. У индейцев не было всех этих плодов цивилизации. Как же можно говорить о точном воспроизведе-

Индейцы на своих пирогах
Со старинной гравюры

Старинный рисунок бальсового плота из Гуаякиля
(Хуан и Ульоа, 1748)

дени предполагаемого морского путешествия, имевшего место тысячу лет назад? По мнению Сагса, Хейердал доказал лишь то, что он является отважным и предприимчивым человеком*

Но с некоторых пор спор стал беспредметным. Интенсивные археологические, лингвистические, антропологические, зоологические и ботанические исследования позволили окончательно выяснить вопрос о происхождении и истории полинезийцев. Уже нет сомнений, что их прародиной было побережье Южной Азии. Важнейшие доказательства вкратце выглядят так.

Полинезийский язык, называемый «итальянским языком Тихого океана» в силу его особой музыкальности, принад-

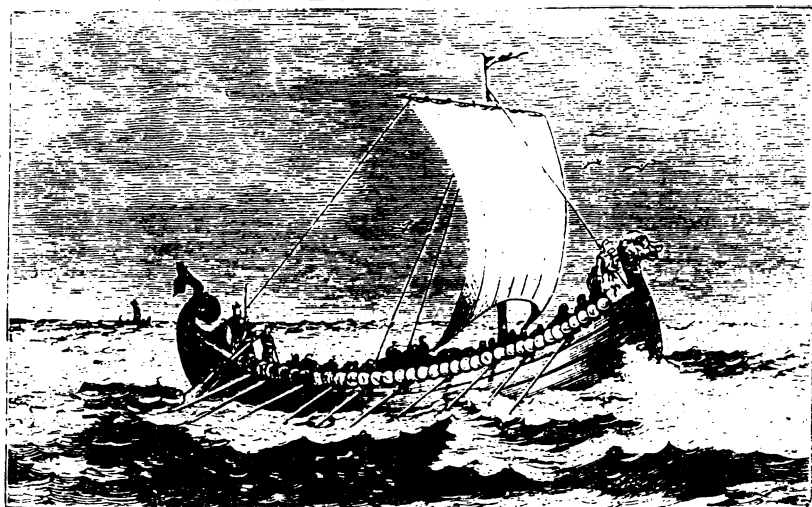
* В июне 1963 года семидесятилетний американский матрос Вильям Вилис построил плот из трех стальных понтонов и в одиночестве отправился через Тихий океан. Через 130 дней путешествия он достиг острова Самоа. В конце плавания его настиг трехдневный шторм, и он чудом не разбился о коралловый риф. В последнюю минуту Вилис укрылся в спокойной лагуне Фалуэла. Благополучно завершив плавание, Вилис заявил репортерам: «Никто, никакая семья не пережила бы ада такого путешествия, и поэтому смешно говорить, что подобную морскую экспедицию мог совершить целый народ. По моему мнению, теория «Кон-Тики» Хейердала — это нонсенс..»

лежит к большой группе малайско-полинезийских языков, на которых говорят народы Индонезии, Филиппин и некоторые племена Мадагаскара. Но еще теснее он связан с языковой группой таи-кадаи в Сиаме и наречием ли на Тайване. Эти родственные связи являются неоспоримым подтверждением того, что островитяне Полинезии жили когда-то в Южной Азии. Кстати, в своих легендах, которых огромное количество, они всегда упоминают, что прибыли с «запада». В племенной генеалогии, которую их священники перечисляют по памяти до девяносто второго колена, названы по имени герои, открывшие отдельные острова.

Много лет археологические экспедиции на островах Тихого океана ведут систематические раскопки. Найдены руины первых поселений, обнаружены предметы материальной культуры, в частности характерные плотничьи топоры, ничем не отличающиеся от найденных на южном побережье Азии. Сравнение человеческих скелетов из этих двух частей света, так далеко отстоящих друг от друга, обнаруживает удивительное антропологическое сходство.

Особенно красноречивы доказательства ботаников и зоологов. Растения и животные, привезенные полинезийскими навигаторами на острова Тихого океана, — например, хлебное дерево, панданус, рис, кокосовая пальма, сахарный тростник, свинья (азиатская разновидность *sus oristadus*), домашняя птица, собака — также берут свое начало из Южной Азии. Спорным остается вопрос о сладком картофеле. Одни утверждают, что он попал на острова с Американского континента благодаря индейцам, другие же доказывают, что его родиной является Африка, откуда его доставили в Азию, а затем полинезийцы привезли с собой.

Почему полинезийцы покинули свои родные места? Южную Азию населяли народы, появившиеся в результате смешения монголоидов, негроидов, белой расы людей типа японской айни, с преобладанием крови последних. Зато на севере укрепились монголоиды. Около 1600 года до н.э. династия Шанг объединила их под своей властью. Так в бассейне реки Хуанхэ возникло сильное и воинственное китайское царство, которое начало свою экспан-

Лагерь древних викингов VIII — IX веков

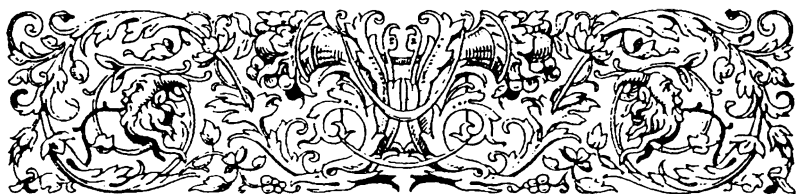
сию на юг и север. Новое царство уже вступило в бронзовую эпоху, о чем свидетельствуют великолепные, богато украшенные утварь и орудия с первыми следами китайского письма, шишаки, мечи, боевые топоры и бронированные колесницы. По мере расширения границ царства примитивные народы либо растворялись в пришлых народах, либо уходили все дальше на юг. Так на Азиатском континенте наступила этническая цепная реакция, которая около 1500 года до н.э. взорвалась на южном побережье. Полинезийцы, прекрасные мореходы и рыбаки, решили пуститься в непредсказуемое морское путешествие, но не покориться захватчикам.

Археологические находки позволяют проследить путь этих мужественных навигаторов. Исследования методом C^{14} показали, что около 1500 года до н.э. они были на Филиппинах, а в X веке до н.э. начали постепенную колонизацию островов Полинезии. Расстояние, которое они преодолели по незнакомому, коварному морю, не зная, встретится ли им где-нибудь суша, составляло несколько тысяч морских миль. Это было удивительное, почти невероятное, единственное в истории завоевание,

перед которым бледнеют подвиги всех других народов-мореплавателей. Карфагенцы, греки, финикийцы ни разу не набрались мужества выйти в открытое море и даже во время своих самых прославленных путешествий держались близ берегов. Викинги, правда, достигли Северной Америки, но это была отдельная и случайная экспедиция, причем протяженность Атлантики не идет ни в какое сравнение с бесконечным, необозримым простором Тихого океана.

Так что, когда выдающийся антрополог Петер Бук, маори из Новой Зеландии и известный исследователь Полинезии, назвал свою захватывающую книгу «Викинги Тихого океана», он не допустил преувеличения, напротив, использовал применительно к величайшим мореплавателям в истории человечества метафору, которую англичане определяют словом «under statement» («преуменьшение»).

РАЗГАДАННЫЕ И НЕРАЗГАДАННЫЕ ТАЙНЫ ПОЛИНЕЗИИ

Район Полинезийских островов, напоминающий треугольник, лежит без малого в двух тысячах морских миль от Азии. Даже в пределах самого треугольника расстояния между отдельными островами весьма значительны. Для того чтобы попасть с Таити на Гавайи, полинезийские мореходы должны были преодолеть 2200 морских миль. До ближайшего соседа — острова Пасхи — совсем не пустячный морской путь в 1100 миль. Если же помнить, что полинезийцы были людьми каменной эпохи, что плавали они на лодках, вытесанных примитивными топорами и скрепленных бечевой, что почти всегда были вынуждены преодолевать встречные морские течения и ветры, дующие с востока на запад, то мы обязаны отдать дань уважения их навигаторским умениям и отваге.

Несомненно, что исполненная драматизма миграция сопровождалась гибелью сотен лодок, которые шли на дно во время штормов и ураганов вместе с экипажами. Эпический путь этого переселения был отмечен тысячами человеческих жертв.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, некото-

рые ученые пришли к выводу, что миграция не была преднамеренной, что Полинезийские острова были колонизованы рыбаками, которых во время лова загнали в неведомое море вихри и морские волны — спутники убийственных штормов. Тезис случайности развивает, в частности, и новозеландский социолог Эндрю Шарп в своей книге Навигаторы на Тихом океане в стародавние времена. Однако американский антрополог Роберт Сагс, автор великолепной книги «Островная цивилизация Полинезии», рядом неотразимых аргументов обнажает безосновательность приведенной выше точки зрения. В частности, он обращает внимание на то, что рыбаки, уходя в море на лов рыбы, вовсе не имели обыкновения брать с собой жен, домашних животных, посевной материал, домашнюю утварь. А о том, что в данном случае они поступили именно так, свидетельствуют обнаруженные археологами в руинах древнейших полинезийских жилищ ископаемые остатки.

Одной отваги полинезийцам явно не хватило бы для того, чтобы выйти победителями в схватках с необузданной стихией Тихого океана. Они были опытными мореходами, обреченными с морем на протяжении тысячелетий. Рыбача на Азиатском побережье, они преодолевали сотни миль в открытом море, руководствуясь исключительно инстинктом и пятью чувствами. Роберт Сагс и другие исследователи считают, что удивительные навигаторские способности присущи и нынешним потомкам древних полинезийцев. Они прекрасно ориентируются в любое время года в движении небесных светил, умеют использовать сезонные ветры и направления морских течений.

Об удивительной остроте чувств и способностей этих людей свидетельствует многое: близость земли, берега, суши они угадывают по полету птиц, цвету моря, запаху водорослей, по наплывающему издалека шуму волн, ритмично бьющих о скалы или коралловые рифы, даже по вкусу морской воды. Бывают случаи, когда скрытый за горизонтом остров они определяют по отблескам на облаках, в которых отражаются лагуны или белый песок побережья.

Полинезийцы были и замечательными строителями морских судов. Они собирали их из двух лодок, каждая из ко-

торых была длиной примерно в тридцать пять метров. Между собой лодки скреплялись помостом. Нос судна и корма, поднятые высоко над водой, были богато изукрашены резьбой по дереву; над судном реяли два или три треугольных паруса. На помосте, как правило, стоял сооруженный из бамбукового дерева шалаш, в котором могло разместиться до ста человек. Полинезийцы, и это очевидно, не знали гвоздей, да и не нуждались в них, впрочем к своей же пользе. Спаренные удобными эластичными креплениями, лодки не разламывались под ударами волн.

Строительство таких судов было актом глубоко религиозным, сопровождаемым сложным церемониалом. Место возведения лодки и сами ее создатели как бы находились под особой опекой племенных богов, при этом каждый челн получал своего божка-патрона. Даже рубка деревьев и подготовка других строительных материалов велись в строгом соответствии с вековыми ритуальными правилами. Спуск на воду и освящение новых судов сопровождались танцами, песнопениями, долгими пиршествами.

Готовясь к далеким морским походам, полинезийцы запасались провиантом, который хранился под помостом. Питание в походе состояло главным образом из тщательно измельченных в муку и упакованных в листья пандануса овощей, сладких сушеных плодов, в том числе и плодов хлебного дерева. Хранились эти запасы в специальных ивовых корзинах. Сушеный орех кокоса служил кормом домашним животным, поросятам, которые плыли в клетках. Питьевая вода перевозилась в пустой скорлупе кокосового ореха, в высушенных тыквах, стволах бамбука. В пути запасы воды пополнялись за счет дождевой воды, набиравшейся в специально приготовленные емкости. Кроме того, в пути ловили рыбу, из плавников которой в случае надобности извлекали пресную воду.

Так что вполне возможно представить, каким образом достигли полинезийцы берегов Южной Америки. Не исключают этого и специалисты.

Память о такого рода морских путешествиях до сих пор живет в племенных традициях полинезийцев. Одна из легенд повествует, например, о большом паруснике, который на Маркизских островах соорудили кораблестроители пле-

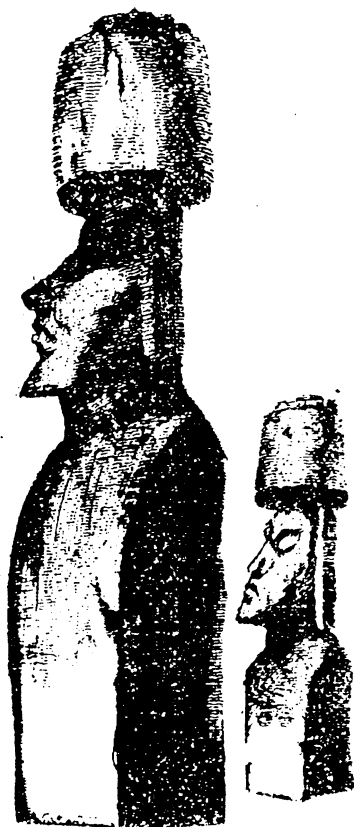
мени наики. Он якобы двинулся в восточном направлении и благополучно достиг берега. Поскольку на восток от Маркизских островов нет никакого другого берега, в расчет можно брать только Америку. Легенда далее повествует, что отважные мореходы наики благополучно вернулись на свой остров, оставив, однако, в открытой ими стране несколько своих соплеменников, чтобы они жили среди тамошнего населения.

Другая легенда, родившаяся на острове Раротонга, повествует о паруснике, достигшем берега с могучими горными вершинами. Можно предположить, что герои легенды дошли до горного массива Анд.

Разумеется, народные предания нужно воспринимать с известной долей осторожности, хотя в них содержится (и практика неоднократно подтверждала это) большая или меньшая доля правды. В нашем же случае легенды в определенной степени подкрепляются археологическими данными. Именно на берегах Южной Америки найдено немало предметов материальной культуры, полинезийское происхождение которых не может вызвать сомнений. К этим находкам следует отнести прежде всего топорики и боевые дубины, найденные в руинах поселений в Чили и северной Аргентине. Такие топорики до сих пор используются некоторыми индейскими племенами Чили при религиозных обрядах и называются «токи». Это полинезийское название, которое в идентичном звучании сохранилось до наших дней в наречии обитателей архипелага Маркизских островов. И это не единственный факт, интригующий исследователей Полинезии. Возьмем хотя бы загадки острова Питкерн. Когда в 1790 году на него высадились бунтовщики с английского корабля Баунти, на острове не было ни единой живой души. Он оказался безлюдным, несмотря на то что почвы там чрезвычайно плодородны. В результате археологических исследований выяснилось, что некогда Питкерн населяли полинезийцы. Что же потом с ними произошло? Может быть, они погибли в одной из племенных войн, которые обескровливали островитян Полинезии, или их поразила какая-то инфекция? До сих пор на эти вопросы не найдено окончательных ответов.

Наиболее захватывающей тайной окружен остров Пасхи. Его гигантские каменные изваяния, громоздящиеся на склонах вулкана Рано-Рараку, развалины древних святынь, фантастические барельефы на базальтовых плитах — все это невероятным образом стимулирует воображение и фантазию писателей, путешественников, ученых. И нет ничего удивительного в том, что по поводу происхождения обитателей этого острова существуют разнообразнейшие, порой головокружительные теории. Утверждалось, например, что создателями величественных каменных статуй была крошечная горстка жителей Атлантиды. Другие считали, что обитатели острова рождены в долине Инда, где во втором тысячелетии до нашей эры расцветала великолепная городская цивилизация. Некоторые фантасты идентифицировали их с расой исполинов, живших во времена динозавров.

Наиболее убедительной представляется теория, автором которой, наряду с другими исследователями, выступает Тур Хейердал. По его мнению, остров Пасхи был колонизован перуанскими индейцами. Но в последнее время археологи пришли к выводу, что первыми обитателями острова были все же полинезийцы с архипелага Маркизских островов. Каменные изваяния,

Пасхальные статуи с каменными цилиндрами на голове

У подножия потухшего вулкана Рано-Рараку

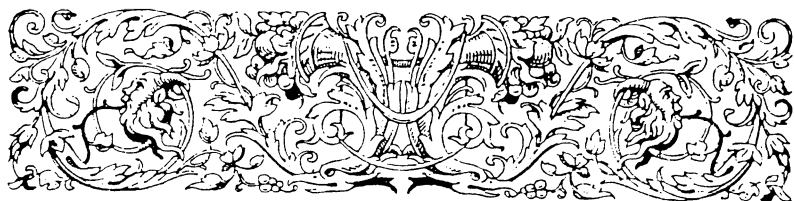

На вершине вулкана Рано-Као лежат развалины Оронго,
поселения птичеловеков

скорее всего, имеют нечто общее с культом предков, который среди потомков полинезийских островитян жив по сию пору.

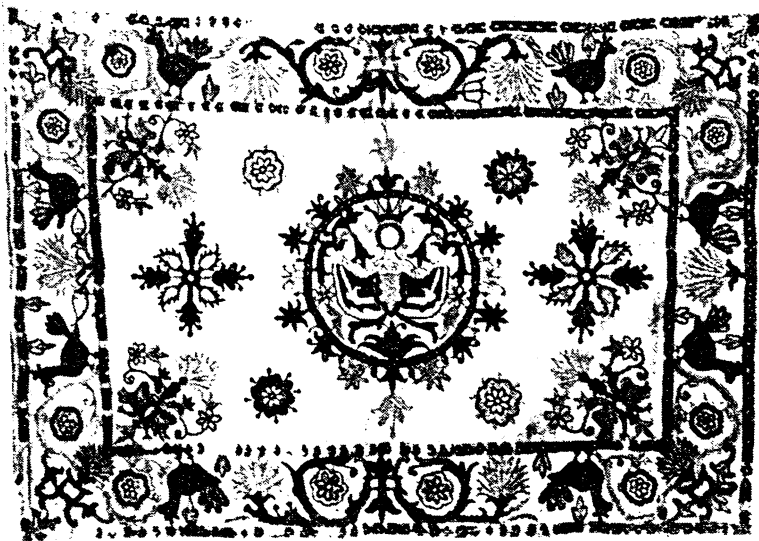
Самой большой тайной являются иероглифические полинезийские письмена, сохранившиеся на деревянных табличках. Это было эзотерическое письмо, доступное только жрецам и певцам братства ронго-ронго. Кровавые межплеменные войны, которые до появления здесь европейцев уничтожали едва ли не каждого десятого аборигена, не пощадили и мудрецов, искусных в чтении ронго-ронго. В 1862 году испанские колонизаторы, охотившиеся на рабов из Перу, покорили и уничтожили на принудительных работах, по сути дела, целый народ. Среди островитян, закончивших свою жизнь в неволе, были и последние члены братства ронго-ронго. Тайна иероглифического письма оказалась безвозвратно утерянной. В 50-е годы над расшифровкой его работали ученые разных стран: советский исследователь Борис Кудрявцев, немецкие специалисты Вернер Вольф и Томас Бартель, автор подробной монографии на эту тему, изданной в 1959 году.

НОВОСТИ ИЗ СТРАНЫ МИНОСА

В 1899 году английский археолог Артур Эванс отправился на Крит и открыл в Кноссе развалины дворца легендарного царя Миноса, дворца, который благодаря запутанному расположению покоев и коридоров

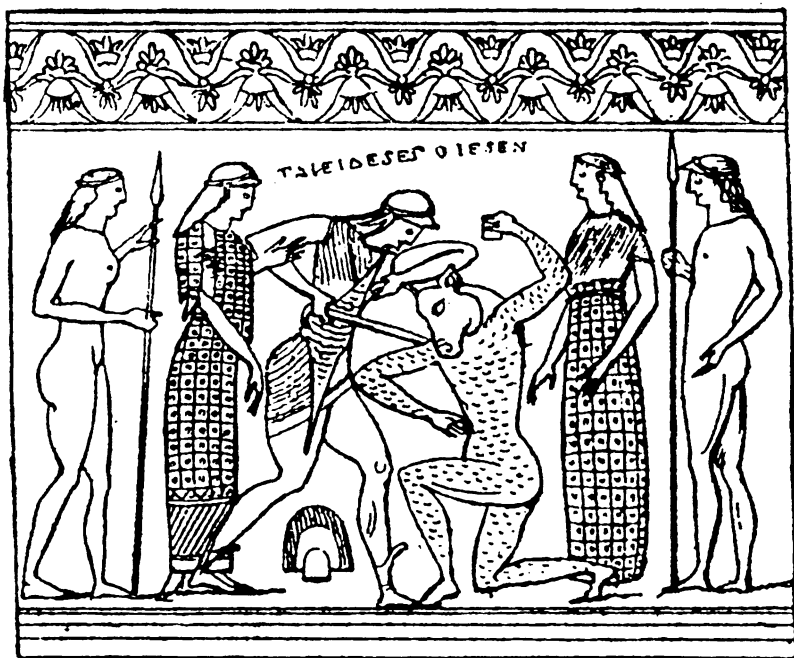
Ковер с о. Крита

Минотавр
С античной монеты

Лабиринт
С античной монеты

Тезей убивает Минотавра
С античной вазы

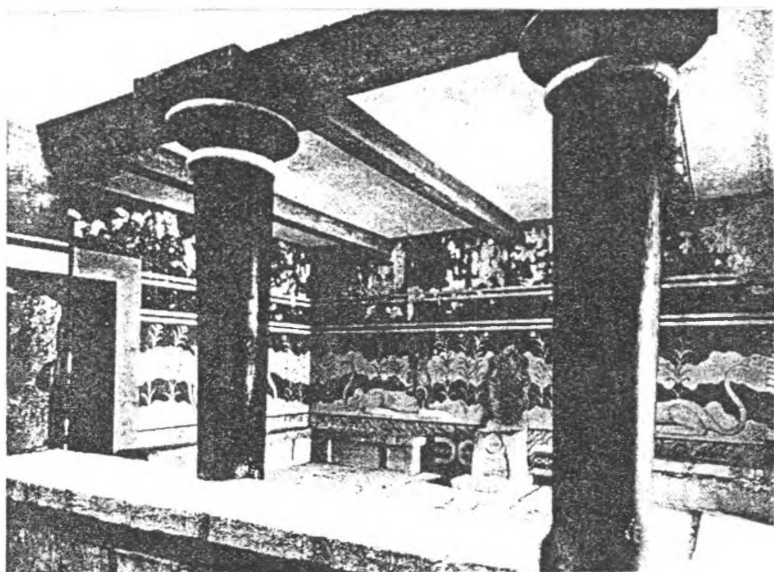

**Так называемая
"парижанка"**

Из Кносса. Фреска. Высота
0,22 м. XVI в. до н. э.

предположительно превращен греческим фольклором в лабиринт Минотавра. Культура Крита была известна до той минуты только из лаконичных упоминаний о ней Гомера, Фукидида и других греческих писателей и прежде всего из мифов об Икаре и Тезее.

Эванс отдал сорок лет своей жизни и полученное от отца наследство раскопкам на Крите. Раскапывал, классифицировал находки, восстанавливал историю Крита на основе стратиграфии и отстраивал некоторые части дворца, что часто встречало оживленную критику многих других археологов. Все, что мы сегодня знаем о так называемой миносской культуре, которая во II тысячелетии до н.э. расцвела, словно экзотический цветок, на Крите и около 1400 года до н.э. подверглась уничтожительному набегу микенских

Тронный зал Кносского дворца
XVI в. до н. э.

ахейцев, известно исключительно благодаря упорной работе этого великого археолога.

Эванс построил себе на Крите виллу и с годами привык считать остров своей вотчиной. До сего дня там витают легенды и забавные анекдоты о его нетерпимости. Однажды, когда ему было уже 80 лет, он проезжал на автомобиле через Гераклион и, к своему возмущению, увидел, что рабочие разбирают старинный дом эпохи правления Венеции на Крите. Он тут же выскочил из автомобиля и, рыча как лев, разогнал рабочих палкой, а потом вызвал к себе бургомистра и резко отчитал за то, что он позволил разрушить исторический памятник, которым город должен гордиться. Естественно, работы по сносу здания остановили без проволочки. Эванс умер в 1941 году, прожив 90 лет. К счастью, судьба защитила его от той страшной минуты, когда гитлеровские десантники высадились на его любимом острове: особенно убийственна была бы весть об использовании ко-

Богиня со змеями
Из Кносса. Деталь. Фаянс.
Общая высота 0,34 м.
1600 г. до н. э.

мендантом оккупационных войск камней исторических развалин для фортификационных работ.

Нет необходимости подробно рассказывать о критской культуре. Это уже сделали авторы десятков книг. Дворец Миноса, своей легкой архитектурой напоминающий строения Ренессанса, вместе с настенной живописью, в которой критские художники запечатлели красоту своего времени, воплощенную в цветастых кортежах боксеров, борцов, эквилибристов, танцовщиц, жрецов и декольтированных придворных дам с изящными прическами и в юбках с буфами, — это мир, как бы исходящий из сказки, мир, полный счастья и солнца. Дворец пал под собственным бременем, но память о его великолепии еще долго жила в греческих

**Шагающий
принц**
Из Кносса.
Рельеф,
окрашенный
в технике
фрески.
Высота 2.2 м.
XVI в. до н. э.

легендах, и не лишена вероятности версия некоторых ученых о том, что Платон, описывая чудеса Атлантиды, щедро пользовался именно этими преданиями.

После смерти Эванса археологические раскопки на Крите, конечно же, не прекратились. Новое поколение археологов делает новые находки и собирает новые дополнительные материалы, добавляя кирпичики в здание миносской культуры. Издаются книги, которые подводят итоги сделанному. Например, вышла в свет книга ближайшего соратника Эванса — Р. Хатчинсона (R.W. Hutchinson. *Prehistoric Crete*. Harmondsworth. Middlesex, 1962). В ней мы находим множество интересных сведений о жизни миносского Крита, о системе водоснабжения во дворце, о политическом строе, экономике, земледелии и т. д. — словом, обо всем,

что до сих пор удалось выяснить, основываясь на данных археологических раскопок. Это — энциклопедия, воссоздающая в подробностях историю, нравы и религию, энциклопедия, изобилующая таким разнообразием достоверных фактов, что требует написания по ней исторического романа об этих экзотических островах.

Вторая заслуживающая внимания книга менее доступна массовому читателю. Ее тема — драматическая история дешифровки критского письма, называемого наукой «линейное письмо в». Эту обширную работу написал Джон Чедвик, ближайший соратник и друг Майкла Вентриса, человека, прочитавшего это письмо (*The Decipherment of Linear B*. Harmondsworth. Middlesex, 1961). Здесь не имеет смысла говорить о методах, какими Вентрис сумел расшифровать письмо, но некоторые аспекты проблемы могут заинтересовать и дилетантов.

В развалинах Кносса и других критских городов Эванс нашел глиняные таблички с неизвестным письмом. Он выделил в нем три фазы развития: письмо, состоящее из рисунков, названное критскими иероглифами, линейное письмо а и линейное письмо в. Дешифровать первые два типа письма не представлялось возможным — слишком ветхими были таблички, но линейным письмом в были написаны четыре тысячи табличек. Это послужило богатым материалом для криптографических исследований.

Эванс посвятил сорок лет жизни дешифровке письма в, и самым большим разочарованием было то, что ему это не удалось. Что было причиной неудачи? Прежде всего, критское письмо труднее расшифровать, чем иероглифы или клинописные знаки. В двух последних случаях наука располагает двух- или трехязычными надписями. Шампольон имел в своем распоряжении знаменитую таблицу из Розетты с египетским текстом и его греческим переводом. Изучая египетское письмо, он пользовался близкородственным коптским письмом. Ему оставалось только прочитать чисто египетские иероглифы. Нечеловеческая работа, которую этот гениальный человек проделал для достижения цели, подорвала его здоровье и явилась причиной преждевременной смерти.

Существует, однако, обратный пример: читая письмо, мы

не понимаем его содержания. Фонетическое звучание отдельных слов остается для нас пустым звуком. Я имею в виду, например, этрусков, пользовавшихся греческим алфавитом, но их язык до сих пор одна из величайших тайн истории.

Третий пример касается именно линейного письма в. Здесь ученые столкнулись с квинтэссенцией всех трудностей: абсолютно неизвестны были и язык, и система графических знаков. Прежде чем приступить к дешифровке письма, необходимо было теоретически определиться в том, с каким языком придется иметь дело, а это снова затрагивало важнейшую проблему критской хронологии. Именно здесь Эванса сначала подвела интуиция, а затем чрезмерная прямолинейность в рассуждениях завела его в тупик.

Исходя из положения, что древние жители Крита были выходцами из Анатолии и пользовались линейным письмом в еще до нашествия микенских греков, Эванс категорически утверждал, что решение проблемы нужно искать в одном из восточных языков. К этой точке зрения его склонил тот факт, что таблички с письмом в были найдены только на Крите, но их не обнаружили в греческих Микенах. (В 1952 году этот аргумент отпал, так как в одном из домов в Микенах было найдено 50 табличек с таким письмом.)

Эванс, человек весьма незаурядный, имел, однако, склонность к навязыванию своих взглядов другим. Когда один из английских археологов отважился высказать предположение о том, что в письме в может быть сокрыт архаичный язык ахейцев, он был навсегда лишен возможности посещать критские раскопки. Сила воздействия старого зубра археологии долгое время тяготела над археологической наукой и значительно задержала минуту дешифровки линейного письма в. Ученик и сподвижник Эванса Джон Пэдлбури был защитником этой школы, сказав когда-то: «О том, каким был миносский язык, сказать трудно, за исключением того, что он не был греческим языком».

Ряд таких ученых, как чех Б. Грозный (он прочитал хеттское письмо), англичанин Гордон, швед Персон, болгарин Георгиев, считая, что языком линейного письма в нужно признать либо хеттский язык, либо один из языков, близких

баскскому, либо древнеиндийский, оказались на ложном пути. Невозможно определить, сколько труда и драгоценного времени потрачено зря. Такова цена человеческих ошибок.

В 1952 году по радио выступил никому не известный человек по фамилии Майкл Вентрис и с полной уверенностью заявил, что раскрыл тайну линейного письма в. Работая над фонетическими характеристиками отдельных звуков, он с изумлением заметил, что звучание слогов и целых слов напоминает древнегреческое. Так он пришел к убеждению, что линейное письмо в создали греки после оккупации Крита, приспособив к своим языковым нуждам линейное письмо а, унаследованное от покоренных критян. Более того — неизвестный докладчик утверждал, что смог прочесть содержание нескольких критских табличек.

Можно себе вообразить волнение ученых, которые годами безрезультатно бились над этой проблемой. Дерзкое заявление дилетанта было принято с усмешкой, но Вентрис не дал сбить себя с верного пути. Он разослал ученым всего мира меморандумы и анкеты, получил доступ к серьезным научным журналам. Постепенно наиболее объективные специалисты, в числе которых был и Джон Чедвик, его признали. Один из известных шведских археологов сказал о сенсационной статье Вентриса, что она была «бомбой, брошенной в мой почтовый ящик».

Кем была эта восходящая на горизонте науки звезда? Майкл Вентрис родился в 1922 году в семье офицера британской армии. Его мать была очаровательной интеллигентной женщиной с артистическими наклонностями, наполовину полячкой, правда, неизвестно, по материнской линии или по отцовской. Во всяком случае, в родительском доме польская традиция была довольно-таки сильна — с детства Вентрис свободно говорил по-польски.

Маленький Михась, так называла его мать, получил космополитическое образование, так как ходил в школу в Швейцарии, а позднее изучал архитектуру в Англии. Во время войны он служил в авиации и принимал участие в налетах на гитлеровскую Германию.

Четырнадцатилетним мальчиком в 1936 году он посетил в Лондоне выставку археологических находок из Кносса и

остался на лекции Артура Эванса о забытой миносской культуре и таинственном критском письме. Впечатление было столь огромно, что в этот час он поклялся себе прочесть это письмо во что бы то ни стало. Сразу же после войны Вентрис приступил к осуществлению своей мечты. Его усилия, как мы уже знаем, увенчались успехом в 1952 г. К несчастью, в 1956 г. Вентрис трагически погиб в автомобильной катастрофе. Однако перед смертью он успел узнать вкус побед, когда в последние годы его короткой жизни на него посыпались почетные степени и дипломы научных институтов всего мира.

По мнению товарищей, Вентрис был незаурядным человеком, веселым, скромным, наделенным личным обаянием. Ему были присущи неслыханная работоспособность, умение концентрировать мысль, аккуратность, фотографическая зрительная память и легкость ассоциаций. Это те черты, которые в конечном счете очень помогли ему в расшифровке линейного письма b. Как свидетельствуют тысячи оставшихся после него карточек с записями и расчетами, он проделал поистине титаническую работу. Дни и ночи Вентрис кропотливо изучал каждый отдельный знак и его предполагаемое звучание. При этом он использовал апробированный в разведке метод прочтения тайнописи, опирающийся на выявление частотности графических знаков и осмысление в конце концов их функции в языковом контексте. Бесконечно интересно проследить за тем, как Вентрис шаг за шагом проникал в тайны текста, добываясь от графических знаков секрета их звучания. Здесь не место вдаваться в подробности этого безмерно сложного дела, достаточно сказать, что то, чего добился Вентрис, без сомнения, дает ему право на статус гениального человека.

Содержание текстов прочитанных глиняных табличек, скорее, разочаровало ученых. Это были списки живого и неживого инвентаря, необходимого для ведения хозяйства царского двора. Среди них нет ни одной таблички, которая бы, подобно месопотамским табличкам, давала какую-либо информацию из области общественного устройства, мифологии или истории Крита микенской эпохи. Несмотря на это, из них можно почерпнуть ряд любопытных сведений о господствовавших в то время общественных и политичес-

Ваза из Феста. Керамика
Около 1800 г. до н. э. Гераклион.
Археологический музей

ких отношениях. Общество, во главе которого стоял царь со своим войском, разделялось на землевладельцев, торговцев, ремесленников и невольников обоого пола. В одной из табличек перечисляются, к примеру, шестьсот рабов вместе с хозяином. Жившая в роскоши аристократия и без меры расплодившаяся бюрократия — возможная причина сотрясавших критское государство народных волнений. Но это уже другой разговор.

Мы имеем право спросить, в каком состоянии находятся исследования линейного письма а, которое еще любопытнее, потому что оно скрывает в себе разгадку тайны коренного народа Крита, творца миносской культуры. Так как письма а и в близкородственны, перед учеными стоит задача полегче. Они могут использовать теорию фонетических звучаний Вентриса применительно к подобным знакам письма а. Однако же, несмотря на усилия ученых, расшифровать содержание немногих написанных письмом а табличек не удалось, ввиду того что неизвестно, на каком языке говорили жители Крита. Сейчас ученые склоняются к мнению, что речь идет о родственном хеттскому языку.

В заключение — любопытная подробность. В развалинах одного из критских дворцов в населенном местечке Фестос найден диск со знаками, расположенными по спирали от края к центру. Это древнее иероглифическое письмо, состоящее из 42 графических знаков. При его исследовании обнаружилась поразительная вещь: некоторые знаки были выдавлены соответствующими матрицами. Трудно предположить, что матрицы служили только для одноразового тиснения на диске, в связи с чем можно прийти к неожиданному выводу — жители Крита уже в XV веке до н.э. пришли к

Ваза с осьминогом из Палекастро. Керамика
Около 1500 г. до н. э. Гераклион.
Археологический музей

Ваза из Феста. Керамика
Около 1800 г. до н. э. Гераклион.
Археологический музей

мысли о создании множительной техники, своеобразной предвестницы печати.

ТАЙНЫЕ ЛЕСТНИЦЫ ИФИГЕНИИ

Без малого в сорока километрах на восток от Афин расположен небольшой городок Браврон. Недавно греческое правительство выделило средства на реставрацию старой местной церквушки, признанной образцом византийского церковного зодчества. Надзор за реставрационными работами поручили крупному греческому архитектору Пападимитрио, известному в научных кругах как руководитель раскопок на территории Микен.

Ученый начал выполнять задание со сверхтщательностью. Наблюдая за реставрацией церквушки, он одновременно заинтересовался прошлым городка и собрал все, что сказано о нем в античной литературе. Нужно заметить, что Браврон — не такой уж Богом забытый городишко, как другие. Название этого городка мы встречаем в богатом собрании греческих мифов об Ифигении и богине Артемиде, а Геродот пишет о том, что там находится почитаемый гречанками храм, посвященный культу этой богини. К этим сведениям Аристофан добавляет загадочные и интригующие подробности. Он дает понять, что в храме проводились культовые обряды в честь Артемиды и поклонение ей сопровождалось фаллическими танцами.

Здесь мы ненадолго отвлечемся от темы нашего рассказа и вкратце вспомним трагическую судьбу Ифигении. Как известно, она героиня многих драм, опер и поэм. К ее образу обращались Овидий, Софокл, Еврипид, Гете. По одной из версий, а всего их несколько, собранные в беотийской Авлиде греческие войска долгое время не могли отплыть к Трое из-за неблагоприятных ветров. Прорицатель Калхас, которого спросили о причине неудач, ответил, что это происходит по воле Артемиды, разгневанной на Агамемнона за убийство ее любимой лани. Виновный должен вымолить у богини прощение, принеся ей в жертву жизнь любимой дочери — Ифигении. После долгой внутренней борьбы Агамемнон согласился на эту ужасную жертву ради благополучного исхода. Он отправил Ифигению вместе с ее матерью Клитемнестрой в Авлиду, якобы намереваясь выдать ее замуж за Ахиллеса. Когда обе женщины, радостные и празднично одетые, прибыли на место, обнаружилась страшная правда. Ифигению схватили и лишили жизни на алтаре беспощадной богини. Возможно, здесь скрывается причина кровавой драмы в Микенах, когда Клитемнестра вместе со своим возлюбленным Эгистом убила вернувшегося из-под стен Трои Агамемнона. В Авлиде находился храм, в котором исстари приносили человеческие жертвы Артемиде. Может быть, это и способствовало появлению мифа об Ифигении. Любопытно то, что археологи нащли в развалинах храма алтарь, на котором Агамемнон должен был принести в жертву свою дочь.

Согласно другой версии, Ифигения не погибла: Артемиде окружила ее облаком и перенесла по воздуху в Тавриду (Крым), где в местном храме доверила ей быть жрицей. Обязанность была не из приятных — Ифигения должна была приносить в жертву жестокой богине тех, кто потерпел кораблекрушение и был выброшен на берег волнами. В один прекрасный день по воле такого же случая на берегу появился Орест, сын Агамемнона, и он разделит бы судьбу других несчастных, если бы в последнюю секунду Ифигения не узнала в нем брата. Брат с сестрой убежали, прихватив с собою статую богини. Ифигения, как гласит одна из легенд, стала жрицей храма в Бравроне, где и похоро-

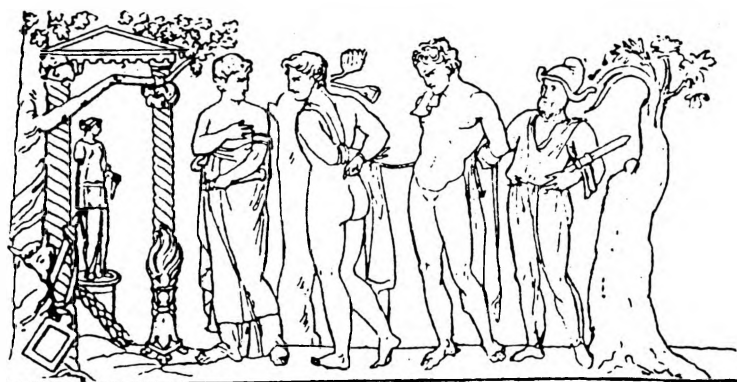

Артемид

Деталь. Мрамор. рельеф из Браврона

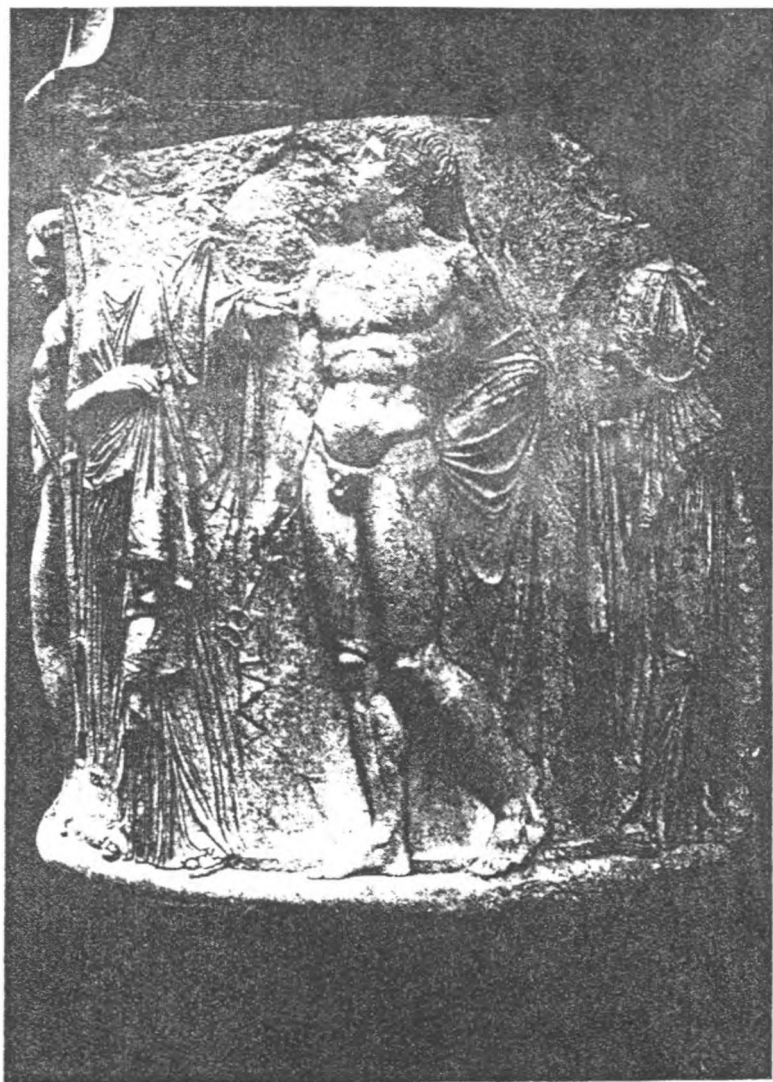

Артемиды. Фрагмент рельефа

Ифигения узнает Ореста и Пилада

нена. Для объяснения дальнейших фактов необходимо добавить, что Браврон являлся центром греческих религиозных празднеств. Артемиды была почитаема как покровительница деторождения, и каждые пять лет девочки в возрасте от пяти до десяти лет, сопровождаемые матерями и одетые в наряды шафранового цвета, шли ритуальной процессией к алтарю, чтобы отдаться под покровительство богини. Во время этих празднеств к алтарю возлагали приношения в виде маленьких фигурок.

База колонны из храма Артемиды в Эфесе
Мрамор. Около 340 г. до н. э. Лондон. Британский музей

"Маска Агамемнона"

Золото. XVI в. до н. э. Афины. Национальный археологический музей

Аттическая чернофигурная амфора

Мастер Ахилла.
Около 440 г. до н. э.

Аттический краснофигурный кратер

Мастер Ниобид.
Около 460 г. до н. э.

Под впечатлением этих фактов Пападимитрио решил рискнуть и начал археологические раскопки на территории городка. Расходы были огромны, но результаты, как вскоре оказалось, превзошли все ожидания. Из земли и развалин извлекли 6000 чудеснейших образцов греческой скульптуры V и VI вв. до н.э. — это одна из самых больших коллекций, существующих в музеях всех стран мира. Она состоит из статуэток, очень красивых ваз, сверкающих голубой глазурью, барельефов, когда-то украшавших храмы. «Впервые, — в восторге писал Пападимитрио, — мы получили полную картину частной жизни афинян, особенно женщин». Восхищение вызывают полные обаяния и тепла статуэтки детей, вырезанные чутким резцом скульптора. Они украшали храмы и являлись приношением родителей богам. Мальчиков, изобра-

**Стоящая танагрская
фигурка**

IV в. до н. э.

Лекиф с изображением мистерий
Апулия

IV в. до н. э.

женных на этих статуэтках, называли «медвежатами». Их обязанностью было влезать в шкуру медведей и исполнять перед алтарем ритуальный танец, чтобы предотвратить ниспосланные Артемидой на Грецию эпидемии за то, что кто-то из афинских детей убил посвященного ей медвежонка.

Еврипид пишет, что в Бравроне Ифигения жила недалеко от «святых лестниц», что гроб ее был покрыт прекрасно вышитыми тканями, пожертвованными бесплодными женщинами. С течением времени греческие археоло-

Краснофигурная амфора
Аттика, ок. 440 г. до н. э.

ги откопали весь храм, и в частности спальню девушек-жриц, украшенную колоннадой в дорическом стиле. В развалинах найдены сотни зеркал, чаш, перстней, ваз и статуэток. Сохранилась даже книга пожертвований, из которой узнали, что перечисленные предметы являлись приношениями беременных женщин.

Однако самое большое волнение вызвало открытие «святых лестниц». Из их расположения ясно, что они были тайными ходами из святыни к ближайшим строениям. Возможно, Еврипид посетил храм, где ему показали келью под лестницей, в которой, согласно народным преданиям, жила и умерла Ифигения. Здесь мы имеем дело с одним из тех изумительных случаев, когда археология удивительным обра-

зом переплетается с мифологией и литературой.

Находка в Бравроне свидетельствует, что для археологии еще не прошли счастливые времена великих открытий. В серых пасмурных днях археологических будней они вдруг вспыхивают, полные искристого света. Земля древней Эллады скрывает много сюрпризов, хотя их появление на свет не всегда результат труда археолога. Часто открытия происходят по воле случая или воле судьбы.

Например, в музее в Дельфах находится известная бронзовая статуя возницы. Он застыл на колеснице, удер-

живая двух чудесных коней. Но из целой скульптуры сохранился только он, одинокий как колонна, отшлифованный и неподвижный, но на удивление живой и выразительный. Статуя принадлежит к древнему периоду греческой скульптуры, непосредственно опережающему реализм Фидия, и именно этому обстоятельству следует приписать то, что она сохранилась до наших дней. Возможно, какой-то жрец — сторонник нового направления в искусстве — посчитал ее слишком старомодной и решил убрать подальше. Статую нашли под обломками толстых подвальных стен среди дельфских развалин. Предметы искусства, украшавшие храмы, грабили по очереди Сулла, Нерон, Константин Великий, Феодосий II, но скульптура, показавшаяся ее владельцу устаревшей и скрытая стенами подвала, избежала судьбы творений Фидия, Праксителя и Полигнота.

Настоящей археологической житницей несколько лет был афинский порт Пирей. На одной из оживленных улиц двое рабочих долбили асфальт отбойными пневматическими молотками, чтобы добраться до канализационной трубы. Когда они сняли слой асфальта и бетона, земля внезапно провалилась и показа-

Статуэтка маленькой девочки
(Браврон)

Возничий
Деталь

Возничий

Бронза. Около 470 г. до н. э.
Археологический музей

лись две человеческих руки, покрытые зеленым налетом и как бы умоляющие о милосердии. Перепуганные рабочие бросили молотки и уведомили начальство об обнаружении трупа. Вызванные археологи установили, что найден один из портовых складов, полный прекрасных скульптур из мрамора и бронзы. Среди этих невиданных вещей был мраморный бюст Гермеса с лицом, полным мысли и благородства, актерские маски из бронзы, младенец в натуральную величину, руки которого так напугали рабочих, но прежде всего — огромная мраморная статуя Афины в великолепном шлеме с гривой, произведение IV века до н.э. резца Кефисодота или одного из учеников Праксителя.

Каким образом эти шедевры оказались собранными в портовом городе? Они лежали на складе, вероятно ожидая погрузки и отправки в какую-либо из чужих стран. Археологи подозревают, что обнаружена часть колоссальной добычи римского императора Суллы, который немилосердно грабил в Греции произведения искус-

Афина

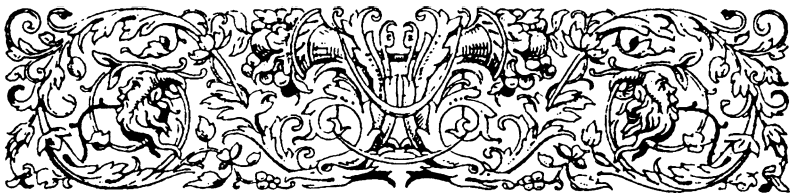
Сулла

Нерон

ства. По каким-то неведомым причинам они так и остались на складе. Благодаря этому спустя две тысячи лет сделано одно из величайших археологических открытий в Греции.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ МИКЕН

До конца III тысячелетия Пелопоннес населяли неизвестные народы, называемые греками пеласги, лелеги и карийцы. Язык этих народов безвозвратно забыт, но некоторые слова были заимствованы греческим языком (названия некоторых цветов, например нарцисс, гиацинт, а также название моря — таласса).

Где-то в начале II тысячелетия с севера пришли древнейшие предки греков: ахейцы. Воины, закованные в бронзовые панцири, легко покорили мирных землепашцев и пастухов Пелопоннеса. Ахейцы были бородатыми варварами, проводившими жизнь в войнах, охоте и пиршествах у костров, страстно влюбленными в свои легенды и песни о героях рода. Царьки ахейских племен возводили, особенно в Арголиде, мощные оборонительные укрепления, используя труд десятков тысяч рабов. Они стремились защитить себя от нашествий соседствующих с ними соплеменников и от бунтов превращенных в рабов коренных жителей.

С течением времени царь Микен захватил власть над всеми другими ахейскими царьками. Фукидид сообщает, что Агамемнон предпринял троянский поход «как самый могущественный человек своего времени». Мрачные циклопические стены Микен сохранились и сегодня. Они построе-

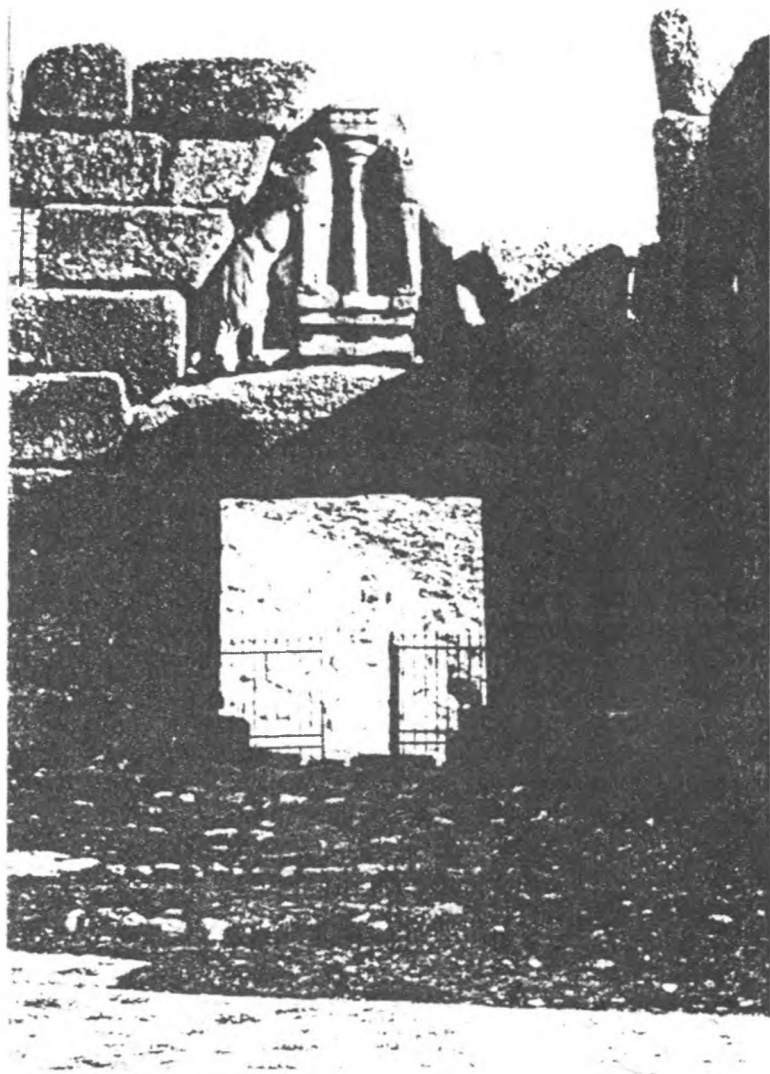

Возвращение на родину Агамемнона
По Флакмену

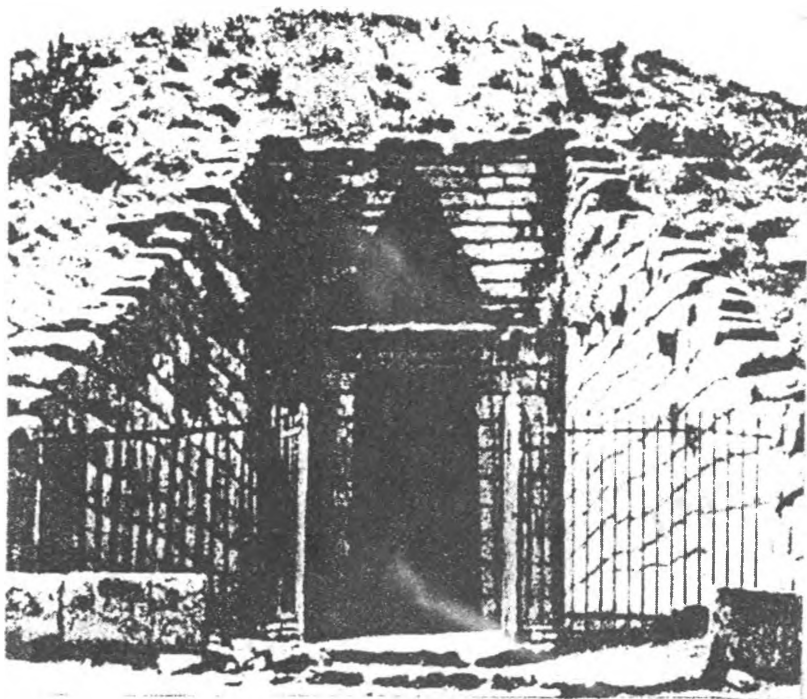
ны из гигантских каменных блоков на головокружительной скалистой возвышенности и являются своего рода архитектурной загадкой. Сегодня трудно поверить, что при тогдашних способах строительства, когда все делалось лишь при помощи физической силы человека, эти блоки удалось поднять на такую крутизну. Возможно, для этого насыпали платформу из камня и песка, по которой подгоняемые бичами рабы поднимали огромные камни на гребень скалистого хребта. К крепости ведут знаменитые Львиные ворота, где Клитемнестра встречала вернувшегося с победой из Трои Агамемнона.

На склонах окрестных возвышенностей виднеются семь куполообразных гробниц, так называемых «толосов», напоминающих гигантские ульи. Из них наиболее известна «Гробница Агамемнона».

Крепость расположена в седловине двух неприступных обрывистых скал. С одной стороны зияет пропасть ущелья, в которое никогда не попадают солнечные лучи, с трех других сторон открывается вид на аргонидскую низменность и далекие заснеженные вершины Аркадии. Пейзаж,

Львиные ворота
XIV в до н. э. Микены

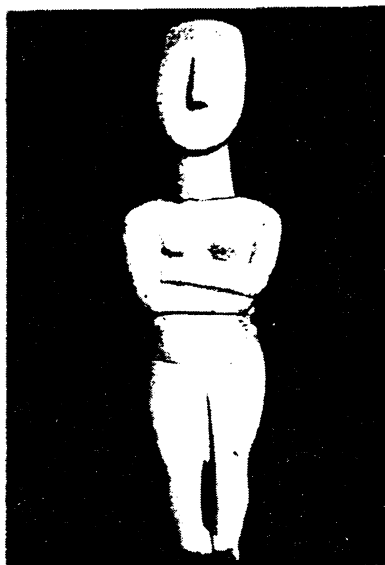
**Купольная гробница, так называемая "Сокровищница Атрея"
в Микенах**
XIV в. до н. э.

полный суровой красоты, как бы являет собой подходящий фон для тех диких страстей и преступлений, которые происходили в Микенах. Ведь именно здесь Атрей, отец Агамемнона, мстя своему брату за похищенную жену, поднес ему угощение из печени его сыновей. Здесь Клитемнестра и ее возлюбленный Эгист убили Агамемнона и его спутников. Здесь Орест совершил страшное преступление, убив мать.

Когда видишь эту суровую горную природу, среди которой жили воинственные ахейцы, легче понять микенскую культуру. Она была культурой варварской, суровой, неотесанной, лишенной воспитания. Лучше всего ее характеризует меч, найденный в одной из микенских гробниц. На бронзовом клинке мы видим талантливо исполненную, инкрусти-

Пелика. Прилет ласточки
Евфроний. Греция. VI в. до н. э.

Женский идол с острова Наксос
Мрамор. Около 2000 г. до н. э.
Дрезден. Скульптурное собрание

Голова быка
Серебро. XVI в. до н. э. Афины.
Национальный археологический музей

рованную золотом и серебром динамичную сцену: три микенских воина, вооруженные копьями и щитами, борются со львами. Два льва поспешно убегают, а третий бросается на своих преследователей. Один из охотников, раненный зверем, лежит на земле. Есть в этой сцене некая грозная в своей примитивности витальность, объясняющая нам всю историю эгейского мира.

Но одновременно с микенской культурой на Крите процветала минойская культура — жизнерадостная, полная восхищения перед красотой, утонченная, воспевающая упоение жизнью. В великолепном кносском дворце, почти сплошь украшенном рисунками, жил царь, который был владыкой самой сильной морской державы тогдашнего мира. С 1700 года до н.э. ахейцы начинают заимствовать критскую культуру. Богатые ахейские придворные вывозят из Кносса художественные ювелирные изделия, инкрусти-

Крылатый гений, несущий женщину
"Табличка Кампана" из Цере
3-я четверть VI в. до н. э. Париж. Лувр

"Таблички Бокканера" из Цере

550—530-е гг. до н. э. Лондон. Британский музей

рованное оружие; дамы одеваются по критской моде — в юбки с буфами и блузки с глубоким декольте.

В 1400 году до н.э. ахейцы совершили набег на Крит и разбили его флот. Укрепившись на острове, они дважды пытались овладеть Египтом, но каждый раз, как сообщают египетские надписи, получали отпор. Тогда ахейцы обратили внимание на Трою, богатый город над Геллеспонтом, который благодаря выгодному положению — граница между Европой и Азией — утвердил свой контроль над торговлей Анатолии, Азии, южного побережья Черного моря. После десятилетней осады ахейцы в начале XII века до н.э. овладели Троей. Все перипетии тех драматических событий описаны Гомером в «Илиаде».

А спустя восемьдесят лет ахейцы потерпели сокрушительное поражение. С севера потянулись новые греческие пле-

мена, известные под общим названием «дорийцы» — предки позднейших исторических греков. Они сровняли с землей крепости в Микенах, Тиринфе и Орхомене, овладели Пелопоннесом, Критом, островами Эгейского моря, даже достигли Малой Азии. С их приходом наступил упадок крито-микенской культуры. На эгейский мир опустился мрак греческого средневековья; после критян и ахейцев господство на морях перешло в руки торгового народа — финикийцев. Только спустя столетия, одновременно с появлением Гомера, греческая культура вступила в новую эру возрождения и расцвета.

Микены не были полностью уничтожены и с незапамятных времен притягивали к себе путешественников. Руины города описал, в частности, грек Павсаний, и его детальное описание послужило немецкому археологу Шлиману путеводной нитью для определения места раскопок, результатом которых стало открытие царских гробниц, полных золота, серебра, других драгоценностей. Посмертные маски, выкованные из золотого листа, зримо передают выражение суровой простоты на лицах бородатых мужчин. Шлиман был свято убежден, что обнаружил гроб Агамемнона и трех его товарищей по оружию. Однако некоторые ученые не разделяли его уверенности и оказались правы. Продолженные уже после смерти Шлимана археологические работы на Крите подтвердили, что гробницы имеют более древнее происхождение и что здесь захоронены далекие предки царя Трои.

Прошло несколько лет после раскопок Шлимана, и Микены вновь привлекли внимание археологов.

На юго-восток от усыпальницы царей возвышается на скале микенский Акрополь с царским дворцом. В его развалинах смешанная англо-греческая археологическая экспедиция сделала невероятно интересное открытие. Прежде всего было установлено, что родовое гнездо предков и потомков Агамемнона пало жертвой неукротимого пожара. Стены из камня и необожженного кирпича завалились и от жара сплавилась в единую бесформенную массу, как бетон. В ней были найдены восемь табличек с критским письмом, которым пользовались ахейцы. Открытие вызвало большое волнение в научных кругах. На Крите были раскопаны таб-

лички с двумя типами письма: с древним письмом критян, так называемым линейным письмом а, до сих пор не прочитанным, и линейным письмом б, которое, как известно, дешифровал англичанин Майкл Вентрис и которым пользовались греческие колонизаторы Крита. Но казалось странным, что в самом центре ахейской культуры, в Микенах, это письмо никак не удавалось обнаружить. Теперь стало понятно, почему: глиняные таблички, впаявшиеся в массу слипшихся кирпичей, не привлекли внимания археологов.

Царскую резиденцию в Микенах восстановили, но в конце XII в. до н.э. дорийцы превратили крепость в пепелище и развалины. Еще сегодня заметны ужасные следы насилия и грабежа. Дорийцы были варварами исключительно жестокими, равно как варваром был и герой их племени Геракл, который не понимал музыки и в приступе бешенства убил кифарой своего учителя Лина, поскольку тот отважился наказать Геракла за леность.

С этого момента началась агония гордой микенской крепости. Археологи установили, что на пепелище выросло какое-то убогое поселение, которое со временем превратилось в маленький городишко. Когда в 497 году до н.э. персы вторглись в Грецию, небольшой отряд из семидесяти четырех воинов промаршировал через Львиные ворота и принял достойное участие в бою под Платеями. В награду за содействие в победе название Микен, наряду с названиями Афин и Спарты, выбито на золотой треноге, принесенной победителями в дар храму в Дельфах.

Легенда гласит, что этот благородный поступок вызвал зависть жителей гордого и богатого города Аргоса, которые не оказали сопротивления персам и потому не были внесены в почетный список спасителей родины. Преобладающие силы аргосцев предприняли атаку на обветшавшие крепостные стены Микен и покорили его жителей. Столица Атрея, Агамемнона и Ореста перестала быть независимой. Постепенно она полностью обезлюдела и была забыта. И только немецкий археолог Шлиман вновь возродил ее, и с тех пор она всегда на устах ученых мужей и дилетантов, интересующихся раскопками.

О ТРАГЕДИИ ОДНОЙ ЛОШАДИ

Я не раз задумывался, почему никто до сих пор не написал книгу об истории лошадиного рода. Конечно, я имею в виду не научную монографию, а драматическую, захватывающую жизнь поколений лошадей, связанную с бурными судьбами людей. Например, верховой конь Александра Македонского — какая же это волнующая тема! Коня звали Буцефал. Никто, кроме Александра, не мог сесть на него. Он был черный, как смола, блестящий, как Полярная звезда, и дикий, как демон. Больше семнадцати лет он верно служил своему господину, прошел с ним всю военную кампанию в Персии и дошел до Индии. И там у измученного годами и трудами коня в разгар битвы подкосились ноги. Он достойно умер на посту. Александр оплакивал его как друга и на месте его смерти заложил город, назвав его Буцефала.

Или Инцитат — беговая лошадь, которую обожал безумный римский император Калигула. Этот быстроногий жеребец жил в мраморной конюшне, у него была кормушка из слоновой кости, на него накидывали чепрак из драгоценного пурпура. Когда он спал, вокруг должна была царить полнейшая тишина. Калигула намеревался сделать жеребца консулом. Неизвестна дальнейшая судьба животного после

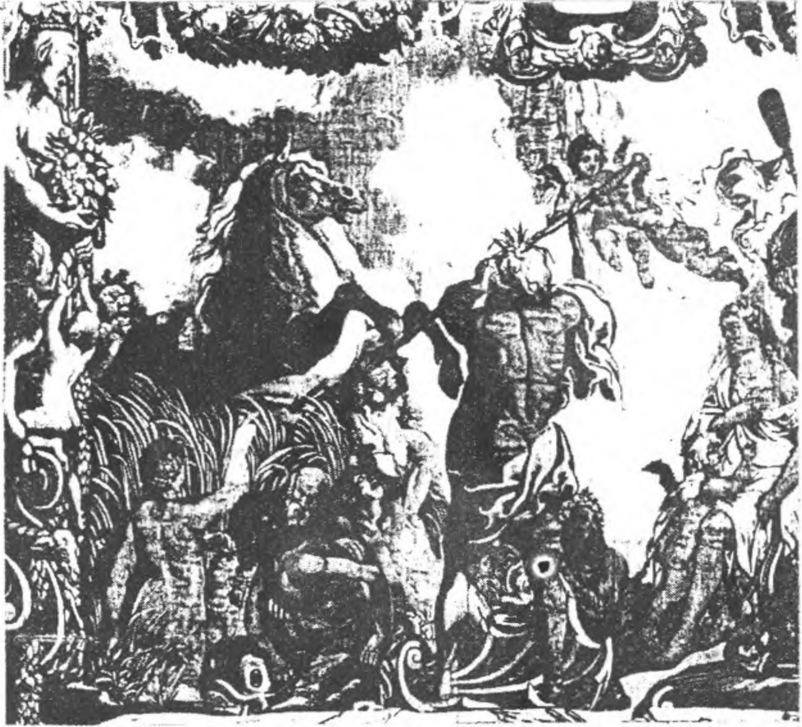

Александр Македонский

Деталь мозаики по картине Филоксена "Битва Александра с Дарием".
Начало III в. до н. э.

того, как убили сумасшедшего коронованного тирана. Подумать только, как интересно могла бы выглядеть дальнейшая история Рима, если бы преломить ее сквозь призму судьбы Инцитата и описать ее, так сказать, с его точки зрения.

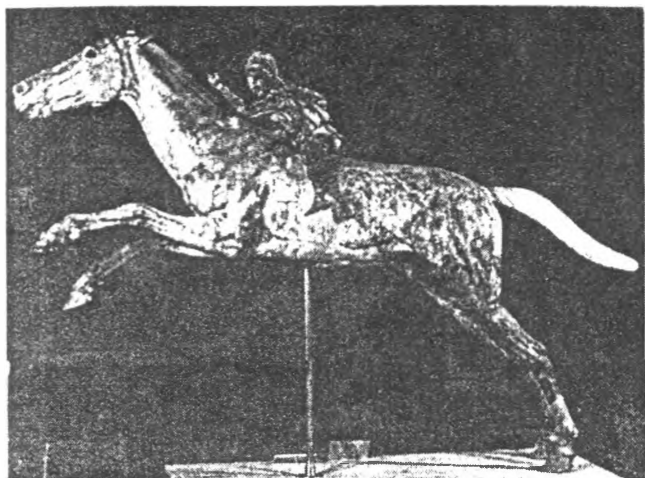
Конечно, отнюдь не у всех лошадей была столь почетная биография. Об этом убедительно говорят археологические раскопки, проводившиеся на Кипре греческим ученым Карагеоргесом. Рядом с развалинами древнего города Саламис расположено греческое кладбище VIII и VII вв. до н.э. В могилах нет ценных памятников, так как еще в прошлом веке местное население тщательно обследовало захоронение. Весной 1962 года кипрская экспедиция нашла там великолепную царскую усыпальницу, датируемую VII веком до н.э. Это склеп, который находится

"Сотворение коня Нептуном"
(ковровая вышивка). Около 1645 г.

глубоко в земле, он построен из каменных блоков и сверху засыпан. По форме захоронение напоминает курган. К склепу ведет наклонный коридор, выкопанный в земле, который после погребальной церемонии был вновь засыпан.

Захоронение тоже оказалось уже ограбленным. Но тем не менее в нем осталось еще немало амфор, а также серебряная миска с выдавленным в ней украшением в виде сфинксов и цветков. Раскоп наклонного коридора принес неожиданное и страшное открытие. У входа обнаружили скелет мужчины в сидячей позе, а ближе к стене склепа — останки еще двух мужчин. Несомненно, это были рабы, при-

«Конь и наездник из Артемистона»

несенные в жертву умершему царю или какому-то богатому кипрскому сановнику.

Кроме того, в склепе заметили оставленные колесницей следы и скелеты двух упряжных лошадей. Одна из них лежала на металлическом дышле. На черепе сохранились части металлической узды и налобника из бронзы с выдавленным рисунком из цветов лотоса и пальмовых листьев. По другую сторону дышла — только остатки узды. Что случилось с лошастью? Ее нашли чуть ли не втиснутой в угол, образуемый стыком усыпальницы и коридора. Поза лошади была одновременно и диковинной и драматической. Она присела на задние ноги, опираясь на вытянутые вперед передние, будто пыталась подняться. Вокруг валялась груда камней.

Легко представить, что случилось без малого 2800 лет назад. Предчувствуя гибель, мужественный конь освободился от узды и в панике пытался выскочить изо рва. Его загнали в угол градом камней и погребли живым. Перепуганное животное пыталось выкарабкаться из нарастающего слоя земли. Отсюда и трагическая поза скелета.

Удивителен тот факт, что уже в VII веке до н.э. на Кипре все еще сохранялся варварский обычай — в случае смерти

важных особ приносить им в жертву людей и животных. Раскопанные в Саламисе склепы большей частью микенского происхождения. Микены, укрепленное родовое гнездо династии Атридов, к которой принадлежал Агамемнон, находятся в Арголиде, на Пелопоннесе. Принадлежность захоронений к микенской культуре все объясняет. Население Кипра в VII веке до н.э. — это потомки греческих колонистов или захватчиков из Микен, — в любом случае они из Пелопоннеса, заселенного греческими племенами ахейцев. Именно эти племена захватили Трою, а в «Илиаде» есть описание их погребального обряда.

Где-то лет через восемьдесят после падения Трои с севера пришли новые греческие племена — «дорийцы» — предки позднейших «исторических» греков. Они покорили ахейцев, и с наступлением их господства был положен конец варварскому погребальному обычаю.

Все эти события случились в XI веке до н.э., но тем не менее на Кипре обычай сохранялся вплоть до VII в. до н.э., то есть существовал еще более четырех столетий. Значит, дорийцы тогда полностью не покорили остров, ахейская колония обособилась там в провинциальном консерватизме, ревностно соблюдая старые традиции. Впрочем, у последних могикан-ахейцев была для этого и иная причина. Кипр стал колонией финикийцев. В развитой финикийской культуре они усматривали угрозу утраты своего национального облика и поэтому настойчиво и неуступчиво соблюдали старые племенные законы.

На примере царской гробницы в Саламисе видно, какие далеко идущие и сенсационные исторические выводы может сделать археолог из внешне неприметной находки. В том-то и заключается очарование археологии, что она одновременно и наука, и любопытнейшее интеллектуальное приключение.

СИБАРИТЫ В ПРЯМОМ СМЫСЛЕ СЛОВА

Сибарис, город, основанный в VIII веке до н.э. греческими колонистами из Южной Италии, называвшейся тогда Большой (или материковой) Грецией, лежал в Лаконии, над заливом Таранто. Благодаря оживленной торговле с городами материковой Греции и Малой Азии, жители Сибариса вскоре нажили огромное богатство, стали могущественными. В VI веке до н.э. они подчинили себе двадцать пять соседних греческих городов и местечек. Их единственным конкурентом в борьбе за пальму первенства в политике и торговле был Кротон, основанный спартанцами на крайнем юге, в Бруттии, над Ионическим морем.

Бразды правления в Сибарисе держала в руках торговая плутократия, жившая в неопикуемой роскоши, предававшаяся всем радостям жизни. Эти нувориши, недавние предки которых из-за нищеты покинули Грецию, любили кичиться своим богатством и блистать драгоценностями. Задрапированные в дорогие хитоны и хламиды, скрепленные брошами из чистого золота, они как павы выступали в чужестранных городах, всюду производя фурор. Даже детей они одевали в пурпур и золото.

Люди, испытывая едва прикрытую зависть, смеялись над напыщенными выскочками и рассказывали о них различные

Пифагор

злые и забавные историйки. Слово «сибарит» стало синонимом человека, влюбленного в неумеренную роскошь, пышность и в праздное времяпрепровождение.

Всю Грецию облетел, например, анекдот о сибарите, который при виде крестьянина, работавшего в поле, зарабо-

тал себе грыжу. Поэтому не стоит удивляться, что сибариты, побывав в Спарте, в ужасе говорили, что предпочли бы умереть как трусы, нежели жить так, как жили спартанцы.

Однако некоторые черты ума и характера сибаритов, о которых нам известно от завистников и злюк, говорят скорее в пользу обвиняемых. Так, сибаритов упрекали в том, что они обожали собак и обезьянок, особенно же коней, которых обучали разным искусным трюкам. Верхом утонченности считалось у них, когда их кони во время торжественных церемоний или в военном походе шли танцевальным шагом, услышав звуки дудок.

Кое в чем сибариты могли бы послужить нам примером. Сибарис стал крупнейшим городом Большой Греции, и в VI веке до н.э. насчитывал около ста тысяч жителей. Так вот, совет архонтов издал распоряжение, в силу которого в городе нельзя было заниматься теми видами ремесел, которые производили шум, чтобы не нарушать покой горожан. Золотильщики, кузнецы, оружейники и колесники, пользовавшиеся молотками и молоточками при выклепывании металла, обязаны были размещать свои мастерские далеко за городскими стенами. Забота архонтов о сне горожан простиралась столь далеко, что в городе запрещалось держать петухов, чтобы они не мешали спать своим криком.

В VI веке до н.э. греческие города-государства стали ареной ожесточенной классовой борьбы. Демократы, выступавшие от имени народных масс, пытались свалить власть богатых купцов и ввести более справедливое правление. Олигархи Сибариса, изгнанные революционной городской беднотой, бежали в Кротон, то есть в город, который раньше сами же преследовали войнами.

В Кротоне у власти еще держалась торговая плутократия, хотя и там уже началось общественное брожение. Готовясь к неизбежной борьбе с демократическим Сибарисом, гнездом всех политических беспорядков в Большой Греции, власти Кротона пригласили к себе прославленного философа Пифагора и поручили ему провести в городе социальные реформы.

Пифагор был, по ироническому замечанию английского философа Бертрانا Рассела, своеобразной комбинацией Эйнштейна с госпожой Эдди — основательницей мистичес-

Протоаттический лутрофор
Керамика. 700—680 гг. до н. э.
Париж. Лувр

кой секты «Христианское учение церкви». С одной стороны, он был гениальным первооткрывателем законов математики, с другой — создателем мистической философской школы, провозглашавшей наивные взгляды, полные табу и предрассудков. Прибыв в Кротон, он склонил население города к строительству храма, посвященного музам. Затем основал корпорацию юношей и девушек, в которой были обязательными подлинно спартанские правила: строгость нравов, тренировка тела для тяжелого труда и молчание. Пифагор надеялся укрепить фундамент покачнувшегося аристократического строя, воспитывая людей по этим правилам. По этому поводу греки пустили в ход шутивное присловье: «Здоровее кротонца и тыквы». Но вскоре оказалось: язвительность язвительностью, однако Пи-

фагор знал, чего хотел. Когда в 510 году до н.э. дело дошло до вооруженного столкновения с Сибарисом, молодежь Кротона одержала полную победу. Правда, не только физическая выносливость и моральный дух триумфально победили изнеженность. Когда конница сибаритов вступила в бой, кротонцы заиграли на дудках подслушанную в Сибарисе мелодию. Кони, прядая ушами и фыркая, как завороченные двинулись танцевальным шагом к неприятельским укреплениям и позволили взять себя в плен вместе с наездниками.

Пифагор был неумолим к городу, осмелившемуся свергнуть установленное богами аристократическое устройство. По его наущению Сибарис сровняли с землей, а на руины направили русло реки Кратес, чтобы город никогда нельзя было возродить.

В те времена долина Сибарис была очень плодородной, а окружавшие ее с трех сторон взгорья покрывали густые леса. Вследствие бессмысленного хозяйствования леса вырубали, и с оголенных склонов стекали дождевые потоки, смывая почву в приморскую низменность. С веками эрозия почвы превратила некогда плодородную долину в малярийное безлюдное болото. Развалины Сибариса уходили все глубже в землю, и их затягивал толстый, в несколько метров, слой мочаг, исследовать который труднее, чем вулканический пепел Помпеи.

Поэтому понятно, почему за две с половиной тысячи лет не смогли найти местоположение города и раскопать его руины. Но о том, что он действительно был, говорили находки, случайно сделанные в районе предполагаемого расположения Сибариса и в городах, некогда подчиненных его властителям. То здесь, то там обнаруживали фрагменты скульптур, керамику, золотые тарелки с мистическими надписями. Найденные предметы показывают, что сибариты понимали толк в прекрасном и вовсе не были такими парвеню, как о них сплет-

**Фигурная ваза
с острова Эгина**
Керамика.

Первая половина VII в. до н. э.
Лондон. Британский музей

Краснофигурная амфора. Танцор
Евфимид. Деталь

**Краснофигурный
кратер**

Евфроний

Керамика.

510—500 гг. до н. э.

Западный Берлин

**Краснофигурный
килик**

Мастер Бриг.

Керамика.

Около 490 г.

до н. э.

Вюрцбург

ничали. Будучи достойными греками, которым, как известно, природа не отказала в чувстве красоты, они покровительствовали настоящим художникам и умели отличать подлинные шедевры искусства от дешевых подделок. Можно обоснованно полагать, что руины Сибариса — это сокровищница великолепных образцов греческого искусства, за которые стоит побороться.

Но все попытки найти город, предпринятые в XIX и нале нашего века, кончались неудачей. Почему трудно, почти невозможно найти Сибарис? О том, чтобы разыскать развалины и определить границы города традиционными методами, не может быть и речи. Поскольку уровень грунтовых вод подступает очень близко к поверхности долины — каждая выкопанная археологами яма мгновенно заполняется водой, и напитанные влагой стены раскопа заваливаются вниз, сводя на нет работу археологов. Поэтому возник проект окружить город глубоким каналом, по которому можно было бы отвести воду и с помощью мощных механических помп дренировать места раскопов.

Но для осуществления такого дорогостоящего плана сначала необходимо точно определить местоположение города. Сейчас эта задача решается с применением новейшего оборудования.

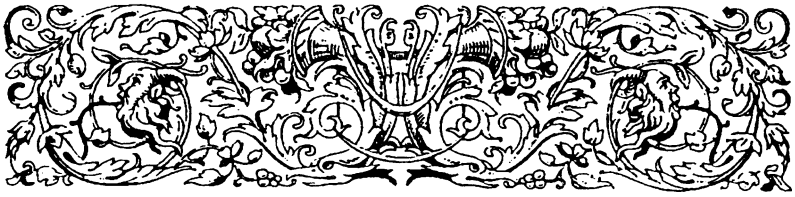
Очень удобным в локализации городских стен, следовательно, и границ города, оказался аппарат, которым давно пользуется итальянский археолог Карло Маурильо Лерици для отыскания подземных этрусских захоронений. Ультразвуковые импульсы, посылаемые в глубь земли, отражаются от твердых предметов, например от стен, и эти отражения видны на экране осциллоскопа.

Под верхним слоем долины Сибариса находится слой глины с магнитными свойствами. Это навело археологов на мысль использовать для поисков протонный магнитометр. Он представляет собой баллон со взвешенными в спирте протонами. Сверху на баллон слоями намотана проволока. Когда по проволоке пропускают ток, протоны вращаются в спирте и скорость вращения зависит от магнитной силы глиняного основания, над которым установлен прибор. Аномальные показатели на приборе — например, резкое сни-

жение магнитности — являются сигналом, что в данном месте в глубине земли находится какая-то стена или большое скопление глиняных черепков.

Опыты с магнитометром оправдали ожидания. С его помощью удалось определить крепостные стены Сибариса на протяжении 1320 метров. Есть надежда, что первый этап подготовительных работ — установление местоположения и границ города — скоро будет завершен.

КАРЬЕРА АФИНСКОЙ ГЕТЕРЫ

В одной из предыдущих новелл я пытался на примерах показать, что неприметные на первый взгляд находки часто оказываются красноречивее самых сенсационных открытий. Камень, подложенный под череп неандертальца, или полевой цветок, сохранившийся на останках девочки из Ютландии, — это волнующие доказательства нашего духовного родства с теми давними человеческими существами. Сознание, что они так близки нам в своих радостях и горестях, сокращает в нашем восприятии временную отдаленность от них, говорит о том, какой, собственно, ничтожной секундой являются тысячелетия в истории нашего земного шара.

Притягательной силой обладают для нас те открытия, которые осязаемо воскрешают далекие события, известные из истории или по легендам. То, что мы узнаем из исторических книг, поэм и романов, что, по сути дела, воспринимается как скорее нереальное, вымышленное или просто принимается на веру, благодаря археологическим находкам вдруг становится самым реальным в мире, исторически подлинным, вовсе не легендой. Поэтому находки так волнуют нас, вызывают особый интерес среди ученых и дилетантов. К такой категории археологических находок относится, к при-

меру, шлем Мильтиада, найденный в Олимпии. Из посвящения, выбитого на леме, мы узнаем, что греческий герой сражался в нем под Марафоном и принес его в олимпийский храм как дар за победу над персами. Второй пример: в развалинах храма Дианы в Авлиде греческие археологи, кажется, идентифицировали алтарь, на котором Агамемнон принес в жертву богам свою дочь Ифигению.

Но иногда отношение современного человека к памятникам давно прошедших эпох бывает абсолютно непредсказуемым, полным предрассудков и стихийной страсти. С этой точки зрения поучителен пример превратности судьбы афинской гетеры и танцовщицы Таис, которая много веков возбуждает воображение поэтов, музыкантов, художников. Ее жизнь, бесконечно авантюрная, бурная, пестрая, может служить аргументом тем, кто считает, что жизнь во многих случаях гораздо фантастичнее, чем самая буйная литературная фабула.

В 338 году до н.э. македонский царь Филипп победил греков под Херонеей, утвердив там свою власть над ними. Но он испытывал громадное уважение к Афинам, центру эллинской культуры. Он послал туда своего восемнадцатилетнего сына Александра, дабы тот обрел благовоспитанность, общаясь с поэтами и философами. В то время объектом восхищения мужчин и сплетен женщин стала молоденькая, потрясающе красивая Таис, которая будоражила город распутным образом жизни и огненным темпераментом, требующим все новых развлечений. Золотая молодежь Афин теряла из-за нее разум и отцовские деньги. Правда, хроники умалчивают, встретился ли с нею Александр, но невозможно представить себе, чтобы молодой человек, прославившийся своими романами и пьяными оргиями, держался в стороне от самой красивой гетеры Афин. Поэтому мы не погрешим против истины, если предположим, что между молодыми людьми, одаренными отменным здоровьем и физической красотой, возникла любовь.

Спустя два года Филипп был убит, и Александр Македонский начал карьеру величайшего завоевателя в истории человечества. Таис по-прежнему развлекалась в Афинах. И в один прекрасный момент она приняла совершенно неожиданное решение — отправиться в Египет вместе с тысячным

Птолемей I

отрядом гоплитов-наемников. Напрасно доискиваться, что склонило ее к такому шагу. Может быть, неудачная любовь к Александру или жажда приключений, но не следует исключать и вероятность того, что в Афинах у нее попросту горела земля под ногами.

Она была в Египте, а Александр Македонский в это время завоевывал Персию. Вскоре после покорения им Египта Таис встретила в Мемфисе с одним из самых талантливых македонских полководцев Птолемеем, который с первого взгляда по уши влюбился в нее. С того момента Таис сопровождала его во всех военных походах, была с ним в Вавилоне и наконец объявилась в Персеполе, столице покоренной Персидской империи.

В царском дворце, построенном в восхитительной долине между горных скал, Александр Македонский устроил одну из своих пьяных оргий. Сотни комнат и колонный зал, полные золотых и серебряных украшений, драгоценных ковров и занавесей, освещались факелами. Среди этого ошеломляющего богатства грубые солдаты Александра усадились за кубки и тарелки. И вот что рассказывают об этой попойке греческие хронисты Диодор, Клитарх и Плутарх. Якобы Таис (якобы, ибо Клитарх, источник этого сообщения, известен как сплетник) во время разнузданного танца броси-

Клеопатра

ла факел между деревянными колоннами дворца. Пьяная орда македонских солдат с восторгом последовала ее примеру, направо и налево швыряя горящие факелы. Мгновенно часть дворца, с драгоценными тканями, украшениями и вазами из благородных металлов, была объята пламенем. Слугам с большим трудом удалось спасти только боковое крыло дворца.

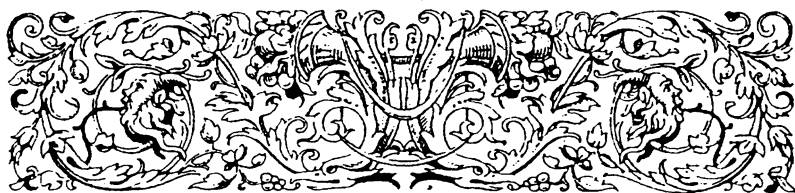
После смерти Александра Птолемей получил в правление Египет и короновался там. Так возникла известная греко-египетская династия, которая закончилась вместе с самоубийством Клеопатры. Таис стала матерью рода фараонов, поскольку Птолемей женился на ней и у них было трое детей.

Во Франции Таис пользовалась огромной популярностью и вошла в парижский фольклор благодаря роману Анатоля Франса и опере Массне. Но лирический образ героини был изрядно романтизирован и имел мало общего с подлинным. С этого момента начинается последняя, совершенно особая глава в истории афинской гетеры. Сторожа и хранители одного из парижских музеев с возрастающим удивлением стали замечать, что вокруг мумии Таис сложился культ ее почитания парижанками. Таис стала покровительницей влюбленных и обманутых в любви девушек, даже дев Ко-

ринфа. На ларе, в котором покоилась мумия, ежедневно появлялись груды цветов, ленточек, писем с мольбами и фотографий влюбленных. В конце концов дирекция музея решила покончить с этим, поскольку толпы женщин всех возрастов и сословий попросту мешали нормальной работе музея. Мумию унесли на склад, и, воспользовавшись моментом, врачи и реставраторы подробно исследовали ее. И тогда выяснилась одна удивительно интригующая вещь. Оказалось, что Таис не была бальзамирована и ее тело в силу благоприятных обстоятельств просто подверглось естественной мумификации. Поскольку усопших жен фараонов всегда бальзамировали, можно бы предположить, что Таис не была официальной супругой Птолемея, но его сожительницей. Есть и другая версия — она действительно состояла в браке с Птолемеем, но незадолго до смерти впала в немилость и была отдалена от трона. Неизвестно, какая из версий правильна, но совершенно очевидно, что в конце жизни Таис пережила какую-то крупную трагедию.

Вынос мумии из музея вызвал небывалое возмущение среди ее почитательниц. Перед музеем собирались толпы парижанок, требующих возвращения мумии на прежнее место. И тогда директор музея, опасаясь стать жертвой самосуда, заявил дрожащим голосом, что мумии уже нет, что она рассыпалась на куски во время экспертизы. Разгневанные женщины действительно чуть не набросились с кулаками на директора, выкрикивая в исступлении: Убили нашу мумию! — однако в последнюю минуту им преградил дорогу полицейский кордон. Вот так, спустя 2300 лет, наконец рассталась с этим миром Таис, женщина с фиалковыми глазами, устроив на прощание последний фейерверк — волнение в рядах своих парижских сестер.

ПОХИЩЕНИЕ МРАМОРНЫХ СКУЛЬПТУР

В 1961 году в Британском музее в Лондоне была открыта новая галерея, оснащенная самым современным музейным оборудованием для поддержания определенной температуры и влажности воздуха. Залы галереи отличаются строгой простотой и симметрией стенных плоскостей, лишены какой бы то ни было декоративности. Свет, мягко льющийся сквозь стеклянный потолок, превосходно освещает залы и рождает в них таинственный полумрак.

Вдоль стен на уровне глаз человека среднего роста тянется великолепный пояс изумительных барельефов; тут и там на цоколях стоят мраморные статуи: фигуры женщин и мужчин без головы или без конечностей. Они неудержимо приковывают взор. На барельефах в позах, полных драматического напряжения, изображены боги и богини, воины на рысаках и рабы, нагие мужчины, отчаянно борющиеся с амазонками или кентаврами, музыканты, мудрецы, герои и жрицы. Трудно оторвать взгляд от этих стен, как бы бьющих неукротимой жизненной силой, запечатленной в белом мраморе с реалистическим воодушевлением, которое часто походит на жестокость. Завораживающая сила экспрессии, буйство творческого видения, мастерское владение резцом, страсть и радость существования, высшее на-

Афина
Деталь. Бронза

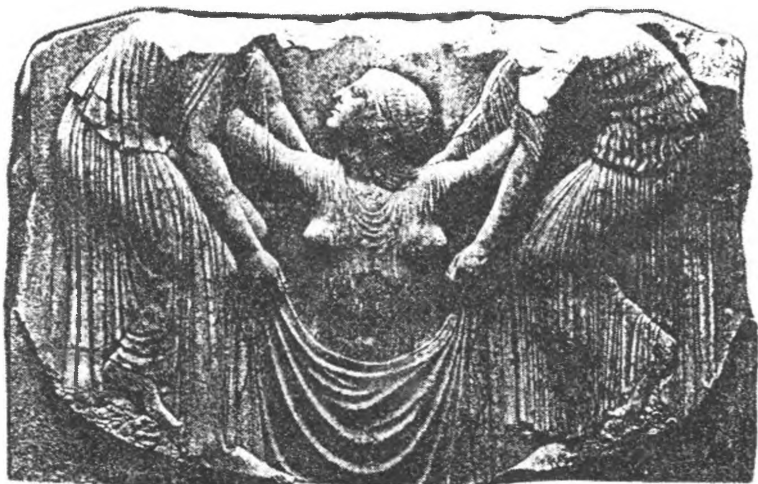
пряжение драматического действия — вот такими словами можно сказать об этих шедеврах. В этом нет ничего странного, ведь в свое время они украшали карнизы, фронтоны и фризы самых великолепных строений, когда-либо созданных человеком: Парфенон, храм Афины-девы, колоннада которого и сегодня украшает Акрополь в Афинах.

Ксеркс

Как оказались греческие барельефы в туманном Лондоне? Над их судьбой стоит задуматься хотя бы потому, что она богата необычными, подчас фантастическими перипетиями. К тому же в них, как в капле воды, отразилась история нашей культуры и цивилизации.

В 480 году до н.э. на возвышенности Акрополя стоял храм, посвященный покровительнице города Афине-деве, но персидские войска, возглавляемые Ксерксом, сожгли его и обратили в груды развалин. Потом на протяжении

Рельеф "Рождение Афродиты". Мрамор. 470—460 гг. до н. э. Рим

Посейдон

Деталь. Бронза. 470—450 гг. до н. э. Афины.
Национальный археологический музей

Перикл
 Римская
 мраморная
 копия
 по оригиналу
 Кресидая.
 Мрамор
 Высота 0,5 м.
 440—430 гг. до
 н. э.

жизни целого поколения здесь торчали лишь отдельные части бывшего храма, напоминая афинянам о варварстве персов. Во второй половине V века до н.э. для Афин наступил период Перикла, период возвышения, пышности, гегемонии над Элладой, благосостояния и расцвета культуры. Самовластно черпая деньги из совместного фонда «Морского союза», великий вождь и стратег решил восстановить Акрополь. Тогда же был воздвигнут Парфенон, подлинный шедевр греческой архитектуры. В 438 году до н.э. главный храм был украшен великолепной скульптурой Афины, резца Фидия. Двенадцатиметровая статуя из золота и слоновой кости, сверкающая от падающих на нее сквозь открытый потолок солнечных лучей, производила ошеломляющее впечатление. Нужно заметить, что Парфенон не отличался белизной мрамора, как то описывали идеалисты XIX в. Его фризы и фронтовая резьба, мето-

пы и украшения были полихромированными, переливались богатой гаммой сочных, ярких, живых красок. Увы, от них не осталось и следа.

Парфенон простоял почти девять столетий. В V веке н.э. христиане убрали статую Афины-девы и превратили святилище в храм Святой Софии. В VI веке его посвятили Непорочной Богородице и сделали кое-какие перестройки: была достроена абсида, устранены некоторые колонны, при этом покалечен ряд барельефов. Но нужно сказать, что принципиального ущерба нанесено не было. После завоевания Константинополя крестоносцами Афины попали под управление бургундских баронов. Те окружили Акрополь башнями и укрепленными стенами, а свободное пространство заняли служебными постройками и казармами.

В 1456 году Афины захватили турки и, естественно, превратили Парфенон в исламскую мечеть, достроив минарет. Необходимо признать, что и они принципиальным образом не нарушили стиль строения, тогда как Эрехтейон — святыню, посвященную культу Посейдона, — который также находился на Акрополе, перестроили в гарем местного турецкого сановника.

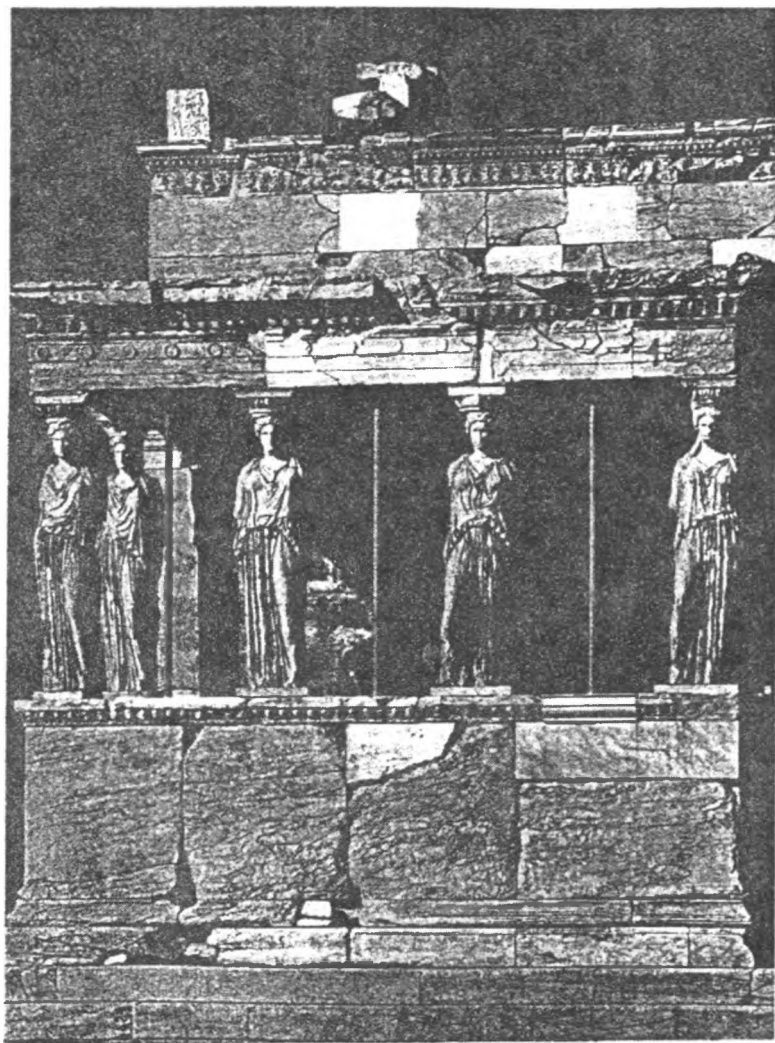
Прошло еще 200 лет. В 1687 году Афины стали ареной боя венецианской армии под командованием Франческо Мороси с турецким гарнизоном. Турки держали на Акрополе последнюю линию обороны, а в Парфеноне — запасы оружия. Венецианцы прибегли к артиллерийскому обстрелу, и вскоре снаряд угодил в пороховой склад. Последовавший взрыв уничтожил всю центральную часть Парфенона. Великолепный памятник, непревзойденный шедевр архитектурного искусства, сотворенный в мраморе, простоял нетронутым более 2125 лет, чтобы в конце концов получить смертельный удар от тех, кто обязан был воздать ему высшее уважение, ибо его разрушителями стали те, кто свое духовное наследие вел от той же самой культурной традиции.

Последующие годы, годы новой турецкой оккупации, — это период медленного и неуклонного разрушения Парфенона. Он погибал под воздействием неумолимого времени и от человеческих рук. Это были самые трудные годы для

памятника. Турки построили на его руинах небольшую мечеть, а Акрополь в целом служил для всего местного населения как источник строительного материала. Барельефы, брошенные без присмотра, под действием дождя и солнца постепенно ветшали, некоторые рассыпались на части. В этих случаях их использовали для переработки и получения извести.

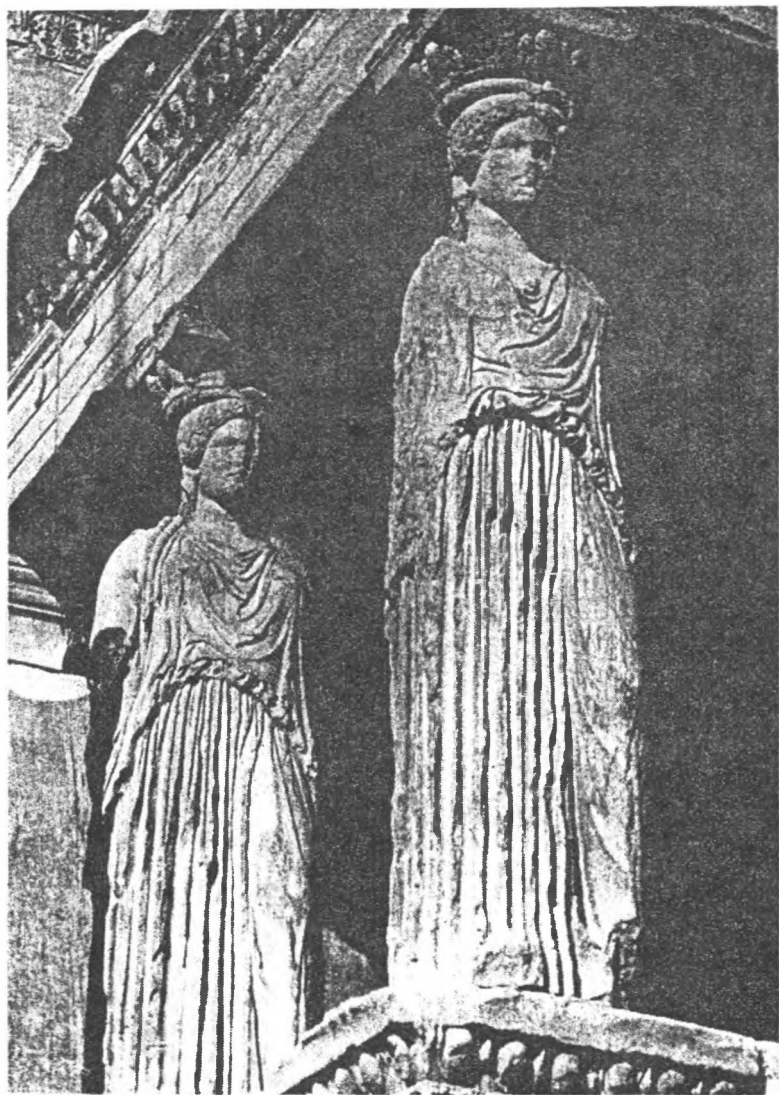
Судьбой Парфенона заинтересовался шотландский лорд Эльджин. Дипломат по профессии, он в основном вращался в артистической среде, поскольку был страстным поклонником искусства. Назначенный в 1799 году послом в Константинополь, он решил воспользоваться своим положением для того, чтобы спасти из Парфенона то, что еще можно было спасти. Поначалу его планы были скромными. Он намеревался собрать небольшую группу рисовальщиков, скульпторов и литейщиков, чтобы сделать отливки и точные эскизы всех барельефов и фриз. Эльджин обратился к английскому правительству с просьбой выделить средства для реализации своих замыслов, но получил отказ. Тогда он решился финансировать экспедицию из собственного кармана. Не так-то просто было найти мастеров. Средства лорда были невелики, никто не хотел пускаться в далекий путь за скромное вознаграждение. Наконец удалось собрать разноплеменную группу, в которой вместе с итальянцами и французами оказался и один татарский художник — Федор Иванович.

Группа прибыла на место в 1800 году. Афины были тогда маленькой, страшно запущенной провинциальной дырой. Турецкий сановник по-хамски принял европейцев и придумывал всевозможные пакости, чтобы отравить им жизнь. На Акрополь их пускали только за ежедневную непомерно высокую плату — пять фунтов стерлингов. Устанавливать помосты, для того чтобы делать отливки и копировать барельефы, строжайше воспрещалось, поскольку турки опасались, что европейцы не смогут удержаться, чтобы не заглянуть в гарем в Эрехтейоне, расположившийся вплотную к Парфенону. А вскоре и вообще заявили, что без соответствующего письменного разрешения из Константинополя не продлят им пребывание в Афинах и требуют отъезда европейцев.

Южный портик Эрехтейона

Лорд Эльджин в это время как раз находился в турецкой столице. Его вмешательство в Порте превзошло все ожидания. Тайна успеха Эльджина и легкости, с какой

Южный портик Эрехтейона
Деталь

Голова коня из колесницы богини Селены

Восточный фронтоны Парфенона. Фидий и его школа.

Мрамор. 447—432 гг. до н. э. Лондон. Британский музей

были выполнены его просьбы, заключалась в тогдашней политической обстановке. В 1801 году капитулировал египетский корпус Наполеона, и Турция надеялась, что англичане вернут им давнее господство над Нилом. Благорасположение властей простиралось столь далеко, что Эльджину было дозволено не только делать эскизы и слепки, но даже вывезти в Лондон подлинные фрагменты в любом количестве.

Защищенная этим документом, группа работала три года — с 1801 г. по 1804 г. Тогда были сняты с Парфенона лучшие барельефы, статуи, даже обследованы близлежащие дома, поскольку турки имели обыкновение вмуровывать в стены домов бесценные фрагменты афинского ваяния. Некоторые произведения искусства — гордость Британского музея — были найдены в грудах кирпича и грязи. Воспользовавшись случаем, члены группы Эльджина тогда же захватили с собой одну кариатиду и одну колонну из фронтона Эрехтейона.

Ценные находки постепенно переправляли в Лондон в огромных ящиках. Эльджин купил для этой цели парусный бриг, который, однако, во время второго рейса затонул возле Пирея вместе с семнадцатью ящиками бесценного груза. Их достал с морского дна Нельсон с помощью своих водолазов и оставил на острове Мальте. До 1804 года большая часть вывезенных сокровищ благополучно прибыла в Лондон*. Тем временем началась англо-турецкая война. Сорок ящиков, еще ожидавших отправки в Пирее, были запрещены к вывозу. Только в 1890 году турецкое правительство решило их отдать.

Но то, что ящики прибыли в Англию, вовсе не означало, что все злоключения остались позади. Отозванный из Турции, лорд Эльджин возвращался через Францию, где был интернирован до 1806 года. А ящики все это время перебрасывали со склада в подвалы и сараи, безжалостно подвергая воздействию влажного климата Альбиона. В 1815 году Эльджин, испытывая серьезные материальные затруднения, предложил английскому правительству купить его коллекции. После длительных торгов он получил за них 35 тысяч фунтов, едва покрыв половину собственных затрат.

Великолепные барельефы Парфенона были выставлены в Британском музее. Во время первой мировой войны их спасали в подвалах. В межвоенный период для них построили

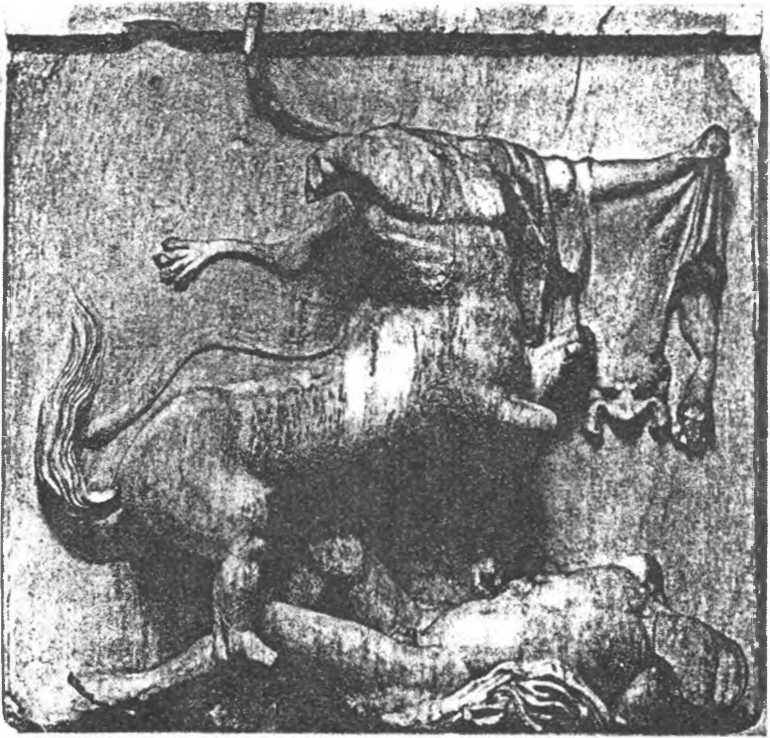

Надгробная плита из Пирея

Мрамор. Первая половина
IV в. до н. э. Афины.

Национальный
археологический музей

* Часть барельефов находится также в Афинах, Париже и Копенгагене.

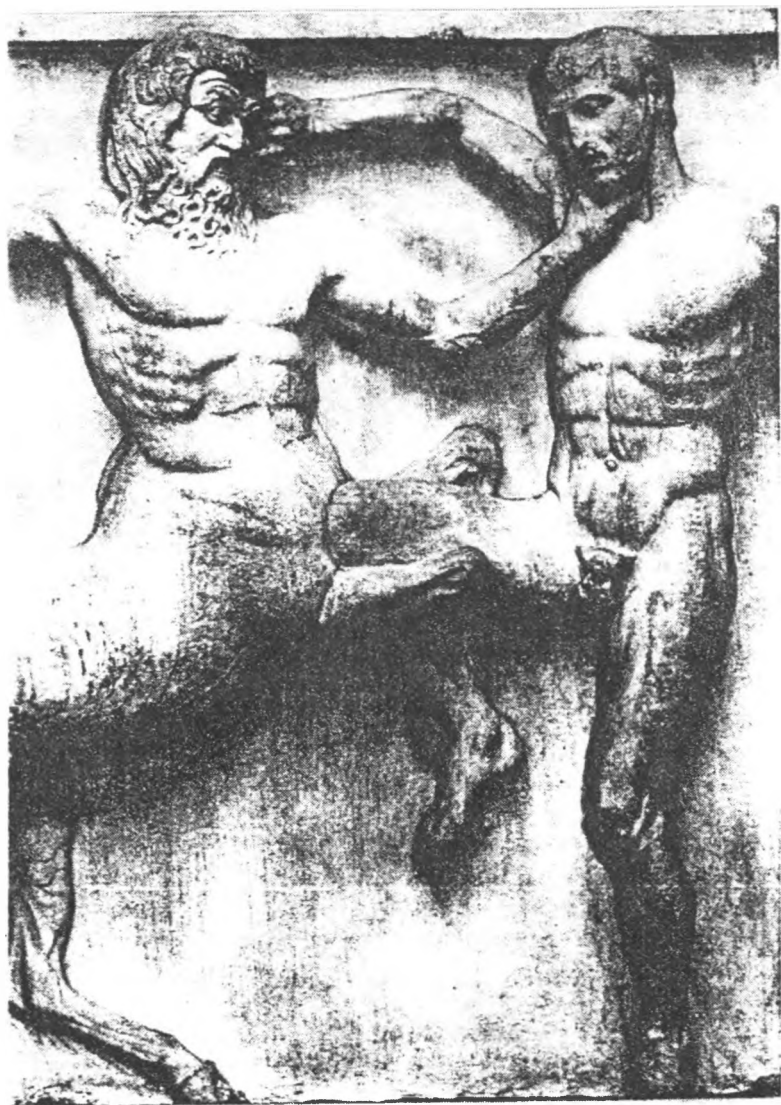
Метопы Парфенона

Фидий и его школа. Мрамор. 447—443 гг. до н. э.
Лондон. Британский музей

отдельный павильон, который был открыт в 1939 году. Но едва шедевры обрели место, началась вторая мировая война. Вывезенные из Афин ценности опять пришлось прятать. Их укрыли в одном из туннелей подземки, а в построенный для них павильон угодила авиабомба, превратив его в груду камней.

Только в 1961 году, после бурных поворотов судьбы, в которых отражается также и судьба нашего поколения, памятники обрели покой в новом прекрасном выставочном зале.

Лорда Эльджина еще при жизни обвиняли в вандализ-

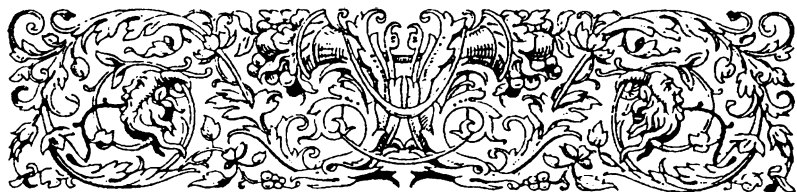

Метопы Парфенона

Деталь. Фидий и его школа. Лондон. Британский музей

ме. Но во имя справедливости нужно признать, что, если бы не его действия, шедевры Парфенона исчезли бы навсегда, особенно если вспомнить, что в 1822 году на Акрополе окопались греческие повстанцы и до 1827 года отражали атаки турок. Однако все это не означает, что греческий народ не имеет прав на творения своих гениальных мастеров. Барельефы и скульптура должны быть возвращены в Афины, на Акрополь, где они засияют в полном блеске в естественных для них освещении и ландшафте.

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК В АМЕРИКЕ

Откуда и когда пришли индейцы на Американский континент? Эти вопросы не перестают беспокоить ученых. Тем более, что новые материалы, добытые археологами, геологами и антропологами, неустанно вносят важные коррективы в эту проблему. Мы, однако, остановимся на том, что не подлежит сомнению и не находится в противоречии с открытиями последних лет.

Когда северные территории земного шара гибли под толстой оболочкой льдов, уровень моря, очевидно, был несколько ниже, чем сейчас. В результате этого Алеутские острова в ледниковый период представляли собой либо густую сеть островов, либо сплошной перешеек — естественный ледяной мост, связующий Сибирь с Аляской. Пролив Беринга имеет пятьдесят километров в ширину, и неудивительно, что некоторые сибирские племена, в поисках добычи исходив Сибирь вдоль и поперек, направились через этот ледяной мост на Аляску. Оттуда группы индейцев, постепенно разделившись, распространились по всему континенту, даже добрались до мыса Горн в Южной Америке.

Затруднительно ответить на вопрос, когда нога человека ступила на американский континент. Геологи установили, что межконтинентальный ледяной мост существовал при-

мерно двадцать тысяч лет и погрузился в море в IX тысячелетии до нашей эры. Значит, индейцы должны были пересечь Берингов пролив самое позднее на рубеже X и XI тысячелетий. Но когда конкретно? Археология давно ведет бои за ответ на этот вопрос.

Еще недавно предполагалось, что индейцы появились в Америке в X тысячелетии до н.э. На территории Южной Америки найдены сотни каменных топоров, ножей, пещеры, следы костров. Исследования радиоактивным методом C^{14} показали, что ни одна из археологических находок не насчитывает более двенадцати тысяч лет. Правда, время от времени беспокойство вызывали сенсационные сообщения о том, что якобы откопали свидетельства гораздо более раннего появления человека в Америке, но обычно это оказывалось ложной тревогой. Долгое время X тысячелетие было последним словом науки, чуть ли не аксиомой.

Однако недавно споры на эту тему опять возобновились. Поводом послужил научно подтвержденный факт: на самой южной точке Америки найдены предметы материальной культуры, восходящей к III тысячелетию до н.э. Казалось бы, все в порядке, открытие подтверждает существующую теорию. Некоторым группам племен, которые достигли Аляски в X тысячелетии, понадобилось две тысячи лет, чтобы пересечь целый континент и осесть на самой южной его оконечности. Однако с этим доводом не соглашается ряд известных археологов и антропологов. Они основываются на том, что дикие кочевники, промышлявшие охотой, никогда не шли простым путем — в погоне за дичью они часто меняли направления, останавливались тут и там на долгие стоянки и двигались снова, когда появлялась необходимость искать дичь в других местах. В результате на покорение гигантских пространств от Аляски до Патагонии потребовалось бы значительно больше времени, чем две тысячи лет. Может, четыре, а может, и пять тысячелетий. Иначе говоря, если принять эту теорию, то необходимо прийти к безоговорочному выводу о том, что индейцы появились на пару тысячелетий раньше, чем это допускается результатами археологических раскопок.

Домыслы останутся домыслами до тех пор, пока не получат конкретного подтверждения, базирующегося на науч-

После встречи цивилизаций Старого и Нового Света на земле Америки "встретились" идеи всеобщего вечного мира

ных фактах, в нашем случае — на данных археологических раскопок. Задачу получить эти подтверждения взял на себя коллектив археологического музея штата Невада под руководством профессора Шутлера. В Тул-Спрингсе, расположенном в пятнадцати километрах от Лас-Вегаса, американцы начали археологические работы небывалых масштабов. Лагерь археологов находился в пустыне, но в прошедшие эпохи здесь было огромное озеро, окруженное дремучим лесом. На берегу, как показали исследования окрестностей, кочевали индейцы — прямые потомки тех диких охотников, что в поисках зверья пересекли Берингов пролив.

Огромные механические экскаваторы перевернули триста тысяч тонн гравия и земли. Это дорогостоящее предприятие, поднятое чуть ли не на промышленный уровень, полностью окупились. Орудия из кости и камня, добытые из глубоких стратиграфических слоев, без сомнения, восходят к XIII тысячелетию до н.э. Следовательно, точка зрения некоторых археологов оказалась верной. Дату появления че-

ловека на американском континенте Шутлер отодвинул на три тысячи лет.

Ободренные этим сенсационным открытием, другие археологи приступили к лихорадочным поискам, перекапывая стоянки древних людей на всем континенте от Аляски до Патагонии. А Шутлер сосредоточился на исследовании горных пещер в надежде найти останки людей, которые, наконец, объяснили бы, к какому антропологическому типу принадлежал прародитель северных индейцев.

Сейчас уже можно отметить ряд открытий, подтверждающих древность индейских цивилизаций и революционно преобразивших существовавшие до последнего времени взгляды на эти проблемы. Ученые были убеждены в том, что древние цивилизации североамериканских индейцев возникли не раньше, чем в первом тысячелетии до н.э. Что было до того, никто толком сказать не мог. Но в 1958 году перуанский археолог Аугусто Кардич открыл в андских пещерах на берегу реки Мараньон кости, принадлежавшие человеку, который, как показали исследования методом C^{14} , жил в VIII тысячелетии до н.э. Он не знал железа, не занимался земледелием, на охоте пользовался камнем и заостренными жердями. Идентичные останки людей были найдены в Венесуэле, Эквадоре и Аргентине, что показывает, насколько далеко распространился этот человек.

Наиболее значимое открытие сделал в 1959 году доктор Фредерик Энгель, французский промышленник, заболевший археологией, — он и сейчас профессор университета в Лиме. Он проводил раскопки на известном кладбище перуанских мумий в Паракесе и обнаружил следы поселения человека III тысячелетия до н.э. Здесь жили люди каменного века, характерным признаком которых были удлиненные, как у европейцев, черепа. Они уже ловили рыбу при помощи сетей, умели плести корзины из ивовых прутьев и мастерски изготавливали орудия из кости.

Несколько позднее Энгель убедился в том, что оседлый образ жизни и земледелие существовали в Америке уже в IV тысячелетии до н.э., — следовательно, это поселение не уступает по возрасту подобному поселению в Египте на берегах Нила. В шестидесяти километрах на юг от Лимы, в устье старой, высохшей реки, находилась деревенька, пост-

роенная народом, которому Энгель присвоил название чилка. Жители этого старейшего в Америке поселения строили хижины из ивняка и соломы. Исследования методом С¹⁴ показали, что большинство из них датируется 3750 годом до нашей эры.

Сухой перуанский климат способствовал тому, что в этом поселении археологи узнали множество важных деталей. Прежде всего, его жители обрабатывали землю. Основной их пищей были фасоль, ростки тростника и другие растения. Кроме того, они ловили рыбу с помощью крючков, изготовленных из шипов. Правда, они не знали ни шерсти, ни хлопка. Найденные в поселении дудки свидетельствуют о том, что они любили музыку, а личные украшения из камня, ракушек и кости — о том, что им было присуще чувство красоты.

При поселении есть прекрасно сохранившееся кладбище с останками захороненных там людей. Благодаря этому, археологи познакомились с обрядом погребения. Умершего обкладывали коврами и приваливали камнями, чтобы его дух не мог восстать и беспокоить живых. Стоит обратить внимание на то, что женские останки приваливали бьольшим количеством камней, — возможно, потому, что женские духи считались более злыми, чем мужские.

Тщательные исследования установили, что поселения существовали на протяжении тысячи лет. Около 2700 года до н.э. народ чилка внезапно исчез, а поселение перестало существовать. Не найдено каких-либо следов, которые позволили бы сделать предположения относительно того, какая судьба постигла первых поселенцев Американского континента.

Перуанская земля скрывает в себе еще много сюрпризов. Например, письмо инков. Как известно, они пользовались так называемым узелковым письмом кипу. Оно основано на том, что на разноцветных веревочках специально обученные этому делу инки располагали узлы таким образом, что они составляли буквы или идиограммы. Искусство прочтения этого письма полностью утрачено.

Однако несколько лет назад перуанские археологи открыли в Андах наскальные рисунки, изображающие людей и животных в определенных позах, точки и черточки, рас-

положенные в определенном порядке. Возникло предположение, что инки после кипу переняли письмо, состоящее из ряда знаков. Сейчас перуанские ученые заняты кропотливой работой — копированием этого загадочного письма, на что требуются годы. По мере накопления материала может оказаться, что инки пользовались письмом, похожим на то, какое было в Старом Свете. Будем надеяться, что появится новый гениальный Шампольон, которому удастся его прочитать.

ЭТРУСКИ — ЗАГАДОЧНЫЙ НАРОД

Старше римлян

На рубеже XII и XI вв. до н.э. страны, лежавшие в восточном бассейне Средиземного моря, переживали катаклизм. После нашествия ахейцев, доров и других кочевых племен рушились государства, исчезали народы, издревле населявшие эти территории. Тогда была разрушена солнечная цивилизация Крита, превращен в развалины град Приама — Троя. Один из тех народов, который вытеснили из Малой Азии, по морскому пути перебрался в Италию. Это были этруски, археологические реликты которых щедро рассыпаны почти по всему италийскому полуострову.

История этрусков в целом достаточно хорошо известна благодаря сведениям греческих и римских историографов. Этруски сразу же заселили центральную часть полуострова, образовав своеобразную федерацию — 12 племен с 12 столицами, во главе которых стоял ежегодно избираемый правитель, называвшийся "rex". На VII — V вв. до н.э. приходится расцвет их моши и культурного разви-

* Так их называли римляне (туски или этруски). Грекам они были известны как тиренны, по имени их легендарного предводителя и прародителя Тирреноса, вождя колонистов в Лидии. В свою очередь море, над которым этруски основали несколько городов, стало называться Тирренским. Сами себя они называли "расенна".

тия. Этрусские воины, закованные в панцири и шлемы из бронзы, постепенно подчиняли себе соседние италийские племена, пока не распространили свое господство на территорию от Паданской равнины на севере до Кампании на юге, где непосредственно встретились с греческими колонистами. Одновременно этруская федерация превратилась в могущественную морскую державу, флот которой доминировал в западном бассейне Средиземного моря. Пользуясь своим превосходством, этруски широко развили торговые отношения и основали колонии на берегах Средиземного моря. Они овладели, в частности, островами Эльба и Корсика, эксплуатируя находившиеся там рудники. За медь и железо они получали бронзу, вазы, ювелирные изделия из Греции, Азии и Африки. И по сей день археологи находят множество таких импортированных этрусскими изделий. В одном из захоронений была найдена бесценная ваза, сделанная коринфскими мастерами в VII веке до н.э.

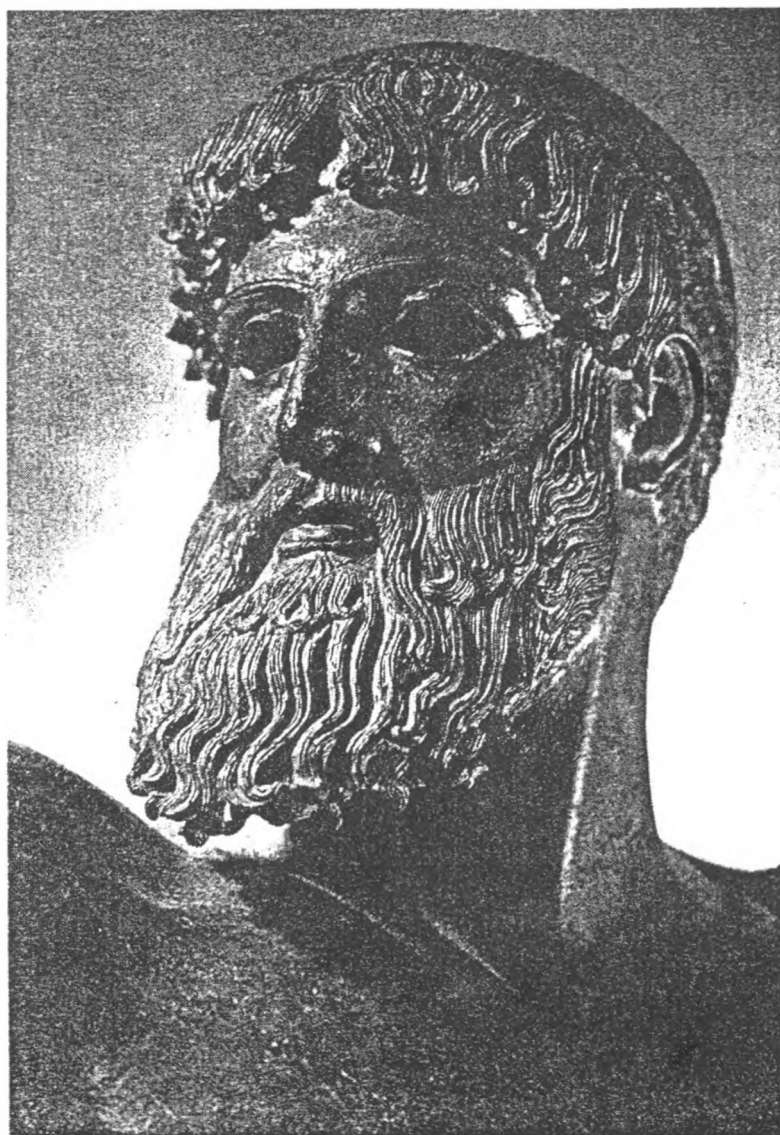
В период высшего расцвета этрусского государства римляне были примитивными пастухами и земледельцами. Там, где существовал брод через Тибр и где возвышались семь холмов, одно из местных племен построило несколько деревенок, которые позднее, благодаря этрускам, превратились в большой город с площадями, улицами и даже канализацией. Первые латинские племена над Тибром жили поначалу в самых лучших отношениях с этрусками, считали их добрыми соседями и вели с ними оживленный обмен товарами. Но в VI в. до н.э. племена утратили свою независимость. Более 100 лет над ними господствовал королевский этрусский род Тарквиниев. Это были жестокие тираны. Правда, они способствовали превращению Рима в цивилизованный по тем временам город, строили красивые здания, улицы, акведуки, провели канализацию, но поработанных жителей угнетали до такой степени, что вынудили в конце концов к восстанию. Захватчики оказались изгнанными, а в память об их господстве остались этрусские могилы, раскопанные археологами под развалинами римского форума. С тех времен ни один римский правитель не отваживался принять столь ненавистный народу королевский титул.

Саркофаг Л. Пуленаса из Тарквиний
Конец III в. до н. э.

Как могло статься, что малочисленное латинское племя сумело сбросить ярмо могущественного соседа? Объяснение мы находим в тогдашней политической ситуации. В Кампании и на Сицилии прочно укрепилась греческая колония. Возникли такие центры, как Неаполь, Сиракузы, один из красивейших и крупнейших городов, культура которого была озарена необыкновенным легендарным блеском. Одновременно на северном побережье Африки поселились финикийцы и основали Карфаген — столицу сильной морской державы.

Это были времена горячечной экспансии и пионерской разработки богатых залежей металлических руд в западном бассейне Средиземного моря и даже в Британии. Столкновение между этими тремя политическими силами за превосходство и торговлю на море было неизбежным. Карфагеняне боролись с греками за Сицилию и заключили союз с этрусками, которым греческая торговая экспансия также при-

Зевс

Бронза. Деталь. Национальный музей в Афинах

шла не по вкусу. Союзничество было очень тесным, и Аристотель не без основания заметил, что этруски и карфагеняне образовывали как бы единое государство.

В 540 году до н.э. состоялось морское сражение вблизи корсиканского городка Аллалия. Греки утверждали, что одержали победу, но, поскольку они сразу же после битвы эвакуировались с Корсики, следует думать, что успех был скорее сомнительным. В V веке до н.э. фортуна явно повернулась в сторону греков. В 480 году они разбили этрусков на суше у города Гимеры, а спустя шесть лет разгромили их флот вблизи Кум. От-

Ворота Воллатеры

IV в. до н. э. (реконструированы в эпоху Суллы в I в. до н. э.)

метим здесь одну любопытную подробность: в Олимпии найден бронзовый шлем, принесенный тираном Сиракуз Гиероном в дар Зевсу, помогшему победить в этой памятной битве.

Почти в то же самое время этруски получили неожиданный удар с севера. Кельтские племена галлов, которые якобы были такими дикими, что их воины шли в бой обнаженными, вторглись в Северную Италию, захватили Паданскую равнину и атаковали там этрусскую федерацию. В довершение всего вспыхнули раздоры между отдельными этрусскими племенами, бунты рабов, и — что за этим неизбежно идет — наступило ослабление военной мощи государства.

Истошенные войнами и внутренними раздорами, этруски стали легкой добычей римлян. Вот таким странным поворотом судьбы к будущему величию римлян приложили руку греки. Они много сделали для того, чтобы через пару веков самим пасть жертвой римской экспансии. Если бы не греки, то кто знает, как выглядела бы история. Возможно, Италия целиком восприняла бы культуру и цивилизацию этрусков и судьбы Европы пошли бы совсем другими путями.

После поражения под Кумами этруски уже не смогли возвыситься, и в 250 году до н.э. их полностью покорили римляне. Однако до I века до н.э. они сохраняли свой язык и обычаи. Полная латинизация этрусков произошла лишь в результате кровавой гражданской войны между Суллой и Марием. Этрусские города встали на сторону Марии. Сулла не простил им отступничества. Массовое истребление людей, проскрипционные списки, конфискация имущества и широко проводившееся переселение ветеранов войны — все это привело измученный народ к окончательному уничтожению. Но несмотря ни на что, за все века существования Римской империи потомки этрусков не утратили чувства своей расовой принадлежности и гордости собственной историей, хотя уже и не говорили на родном языке. В городе Вольсинии ежегодно проводились крупные религиозные празднества, на которые собирались пилигримы со всей Италии, потомки некогда великого исчезнувшего народа.

Этруски не оставили собственной письменности, и все, что о них известно, мы знаем от их заклятых врагов — греков и римлян. Греки не скрывали своего пренебрежения к ним и обвиняли в пиратстве, злодеяниях, насилиях, распутстве. Римляне поначалу вторили грекам. Они делали все, чтобы представить своих недавних противников в самом отвратительном свете. Правда, римляне признавали, что этруски были отличными торговцами и навигаторами, но в остальном приписывали им самые безобразные пороки. Так, они обвиняли этрусков в варварстве, утверждали, что они были вульгарными материалистами, исповедовавшими только излишества и разврат, и к тому же настолько лишены чувства стыда, что даже половые акты совершали публично. Не лучшего мнения римляне были и об этрусских женщинах, о которых злобно сплетничали, что те, как животные, отдаются без сопротивления любому пристойному мужчине.

После периода такой клеветнической пропаганды, в основу которой зачастую брались факты, делающие этрускам скорее честь, римляне как бы опомнились. Они осознали великие заслуги, которые этот народ внес в развитие культуры и цивилизации Рима. До прихода этрусков италийские племена жили в деревушках и занимались примитивным земледелием. Этруски, принесшие с собой уже зрелую культуру, явились как бы катализатором, в результате чего последовало бурное развитие цивилизации на полуострове. В конце концов получилось так, что римляне, осознав, сколь многим они обязаны этрускам, начали с гордостью подчеркивать свое близкое культурное родство с этим народом. И действительно, влияние этрусков очень заметно сказалось во всем укладе жизни римлян: в искусстве и художественном промысле, обычаях и религии, в политическом устройстве, организации армии, в строительстве городов. Наглядное доказательство этого влияния — эмблемы власти, которую римляне переняли у этрусков, — золотая корона, золотой перстень, ликторские розги, судебное кресло, пурпурная, украшенная шитьем тога, ну и, к сожалению, гладиаторские бои. К этому наследию относятся также искусство гадания и святыне книги предсказаний, сыгравшие в истории римлян огромную роль. Предсказание будущего по

внутренностям животных, полету птиц и молниям было специальностью этрусских жрецов, а престиж их был столь высок, что они оставались монополистами в этих вопросах вплоть до последних дней существования Римской империи.

Этрусками интересовались уже в древности. Их священные книги перевел на латинский язык Луций Тарквиний Приск, сам этруск по происхождению. К сожалению, до наших дней дошли только маленькие отрывки из его перевода, цитировавшиеся в письмах Сенеки, Плиния Старшего и некоторых других историографов. Единственным римлянином, который объективно изучал историю этрусков, был император Клавдий. Этот заика, бывший посмешищем, а по сути дела очень интеллигентный человек императорского рода, благодаря капризному стечению обстоятельств стал повелителем мира. Пользуясь архивом одного из влиятельных этрусских родов, к которому принадлежала его первая жена — Плавтия Ургуланилла, Клавдий написал двадцатитомную историю этрусского народа, один том которой был посвящен только грамматике этрусского языка. Увы, его сочинения бесследно исчезли, наука понесла невосполнимую потерю. С тех пор этруски стали одной из самых интригующих загадок истории. Только в начале XVIII века после сенсационных случайных находок для них настала новая эра. Эра горячечных археологических поисков и раскопок, которые пока что не пролили свет на все связанные с этрусками тайны и проблемы.

Что поведали золотые гробницы

В начале XVIII века случайно было открыто несколько этрусских гробниц, в которых сохранились великолепные фрески и предметы художественного промысла. Так, в склепе Цецинов найдено свыше 40 богато украшенных греческих ваз. Эти надки вызвали огромный энтузиазм и ин-

терес к культуре и цивилизации этрусков, названный «этрускоманией». Как грибы после дождя, возникали этрускологические институты и академии. Стало модным искать и обирать этрусские захоронения. Брат Наполеона, Луи Бонапарт, организовал поиски гробниц в городе Вульчи и собрал две тысячи предметов высокой художественной ценности, которые в настоящее время находятся в Грегорианском музее в Ватикане. В те годы сложилось много музейных и частных коллекций, однако любительский и эксплуататорский характер поисков самой этрускологии принес скорее вред. Просто невозможно подсчитать, сколько памятников было тогда бессмысленно уничтожено, сколько бесценных сведений об этрусках варварски погубили алчные и несведущие кладоискатели!

Только во второй половине XIX века раскопками занялись археологи-профессионалы, главной целью которых было научное изучение материальной культуры этрусков и разгадка тайны их происхождения. С тех пор раскопано много захоронений, которые таили в себе такие богатства, что их называли «золотыми гробницами». В них в безупречном состоянии сохранилось неправдоподобное количество золотых, серебряных и бронзовых изделий тончайшего мастерства: кольца, булавки, серебряные зеркала, вазы, кубки, треноги, шлемы, мечи, панцири. Саркофаги, украшенные резьбой и барельефами, яркие, полные радости жизни фрески, статуэтки, предметы домашнего обихода говорят об утонченной культуре и влюбленности в роскошь их владельцев, о высокой технике обработки металлов и оружейного искусства.

Греки считали этрусков разбойниками и варварами, но раскопки положили конец этому мнению. Этруски создали чрезвычайно выразительную и богатую культуру, которая вызывает самое глубокое уважение. Они построили много городов с красивыми зданиями и храмами своеобразной архитектуры, продемонстрировали незаурядное мастерство в резьбе, живописи, ремеслах. Предметы, которыми богаты склепы, носят, правда, следы сильного азиатского, египетского и греческого влияния; тем не менее искусство этрусков обладает своими особыми качествами, — это прежде всего смелый реализм, подчас граничащий с

Этруская амфора
Керамика. VII в. до н. э.
Париж. Лувр

гротеском и натурализмом. Так, в захоронениях найдены скульптуры упитанных усопших с выступающими животами и по-сибаритски мягкими чертами лица; плототелые матроны с достойными, но тронутыми старостью лицами; супруги, лежащие рядышком на крышках саркофагов, как на лавках за столом. И вот этот реализм, отличающийся от греческой скульптуры, идеализировавшей своих героев, и от традиционных, торжественных фигур

египетских фараонов и сановников, свидетельствует об образе жизни, крепко переплетенном со всеми радостями и горестями бытия.

Эта черта этрусского характера прежде всего бросается в глаза во фресках, украшающих стены гробниц. По сценкам, как бы выхваченным из самой гуши жизни, которые переливаются всеми цветами радуги, можно прочесть все, что мы сегодня знаем об этрусках: их образе жизни, стремлении к радости и веселью, удовольствиям, о влюбленности в роскошь и буйстве темперамента, о расточительности и беспечности. Атмосфера этих фресок резко контрастирует с угрюмостью могильных склепов. На фресках — шумные пиры с участием женщин: беседующие едят и пьют вино; их развлекают танцовщицы, изяшно двигающиеся под звуки флейты, обслуживает рой почти нагих рабов. На других фресках люди танцуют среди цветов и деревьев, а фоном для этих жанровых сенок являются пейзажи, полные воздуха, света, полета. Очень часто встречаются изображения атлетов: дискоболов, бегунов, борцов, боксеров, наездников на горячих жеребцах. Одна из таких сцен говорит нам, что в погоне за развлечениями этрусски не останавливались и перед жестокостью. Раб с мешком на голове и дубиной в руке — явный предшественник римских гладиаторов —

Горгона и львы

Рельеф колесницы из Перуджи. Бронза. Около 500 г. до н. э. Мюнхен.
Музей античного прикладного искусства

ожесточенно борется с нападающим на него разъяренным сторожевым псом.

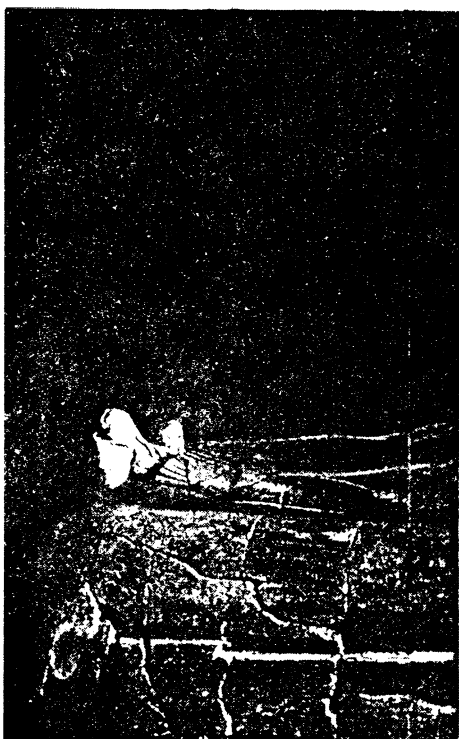
Поражает нас роль женщин в этруском обществе, нашедшая свое отражение на фресках и в скульптуре. Женщины наравне с мужчинами принимают участие в пирах. На саркофагах часто встречается скульптурное изображение супругов, лежащих друг против друга и даже нежно обнимающихся. Действительно, этрусская женщина, в отличие от гречанки, полностью подчиненной воле мужчины и ставшей затворницей в домашних стенах, пользовалась далеко идущей свободой и равноправием в светской жизни. В надгробных надписях помимо имени мужчины приводится также и родовое имя супруги. Естественно, такие вещи огорчали греков и римлян, которые из этих глубоко чуждых им обычаев сделали самые грустные выводы о нравственности этруских женщин. Так, Плавт в одной из своих комедий выставляет их на жестокое осмеяние, утверждая, что они зарабатывали на приданое проституцией.

Каковы же были источники богатства этрусков, что позволяло им вести праздный и праздничный образ жизни? В первую очередь — огромные залежи серебра, меди и железа. Одной из статей экспорта была медь, высоко ценящаяся

**Саркофаг с изображением
семейной пары**

Деталь Терракота

530—520 гг. до н. э.

Рим. Национальный музей
вилла Джулия

во всем мире. Греческий историк Диодор пишет о постоянном импорте этрусских железных руд греками из Южной Италии. Сохранились даже доказательства колоссальнейших природных богатств. Тогдашняя техника переплавки руд была еще очень несовершенной, и оставшиеся после этрусков отвалы (терриконы) шлака содержат большой процент металла. Путешествуя по Тоскане, часто видишь бульдозеры, собирающие этот шлак для вторичной переработки.

Но нельзя думать, что государство этрусков — это страна с молочными реками и кисельными берегами. Всеми благами пользовался только олигархический слой наследных патрициев и обогатившихся торговцев. Зато

**Саркофаг с изображением
семейной пары**
Деталь Терракота
530—520 гг. до н. э.
Рим. Национальный музей
вилла Джулия

во всем мире. Греческий историк Диодор пишет о постоянном импорте этрусских железных руд греками из Южной Италии. Сохранились даже доказательства колоссальнейших природных богатств. Тогдашняя техника переплавки руд была еще очень несовершенной, и оставшиеся после этрусков отвалы (терриконы) шлака содержат большой процент металла. Путешествуя по Тоскане, часто видишь бульдозеры, собирающие этот шлак для вторичной переработки.

Но нельзя думать, что государство этрусков — это страна с молочными реками и кисельными берегами. Всеми благами пользовался только олигархический слой наследных патрициев и обогатившихся торговцев. Зато

плебс и невольники, состоявшие из коренных жителей или греческих эмигрантов, жили в нужде и под сильным политическим гнетом. О размерах рабства можно судить по надгробным фрескам — целые толпы нагих или полубнаженных слуг хлопчут вокруг своих господ или развлекают их танцами и игрой на музыкальных инструментах. В конце существования этрусского государства часто вспыхивали бунты рабов, стремившихся освободиться от ярма своих угнетателей. В городе Вольсинии рабы на какое-то время захватили власть, но патриции призвали на помощь римлян, и они, подавляя восстание, уничтожили город.

Римские историки описывали этрусков как людей сует-

**Голова
Тинии-
Юпитера
из Фалерий
IV в. до н. э.
Рим. Музей
виллы Джулия**

русски сочетали в себе жизнелюбие с терзающим их страхом смерти.

Однако в IV веке до н.э., то есть в период политических поражений, революций рабов и плебса, падения благосостояния, неуверенности в завтрашнем дне — в предвосхищении близкой гибели, представления этрусков о смерти, естественно, менялись. Изменилось настроение на фресках — оно стало напряженным, лишенным прежней гармонии и мягкости. Фрески заполнили демоны загробного мира, вид их просто устрашает. У некоторых уши подобны лошадиным, хищные клювы, вместо пальцев — змеи. У других — гадюки на голове и факелы в руке, в преисподней

Гладиаторы

Мозаика. IV в. до н. э. Рим. Галерея Боргезе

ползают толпы перепуганных покойников.

Религия этрусков, перенасыщенная многочисленными табу и ритуальными обрядами, была беспредельно мистической и полностью пронизывала их повседневную жизнь. Развлечения и танцы, гимнастические соревнования и даже пиры — все носило религиозный характер. Например, бои гладиаторов придавали торжественность погребению выдающихся людей, так что, когда в 264 году до н.э. консул Луций Юний Брут впервые ввел их в Риме, он сделал это в знак особого почитания своего умершего отца.

Ливий в VII томе своего сочинения *Ab urbe condita* описывает событие, благодаря которому становятся очевидными различия между этрусками и римлянами. В 339 году до н.э. отношения между ними дошли до вооруженного конфликта. Этруски бросились в атаку; впереди их рядов шли жрецы в костюмах и масках демонов смерти. В руках они несли змей и горящие лучины и выглядели так страшно, что перепуганные римские солдаты стали отступать. Верховный командующий этрусков, видя, что происходит, засмеялся, постепенно заразил смехом низшие чины, а затем и все войско. Пехота римлян, устыженная таким весельем, опомнилась и пошла в контрнаступление. Этруски вместе со своими переодетыми жрецами потерпели сокрушительное поражение.

Победа трезвого разума над позорно осмеянными суевериями была провозвестницей новых времен, времен Республики и Римской империи.

Бюст так называемого Брута
Бронза. Первая половина
III в. до н. э. Рим.
Палаццо Консерватори

По следам этрусской родословной

Дискуссия по проблеме этнического происхождения этрусков велась уже в древности и по сей день не нашла своего разрешения. Сейчас обсуждаются три теории, и в поддержку каждой выдвигаются самые невероятные аргументы. Согласно первой теории, этруски считаются коренными жителями Италии; второй — они прибыли из-за Альп; сторонники третьей теории — в настоящее время это самые крупные ученые — высказываются за азиатское происхождение этрусков, а еще точнее, что они были выходцами из Анатолии.

Уже Геродот считал этрусков пришельцами из Малой Азии, точнее, из Лидии, государства Креза. Жители Сардоса всегда с гордостью подчеркивали, что этруски — их ближайшие родственники. Гораций, Вергилий, Овидий и Тацит называли их только мидийцами. В 1885 году на острове Лемнос была найдена табличка, письмо которой живо напоминало этрусские надписи. Даже стиль вырезанной на ней фигуры мужчины почти идентичен статуэткам и фрескам из гробниц этрусков. Поскольку со временем в других местах острова обнаружили много подобного рода языковых образцов, ученые пришли к выводу, что в VII веке до н.э. на Лемносе говорили на языке, весьма приближенном к этрусскому. Не исключено, следовательно, что эмигранты из Анатолии по пути в Италию задержались на острове и тогда какая-то их часть решила поселиться на понравившемся им Лемносе.

Здесь не место приводить другие доводы их восточного происхождения. Это очень богатый и разнообразный арсенал аргументов, касающийся искусства, религии, обычаев и даже строительства некрополей. Во всех этих областях обнаружены поразительные аналогии. Так, равноправие женщин существовало и у народов Анатолии, на Крите, в Микенах как пережиток раннего матриархата. Восточные признаки имели также мистическая религия этрусков, их суеверие и концепция троицы богов: Тинии, Уни, Менгрвы, — троицы, выступавшей под другими именами во многих ма-

лоазийских культурах. Лишь теорией их восточного происхождения можно объяснить факт внезапного появления на италийском полуострове достаточно развитой культуры в эпоху, когда среди коренного населения господствовал примитивизм. На землях, где усопших скромно хоронили в простеньких могилах, за один день вырастают монументальные мавзолеи, удивительно напоминающие микенские гробницы.

Одно из курьезных поражений современной науки — тот факт, что, несмотря на многолетние усилия лучших специалистов по сравнительному языкознанию, так и не удалось дешифровать этрусский язык. Само по себе этрусское письмо не представляет никакой трудности, поскольку родственно греческому алфавиту, но, кроме этого, о самом языке и его этимологической принадлежности мы знаем позорно мало. Уже сто лет назад дешифровали чрезвычайно сложные языки и письменности Месопотамии, иероглифы Египта, относительно недавно найден ключ к языкам хеттов и микенцев, а этрусология в этом плане не сдвинулась с мертвой точки. Один из крупнейших этрускологов, профессор парижского университета Раймон Блок, назвал этот факт «поразительной неудачей современной науки».

О попытках дешифровать язык этрусков можно было бы написать отдельную книгу. Их предпринимали как выдающиеся эрудиты, так и любители. Искали решение в сопоставлении этрусского языка с греческим, итальянским, санскритом, еврейским, албанским, венгерским, различными языками и наречиями Анатолии.

В начале 60-х гг. мировая печать сообщила о выходе в свет книги французского ученого З. Майяни «Этруски начинают говорить». Ученому удалось установить поразительную вещь: он обнаружил сходство между этрусским и албанским словарем. Пользуясь этой сравнительной базой, Майяни надеется прочесть загадочный язык этрусков.

Но мировая наука относится к подобным попыткам без энтузиазма. Почему? Да потому, что главным препятствием разрешения этой сложной проблемы является то обстоятельство, что наука располагает слишком скудным языковым материалом. Найдено, правда, более десяти тысяч надгроб-

Мосхофор

Мрамор. Около 570 г. до н. э.
Афины. Музей Акрополя

Тесей и Антиопа

Группа западного фронтона храма
Аполлона в Эретри
Мрамор. Около 520 г. до н. э.
Халкида. Музей

ных надписей, но их словарь, вполне понятно, ограничен словами, которые постоянно повторяются в эпитафиях. Путем логических рассуждений удалось прочесть такие, например, слова, как *clan* (сын), *sech* (дочь), *nefts* (внук), *ati* (мать), *avils* (лет), *luruse* (не живет), но неизвестно, как звучало бы по-этрусски слово «отец». Кроме эпитафий, найден длинный текст наинтах, в которые была обернута египетская мумия греко-римской эпохи, — но опять-таки это текст, связанный с религиозным культом, впрочем тоже до конца не расшифрованный.

Публий Овидий Назон
43 г. до н. э.

Следовательно, пока не будет обнаружен мало-мальски длинный текст светского содержания или двуязычная надпись, этимологический метод, то есть метод сравнения с другими языками, всегда будет, как утверждает Р. Блок, очень ненадежным и не решит проблемы. Но дело не безнадежно. Такие языковые материалы могут найтись в еще не раскопанных руинах анатолийских городов или в самой Италии, в тысячах еще не исследованных этрусских захоронений.

* Лучшим доказательством того, что дело безнадежно, может служить открытие, сделанное в 1964 г. Массимо Паллотино, профессором Римского университета, крупным этрускологом. В портовом городе Сан-Севера, в 50 км к северу от Рима, находятся развалины этрусского порта Пирги. Там раскопаны два этрусских храма, которые, как сообщают древние историки, в 384 г. разрушил тиран Сиракуз Дионисий I. В груде развалин М. Паллотино нашел три золотые таблички, которые в древности золотыми гвоздями были прибиты к воротам храмов. Будоражило то, что одна из табличек написана на пуническом языке, а на двух других этот же текст приведен в переводе на этрусский язык. Оказалось, что это дарственная надпись короля Этрурии Тефери Велианаса, построившего святыни в честь финикийской богини Астарты. Итак, найден первый длинный двуязычный текст.

Кора хиосского мастера

Мрамор. Около 520 г. до н. э. Афины. Музей Акрополя

правда, он недостаточно обширен, чтобы стать ключом к дешифровке этрусского языка, но свидетельствует о том, что, возможно, обнаружится и другой, более подробный двуязычный текст. Кроме того, дарственная надпись позволяет понять, насколько сильным было влияние Карфагена в Италии в V веке до н.э.

Богиня из Тарента

Мрамор. Около 480 г. до н. э. Берлин. Государственные музеи

Переломное значение для этой точки зрения имеют работы, которые проводил итальянский промышленник Карло Маурильо Лерици, ставший горячим этрускологом. Как-то ему в руки попала пачка фотографий, сделанных английскими летчиками во время второй мировой войны перед вступлением в Италию союзнических войск. Фотографии представляли собой топографию центральной части Италии, названной Этрурией. Лерици был так заинтригован, что целыми днями сидел над ними с увеличительным стеклом, стремясь разгадать странную тайну, которую запечатлели фотографии. Дело в том, что поверхность полей и лугов была усеяна роем светлых, слегка расплывчатых пятнышек. Похоже, смеялся Лерици, будто Этрурия переболела оспой.

Одно было безусловным: в этих пятнышках крылась какая-то важная для археологии тайна. А ведь с помощью авиации было сделано уже не одно археологическое открытие. Скрытые под землей старые поселения, города и лагеря римских легионеров, невидимые, если смотреть на них, стоя на земле, сразу проступают в контурах, когда их видишь с высоты птичьего полета. Давно уже авиация стала одним из важнейших инструментов в археологических поисках.

И вдруг Лерици понял: «Я знаю, что это! Это захоронения этрусков, сотни захоронений!» Вместе с друзьями он подсчитал пятнышки. Их оказалось почти две тысячи. Что за прекрасная перспектива! Сколько сокровищ таится в этих могилах! Отпадают кропотливые, требующие времени и денег поиски вслепую. Нужно просто отправиться на место, обозначенное на фотографии, и копать.

Однако все не так-то просто. Опыт показал, что большин-

* Зададим себе вопрос: почему на фотографиях появились пятнышки? Лерици исследовал этот вопрос на месте и сделал чрезвычайно любопытные предположения. Гробницы этрусков большей частью выбиты в скалах, на которые за века нанесло толстый слой плодородной почвы. Находящаяся неглубоко под землей скала воздействует на химический процесс роста растений таким образом, что те содержат в себе меньше красителя, хлороформа, чем окружающие их растения. Незначительный оттенок в цвете, неразличимый, если смотреть на него с земли, четко виден с самолета и на фотографиях проявляется в виде блестящих пятен.

ство этрусских захоронений уже обшарено гробокопателями. Поэтому Лерици не был уверен, что, вложив немалые деньги и затратив много времени, он найдет не полностью ограбленную гробницу либо что добытые из нее сокровища будут эквивалентны усилиям и затратам. Ну а если вспомнить, что речь шла буквально о тысячах могил, то понятно, что предприятие, задуманное Лерици, требовало серьезных размышлений.

Обстоятельства вынудили Лерици разработать совершенно новую методику археологического поиска, базирующуюся на новейших достижениях технических наук. Посмотрим, как он это делал. В целом операция включает в себя четыре или пять фаз. Руководствуясь фотографиями, сначала колышками помечают то место, где под землей должно находиться захоронение, вмурованное или выбитое в скале.

Задача следующей фазы — как можно точнее определить положение могилы, чтобы при раскопке не промахнуться. Этой цели служит аппарат, который посылает в глубь земли электрические импульсы. В зависимости от того, встречают ли импульсы большее или меньшее сопротивление в виде скал и стен, на экране возникают соответствующие отклонения. Затем с помощью электрических нефтяных буров в крышке гроба просверливается отверстие, диаметром в несколько сантиметров. Как только бур проходит толщу стены и оказывается в пустоте, из могильной камеры с громким шипением вылетает скопившийся там воздух, смешанный с органическими газами.

Теперь Лерици приступает к важнейшей и самой оригинальной части своего метода. Через просверленное отверстие он вводит в могилу длинную алюминиевую трубку, смонтированную по принципу перископа. Это так называемый подземный глаз, разработанный и сконструированный самим Лерици. Внутри трубки находится миниатюрный фотоаппарат с электровспышкой. При нажатии спуска аппарат автоматически делает 12 снимков, поворачиваясь каждый раз на 30°, то есть делает замкнутый круг и фотографирует все, что есть внутри могилы. На цветной фотопленке четко видны не только предметы, но даже настенная роспись. Только обработав пленку и выяснив, что могила

не ограблена, Лерици отдает рабочим распоряжение заняться кропотливой работой по ее раскопке.

Помимо экономии, новый метод имеет еще одно преимущество — он очень сокращает время исследования сотен этрусских захоронений. При обычных методах на это потребовались бы десятки лет и прямо-таки фантастические затраты. Первым крупным успехом применения нового метода были раскопки гробниц «Tomba delle Olimpiadi» («Олимпийские игры») и «Tomba della Nave» («С лодкой»), в результате которых сегодня стали широко известны цветные фрески, изображающие соревнования атлетов и парусное военное судно этрусков. С помощью электрического зондажа раскопаны уже буквально сотни захоронений. Этрускология встала на путь ускоренного развития, что увеличивает шансы на разгадку тайны народа, которому столь многим обязана вся европейская культура.

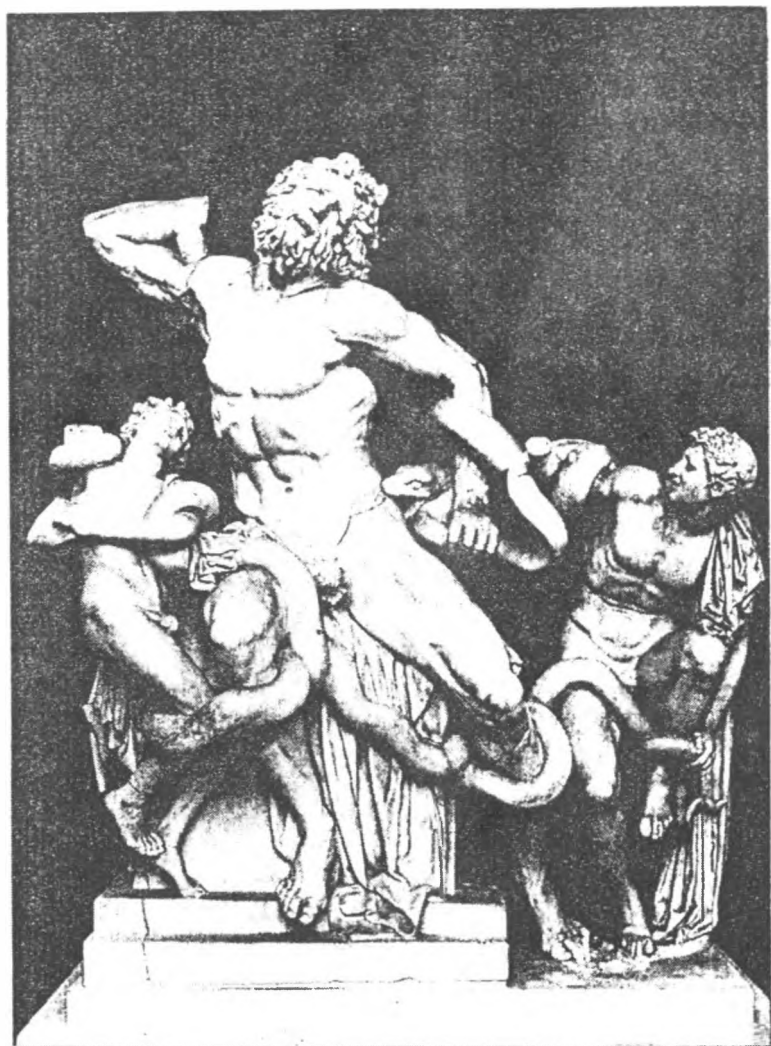

ЛАОКООН В ОБЪЯТИЯХ ВАНДАЛОВ

На полпути между Римом и Неаполем лежит небольшая рыбацкая деревушка Гаэта. Во времена Римской империи она играла большое значение как торговый порт и морская цитадель, защищавшая берег от корсаров. Ныне Гаэта славится красивым заливом и солнечным пляжем, звенящим от веселого гомона отдыхающих. Вблизи селения, у подножья обрывистой, нависающей над морем кручи, находится галерея в скале, а в глубине ее виднеется вход в грот Сперлонга.

Грот, заваленный обломками скалы и землей, издавна привлекает всех туристов. Однако археологи, спелеологи и кладоискатели никогда не обращали на него внимания: слишком много людей крутилось там в течение всего года, чтобы хоть что-то осталось незамеченным.

Но все резко изменилось в 1957 году, и Сперлонга вдруг стала знаменитой. А началось все так: некий любопытный турист упорно копался в земле и вскоре нашел какие-то обломки белого мрамора. С первого же взгляда стало ясно, что это фрагменты разных греческих скульптур, относящихся к классическому периоду, причем не было сомнений, что их создатель — выдающийся скульптор. Естественно, весть о находке мгновен-

Лаокоон с сыновьями

Агесандр. Полидор. Афанодор.
Мрамор. Около 40 г. до н. э. Рим. Ватикан

Лаокоон
Деталь. Агесандр, Полидор, Афанодор

но мобилизовала итальянских археологов. Под руководством директора Римского музея древности профессора Джулио Джакопи в гроте работала специальная группа, и ее находки встали в один ряд с другими сенсационными открытиями нашего века. Джакопи назвал Сперлонгу «подлинной сокровищницей греческой скульптуры», и трудно обвинить его в преувеличении, коль скоро за несколько лет выкопано двенадцать тысяч крупных или мелких фрагментов различных скульптурных произведений, датированных последним столетием до нашей эры и первым веком нашей эры. После длительной и тщательной работы удалось восстановить многие великолепные творения. Часть из них по своим размерам превосходит человеческий рост, высота других едва достигает 30-ти сантиметров. Но все без исключения являются творениями великих мастеров, изучавших свое искусство в лучших греческих школах. Найдены также черепки ваз VI века до н.э., имеющие огромную историческую ценность.

Одна из скульптур изображает Зевса в виде орла, уносящего Ганимеда на Олимп, чтобы тот стал виночерпием на пиру богов. Другая повествует о драматической схватке Одиссея с морским чудовищем. Кроме того, из-под земли и обломков извлекли множество бюстов, например превосходно вылепленную голову Менелая в удивительно красивом шлеме.

Однако самый большой эффект вызвала часть скульптурной группы, к сожалению целиком не сохранившейся. Рука держит за волосы голову юноши, его лицо искажено гримасой страха и отчаяния. Нет сомнений, что рука принадлежит морскому чудовищу Сцилле, которая стаскивает с корабля аргонатов одного из спутников Одиссея. Согласно легенде, аргонаты, возвращаясь из похода за золотым руном, плыли между Сциллой в Италии и Харибдой на Сицилии, то есть через Мессинский пролив. Тогда-то, по одной из многих версий, чудовище Сцилла утащила с палубы шестерых аргонатов. Правда, это похищение связано с приключениями Одиссея, позднее две легенды переплелись в одну. Лучшим доказательством этого является барельеф на скале возле входа

в грот. Мы видим корабль с надписью на носу: «Navis Argo Ph». Это, несомненно, судно Язона, а монограмма «Sh» означает, конечно, «Орфей» — имя одного из пятидесяти аргонатов.

Но подлинное волнение среди ученых вызвало другое открытие. Все мы помним знаменитую скульптурную группу Лаокоона с сыновьями. Лаокоон, троянский жрец, предостерегал своих соплеменников, что нельзя вносить в стены города, осажденного врагом, деревянного коня. Когда однажды он совершал поклонения Посейдону, из моря выползли две змеи и удушили в своих кольцах Лаокоона и двух его сыновей. Изумительная скульптурная группа, экспрессивно воссоздающая эту сцену, некогда украшала дворец императора Тита. В 1560 году ее обнаружили в развалинах дворца и передали в ватиканский Бельведер, где она осталась навсегда. Поэтому, когда экспедиция, работавшая в Сперлонге, убежденно заявила, что ей удалось собрать четвереста фрагментов идентичной скульптуры, ученые всего мира не могли прийти в себя от изумления. Тем более, что после изучения деталей некоторые крупные эксперты — и среди них такой авторитет, как профессор Джакопи, — заявили, что находка — это оригинальная работа, а бельведерский вариант — копия. Вполне понятно, что с такими выводами экспертизы не согласились другие искусствоведы, и спор об аутентичности до сих пор не разрешен. Но это не меняет того факта, что во времена Римской империи были две скульптурные группы Лаокоона. Одна украшала дворец Тита, вторая стояла в гроте Сперлонга.

Каким образом оказалось в далеком от столицы гроте такое множество шедевров греческого ваяния? Для начала напомним, что во времена древних римлян Гаэта была не каким-то там провинциальным захолустьем, а модным морским курортом, куда съезжались сливки римского общества. Побережье было густо застроено виллами из белого мрамора, собственники которых — богачи и сенаторы. Они предавались различным, можно сказать, утонченным развлечениям: день проводили на экскурсиях и на солнечном пляже, вечерами приказывали зажигать оливковые лампы и лучи-

ны и проводили ночи в беседах за обильно накрытыми столами.

Так что Гаэта была достаточно зажиточным местечком. Вероятно, для увеселения приехавших гостей в гроте был создан музей шедевров греческого искусства. Со временем здесь сложилась бесценная сокровищница, жалкие остатки которой спустя тысячелетия раскопали итальянские археологи. Их работа позволила в деталях воссоздать вид музея. Над входом в галерею был укреплен барельеф, изображающий Ганимеда, похищаемого орлом. Слева, прямо над пропастью, стояла скульптура Одиссея, борющегося с морским чудовищем, а справа — драматическая сцена похищения Сциллой одного из аргонатов.

На скалистой террасе перед гротом под лучами солнца блестел четырехугольный бассейн; облицованный мрамором. В нем плескались рыбки. Жрецы, следя за их движениями, предсказывали отдыхающим будущее — естественно, за плату. Внутри грот был тесно уставлен скульптурами из мрамора и бронзы: сардонически усмевающимися сатирами, богами, богинями, легендарными героями. Почти все шедевры были вывезены из Эллады — неисчерпаемой сокровищницы прекрасного, — откуда римляне черпали щедрой рукой, услаждая свои очи.

Ученым не давал покоя вопрос: что случилось с этой единственной в своем роде галереей искусства? Судя по тысячам кусочков, добытых из развалин, произошло нечто мгновенное и катастрофическое. Конечно, первым предположением была мысль о нашествии варваров, в частности германцев. Но после тщательного исследования территории выяснилась совершенно невероятная вещь: виноваты были суеверные и фанатичные христиане, которые жердями и топорами разбили изображения языческих демонов, собранных в гроте.

Вандализм иного рода имел место уже в наши дни. Действие этой истории разворачивается в небольшом английском городке Воксор и походит на фарс, который можно было бы назвать «спор о белой фигуре». Речь идет о торсе гигантского бородатого мужчины, высеченном из белого мрамора, уже сильно выветрившемся. К тому же торс был лишен конечностей. Местный историк

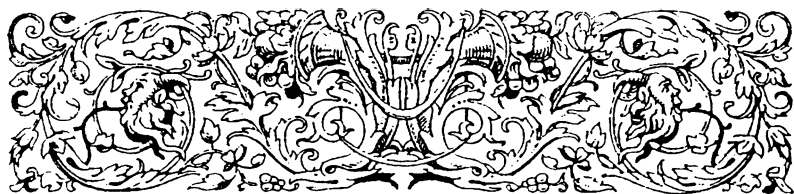
Роберт Вайт упоминает в своих дневниках, что в 1875 году он видел эту статую валяющейся на поле в окрестностях городка. В 1904 году ее перенесли в городской парк, где, забытая и покалеченная, она была заброшена в кусты. Спустя 15 лет один из жителей города вмуровал ее в стену своего дома. В 1960 году у дома появились новые хозяева и решили избавиться от статуи, поскольку считали, что из-за нее отсыревают стены. Но не было желающих взять незадачливую фигуру: от нее отказались и каменщик, и местный учитель рисования, которому предложили пополнить ею собрание гипсовых отливок. Наконец после длительных и утомительных торгов ее купил за два фунта стерлингов один из жителей города, решив подарить ее как исторический курьез городскому магистрату. Но отцы города и слышать об этом не хотели. Хуже того, они даже не разрешили установить статую в городском парке, посчитав ее слишком уж уродливой. В итоге несчастный мрамор запрятали на городской склад, где прислонили к стене среди всякой рухляди, дорожных машин, бочек, старых заржавленных железок.

Статуя простояла там долго, хотя благодаря стараниям местного любителя искусств Вильяма Машина уже было известно, что она является ценным произведением. Рыская по старым архивам, Машина пришел к убеждению, что когда-то статуя находилась в коллекции лорда Арундела, дворец которого в Воксоре в 1761 году был уничтожен пожаром. Вот тогда-то, видимо, статуя осталась на пепелище, чтобы после долгих скитаний найти покой среди складскогохлама.

Из корреспонденции лорда, неистового собирателя произведений искусства, выяснилось, что он держал своего агента-эксперта даже в Пергаме — городе, где был большой алтарь Зевса, украшенный фризом с барельефами, изображающими так называемую гигантомахию, или борьбу богов с титанами. Ныне фриз находится в Берлинском музее, а поскольку в нем есть бреши, возникло подозрение, что статуя из Воксора — одна из его составных частей, в пользу чего говорят два факта. Во-первых, удивительное сходство стиля, и во-вторых, эксперты твердо

заявили, что белый мрамор, из которого изваяна статуя, турецкого происхождения. По этому вопросу велась оживленная переписка с хранителями Берлинского музея, но почтенные отцы английского порядка с трудом очнулись от дремоты: памятник огромной исторической и художественной ценности долго еще ждал возвращения из небытия.

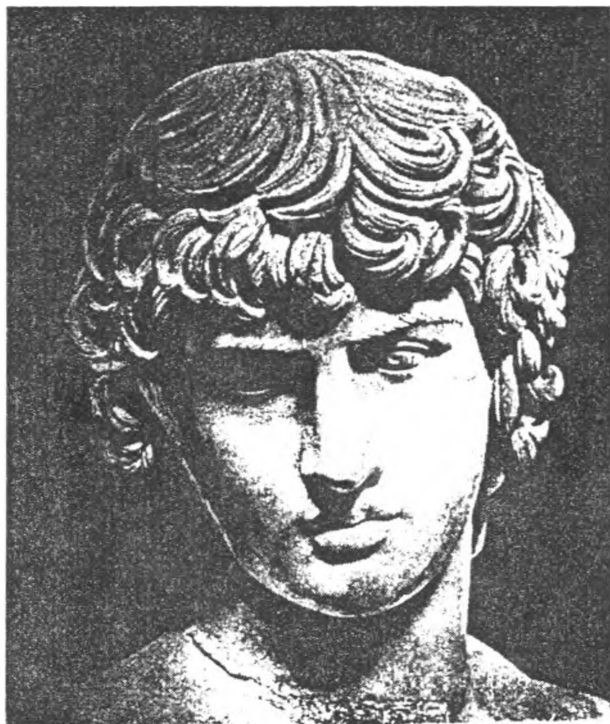

РАЗОБЛАЧЕНИЕ ОБЕЛИСКА И ДРУГИЕ НЕОБЫЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ

Каждый, кто был в Риме, безусловно, помнит каменный шпиль на площади Святого Петра. Взятый как бы в рамку утонченной колоннадой Бернини, он вызывает восхищение и почтение монументальностью, мужественной лапидарной простотой и одновременно стройной стрельчатостью глыбы, которая умаляет громадность и тяжесть монолита. Никто не сомневается, что это типичный египетский обелиск — творение оригинального архитектурного воображения, колыбель которого находилась над Нилом. Но никак не удавалось установить год и место его создания, так как на обелиске нет надписи. Случай исключительный, ибо фараоны возводили обелиски главным образом для увековечивания своего господства и поэтому, естественно, всегда делали на них назидательные надписи.

Римляне восторгались египетскими обелисками и без зазрения совести вывозили их или безукоризненно подделывали. Мерой их восхищения может служить хотя бы то, что в Риме оказалось двенадцать(!) обелисков, а один из них по сей день стоит в Константинополе на том месте, где в древности была арена прославленного ипподрома. Что же касается копий, то наиболее извес-

Антиной
 Деталь статуи
 Мрамор.
 130-е г. н. э.

тная находится в Беневенито. Обелиск повелел вытесать император Гардиан в память о красавце фаворите Антиное, утонувшем в Ниле.

Современные колониальные державы шли по следам римлян. Один из двух обелисков Рамзеса II в 1831 году совершил путешествие в Париж и ныне стоит на площади Согласия. Интересны судьбы двух обелисков фараона Тутмоса III. Император Август перенес их из Гелиополиса в Александрию для украшения своего вновь возведенного дворца. Оттуда один из них, называемый Игла Клеопатры, был перевезен в 1877 году в Лондон, а второй в 1879 году американцы сумели вывезти в Нью-Йорк.

Но вернемся к нашему шпильку на площади Святого Петра. В 37 — 41 гг. до н.э. безумный император Калигула приказал доставить его из Гелиополиса в Рим. Проблема

транспортировки была не из легких: обелиск вытесан из цельной глыбы и достигает почти 25 метров в высоту. Пришлось построить специальное судно. В качестве балласта использовали 120 тысяч чечевичных кустов, которые одновременно доставили в Рим. После благополучного прибытия обелиска Калигула приказал уничтожить оригинальную надпись, поместить на ее месте восхваление его матери Агриппине и установить обелиск на арене, где часто проливалась кровь гладиаторов, осужденных и диких зверей.

В средние века Рим пришел в запустение, понемногу рушился. Судьбу античных памятников города разделили и вывезенные из Египта обелиски. Они валялись в развалинах, забытые людьми и историей. В 1585 г. на трон вошел папа Сикст V. Это был внешне мягкий, сдержанный в суждениях францисканец, который своим возвышением был обязан компромиссу между соперничающими аристократическими домами. Но якобы безвредный монашек оказался суровым, вплоть до жестокости, монархом. Бичом Италии были тогда дерзкий бандитизм и самоволие богатей. Сикст неумолимо наказывал преступников, прибегая к смертной казни за малейшую провинность. Мост Святого ангела просто смердел от разлагающихся трупов повешенных. Папа действительно восстановил в государстве спокойствие и порядок, но его именем еще два века спустя пугали детей.

Однако этот суровый наместник Бога на земле не был лишен мании величия. Со свойственной ему энергией он взялся за восстановление папской столицы. По его указанию были возведены, в частности, купол базилики Святого Петра, церковь Санта-Мария Маджоре, мост, названный его именем, акведук, по которому поступала свежая вода из Браччано. При нем также вернули шесть обелисков, украсили их крестами или фигурами апостолов и установили на разных площадях.

В 1586 году папа Сикст V приказал поставить на площади Святого Петра обелиск Калигулы. Толпе собравшихся ротозеев было приказано молчать, чтобы не мешать работникам, которые с помощью канатов и блоков поднимали этот монолит, весящий 320 тонн. В какое-то мгновение ка-

**Монеты с изображением
Октавиана Августа и Ливии**
Деталь. Медь. I в. н. э. Берлин.
Государственные музеи

наты затрещали от чрезмерного натяжения и казалось, что они вот-вот лопнут и обелиск с грохотом рухнет на землю. В последнюю минуту кто-то из разумных работников крикнул: «Лейте воду на канаты!» — и тем самым предупредил катастрофу. В благодарность папа пожаловал ему вечную привилегию на поставку в базилику пальмовых листьев, — привилегию, которой до сих пор пользуются потомки этого работника.

Но кто вытесал обелиск, стоящий на площади Святого Петра? Ответ на этот интригующий вопрос дал руководитель ватиканской археологической партии профессор Филиппо Маджи. Проводя реставрационные работы, он обнаружил под надписью Калигулы ряд мелких отверстий, которые были гнездами для укрепления букв. Он приказал сделать отливки этого места, и тогда выяснилось, что по расположению дырочек можно восстановить первоначальный текст, сбитый Калигулой. Оказалось, что раньше здесь была надпись, восхваляющая деяния Гая Корнелия Галла — римского префекта Египта. По всей видимости, по его приказу обелиск был вытесан египетскими каменотесами для увековечивания его правления в самой богатой провинции Рима.

Нужно немного рассказать о Галле. Несмотря на свое низкое происхождение, он сумел, благодаря острому уму и сметливости, стать другом «божественного Августа» и занять должность советника. Плодом тесных дружеских отно-

* Октавиан Август — 63 — 14 гг. до н.э.

Статуя Октавиана Августа
Мрамор. Начало I в. н. э. Рим. Ватикан

Агриппина старшая
(мать императора
Калигулы)

Папа Сикст V
предписывает построить
Ватиканскую библиотеку
Безыменная гравюра

Поклонение волхвов

Арнольфо ди Камбио. Рельефная группа в крипте церкви Санта-Мария Маджоре в Риме. XIII в.

шений стал полученный им самый прибыльный пост в Римской империи — пост префекта Египта.

Но Корнелий Галл был к тому же легкомысленным и са-

Менандр Сотер

моуверенным человеком. Он не умел держать язык за зубами и не единожды позволял себе едкие замечания в адрес своего прокуратора. Цезарь вскоре был уведомлен о нелояльности фаворита и отозвал его в Рим, но запретил появляться во дворце. Мгновенно нашлись «доброжелатели», выступившие против свергнутого любимчика с тяжкими обвинениями, и сенат осудил Галла на изгнание. Но Галл предпочел самоубийство расставанию с Римом. Римский историк Светоний утверждает, что цезарь Август не мог сдерживать слезы — так тяжело он воспринял потерю ближайшего друга.

Другой пример запоздалого опознания исторического памятника имел место в США. В середине прошлого века один кладоискатель, роясь в развалинах греческих городов в Южной Италии, стал счастливым обладателем шлема из бронзы, увенчанного головой барана. Рядом со шлемом лежало несколько металлических обломков: части бронзовых доспехов и девять кусочков серебра, которые не удалось идентифицировать. Шлем вместе с фрагментами переходил из рук в руки, пока не оказался в Лос-Анджелесе у торговца антиквариатом. Там его заметил директор музея из Сент-Луиса и купил за шесть тысяч долларов. По почти невидимым следам можно было предположить, что у шлема когда-то был гребень. Правда, греческие гребни делались, как правило, из конского волоса, но директор подумал,

что, возможно, этот, один-единственный, был отлит из серебра. Восстановлением шлема занялся Тернбах, один из лучших нью-йоркских реставраторов. После нескольких месяцев кропотливой работы, которая заключалась в том, чтобы, как в мозаике, составить кусочки серебра и заполнить пробелы вновь отлитыми частями, на свет родилась совершенно уникальная вещь. Это был шлем с наушниками и головой барана наверху, увенчанный великолепным серебряным гребнем, который, наподобие пышного плюмажа, широкой гривой ниспадал назад. Поскольку это единственный такого рода шлем, каким располагают музеи, он поистине бесценен.

О не менее значительном открытии, тоже своего рода уникальном, сообщили из Парижа. В одном из музеев была мумия богатого египтянина, туго обернутая в бинты из папирусной массы. Ее в 1902 году нашли французские археологи в песках пустыни Эль-Фаюм в Египте. Более полувека пролежала она в музее. Исследования радиоактивным методом C^{14} показали, что египтянин был похоронен приблизительно в 250 году до н. э.

Поскольку известно, что в целях экономии на бинты для бальзамирования использовали старые папирусные рукописи, французские ученые решили тщательнейшим образом исследовать папирусную массу. Осторожно, пользуясь ножичками и увлажняющими жидкостями, они снимали слой за слоем. Результат превзошел все самые смелые ожидания: перед ними лежали четыреста строк неизвестной комедии великого афинского комедиографа Менандра, который жил в 342 — 293 гг. до н.э.

Менандр, ценимый греками выше Гомера, написал более ста комедий на бытовые и нравственные темы. Все они отличаются талантливой характеристикой персонажей, потрясающим комизмом ситуаций. Его наследием широко пользовались римские писатели Теренций и Плавт. Плутарх так почитал Менандра, что не ходил в театр, если там показывали не пьесу Менандра. Великий комедиограф оказал косвенное влияние на Мольера и Шекспира. Многие из его реплик вошли в обиход, живы до наших дней, стали «ходячими выражениями».

Но с Менандром случилось самое страшное, что может

случиться с писателем. Трагедия заключается в том, что из его огромного наследия сохранились лишь четыре комедии, и то только более или менее большие фрагменты. Их обнаружили в Египте уже в XX веке среди написанных на папирусе документов. Вновь найденная французскими учеными комедия «Мужья Сыкиона» сохранилась, правда, лишь в большом фрагменте, но текст явно был переписан не позднее, чем через 70 лет после премьеры комедии. Мы оценим важность этого факта, если будем помнить, что известный нам самый древний текст фрагмента комедии «Нелюдим» был записан спустя пятьсот лет после смерти автора и к тому же полон ошибок.

НАСЛЕДИЕ ИМПЕРАТОРА-ФИЛОСОФА

Думаю, мало кто слышал о небольшом швейцарском городке Кайзераугуст, лежащем в двух километрах от Базеля. Живописно расположенный и опрятный, как почтовая открытка, он известен только туристам, отклонившимся от проторенной дороги, и людям, мечтающим найти клад. Ибо нужно знать, что Кайзераугуст вырос среди стен могучего оборонительного вала и крепости Каструм-Рауреция, которые стояли на страже Рейна от набегов алеманнов.

Местное население смотрит на кладоискателей с иронической усмешкой, поскольку, пожалуй, ни одно древнее поселение не было так старательно перерыто археологами, как это. Так что надежда найти хоть какой-либо пустячок, относящийся к временам Римской империи, не говоря уже о кладе, воспринимается здесь как пустая фантазия, тщетная мечта.

Поэтому не было конца потрясению, когда пронесся слух, что в Кайзераугусте выкопан сказочно богатый клад. Как часто бывает, нашел его не археолог, не кладоискатель, а скромный механик, который экскаватором выравнивал грунт для спортивной площадки. В ковше земли что-то блеснуло, механик прервал работу и вызвал представителей власти. Из Базеля прибыл профессор Рудольф Ле-Бе-

Константин Хлор

лор и начал вести систематические археологические раскопки.

То, что случилось дальше, ошеломило всех. Из глубины земли подняли несколько десятков образцов древнего золотильного искусства, стоимость которых поистине не поддается оценке. Это был столовый сервиз из чистого серебра, столь богато изукрашенный горельефами, инкрустацией и позолотой, что только монарх мог позволить себе его иметь. Там были блюда, кубки, чаши, чары, ложки и вилки утонченной, изысканной формы, подсвечники из тяжелого серебра, кроме того, серебряная фигурка богини Венеры, 187 монет и медальонов, три слитка серебра.

Юлиан Отступник
Париж, Лувр

Фетида приносит оружие Ахиллесу
С картины Жерара

Особое восхищение вызвал восьмиугольный поднос диаметром в полметра, весивший 4,25 кг. По краям подноса мастерски вычеканен орнамент из фигурок, эмоционально и драматически изображающий сцены из молодости Ахиллеса: от рождения до момента, когда Одиссей находит его

Константин Великий
Рим. Палаццо Консерваторе

в женском платье среди дочерей царя Ликомеда.

Это поистине необыкновенный клад, историческую и художественную ценность которого даже приблизительно невозможно определить. Сразу возникли вопросы: кто был владельцем сервиза, почему он закопал это великолепиие в прирейнской крепости, когда закопал, почему не выкопал свои сокровища?

Путем рассуждений ученые пришли к очень интересным выводам; попробуем проследить за ходом их мыслей.

На слитках серебра есть печать императора Магнция, узурпатора, которого в 353 г. н.э. сверг Константин II. Следовательно, клад

не мог быть закопан раньше второй половины IV века, то есть до узурпации.

Монеты и медальоны вычеканены на монетном дворе Диоклетиана, Константина, Константа и Константина II. Отсутствие монет следующего правителя позволяет допустить, что клад был закопан в годы правления Константина, но до вступления на трон его наследника, Юлиана Отступника, то есть в 351 — 361 гг. н.э.

Флавий Клавдий Юлиан, прозванный христианами Отступником, был горячим поклонником языческой религии. Его матери Базилине приснился сон, будто она родила Ахиллеса, поэтому Юлиан почитал греческого героя своим предком. Именно эта деталь позволила ученым выдвинуть смелый вывод, что сокровища были личной собственностью императора Юлиана. Доказательством служила фигурка языческой богини, но в первую очередь — блю-

Портретная статуя Требония Галла
Бронза. Высота 2,46 м. 252—253 гг. н. э.

«Афинская школа»

худ. Рафаэль Санти (1483-1520)

до с выбитой на нем историей Ахиллеса. К тому же известно, что в 361 году Юлиан Отступник находился в прибрежной оборонительной крепости. Все это, вместе взятое, наводит на мысль, что именно в 361 г. император закопал здесь сокровища. Попытаемся выяснить, почему он так поступил и что помешало ему вернуться за кладом в Галлию.

У Юлиана была очень тяжелая молодость. В борьбе за трон сыновья Константина Великого уничтожили почти всю его семью. В живых остались только он и его старший брат Галл, который вскоре все же погиб от рук императорских палачей. Долгие годы Юлиан провел в изгнании, отданный на милость и ненависть подозрительного Константина II. От гибели его спасло только то обстоятельство, что Юлиан считался слегка помешанным и безвредным маньяком, который ничего не видит, не слышит, не понимает, кроме науки и философии. Годы немилости Юлиан употребил на учебу у величайших философов Греции. Он был поклонником великого Либания, даже провел несколько месяцев в Афинах, где посещал тогда еще существовавшую платоновскую школу.

Вскоре Юлиан стал одним из образованнейших людей своей эпохи, книголюбом, истовым приверженцем неоплатонизма и старых языческих богов. На людях он исполнял христианские обряды, но в душе презирал новую религию и почитал ее сторонников варварами. В те времена церковь действительно не вызвала приятных чувств. Ее потрясали схизмы и кровавые столкновения между арианами и ортодоксами. В 342 — 343 гг. н.э., когда Юлиану было десять лет, во время религиозных волнений в Константинополе погибло три тысячи последователей Христа, то есть за два года от рук христиан погибло больше их же братьев, нежели за всю историю преследований их язычниками. Эти события оказали неизгладимое впечатление на чуткую душу и гибкий ум юноши.

Однажды пришла печальная весть, что алеманны опустошают Галлию. Руководство карательной экспедицией Константин доверил Юлиану, назначив его одновременно губернатором Галлии с императорским титулом. Назначение было неожиданным и более чем удивительным. Возможно, константинопольский правитель хотел скомпрометировать своего кузена раз и навсегда и отбить у него охоту претендовать на трон. Ведь, скорее всего, следовало ожидать, что этот тщедушный вельможа в тоге философа, с детства притесняемый и удерживаемый вдали от государственных дел, позорно провалится на ответственном посту генерала и администратора крупной провинции.

**Рельеф с изображением
легионеров**

Мрамор. Первая половина
II в. н. э. Париж. Лувр

Улицы в Тимгаде

II в. н. э.

И здесь, как это иногда бывает, история выкинула коленце. Юлиан оказался отличным и отважным командующим. Не имея опыта, он, однако, громил германских завоевателей и изгнал их из Галлии. В ходе военной кампании легионеры воспылали к Юлиану такой симпатией и уважением, что он стал их божеством.

Восстановив мир, Юлиан занялся упорядочением дел в своей провинции. Она стояла на грани банкротства, торговля и земледелие переживали период застоя, население испытывало острую нужду. Виновницей такого положения дел была римская администрация, пожираемая коррупцией. Юлиан быстро покончил с алчностью чиновников, очистил судопроизводство от продажных судей, упорядочил проблемы податей. В результате его действий Галлия вновь становилась провинцией, где люди жили в довольстве и покое.

Неожиданно из Константинополя пришло сообщение, что началась война с персами. Константин приказал Юлиану как можно быстрее оказать помощь и выделить по двести солдат от каждого галльского легиона. Приказ вызвал рез-

кое недовольство, так как при наборе в армию жителям Галлии было клятвенно обещано, что они никогда не будут воевать вне границ своей родины. Legionеры взбунтовались и провозгласили Юлиана императором. Во главе своих солдат Юлиан пошел на Константинополь. Но Константин умер раньше, чем дело приняло характер вооруженного столкновения.

С минуты вступления на трон Юлиан посвятил все силы восстановлению старой римской религии. Он лишил христианских епископов всех привилегий, но христиан не преследовал. Собственно, насаждаемая им религия имела мало общего с древним язычеством. Скорее это было своеобразное переплетение римского политеизма с принципами организации, иерархии и этики христианской веры.

А теперь вернемся к нашему швейцарскому кладу. Если правильно мнение о том, что он был личной собственностью Юлиана, то нет сомнений, что он был закопан в 361 году. Именно в этом году Юлиан останавливался в Каструм-Рауреции. Зная, что его ожидает опасная борьба за константинопольский трон, Юлиан предпочел не рисковать

и таким вот способом сохранить свой ценный столовый сервиз.

Как любитель и знаток искусства, он восхищался сервизом. Кроме того, в случае поражения и возвращения в Галлию сервиз мог пригодиться ему, чтобы покрыть расходы при новом обращении к войску за помощью.

После одержанной победы и вступления на трон Юлиан, однако, не сделал попытки вернуть клад. Почему? Ответ может быть только один: Юлиан мечтал о военных лаврах Александра Македонского и начал войну с могущественной Персией. Борьба была долгой и кровопролитной. В одном из боев Юлиан был тяжело ранен и умер в 363 году. Он правил всего два года. За столь короткий срок он развил такую бурную и всестороннюю деятельность, что, вероятно, забыл о зарытом столовом сервизе или откладывал его изъятие на более далекие годы. Именно этому обстоятельству мы обязаны тем, что клад пролежал под землей 1600 лет, пока в 1962 году его случайно не извлек на свет божий ковш экскаватора.

РЕВОЛЮЦИЯ ЭЛЛИНСКИХ БОГОВ

Сарды, столицу государства Лидия, которая находилась в Малой Азии над рекой Гермус, мы знаем главным образом потому, что там царствовал легендарный Крез. Этот повелитель Лидии расширил границы своего государства от моря вплоть до реки Галис, навязал греческим городам Ионии гегемонию и собрал такие сокровища, что его имя стало синонимом богатства.

Но кроме того, Крез был просвещенным человеком. Горячо любя греческую культуру и вообще все греческое, он приглашал к себе во дворец афинских философов, поэтов, художников. Греческих богов он также почитал выше родных божеств, особенно же чтит Аполлона в Дельфах, которому регулярно посылал богатые дары.

Как-то повествует легенда, он принимал у себя Солон. С гордостью проводя его по дворцу, Крез спросил, может ли он считать себя счастливым? Солон задумался и ответил: «Не знаю. Считать счастливым человека, еще живущего, — все равно что провозглашать победителем воина, еще не закончившего поединок».

Честолюбивый Крез решил распространить свое господство и на другой берег реки Галис, для чего собрал против персов большую армию. К этому походу его поощрил дель-

фский оракул, чье предсказание звучало так: «Крез, перейдя Галис, ты уничтожишь великое государство». Но в 546 году до н.э. в битве с Киром Великим Крез потерпел полное поражение и попал в плен. Перед дворцом персидского владыки сложили огромный костер, на котором, согласно военному обычаю, должны были сжечь Креза вместе с супругой и дочерьми. Когда уже подносили огонь, несчастный царь отчаянно завопил: «Солон! Солон!» Кира это безмерно удивило. Он приказал привести к нему Креза и, узнав о его беседе с великим греческим законодателем, испугался за свое собственное будущее и даровал пленнику жизнь.

С того времени Крез жил при дворце персидского царя и терзался из-за того, что дельфский оракул, которого он щедро осыпал дарами, позорно вверг его в ошибку. Ведь оказалось, что, перейдя Галис, Крез действительно уничтожил великое царство, с одной лишь поправкой — собственное. В приступе горечи он отправил в Дельфы посланца со следующим язвительным вопросом: «Не избрали ли себе эллинские боги неблагодарность линией поведения?» В ответ он получил нечто невразумительное и туманное, из чего, однако, можно было понять, что Крез понес наказание за злодеяния своего предка Гигеса, преступно овладевшего тронном.

Поэтому не будет большой натяжкой, если мы заподозрим, что здесь дело было в другом. Итак, Крез включил в состав своего посольства баснописца Эзопа, поручив ему вручить дельфским жрецам особо ценные дары. Но когда, к своему огромному удивлению, Эзоп понял, что жрецы — это алчные, насквозь циничные люди, не заслуживающие милостей царя, он запаковал дары и вернулся с ними назад. Хотя дельфская пифия давно уже прославилась двусмысленностью своих пророчеств, но прорицание, данное Крезу, содержало исключительно убийственную западню. Поэтому можно предположить, что жрецы специально заготовили этот ответ в отместку за тяжкое оскорбление, нанесенное им Эзопом.

После покорения Лидии и Ионии персами город Креза стал резиденцией сатрапа. В своей богатой истории Сарды неоднократно бывали жертвой нашествий, пожаров, зем-

Аполлон. Деталь
Западный фронтон храма Зевса в Олимпии

Солон
Мадрид

летрясений, но каждый раз вновь возрождались. Святой Иоанн Богослов в своем «Откровении» не очень хвалебно отзывался о Сардах. В 295 году н.э. город был превращен в столицу лидийской метрополии. В начале XIV века им овладели турки, а в 1402 году Тамерлан не оставил от него камня на камне.

Всемирно известные руины Сард, торчашие из-под земли, за малым исключением относятся к эпохе господства римлян. Этими исключениями являются две красивые, вновь установленные на подлинные, оригинальные цоколи ионические колонны, некогда украшавшие храм Артемиды. Все попытки обнаружить руины, относящиеся к периоду царствования лидийских правителей, предпринятые на рубеже XIX — XX вв., окончились неудачей из-за недостаточно-

Эзоп

го финансирования. Развалины и пепелища, оставленные грозным Тамерланом, а также городские и культурные наслоения предыдущих эпох с течением времени оказались покрытыми слоем земли. Сейчас даже трудно определить точное расположение Сард.

В 1962 году американские археологи под наблюдением двух университетов — Гарвардского и Корнуэлльского —

решили локализовать границы и раскопать легендарную столицу Креза. За сравнительно короткий срок они достигли значительных результатов. Глиняная посуда с характерными мотивами, выполненными яркими, чистыми красками, и раскопанные вблизи реки Измир-Сагили фундаменты типично лидийских домов позволили уточнить топографию города. Кажется, что раскопки руин Сард — это вопрос времени и соответствующего финансирования.

Пока же мы должны удовлетвориться другим результатом поисков американских археологов. В верхнем городском слое они отрыли римский дворец. Поскольку в его руинах найдено множество предметов из бронзы, его назвали «бронзовым дворцом».

Среди предметов подлинным открытием была лопатка со знаком креста на конце рукоятки. Лопатка, скорее всего, использовалась для пересыпания кадильной смолы. Неподалеку от лопатки лежали два предмета из бронзы, похожие на те, что и сегодня употребляются на Востоке для каждения в церкви.

Найденные в руинах монеты Константина Великого и его сыновей позволили определить дату строительства дворца и склонили ученых к выводу, что дворец был резиденцией лидийского епископа или какой-то состоятельной римской семьи, которая вместе с императорским двором перешла в христианскую веру.

Немного позже, когда были расчищены следующие части дворца, археологов ожидала очередная потрясающая находка. В одной из комнат на консоли стояла неповрежденная фигурка языческого божка, сделанная из белого мрамора. Археологи, глубоко потрясенные открытием, стали выяснять, каким чудом языческий бог оказался в доме христиан, причем в период усиливающихся религиозных войн и нетерпимости. Неофиты считали такие изображения деянием сатаны и разбивали на куски, независимо от их художественной ценности.

Ради истины необходимо напомнить, что среди христиан было немало тайных последователей старых богов и поклонников эллинского искусства, которые пытались спасти все, что можно. Но в данном случае эту вероятность не следовало принимать в расчет. Руины сохранили отпечаток ка-

кого-то стремительного и трагического происшествия. Дворец подвергся страшному нападению, которое, подобно урагану, пронеслось по всем залам и покоям. Признаки грабежа, насилия и вандализма встречались на каждом шагу: в разбитых барельефах, обломках мрамора и в кирпичках, пропитавшихся дымом и копотью. В одном из своих сообщений археологи написали: «В этих сожженных остатках христианской резиденции мы имеем неоспоримое доказательство жестоких расправ язычников с одной из древнейших христианских общин в Малой Азии».

Следовательно, исполнителями этого варварского акта были сторонники эллинских богов. Они сокрушили все христианское во дворце, а на развалинах триумфально водрузили изображения своих богов. Дворец не восстанавливали, он лежал в руинах под все нарастающим слоем земли и пережил в таком состоянии времена господства Рима, Византии, Турции и Тимура.

Проведя тщательный, детальный анализ, археологи установили дату этого взрыва эмоций язычников. Он случился в 361 — 363 гг. н.э., когда константинопольский трон занимал Юлиан, прозванный христианами Отступником. Это был всесторонне образованный человек, горячий поклонник эллинской культуры, мечтавший о духовном обновлении язычества. Он лишил епископов привилегий, дарованных им предыдущими правителями, и приказал вернуть язычникам секвестированные храмы, земли и сокровища, однако призывал при этом к терпимости. Но у язычников, особенно у доведенных до полной нищеты языческих жрецов, накопилось слишком много горечи. С минуты вступления на трон их покровителя они набросились на христиан, чтобы отомстить за издевательства, преследования, унижения. И трагические следы этой революции до наших дней сохранились в римском дворце в Сардах.

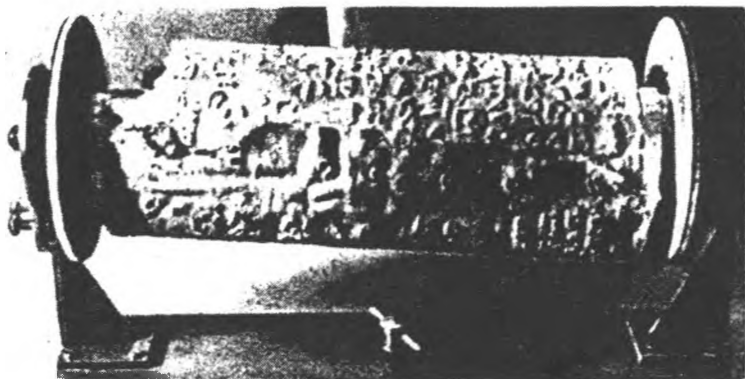

МЕДНЫЕ СВИТКИ

«Р укописи Мертвого моря» и развалины монастыря иудейской секты ессеев в Хирбет-Кумране — кто не слышал об этом прогремевшем на весь мир открытии, сделанном в 1946 году? Ессеи — тема более чем любопытная. О них писали древние путешественники и историки: Филон Александрийский, Плиний Старший и особенно много — еврейский историограф Иосиф Флавий. Из их сообщений мы узнаем, что ессеи ежедневно при заходе солнца переодевались в праздничные одежды, крестились и садились за общую трапезу, перед началом которой жрец благословлял «первинки хлеба и сока». В своем учении ессеи провозглашали любовь к ближнему, жили в бедности и в основном в кельях. Что же касается общественных отношений — осуждали рабство. Управлялась община советом из двенадцати человек, что мгновенно заставляет вспомнить двенадцать учеников Христа. Ессеи ожидали прихода «Мессии Спасителя», который установит на земле божественный порядок.

Все эти моральные принципы и мессианские верования склонили некоторых ученых-востоковедов, например Эдмунда Вильсона или Дюпона-Соммера, к мнению, что секта ессеев была звеном, непосредственно связующим иудаизм с христианством, звеном, отсутствие которого в картине раз-

Медный свиток, вставленный в аппарат для распиливания

вития религиозных движений до обнаружения «Рукописей» было определенным пробелом.

Возникший в научных кругах спор по вопросу о месте ессеев до некоторой степени затмил другие открытия, сделанные в 1952 году. В одной из пещер над Мертвым морем были найдены два свитка, внешняя особенность которых состояла в том, что текст не был написан на бараньей коже, а вырезан на тонких полосках меди. К сожалению, коррозия зашла так далеко, что при прикосновении пластинки тут же рассыпались в прах. Справедливо рассудив, что тексты, вырезанные на меди, должны иметь какое-то исключительное по важности значение, ученые приложили все старания, чтобы спасти свитки от разрушения. Их сразу же покрыли растопленным парафином и оставили на хранение в Палестинском археологическом музее. Три полных года они пролежали там, пока ученые искали способ, как развернуть свитки и прочитать тексты. Эту проблему решали научные институты всего мира, и в конце концов выход был найден: свитки разрезали на отдельные полоски с помощью специально сконструированного аппарата.

Сложную и тонкую работу по разрезанию меди начали в 1956 году американские реставраторы. Отдельные полоски свитков в строгой последовательности расположили так,

**Кумран — место, где были найдены кумранские рукописи
(Свитки Мертвого моря)**

чтобы текст был наверху. Ученые-востоковеды приступили к чтению и по мере прочтения приходили во все возрастающее изумление, поскольку в свитках перечислялись баснословные сокровища и приводились топографические пометки, где они укрыты. К сожалению, быстро выяснилось, что места укрытия кладов зашифрованы вымышленными названиями, смысл которых когда-то был ясен только посвященным. Так, в свитках упоминается долина Ангор, вообще неизвестная в Палестине. Только одно можно было с уверенностью сказать, основываясь на этих туманных указаниях: сокровища спрятаны где-то на побережье Мертвого моря, возможно, в самом Иерусалиме. Поначалу трудно было избавиться от впечатления, что свитки — не мистификация, рожденная разыгравшейся фантазией. Высказывалось даже предположение, а не является ли автором текстов какой-нибудь душевнобольной человек. И не следует удивляться подобному скептицизму, поскольку перечисленные в свитках сокровища в сумме составляли на наше время несколько миллионов долларов. Наряду с перечнем чисто церковной утвари, в свитках названо множество предметов из золота и серебра, прежде всего — золотые и серебряные слитки с одновременным указанием их стоимости в талантах.

Если владельцами таких ценностей были ессеи, то как соединить обладание сказочными богатствами с обетом бедности? И кроме того, каким чудом эти анахореты, жившие в дикой, безлюдной местности среди горных отрогов, сумели накопить столько золота и серебра? Словом, что-то тут не совпадало, вызывало сомнения, усиливало убеждение, что свитки — просто забавная шутка, оставленная для увеселения потомков. Давайте проследим, как востоковеды разрешили эту загадку.

В руинах Хирбет-Кумранского монастыря найдена горсть монет. Самая древняя относится к 125 году до н.э., а самая молодая — к 68 году нашей эры. Эта последняя монета, вернее, ее дата, рассказала ученым, кто был виновником разрушения монастыря. В 66 году нашей эры в Иерусалиме началось восстание против римлян. В борьбу с бунтовщиками включился прославившийся своей жестокостью X легион римской пехоты. После подавления восстания и разруше-

ния Иерусалима ессеи не питали никаких иллюзий относительно того, что их ожидает. Поэтому они позаботились о безопасности своих священных книг. Надеясь продолжить деятельность после войны, они спрятали свитки в ближайших пещерах, где в 1946 году их случайно нашел арабский пастушок.

В руинах монастыря явственно ощущаются следы насилия и пожара, поэтому археологи не сомневались, что именно здесь-то ессеи и боролись до последнего и героически погибли. Никому не пришло в голову, что спокойные, миролюбиво настроенные пустынники просто органически не могли вести вооруженную борьбу. Было также известно, что другая группа ессеев, не желая принимать участие в восстании, тайно покинула Иерусалим.

Однако, несмотря на все слабые стороны, версия о том, что ессеи якобы защищались в стенах монастыря, была принята большинством ученых. Только обнаружение медных свитков заставило пересмотреть эту версию. Новая выглядит так: с начала восстания власть в Иерусалиме захватили zeloty — фанатичные патриоты, воевавшие под лозунгом «свобода или смерть». Zeloty решили вывезти из Иерусалима хранившиеся в храме сокровища и спрятать их в Хирбет-Кумране, учитывая его расположение в труднодоступных горных отрогах. Откомандированный отряд zelотов без колебаний изгнал ессеев и укрепился в стенах монастыря.

Лишенные крыши над головой, ессеи поселились в близлежащих пещерах вместе со своими священными рукописями. Позднее они либо разбрелись по стране, либо погибли от рук римской солдатни. В пещерах остались их спрятанные в кувшинах свитки.

Однажды до укрывшихся в монастыре zelотов дошла весть, что Иерусалим сожжен и что отдельные отряды X легиона приближаются к Хирбет-Кумрану. Zeloty решили обороняться и спрятать доверенные им сокровища в ближайших окрестностях по разным местам. Перед сокрытием они приказали писарю вырезать на медных пластинах опись бесценных предметов и топографические указания, где они укрыты. Руины монастыря красноречиво свидетельствуют, что zeloty отчаянно сопротивлялись и погибли все

до последнего. По всей видимости, не уцелел и никто из посвященных в тайну, кому был доверен ключ к расшифровке условных топографических названий.

Поскольку медные свитки пролежали нетронутыми в пещере с 68 года нашей эры, некоторые археологи питают благую надежду, что сокровища все еще лежат там, где их спрятали. Реакцией на такой энтузиазм стала специальная археологическая экспедиция, финансируемая английской газетой «Daily Mail». В 1960 году археологи тщательнейшим образом обследовали побережье Мертвого моря с помощью современного электронного оборудования.

Экспедицию вдохновило на поиск то обстоятельство, что отдельные таинственные топографические указания были расшифрованы, и связанные с этим надежды оправдались. В одном из свитков сообщается, например, что часть сокровищ укрыта под третьим каменным слоем большого могильного холма. Холм действительно нашли. Однако миноискатель оказался малопригодным, так как валуны обладают магнитными свойствами и получается искаженная картина того, что скрыто под камнями. Для этого оказалось необходимо разобрать валуны на холме, а это титаническая и бесконечно дорогостоящая работа. Другое место, которое предположительно может оказаться тайником, — это руины, находящиеся к западу от горной цепи Хирбет-Кумран. Развалины — остатки цитадели, построенной иудейским царем Гирканом I (135 — 104 гг. до н.э.) и позднее восстановленной Иродом. Под огромным развалом находятся цистерны и подземные коридоры, прекрасно пригодные для тайника.

Но экспедиция столкнулась с большими сложностями. Вокруг дикая природа, нет ни шоссежных дорог, ни другого какого-либо удобного подхода, климат просто убийственный, воду для питья приходится возить издалека, а для археологических работ пригодны только три месяца из двенадцати. Но гарантией возможного будущего успеха можно считать то, что в руинах монастыря в Хирбет-Кумране найдены три кувшина с пятьюстами серебряными монетами — в те давно прошедшие времена немалое богатство.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС БАР КОХБЫ

В 132 году нашей эры палестинские иудеи начали освободительную войну против римских захватчиков. Вождем восстания был некий Симон по прозвищу Бар Кохба или Бар Косеба. Ко всеобщему удивлению, иудеи под его руководством разгромили римские легионы, освободили большую часть Палестины, включая Иерихон, и провозгласили Бар Кохбу новым царем Иудеи. Вполне понятно, что после таких убедительных побед иудеи почитали его божеством, а известный раби Акиба даже проповедовал, что Бар Кохба — обещанный пророками спаситель иудеев.

Но независимость длилась только три года. Император Гардиан направил во взбунтовавшуюся Палестину своего лучшего полководца Юлия Севера, который жестоко подавил восстание. Бар Кохба до последнего защищался в крепости Бехар, где, скорее всего, погиб или совершил самоубийство.

Нам очень мало известно о восстании и его легендарном вожде: несколько упоминаний в талмудических книгах и письмах священников, а также чеканка на монетах повстанцев. Вот, пожалуй, и все дошедшие до нас подтверждения. Поэтому, когда просочились слухи, что в диких горных районах Палестины археологами сделаны находки, позволяю-

шие достаточно детально восстановить последний акт драмы, возбуждение, охватившее научные круги, было вполне понятным.

А начало было весьма оригинальным. Прогуливаясь по местным горам, группа еврейских туристов обнаружила в одной из пещер гнездо коршуна, устланное обрывками папируса с надписями на древнееврейском, арамейском и греческом языках. Потрясенные известием, ученые Иерусалимского университета без промедления направили туда археологическую экспедицию под руководством профессора Ядина, так как полагали, что где-то поблизости от гнезда должны быть спрятаны свитки. То есть они предполагали, что может повториться та же ситуация, что в Хирбет-Кумране, в монастыре секты ессеев.

Экспедиция проходила в нелегких условиях. Западный берег Мертвого моря — это исключительно дикий берег, с недоступными утесами, распадами, изломами и отвесными уступами. На одной из скал в нескольких десятках метров над пропастью с вертолета заметили вход в пещеру. На разведку отправились опытные скалолазы. С помощью крюков и веревок они поднялись по почти вертикальной стене, а выше вынуждены были ползти на четвереньках вдоль узкого, нависшего над глубокой пропастью карниза. Пещера оказалась достаточно просторной. В ней были три отдельные каморки, соединенные узким коридором, пробраться по которому можно было только ползком. В пещере царил мрак и невыносимая духота, над головами незваных гостей кружили ночные совы, пол был устлан толстым слоем земли и экскрементами.

Члены археологической экспедиции проникли в пещеру по веревочной лестнице, укрепленной разведчиками-скалолазами. И тут же, у самого входа, они нашли маленькую медную монету с надписью «За свободу Иерихона». Она, несомненно, была вычеканена в период краткого царствования Бар Кохбы, в годы последнего бунта иудеев в Палестине. Как попала она в недоступную пещеру в дикой, безлюдной местности? Ответ на этот вопрос — ответ достаточно жуткий — крылся в третьей каморке. Во мраке в ряд вдоль стены стояли ивовые корзины, тщательно перетянутые шнурами. Когда их поочередно открыли, на землю вы-

сыпались истлевшие человеческие черепа и конечности. Казалось, что каморка выполняет роль кладбища для бывших обитателей пещеры, среди которых, безусловно, был и владелец медной монетки.

Понятно, что после таких открытий организация археологической экспедиции стала просто необходимостью. Но грунт пещеры покрывал толстый слой земли, которую предстояло старательно просеять. В тесноте пещеры это была бы безумно трудоемкая, изматывающая работа. Профессор решил проблему, воспользовавшись миноискателем.

Новая техника, кстати впервые примененная датскими археологами, оказалась более чем удобной. Почти постоянно раздававшиеся возгласы восторга означали новую находку. Сначала из земли выкопали корзину, наполненную медной посудой. Там были римские кувшины, кубки и сковороды, искусно украшенные гравированным орнаментом. Археологами была отмечена одна любопытная деталь: выгравированные на ручках посуды изображения римских богов были частично спилены. Вероятно, обитатели пещеры пополнили свои запасы утвари, добывая их у римлян.

Вскоре обнаружили пачку папирусных свитков. Это были пятнадцать текстов на древнееврейском, арамейском и греческом языках. Свитки оказались подлинной перепиской Бар Кохбы периода его царствования. Письма начинались фразой: «Симон Бар Кохба, царь Израиля...» — и были адресованы главным образом Егонатану и Месабали, правителям округов Эн-Геди, с суровым приказом поставить новый урожай пшеницы. Видимо, поставка продовольствия осуществлялась медленно, так как в одном из писем Бар Кохба с горечью пишет: «Спокойно сидите, едите и пьете за счет дома Израилева, зато о братьях своих вовсе не заботитесь». Среди документов есть контракты, из которых выясняется, что во время восстания земля была национализирована и отдана в аренду иудейским крестьянам.

Один из правовых актов был составлен еще до начала восстания. Из него мы узнаем, что Егонатан, ставший позднее правителем Эн-Геди, одолжил у сотника «первой тракийской когорты» римской пехоты шестьдесят серебряных динариев, обязавшись через восемь месяцев вернуть долг с

процентами — один процент за каждый месяц. Увы, мы никогда не узнаем, был ли сотнику возвращен долг.

В одной из каморок выкопали бурдюк для воды, полный женских мелочей. Среди прочего в нем были цветная шерсть для штопки, пара сандалий, бусы, зеркало, ложки из кости, соль, перец, флакончики. Рядом, наполовину засыпанные землей, лежали папирусные свитки — судебные документы и протоколы. Благодаря им удалось близко познакомиться с хозяйкой этих мелочей. Ее звали Бабата Бат, она вторично вышла замуж за некоего Иешуа, сына Елеазара. Бабата Бат начала судебный процесс против опекунов сына от первого брака, обвиняя их в присвоении наследства. С ее стороны притязания не были обычным сутяжничеством, так как суд принял решение в ее пользу. Зимой 127 года н.э. Бабата Бат вместе с мужем отправилась в штаб-квартиру римской конницы, чтобы зарегистрировать свою недвижимость в соответствии с распоряжением римлян о переписи населения. В 130 году н.э., то есть за два года до начала восстания, ее второй муж умер.

Возникает вопрос: как эти документы оказались в отдаленной, труднодоступной пещере? Агата Кристи, автор детективных романов и жена известного археолога, называла людей его профессии «детektивами прошлого». Этот случай доказывает, как правильно такое определение.

Нет сомнений, что в пещере скрывался и Егонатан. Являясь правителем Эн-Геди, то есть высоким чиновником Бар Кохбы, он справедливо опасался, что его убьют, в лучшем случае сделают рабом, если восстание будет подавлено. Поэтому он взял важнейшие документы и вместе с семьей спрятался в горных отрогах, куда обычно не доходили римские легионеры.

Но почему там оказалась и Бабата Бат? О том, что она была в пещере, убедительно свидетельствуют ее семейные бумаги и мелкие предметы повседневного употребления. И на этот вопрос ответ содержится в ее документах. Оказывается, она была сестрой Егонатана. Все стало ясным. Как вдова, лишившаяся мужской опеки, она жила у брата, разделяя с ним радости и горести судьбы. С ним же она бежала в пещеры, когда новое иудейское государство пало и превратилось в руины.

Иерусалимским археологам удалось прочитать трагический конец несчастных беглецов. На вершине скалы, прямо над лазом в пещеру, и у устья долины сохранились остатки римских бункеров. Они о многом говорят. Римляне выследили, где укрывается иудейский самозванец Бар Кохба. Посланный отряд легионеров, по всей видимости, пытался склонить его сдаться, затем пытался одолеть пещеру штурмом, а когда все эти попытки оказались безрезультатными, взял ее в осаду. Можно дать волю воображению и предположить, что командиром легионеров был тот самый сотник тракийской когорты, который когда-то одолжил деньги Егонатану.

Осажденные держались мужественно и предпочли погибнуть, но не сдаться. Голод, жажда и болезни уносили одного за другим. Оставшиеся в живых хоронили умерших в корзинах в отдаленной камерке пещеры. Мы не знаем, сумел ли хоть один ускользнуть из этой страшной западни, но безусловно одно: Егонатан и Бабата Бат навечно остались в пещере, иначе они унесли бы с собой важные семейные документы. Таков был конец последних повстанцев, принимавших активные действия в попытке возродить государство Давида и Соломона.

УТРАТИТ ЛИ КОЛУМБ ПАЛМУ ПЕРВЕНСТВА?

О том, какими бывают исторические мистификации и археологические фальсификаты, я расскажу немного позже. Но об одной находке, сделанной в самом конце прошлого века в Америке, надо рассказать отдельно, потому что до сих пор не разрешен спор: что это — фальсификат или подлинник?

Я имею в виду так называемый камень из Кенсингтона, найденный в 1898 году в штате Миннесота в Северной Америке. Олаф Охман, молодой крестьянин, швед по происхождению, выкорчевывал пни. К своему глубочайшему удивлению, в корнях одного осинового пня он заметил четырехугольный валун с вырезанными на нем загадочными знаками. По совету соседей Охман передал находку местному банкиру, а тот переслал ее в университет, где валуном занялся крупный скандинавский историк, профессор О. Бреда.

Ученый сразу же установил, что загадочные значки — это руны викингов. Ему, правда, не удалось прочесть все знаки, но тем не менее в руках у Бреды оказался следующий текст:

«Нас восемь готов (то есть шведов) и двадцать два норвежца. Из Винланда мы перебираемся на западные земли. Мы стояли лагерем у озера с двумя скалистыми мысами, на расстоянии одного дня перехода от этого камня. Когда мы вернулись на стоянку, нашли убитых и залитых кровью. AVM (Ave Maria), спаси нас от несчастья! Девять наших людей находятся у моря на расстоянии четырнадцати дней перехода, чтобы следить за судами».

Текст заканчивался каким-то странным руническим знаком, который Бреда не сумел прочесть. Сообщение о находке камня с руническими письменами взволновало и Америку, и Европу. Но особенно оно обрадовало эмигрантов-скандинавов, которые раздувались от гордости, что Америку открыли их пращурь, а не Колумб. Но из этого радостного упоения их неожиданно и резко вывел сам О. Бреда, публично заявив, что камень из Кенсингтона — искусная фальсификация. Какие же причины вынудили профессора вынести столь болезненный для соотечественников вердикт?

Прежде всего он отметил, что рунический язык записи представляет собой мешанину из норвежского и шведского языков. Но когда скандинавы пользовались руническими письменами, шведы и норвежцы были заклятыми врагами, поэтому невероятно, чтобы они вместе отправились в далекое и опасное морское путешествие в поисках новых материков.

Однако если это еще как-то можно было допустить, то уж совсем невероятным были латинские буквы AVM, означающие Ave Maria, поскольку в Скандинавии римским алфавитом стали пользоваться только в позднее Средневековье. Это безусловно доказывало то, что кенсингтонский камень — фальсификат. В подкрепление своего мнения Бреда высказал еще немало других сомнений, но достаточно и двух, чтобы отказать надписи в исторической подлинности.

Оставалось еще установить автора искусной мистификации. В изготовлении подделки нельзя заподозрить Олафа Охмана — простого, лишенного воображения и необходимых знаний крестьянина, который, пожалуй, и не слышал о

* Новая Шотландия.

рунических знаках. За разрешение загадки взялся профессор Флом из Иллинойского университета. Долгие терпеливые расспросы, граничащие с работой детективов, оправдали себя. Профессору удалось выяснить, что у шведского Охмана был шури́н Эндрю Андерсон, достаточно образованный человек, страстно увлекавшийся рунами. Вместе с пастором Свендом Фогельбадемом он развлекался тем, что делал глиняные таблички с различными руническими надписями.

Летние месяцы Андерсон часто проводил на ферме Охмана. Вероятно, там-то у него и родилась мысль подбросить подделку в надежде, что шури́н раньше или позже выкорчует пень и найдет загадочный камень. Увы, мы никогда не выясним, почему он так поступил. Возможно, просто хотел посмеяться над соседями, не подозревая, какой отзвук вызовет его проделка. Не исключено, впрочем, что он руководствовался ложно понимаемым патриотизмом. Будучи горячим поклонником скандинавской древности, Андерсон мог попытаться таким вот образом восполнить и исправить историю и помочь своим сородичам морально укрепиться на новом континенте.

После проведенной Бредой экспертизы и расследования Флома камень, наделавший столько шума, вернулся на ферму Охмана. Там ему было нанесено новое оскорбление: из него сделали ступеньку в овине. Так прошло десять лет, а потом к камню вновь проявил интерес американский ученый Хилмар Р. Голанд.

Благодаря ему проблема камня из Кенсингтона обрела новое звучание. Тридцать лет с упорством, достойным уважения, Голанд настаивал на подлинности надписи, ездил с лекциями по Америке и Европе, собрал научную конференцию с участием тридцати университетов.

Нельзя отрицать, что ему удалось поставить под сомнение аргументы О. Бреды. Существуют древние норманские саги о том, что в конце X века скандинавские колонизаторы из Гренландии высадились на Американском континенте. Но они не осели там навсегда, так как встретили ожесточенное сопротивление индейцев. Саги подробно повествуют о четырех морских экспедициях. Последней из них руководила Фрейдис, дочь короля Гренландии Эрика

Рыжего. Она была мрачной и импульсивной женщиной. Когда в лагере на новом континенте начались какие-то конфликты, Фрейдис без колебаний убила двух своих братьев и всех женщин, участвовавших в экспедиции. Затем она вернулась в Гренландию.

Под впечатлением этих саг Бреда пришел к убеждению, что камень из Кенсингтона следует датировать концом X века. Две причины склоняли его к такому выводу: во-первых, тогда ему не было известно о других морских экспедициях норманнов к берегам Америки; во-вторых, в надписи на камне не было ни одной даты, которая могла бы послужить исходной точкой.

Что же, подозрения Бреды можно считать вполне обоснованными. В X веке в Скандинавии латинский алфавит действительно был неизвестен, и норманские мореходы, как правило народ необразованный, не могли прибегнуть к сокращению AVM. В X веке готы и норвежцы, как уже упоминалось, были яркими врагами и не организовывали совместные морские походы.

Но вся аргументация Бреды рухнула как карточный домик, когда прочитали последний рунический знак, оставшийся ранее не расшифрованным по той причине, что им пользовались исключительно в Норвегии. Оказалось, что он означает цифру, а именно — 1362 год. Дата полностью все переворачивала. Хотя в XIV веке скандинавы еще пользовались руническими письменами, они уже были знакомы с латинским алфавитом и в свои тексты часто вставляли латинские сокращения, введенные католической церковью.

Действительно ли в XIV веке к Америке ушла норвежская экспедиция? Поскольку никто о таковой не слышал, опять возникло подозрение, что текст кенсингтонского камня — плод вымысла. Голанд оказался в затруднении: он опроверг аргументацию О. Бреды, но не мог удостоверить аутентичность надписи.

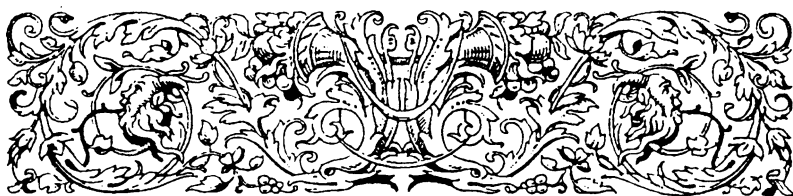
Неожиданное сенсационное открытие разрешило загадку. В Копенгагенской национальной библиотеке обнаружили документы, датированные 1354 годом и подписанные королем Норвегии и Швеции Магнусом. В одном из документов король приказывает своему сановнику Паулю Кнутсону организовать морскую экспедицию и отправиться на поиски

норвежских колонистов, которые поселились на западном берегу Гренландии и неожиданно отплыли в неизвестном направлении. Магнус рекомендовал рыцарям своей придворной гвардии принять участие в экспедиции. Из других документов нам известно, что придворная гвардия Магнуса состояла из норвежских и шведских юношей. Кроме того, известно, что Магнус был горячим приверженцем римской религии и даже направил посольство в Россию, надеясь обратить ее в свою веру. При дворе Магнуса господствовала суровая религиозная дисциплина. Текст рунической кенсингтонской надписи удивительно верно воспроизводил все эти подробности.

Кнутсон отправился в море за восемь лет до событий, описанных на камне. Именно столько времени требовалось ему, чтобы исследовать побережье Гренландии и в поисках пропавших добраться до берегов Америки. Конечно, отождествление Кнутсона с автором текста на камне всего лишь предположение. Некоторые ученые считают, что именно здесь самое слабое звено в цепи доказательств, и поэтому отказываются считать текст подлинным.

Спор продолжается. Но камню из Кенсингтона была оказана великая честь: он находится среди ценнейших памятников прошлого в широко известном научном музее в Вашингтоне. Хранитель музея так мотивировал это решение: «На основе имеющихся доказательств трудно ручаться, что камень подлинный. С другой стороны, если он фальсификат, автор этой мистификации должен быть какой-то суперкомбинацией выдающегося археолога, геолога, лингвиста и историка...»

* В конце 1963 года норвежские ученые, супруги Инштадт, сообщили Географическому обществу в Вашингтоне, что на северном побережье Фундландии (Ньюфаундленд), острова, лежащего на восток от Северной Америки, найдено поселение викингов. Это девять халуп и кузница. На пресс-конференции в Вашингтоне сообщалось, что исследования методом С¹⁴ показали, что поселение было основано около 1000 года, то есть за 500 лет до плавания Колумба.

КАК КОНЬ ЧУТЬ НЕ СТАЛ БОГОМ

Событие, описанное в старых, пожелтевших испанских хрониках, произошло во второй половине XVII века. Отправимся вслед за неизвестным автором в Гондурас. Через убийственный тропический лес с трудом продираются два францисканских монаха. Их скромное имущество покоится на спине изнуренного ослика, которого ведет в поводу младший из спутников. Вдруг посланцы ордена остановились как вкопанные, напряженно вслушиваясь в звуки джунглей. Сквозь крики обезьян и клекот птиц до них долетели человеческие голоса, какие-то дикие причитания и глухой стук котлов.

Монахи нерешительно переглянулись, но через минуту, преодолев боязнь, двинулись дальше. Вскоре они достигли опушки большой поляны, вырубленной в джунглях. В центре залитой солнцем площадки возвышалась насыпанная из камней пирамида, а ее вершину венчала — вот странность! — скульптура лошади в натуральную величину, грубо высеченная из песчаника. Пирамиду окружал бесчисленный рой туземцев, сновавших, как пчелы в улье. Воздух дрожал от резких вскриков, звона бубнов и причитаний, напоминавших плач. Мужчины, женщины и дети, все в странных облачениях и культовых масках, кружили в танце

вокруг пирамиды. Все безудержно радовались, бурно жестикулировали. Старая индианка, облаченная в белое, ниспадающее до земли платье, входила гусиным шагом на пирамиду и возлагала к подножью статуи жертвоприношения из цветов, фруктов, мяса.

Кто-то из туземцев заметил монахов и издал пронзительный предупредительный крик. Мгновенно настала тишина, все с удивлением обернулись в сторону белых пришельцев. Францисканцы разводили руками, давая понять, что прибыли с добрыми намерениями. Гостеприимно принятые индейцами, они решили поселиться там навсегда и обратить туземцев в католическую веру. Но задача оказалась труднее, чем они предполагали. Их миссии мешал глубоко укоренившийся в этой части Гондураса культ коня.

Каким чудом конь стал божеством племени? Корни культа не могли уходить слишком далеко в прошлое, это безусловно. Ведь впервые лошадь появилась на Американском континенте только в 1519 году, когда испанский конкистадор Фернандо Кортес высадился на берегу Юкатана и направился в глубь Мексики на завоевание могущественной империи ацтеков.

Правда, археологические раскопки подтверждают, что в далекие исторические времена по прериям Америки бродили бесчисленные табуны диких лошадей. По всей вероятности, они попали сюда из Азии по сухопутному мосту, который в бесконечно далекие геологические эпохи соединял оба континента. Но наукой установлено, что в конце диллювиального периода они полностью вымерли вследствие какой-то неизвестной болезни.

Почтенные францисканцы, поглощенные своей божественной миссией, не задумывались, естественно, над происхождением этого странного и единственного в своем роде культа. В их понимании почести, воздаваемые коню, были происком сатаны, и все тут. Загадка была разрешена только во второй половине XIX века, когда слепой американский ученый Вильям Хайклинг Прескотт начал собирать документы и вещественные свидетельства, касающиеся откры-

* Древнейшая часть четвертичного периода.

Эрнандо Кортес
Со старинной гравюры

тия Американского континента. Тогда выяснилось, что статуя изображала исполинского рысака, который в силу особых стечений обстоятельств попал в Гондурас, чтобы сделать там карьеру бога молнии и грома.

Теперь я расскажу с самого начала, как это случилось. Эта столь же запутанная, сколь и романтическая история может служить примером того, как действительность часто бывает изобретательнее самой буйной фантазии.

Мексиканские племена, и особенно ацтеки, верили в существование бога со странным именем Кетцалькоатль, ко-

Кортес беседует с захваченным в плен Куаутемоком и его женой

того представляли в виде белого бородатого человека. С этим богом были связаны различные предания, легенды. На крылатой ладье он прибыл из страны восходящего солнца, причем появился на том самом месте, где позднее высадился Кортес. Кетцалькоатль научил индейцев ремеслам и привил хорошие обычаи, установил законы и основал великую империю. То есть это был заботливый и благорасположенный к населению Мексики бог.

Легенды о его исчезновении полны поэтической красоты и очарования. Согласно одной легенде, Кетцалькоатль как-то склонился над шумящим Атлантическим океаном, горько заплакал над грехами своего народа и бросился в горящий стог. Пепел его развеялся в воздухе и превратился в стаи птиц, а сердце повисло в небе в виде утренней звезды.

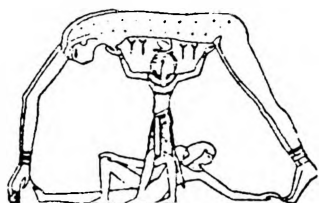
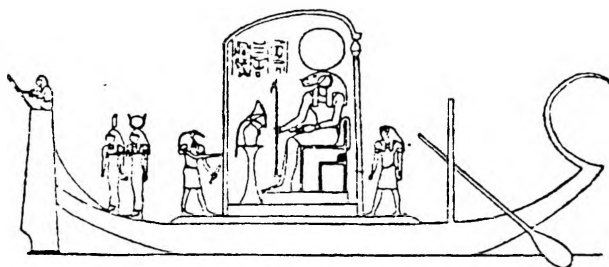
Другая версия звучала так: бог ночи, желая избавиться от белого бога, поднес ему кубок якобы с эликсиром бессмертия. Но в действительности подлый бог ночи подмешал к напитку какие-то травы, вызывавшие неодолимую ностальгию по родине. И Кетцалькоатль под его волшебным действием отплыл на крылатой ладье в направлении восходящего солнца.

В этом боге все чрезвычайно интригует. До появления испанцев индейцы никогда не видели белого человека и не знали папируса, но Кетцалькоатля представляли себе как белого человека и утверждали, что он прибыл к ним на крылатой, иначе говоря, парусной, ладье. Отсюда часть исследователей сделала вывод, что задолго до испанцев к берегам Америки на паруснике добрались какие-то народы, овладели страной, а потом либо добровольно покинули ее, либо были изгнаны местными племенами. Поскольку пришельцы обучили туземцев полезным ремеслам и земледелию, с течением времени народная легенда окружила их предводителя ореолом божественности. Так какой-то белый бородатый европейский моряк стал богом Кетцалькоатлем.

Но самое странное то, что с этим богом связаны древние катастрофические пророчества. Он предрекал, что когда-нибудь сюда придут его посланцы, что они покорят страну и навяжут свою религию.

Поэтому, когда в Мексике высадились испанцы, ацтеки подумали, что исполнились пророчества Кетцалькоатля, и особенно потому, что прибывшие ездили на каких-то непонятных четвероногих созданиях и пользовались оружием, из которого вылетали громы и молнии. Суеверие настолько парализовало их волю к сопротивлению, что владыка Монтесума без борьбы впустил испанцев в свою столицу, хотя знал от лазутчиков, что по пути те сеяли смерть и разрушение.

Трудно удивляться, что в атмосфере предрассудков и боязни испанские конники произвели устрашающее впечатление. В глазах индейцев они были зловещими, угрожающими им монстрами, которые в беге развивали неземную скорость и безжалостно уничтожали все, что попадалось им на пути. В марше на столицу ацтеков испанцы несколько раз

**Скульптура бога Солнца
из города Копана**

Гондурас, культура майя.

VIII в. н. э.

вступали в схватки с преобладающими силами табасканцев и тлашкаланцев. Мужчины этих племен были мужественными воинами и совсем не пугались неизвестного им огнестрельного оружия, но приходили в ужас от конной атаки испанцев.

Как объяснить суеверный страх доблестных воинов перед животными? Мексиканские племена не были настолько дикими, чтобы мы могли отнести этот факт за счет их темноты. Они создали богатую и оригинальную культуру. Их архитектура, астрономия, скульптура достигли высокой степени развития, календарь не уступал по точности юлианскому, а письменность напоминала египетские иероглифы.

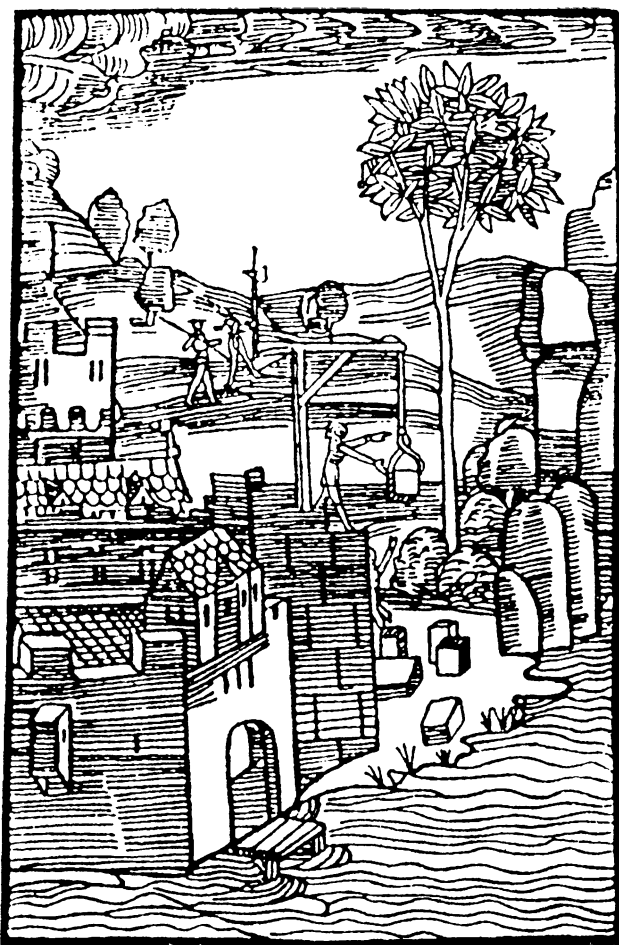
Но наряду с большими достижениями, остается труднообъяснимая отсталость. Так, индейцы Мексики ни разу не задумались об изобретении колеса и всю транспортировку проводили на спинах людей. Их религия, особенно религия ацтеков, была, пожалуй, самой жестокой из всех первобыт-

Монтесума, верховный властитель Мексики
Со старинной гравюры

Монтесума был ранен несколькими стрелами

Форт Навидад, построенный Колумбом на Эспаньоле

Рисунок из изданного в 1493 году письма Колумба
к Габриэлю Санчесу

ных религий и унесла несметное количество человеческих жизней.

Аналогичное положение наблюдалось и в земледелии. С одной стороны, огромный прогресс, с другой — застой. Мы часто не отдаем себе отчета в том, что потреблением в

Христофор Колумб
Со старинной гравюры

пищу многих и многих плодов обязаны мексиканским индейцам. Они открыли миру кукурузу, помидоры, табак, ваниль, какао, дыни, ананас, красный перец, различные сорта фасоли и многое другое. Но для их возделывания применя-

ли орудия каменной эпохи.

И тут мы подходим к сути проблемы. Мексиканские индейцы не приручили ни одно крупное животное, у них не было даже домашнего скота. Потому-то четвероногое создание вместе с суровым наездником казалось им чем-то странным и таинственным, неземным. Отсюда шаг до признания его сверхъестественной и божественной сущностью.

О страхе индейцев перед конями испанцы знали задолго до высадки в Мексике. Еще Колумб рассказывал, что во время своего второго пребывания на острове Эспаньола (Гаити) он встретил вождя племени гуанahari, который до такой степени перепугался вида коня, что весь в холодном поту распростерся перед ним ниц.

Кортес сознательно эксплуатировал этот предрассудок для исполнения своих захватнических планов и заботился о том, чтобы индейцы не открыли правду. Погибших во время похода и в сражениях воинов и коней он приказал хоронить только под покровом ночи, чтобы противник не дознался, что всадники такие же смертные, как и они. Случилось так, что в момент прибытия посольства табасканцев в испанский лагерь кони заржали и стали бить копытами. Кортес моментально воспользовался этим обстоятельством, чтобы объяснить индейцам, что четвероногие создания таким образом выражают свой гнев из-за воинственной позиции табасканцев. В ответ снедаемые страхом послы упали на колени перед животными и молили о прощении.

Вождь испанских конкистадоров понимал, сколь хрупка легенда о бессмертии и божественности белых пришельцев. В его памяти были живы перипетии Колумба на острове Эспаньола. Тамошние туземцы с удивительной покорностью и раболепием приветствовали белых пришельцев, почитая их богами. Но до определенного момента. Однажды один из конкистадоров приказал индейцам перенести его через реку. К его несчастью, среди носильщиков оказался маловер. Он уговорил своих товарищей опустить испанца в воду с головой и подержать его там, чтобы убедиться, действительно ли он бессмертен. Спустя какое-то время они вынесли беднягу на берег и три дня ждали его оживления. Когда же стало ясно, что тот не оживет, похоронили горемыку в прибрежном песке. Последствия опыта не заставили себя

Франсиско Писарро
Со старинной гравюры

ждать. Весть о смертности захватчиков распространилась по острову со скоростью молнии, и с той минуты индейцы стали оказывать яростное сопротивление испанцам, особенно ожесточенное потому, что конкистадоры были порядочными головорезами.

В свете приведенных фактов и обстоятельств становится понятным, почему в отдаленной провинции Гондураса конь мог стать богом. Но гораздо интереснее то, что известны точная дата и причина возникновения этого странного культа. В 1524 году губернатор Гондураса Олида поднял бунт против Кортеса. Покоритель Мексики наскоро собрал войско и выступил в поход против мятежников. Путь был далеким и трудным, поскольку пролегал через горы и опасные джунгли. Когда Кортес прибыл в индейскую деревушку, ту, куда позднее попали францисканцы, выяснилось, что его конь расковался и не может идти дальше. Не оставалось ничего другого, как навязать жителям деревушки заботу о рысаке.

Индейцы следили за конем так хорошо, как только могли, воздавали ему божественные почести. Но увы, у них было свое представление о том, как его кормить. Поскольку своим божкам они приносили в дар цветы, травы и жареное мясо, то и четвероногому богу они подносили точно такую же еду. Бедное животное поедало все, что получало, однако худело и болело и однажды пало бездыханным. В деревне его смерть вызвала огромный переполох. Потом ему устроили пышные похороны под жалобное пение, заунывные удары в бубен и ритуальные пляски. Культ коня укоренился до такой степени, что деревня решила вырезать из песчаника его подобие и во веки веков воздавать почести как богу.

Неизвестно, вернулся ли Кортес за конем, скорее можно предполагать, что он не нашел деревушку, поскольку тогда представления о географии Гондураса были более чем смутными. В любом случае странный культ соблюдался еще полтора века, вплоть до прибытия монахов.

А сейчас сделаем большой скачок и перенесемся в Перу, где существовала могущественная, разноразноязычная империя инков. В 1533 году там высадилась малочисленная военная

Атагуальпа, последний перуанский инка
Со старинной гравюры

экспедиция во главе с Франсиско Писарро. И — просто невероятно! — оказалось, что у перуанских индейцев тоже есть свой бог, которого они представляли в образе белого человека с большой волнистой бородой. Но звали его не Кетцалькоатль, а Контики-Виракоча. Однако связанные с ним мифы и легенды удивительно похожи на ацтекские мифы. Виракоча был благодетелем и учителем инков и точно так же однажды исчез при таинственных обстоятельствах. В легенде рассказывается, что он был так огорчен неблагодарностью и грехами человека, что однажды, роняя слезы, направился к берегу Тихого океана и исчез за морским горизонтом. Более того — перуанцы, подобно мексиканцам, верили, что когда-нибудь посланцы белого бога объявятся в их стране и покончат с господством инков.

Совпадение более чем странное, поскольку достоверно известно, что инки и ацтеки, разделенные непроходимыми джунглями, не знали о существовании друг друга. Вероятно, нам никогда не удастся установить, то ли те же самые европейские мореплаватели посетили сначала Мексику, а затем Перу, то ли здесь мы имеем дело с двумя независимыми друг от друга экспедициями европейцев. Кроме того, мы никогда не сумеем объяснить удивительное сходство мифов и легенд инков и ацтеков, связанное с этими богами. Может быть, эти боги — эхо, реминисценция какого-то давнего посещения Американского континента европейцами, сведения о котором не сохранились в истории?

Но совершенно точно установлено, что перуанцы приветствовали испанцев как божественных посланников Контики-Виракоча и что их лошадям также приписывали божественное происхождение. Эта вера спасла Писарро от поражения. Когда с горсткой солдат он высадился у Серебряной реки, неожиданно появилась большая армия индейцев, рвущихся в атаку. Все говорило о том, что кровавая схватка в очень неблагоприятных для испанцев условиях неизбежна, но вдруг все повернулось более чем неожиданно. Один из рысаков испугался шума и гама и сбросил седока. Индейцы искренне верили, что конь и всадник — единое четвероногое существо, наполовину человек, наполовину животное. Поэтому, увидев, что одно из этих чудовишных созданий распалось на два, они посчитали это волшебством

и ради осторожности предпочли покинуть поле боя. Писарро воспользовался замешательством и тут же вернулся на борт каравеллы.

По примеру Кортеса Писарро пытался использовать столь странный предрассудок для того, чтобы устрашить индейцев и склонить их к повиновению. Царь Атакуальпа принимал в Качамарке его посольство, сидя перед дворцом на золотом стуле, в окружении многочисленной свиты, жен, сановников, слуг. Посланец Писарро, испанский рыцарь де Сото, поскакал к нему быстрым галопом и почти над головой царя шпорами осадил лошадь, заставив ее встать на дыбы. Но гордый Атакуальпа даже глазом не моргнул и сидел неподвижно, как статуя. Более того, приказал тотчас же повесить на ближайшем дереве двух своих стражников за то, что они перепугались и бросились наутек. Достойный вид и гордое поведение царя были тем более впечатляющими, что шпионы сообщали ему об испанских конях самые невероятные сведения. Из этих сведений недвусмысленно вытекало, что лошади — это существа божественного происхождения, так же как и их владельцы, посланцы Конттики-Виракоча.

Но в Перу вера в сверхъестественное происхождение коня скоро развеялась, в отличие от Мексики, где сохранялась еще очень долго. Когда через два года после прибытия испанцев началось восстание перуанцев, его вождь и брат царя Манко раздобыл несколько лошадей и настолько освоился с ними, что устраивал конные вылазки против захватчиков.

Почему молва о божественности коней имела в Перу столь краткую жизнь? Здесь можно только строить догадки. В определенной мере это говорило о более высоком культурном уровне инков, которые были цивилизованнее ацтеков. Но кардинальную причину следует искать в том факте, что перуанцы, приручившие таких крупных животных, как лама, могли скорее привыкнуть к виду лошади, которую, впрочем, долго еще называли «большая лама».

Очень любопытны дальнейшие повороты судьбы испанских верховых лошадей. В Мексике колонизаторы постепенно заселяли север и вскоре освоили Калифорнию, Новую Мексику, Техас. Экспансия проходила отнюдь не в

мирных условиях, ей сопутствовали столкновения с индейскими племенами, защищавшими свои поселения, восстания порабощенных туземцев и братоубийственные войны между испанскими завоевателями. В этот бурный период политической неразберихи часто случалось, что лошади убегали на свободу. Бескрайние прерии Северной Америки представляли собой идеальные условия для их бытия, и лошади быстро размножались. Вскоре покрытые травой равнины заполнили табуны диких лошадей — мустангов. Индейцы стали охотиться на них с лассо, приручать и использовать для верховой езды. Не случайно горячий мустанг стал неотъемлемым атрибутом легенды о Диком Западе.

Как известно, в прериях когда-то спокойно паслись стада бизонов, причем их было буквально десятки миллионов голов. Белые охотники-испанцы безжалостно истребляли их. Пассажиры поездов развлекались, стреляя по бизонам из окон вагонов; предприимчивые люди устраивали крупные облавы ради шкур, оставляя освежеванные туши. Довольно скоро бизоны в Америке были перебиты.

Тем более странным представляется то, что стада мустангов избежали подобной участи. В начале нашего века считалось, что в северных местностях Америки жило на свободе еще около четырехсот тысяч диких лошадей. Но в последние годы им стала угрожать новая опасность. Крупные концерны по производству консервированного мяса для собак и кошек начали на них охоту с вертолетов. К счастью, это варварство вызвало неслыханный скандал, и под давлением общественности Конгресс принял закон о защите мустангов. Считается, что сегодня в прериях на свободе живет около двухсот тысяч потомков испанской верховой лошади.

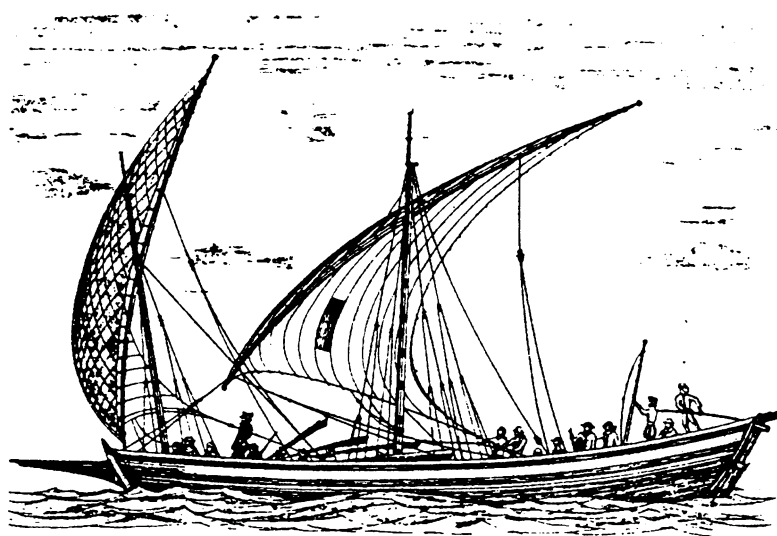
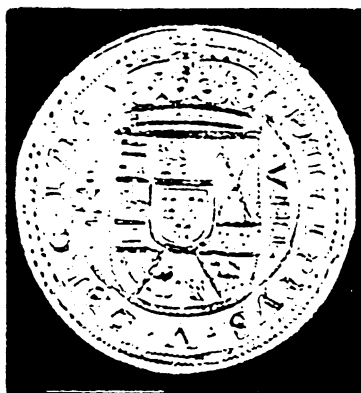
СОКРОВИЩА ГОРОДА ПАНАМЫ

История «медных свитков» может разочаровать людей с практичным складом ума. Ну и что же, скажут они, что в свитках из Хирбет-Кумрана перечислены сказочные сокровища, их ведь не нашли.

Для таких чувствующих себя обманутыми скептиков у меня есть другая история, которая, надеюсь, им больше понравится. В ней есть все, чего они желают: неолко романтика поиска сокровищ, но и их обнаружение.

Чтобы повествование было гладким, разделим эту историю на два акта с антрактом, который длится 252(!) года. Первый акт разыгрывался во второй половине XVII века в Карибском море. Для Испании это был период активной эксплуатации природных богатств Южной Америки. Галионы и каравеллы, груженные золотом, серебром и разными другими ценностями, непрерывной цепью направлялись в испанские порты. Понятно, что баснословные богатства будили жадность у других народов, также имевших свой флот, в частности у англичан. В те времена Англия вела с Испанией непрекращающиеся войны за господство на море. По инициативе и при поддержке Англии на Карибском море распространилось корсарство. Легкие, проворные бригантины морских разбойников

Золотой дублон империял (восемь эскудо) с отчеканенной надписью: "Филипп V Божьей милостью 1714", обнаруженный среди останков корабля в Карибском море

Примерно в середине XVII в. пираты преимущественно использовали шхуну-бриг (с гравюры Густава Алокса, Морской музей в Париже)

нападали на испанские суда, брали на abordаж и грабили.

На службе у английской короны состоял корсар Генри Морган. Вопреки английской легенде, которая представляет его патриотом и рыцарем без страха и упрека, он был обыкновенным разбойником, лишенным какого бы то ни

Ловля жемчуга индейцами
Со старинной гравюры

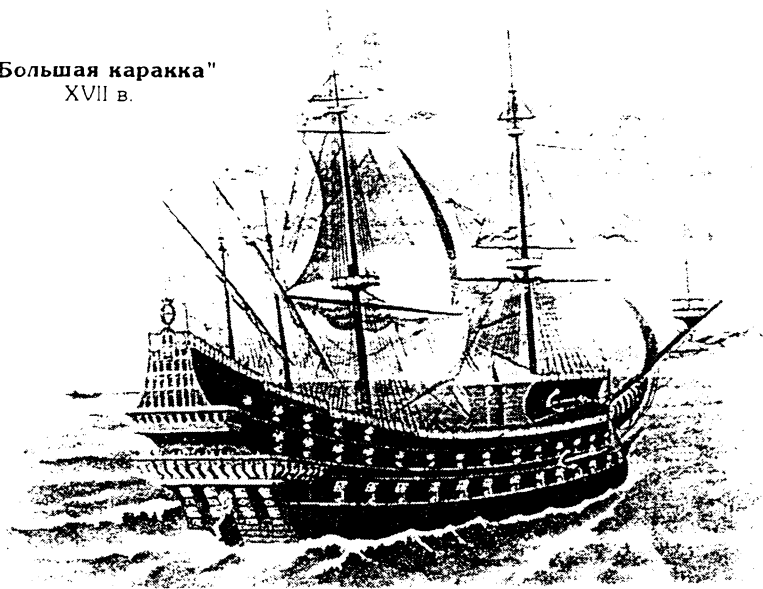

JOHAN MORGAN.

*gebooren in de Provincie van Wales in Engelandt.
Generaal van de Roovers op Jamaica.*

Генри Морган

"Большая каракка"
XVII в.

Панама, 1590 г.

было представления о рыцарстве. Он специализировался на нападении на портовые города и разрушал их до основания, не оставляя камня на камне, а жителей убивал или подвергал жутким пыткам. Морган был не только жесток, но коварен и изобретателен. Чтобы овладеть панамским городом Пуэрто-Белью, он приказал монашкам и монахам из окрестных монастырей первыми подняться по штурмовым лестницам и под прикрытием этого живого щита без больших потерь проник в город.

В январе 1671 года Морган решил ограбить город Панаму. Она располагалась, как известно, на побережье Тихого океана. Высадившись на Атлантическом побережье, Морган был вынужден пересечь Панамский перешеек. Путь пролегал через зеленый ад джунглей, полных топей, выделявших удушающие миазмы. Морган недооценил трудности перехода: он выступил во главе многочисленного отряда — свыше 1200 человек, но почти без провианта. Шесть дней грабители продирались сквозь чащу, голодные, питаясь сваренными в воде кожаными деталями оружия. Некоторые умерли по пути от истощения и болезней, а вышедшие из джунглей на берег Тихого океана представляли собой жалкое зрелище.

После мучительного, страшного перехода нападение на Панаму казалось безумием. С оборонительных стен города зияли жерла пушечных стволов, гарнизон защитников столицы насчитывал почти десять тысяч солдат, но Морган не испугался очевидного превосходства в силах. Его лазутчики донесли, что в городе царит паника. Гарнизон панамцев состоял в основном из наскоро вооруженных индейцев и негров, большей частью рабов. Владельцы рудников и плантаций не слишком-то верили им, а потому тихо покинули город, забрав с собой все самое ценное.

Но в довершение зла в городе укрылись местные фермеры-испанцы вместе с пожитками и живым инвентарем. Сложилась абсурдная, но в то же время трагическая ситуация: на тесных улочках скопилось двести тысяч голов скота, для которого не было корма. Возможно, от отчаяния коменданту города пришла в голову оригинальная мысль — использовать коров и полудиких быков из пампасов как ударную силу против корсаров. И вот ночью, когда лагерь Моргана

Зверства Моргана в Панаме

был погружен в сон, скот выгнали из города, причем акция сопровождалась криками, шелканьем бичей и размахиванием горящими факелами. Ошалевшие от страха животные мчались прямо на лагерь корсаров, но те в последнюю минуту успели влезть на деревья и избежать участи быть растоптанными.

Морган сумел захватить город и превратил его в пепелище. Разрушение было столь полным, что проще было возродить столицу на новом месте, нежели разбирать руины. Развалины старого города Панама быстро поглотили ненасытные джунгли. Занавес опустился на 252 года.

Главным актером второго акта стал вышедший в отставку офицер английской армии Георг Вильямс. Расставшись со службой, он выбрал себе, казалось бы, романтическую профессию — решил зарабатывать на жизнь поисками кладов. Но, будучи человеком XX века, подошел к делу по-научному. Вильямс изобрел «волшебную палочку» — ею был аппарат его собственной конструкции: передатчик, посылающий электрические импульсы в толщу земли, приемное устройство, принимающее отраженные импульсы, и наушники. По характерной тональности звуков Вильямс научился распознавать места, где закопаны металлические предметы. Кроме того, он никогда не искал вслепую, а старательно готовился к поиску, изучая в архивах документы, которые могли привести его на те места, где спрятаны сокровища.

Удивительно, но новая профессия приносила Вильямсу неплохой доход — более того, он смог бы накопить приличное состояние, если бы не был азартным человеком. Он со страстью играл на ипподроме и на собачьих бегах, но здесь счастье ему не улыбалось. Как правило, у него не было ни гроша в кармане. Поэтому, когда правительство Панама потребовало десять тысяч долларов залога в счет доли от сокровищ, которые Вильямс намеревался найти в развалинах исторической столицы, нагерой оказался в сложном положении. Переговоры велись долго, и только в 1926 году было достигнуто условное соглашение. Вильямс был обязан продемонстрировать свой аппарат, и от результатов попытки зависело, выдадут ли ему без залога концессию на поиски сокровищ.

Пробираясь сквозь заросли джунглей со своим аппаратом, Вильямс заранее наметил место для поиска клада — между развалинами храма и руинами дворца епископа. На демонстрацию своих возможностей он пригласил правительство Панама во главе с президентом. В присутствии важных особ приказал выкопать глубокую яму, затем сам взялся за лопату, умирая от страха, что попытка кончится

крахом. Вдруг на дне ямы что-то блеснуло. Все затаили дыхание. Блестела церковная чаша из чистого золота. Вильямс стряхнул с нее песок и с самоуверенным видом вручил президенту. Ясно, что находка произвела прямо-таки ошеломляющее впечатление, и панамское правительство уже не медлило с разрешением на концессию.

Поиски Вильямс начал с руин собора, и вскоре потрясению и изумлению панамцев не было предела. В одном из подземных коридоров была найдена богатая коллекция предметов церковного обихода. Здесь были золотые кувшины для вина и воды, золотые кубки и блюда, прекрасные резные кадилницы из золота и серебра, паникадила, дароносица, украшенная рубинами и изумрудами, редкий шедевр золотильного искусства. Была еще одна изумительнейшая, пожалуй, самая ценная находка — дверцы от ковчежца для святых даров, отлитые из тяжелого золота, украшенные выпуклым резным орнаментом. Положение найденных предметов свидетельствовало о том, что их в спешке спрятали члены капитула.

Постепенно Вильямс перешел к раскопкам дворца епископа. Первой находкой был горшок, доверху набитый золотыми и серебряными монетами. Все они были отчеканены в 1671 году, то есть в том году, когда Морган жестоко расправился с Панамой. Можно предположить, что денежный клад — это касса епископской курии, в последний момент спрятанная от завоевателей.

В одном месте Вильямс напал на каменную плиту с железным кольцом. Плиту подняли, под ней оказался засыпанный камнями вход в туннель. Каменные ступени вели в подземный коридор. На ступенях стояло множество керамической посуды, в основном сосудов, покрытых благородной глазурью, с великолепным тонким орнаментом. Были там и незаконченные изделия, еще сохранившие следы пальцев. Сбоку лежал скелет мужчины. Видимо, это был гончар, состоявший на службе у епископа. Наверное, он спрятался здесь вместе со своей мастерской и погиб под обломками обрушившихся стен.

Когда сосуды сдвинули с места, под ними обнаружили еще одну плиту, замыкавшую вырубленную в скале шахту, глубина которой достигала двухсот метров. На дне виднел-

ся вход в лабиринт коридора, одно из ответвлений которого уходило в старый погреб дворца. Именно там Вильямс сделал свое крупнейшее открытие. У подножья серебряного подсвечника двухметровой высоты лежали невероятно дорогие вещи: несколько золотых и серебряных кадила, золотой наконечник епископского посоха, украшенный драгоценными камнями, три епископские митры из золота, богато расшитые бриллиантами.

В другом углу погреба сохранились убедительные следы случившейся драмы. Там лежало множество человеческих скелетов с рапирами и ножами по бокам. Серебряные, богато изукрашенные рукоятки и оковки ножен, а также стоящие поодаль золотые чаши и кубки позволяют предположить, что это были раненные в бою идалго, которых спрятали здесь их товарищи.

Исследовать коридор до конца не удалось, его залила морская вода, неизвестно откуда проникшая внутрь. Но повезло достать золотой шар диаметром восемнадцать сантиметров, украшенный сверху крестом. Как выяснилось, это был глобус Земли. Тогда-то вспомнили о народном предании, согласно которому в соборе стояла статуя Богородицы в натуральную высоту, отлитая из чистого золота. Поскольку тогда Богородица традиционно изображалась с младенцем Иисусом на правой руке и земным глобусом на левой ладони, не исключено, что этот шар — часть легендарной панамской статуи и что остальные фрагменты, по всей видимости, находятся в затопленных подземельях собора. Пока что все поиски оказались безрезультатными.

Скептикам, с недоверием прочитавшим эту фантастическую историю, я советую поехать в Панаму и посетить тамошний музей: найденные Вильямсом сокровища выставлены на всеобщее обозрение.

АРХЕОЛОГИЯ В БОЛЕЕ МЯГКИХ ТОНАХ

*А*рхеологи, люди, как правило, серьезные, обладают еще и тем достоинством, что почти все они — обаятельные и остроумные рассказчики, обожают анекдоты и забавные истории. Трудно сказать, почему это так. Возможно, влияет профессия. Много времени они проводят на воздухе, в большой команде, то есть в среде, благоприятствующей развитию компанейских свойств. Но прежде всего по роду профессии они работают в условиях, непременно таящих нечто необычное, какую-то интригу, неожиданное стечение обстоятельств или совсем непредвиденный драматический эпизод. Но как часто случалось, что, пока они кропотливо, месяцами трудятся на раскопках, великое открытие вслепую совершает какой-нибудь любитель. История археологии просто кишит подобного рода случайными открытиями, фамилиями ни сном ни духом не ведающих об этом профанов, чьи имена отныне навсегда связаны с великими историческими завоеваниями. Видимо, это настраивает археологов на философский лад, вырабатывает в них чувство юмора, порождаемое ощущением беспомощности перед Его Высочеством Случаем, перед неведомыми силами, на милость которых они отданы, подобно охотникам или рыболовам.

Эта симпатичная черта характера отражается и в дневниках археологов, где много анекдотов, забавных историй, шуток, незлобивых насмешек. Вот, например, что случилось с американским египтологом Рейснером во время раскопок в Тебтуне. Участники экспедиции были в подавленном, угнетенном состоянии духа: больше недели рабочие-феллахи выкапывали только забальзамированные мумии крокодилов. Видимо, археологи напали на кладбище священных рептилий, с пиететом похороненных жрецами этого странного культа.

Рейснер, тогда молодой, только начинающий археолог, не сразу разобрался, в чем дело. Первые найденные мумии привели его в такой восторг, что он сгоряча пообещал феллахам награду за каждый следующий экземпляр. Вскоре образовалась очередь из удачливых искателей. У американца кровь прилила к щекам при виде того изобилия, какое образовали возле его палатки горы мумифицированных бестий. Он не знал, что делать. Рейснер с ужасом думал о том, что его ждет. Вокруг была пропасть погребенных в песке крокодилов — сотни, возможно, даже тысячи. Перспектива платить за них звонкой монетой нимало ему не улыбалась, и он громко заявил, что отказывается от своего предложения. В ту же секунду перед ним возник феллах с мумией на плечах. Разозленный не на шутку, он с размаху грохнул мумию о землю. И тогда случилось нечто непредвиденное: засохшая мумия треснула, как скорлупа, а из ее внутренностей высыпались папирусные свитки, покрытые иероглифическими текстами. Тут стало понятно, что необходимо старательно распотрошить и пересмотреть каждого забальзамированного крокодила, так как египтяне, в целом народ экономный, для мумификации часто использовали старые папирусы, относясь к ним как к макулатуре.

Обстоятельства находки Венеры, этой жемчужины Лувра, походят на бурлеск. Известно, пожалуй, всем, что у скульптуры нет рук, но не все знают, что это вовсе не случайная утрата — она связана с одним из самых гротесковых инцидентов в истории археологических открытий.

На западной оконечности Киклад лежит вулканический

* Киклады (Циклады) — острова в Эгейском море.

островок Милос. В 1820 году местный крестьянин Йоргас работал в поле. Вдруг под его ногами провалилась земля, и он упал в какой-то подземный грот. Придя в себя от страха, он заметил в полумраке обнаженную до пояса девушку. Она оказалась статуей из белого мрамора.

Йоргас, не лыком шитый, сразу же понял ценность находки. Он решил спрятать статую и выторговать за нее хорошие деньги. Ночью он тайком перевез ее в свой овин и забросал снопами соломы.

Но кто-то из соседей застукал его за ночными занятиями и, рассчитывая на награду, сообщил о находке командору французской морской эскадры, стоявшей там на рейде.

Французский офицер без промедления помчался к Йоргасу и после ожесточенных торгов купил статую для правительства своей страны. Но у него не оказалось при себе требуемой суммы, и пришлось возвращаться за деньгами на судно. Вернувшись к Йоргасу с деньгами, командор хотел забрать статую, но той в овине уже не было. Йоргас клялся и божился, что это не его вина, что пришел, дескать, местный драчун и забияка Верджи и угрозой вытребовал статую, причем за гораздо меньшие деньги. Вдобавок выяснилось, что прекрасное произведение греческого искусства валяется уже находится на пути в порт, где его должны погрузить на турецкое судно.

Француз бросился в погоню за греком. Он примчался в порт в ту минуту, когда турецкие матросы уже поднимали статую на палубу корабля. Ссылаясь на договор с Йоргасом, командор потребовал вернуть Венеру, а встретив резкий отпор, крикнул на помощь свою команду. Началась драка на кулаках и жердями. Под крики, угрозы и проклятья моряки лупили друг друга. Венера оказалась в самом центре потасовки. Разбушевавшиеся драчуны рвали ее друг у друга из рук, пока не разорвали на несколько частей.

В конце концов французы одержали верх, хотя это была скорее пиррова победа. Шедевр скульптурного искусства, великолепное произведение гармонической красоты, превратился в груды разбитого мрамора. Но для чего же существуют реставраторы? В Лувре они с энтузиазмом принялись за работу, однако, когда из-под их рук возникла восхитительная фигура богини, выяснилось, что у нее отсутствуют

руки. Так и не удалось установить, пропали ли они во время достопамятной драки либо были отбиты в отдаленные времена, в эпохи войн и грабежей.

Забавную историю, полную легкого юмора, рассказывает Линдон Смит, автор книги «Гробы, святыни и древнее искусство». В первые годы нашего века американская экспедиция открыла гробницу родственников царицы Тейе, матери фараона-еретика Эхнатона. Гробницу, правда, уже ограбили, но тем не менее в ней удалось найти подлинные сокровища египетского искусства. Наибольшую ценность представляли три прекрасно сохранившихся кресла из резного красного дерева, украшенные позолотой и рисунками, изображавшими внуков усопшей. Консервация и перенос находок продолжались несколько недель. Работу замедляли визиты чиновников, именитых людей, американских туристов.

Однажды, когда в пустой гробнице остались только эти три кресла, явилась какая-то седая дама, опиравшаяся на плечо своего секретаря. Это была Евгения, вдова Наполеона III, кото-

Венера Милосская
Скульптор Александр. Мрамор
Около 120 г. до н. э.
Париж. Лувр

рая лечилась в Египте. Естественно, археологи приняли ее с большим почетом и посетовали, что в гробнице не на чем сидеть. Евгения огляделась и сказала: «Но вот же кресло!» — и, прежде чем ее успели удержать, с бесцеремонностью великой дамы уселась в кресло, на котором на протяжении трех тысяч лет никто не сидел. Археологов пробил пот. Они испуганно ждали, что ценный памятник вот-вот рассыплется в прах, а под ним окажется на полу седая императрица. Но кресло даже не скрипнуло. Спустя какое-то время Евгения попросилась с археологами. Садясь в карету, она шепнула секретарю: «Эти археологи какие-то слишком уж молчаливые люди, слова от них не добьешься».

ИЗ ИСТОРИИ ЗАБАВНЫХ И ВО ВСЕ НЕ ЗАБАВНЫХ МИСТИФИКАЦИЙ

Страсть к коллекционированию стара как мир. Уже шумеры создавали библиотеки и некое подобие музейных коллекций; любителем памятников был ассирийский царь Ассурбанипал (669 — 626 г. до н.э.), один из образованнейших людей своего времени.

Но мода на коллекционирование породила и другое явление: ремесло подделки предметов старины, на которые был большой спрос среди состоятельных людей. Не так уж и редко фальсификаты делались не из жадности наживы, а просто из желания сыграть с кем-то шутку или прославиться.

Уже в Римской империи пышно процветало искусство подделки шедевров греческих мастеров. Фаворит Августа, баснописец Федр, сообщает, что при царствовании Тиберия (14 г. до н.э. — 37 г. н.э.) в Риме появилось множество подделок под Праксителя, на которого тогда была мода.

В эпоху Ренессанса подделками под древность занимались такие мастера, как фра Филиппо Липпи, Боттичелли, Челлини. Микеланджело делал под старое серебро, например, тарелки и кувшины, покрывал их патиной с помощью окуривания или закапывания в землю. Прогремела связанная с ним история с изготовленной подделкой Ку-

Тиберий

пидона. Разгневавшись на критиков, которые восхищались лишь древним искусством, он решил доказать, что сам не хуже мастеров прошлого. Якобы по наущению Медичи он вырезал фигурку Купидона и продал ее как подлинный шедевр римского искусства кардиналу Рафаэлю Риарио. Под крылом бога любви Микеланджело незаметно поместил свое клеймо. Спустя какое-то время кардинал обнаружил под-

делку и в гневе вернул статуэтку ее создателю, потребовав возврата денег. Но кардинал поступил необдуманно. Ирония этого происшествия в том, что авторство Микеланджело не снижало ценности статуэтки с художественной и материальной точек зрения, а, напротив, повышало ее, как своего рода тоже уникальной вещи.

По стопам выдающегося мастера пошел и современный итальянский скульптор Кременц. Мечтая прославиться и выставить на посмешище экспертов-искусствоведов, которых он считал виновниками своей безвестности, он разработал поистине дьявольский замысел. Кременц изваял в римском стиле статую Венеры, отломил ей нос, одну руку и ноги, потом закопал торс на поле французского крестьянина в окрестностях города Сент-Этьенн. В 1938 году крестьянин случайно выкопал скульптуру; во Франции находка вызвала большой ажиотаж. Комиссия из крупнейших специалистов заявила, что скульптура — бесценная реликвия времен римского нашествия в Галлию и превосходный образец неоаттического искусства. Тогда же комиссия установила и возраст скульптуры — 1700 — 2500 лет. Президент Франции Лебрен подписал декрет, причисляющий находку к национальному достоянию, охраняемому государством. Вот тогда-то и объявился Кременц и в доказательство своего авторства не только предъявил отломанные части, точно прилегающие к

туловищу, но даже привел певичку кабаре, которая служила ему моделью. Вся Франция, всегда охочая поиздеваться над напыщенностью сильных мира сего, покатывалась от хохота.

Если говорить о человеческой наивности, то все рекорды побил уважаемый математик, астроном и член Французской Академии наук Мишель Шате. Его коньком было коллекционирование автографов исторических личностей. Однажды к нему обратился скромный чиновник по фамилии Лукас и привел профессора в небывалое возбуждение. Еще бы! Оказалось, что неожиданный визитер владел громадной коллекцией автографов, принадлежавшей некогда Бойсурдину, утонувшему в море в 1790 году. Фамилии ни визитера, ни бывшего владельца уникальной коллекции ничего не говорили профессору — да, впрочем, ему было не до того.

Уважаемый профессор без колебаний и сомнений лихорадочно скупал все, что приносил Лукас. И трудно удивляться такой ажитации, поскольку в огромной коллекции имелись, в частности, письма Клеопатры, Юлия Цезаря, Овидия, Плутарха, Карла Великого. В письме к Аристотелю Александр Великий хвалил мужество галлов, в другом послании святой Лазарь сообщал святому Петру о добродетелях кельтских и друидских жрецов. Там была даже переписка Марии Магдалины и короля Бургундии, Иисуса Христа с неким галльским медиком по имени Кастор.

Но самое сильное впечатление на профессора произвело письмо Паскаля, из которого выяснялось, что именно он, а не Ньютон открыл закон гравитации. По этому поводу Шате написал брошюру, а когда в мае 1869 года комиссия экспертов признала письмо подлинным, охваченные энтузиазмом парижане устроили триумфальную уличную манифестацию.

Если мы добавим, что все письма были написаны на современном французском языке, на бумаге с водяными знаками хорошо известной писчебумажной фабрики, то непонятно, чему в этом фарсе больше удивляться: невероятной безудержности обмана или апокалипсической наивности коллекционера.

Лукас выудил у своей жертвы десятки тысяч франков — сумму по тем временам огромную. Впервые он поскользнул-

ся, когда англичанин сэр Дейвид Брюстер обратил внимание на дату на письме Паскаля, из которой следовало, что автору «Мыслей» было всего восемь лет, когда он якобы открыл закон гравитации. Но окончательно Лукаса разоблачили итальянцы, а не французские ученые. В 1870 году мошенник был приговорен к двум годам тюремного заключения и 625 франкам штрафа. После франко-прусской войны его следы затерялись.

Если этот случай из истории человеческой глупости относится ко второй половине XIX века, то стоит ли удивляться аналогичному происшествию, имевшему место в XVIII веке? В веке, когда большинство людей еще верило, что мир, как учил ирландский архиепископ Ашер, был создан в 4004 году до н.э. Героем инцидента стал профессор естественных наук, доктор Берингер. Жил и работал он в Вюрцберге, в окрестностях которого нашли останки допотопных животных. Относительно этих находок у доктора Берингера было особое мнение — в частности, он утверждал, что эти животные никогда не существовали, что кости подбросил Бог, чтобы подвергнуть испытанию веру людей в Ветхий завет. Иначе говоря, это были, по его мнению, созданные самим Богом фальсификаты. Созданные, правда, с благой целью, но все же подделка.

Слушатели профессора не могли проглотить эту гротескную теорию. И однажды решили проучить чудака, правда, избрали довольно-таки жестокий способ. В том местечке, где Берингер самостоятельно проводил археологические раскопки, они закопали сфабрикованные керамические таблички с текстами на древнееврейском, арабском и вавилонском языках. На одной из табличек даже поставили подпись самого Яхве.

Профессор впал в неопишуемый восторг. Он тотчас же взялся за написание обширной научной статьи о находке. И тогда шутников охватил страх. Они в раскаянии признались и просили простить их. Но реакция профессора была более чем неожиданной. Он не поверил им и обвинил их в том, что завистники хотят лишить его славы великого первооткрывателя. Не обращая внимания на объяснения и протесты, он продолжал работать над книгой. Потратив большую часть своего состояния, он в 1728 году издал ее в

дорогой обложке, прекрасно оформленную многочисленными гравюрами с изображением находки.

Поскольку Берингер излагал в книге свою любимую теорию о божественных фальсификатах, выход книги походил на взрыв бомбы. На бедного профессора полился поток издевательского смеха и шуток. И только тогда он понял, что пал жертвой собственного ослепления. Скупая в книжных магазинах свой труд, он потратил на это остатки состояния.

Все описанные случаи имели, скорее, характер второстепенных эпизодов и не влияли на нормальное развитие науки. Зато выходка, которую позволил себе английский адвокат Карл Досон, была уже откровенной диверсией. В 1911 году он объявил на весь свет, что в графстве Суссекс в карьере им найдены фрагменты черепа и челюстная кость прачеловека. Ученые пришли в неопишное волнение, это была подлинная сенсация, так как после исследования находки и признания ее аутентичной следовало сделать единственно правильный вывод: человек типа гомо сапиенс появился пятьсот тысяч лет назад, а не сто тысяч, как считалось на основе предыдущих раскопок. Более сорока лет антропологи не могли разрешить эту загадку. Только в 1953 году американский ученый К. Оклей еще раз исследовал находку открытым им методом датирования в зависимости от содержания фтора в костях. И тогда оказалось, что подлинны только фрагменты черепа и что их возраст едва достигает пятидесяти тысяч лет. Что же касается челюстной кости, скорее всего подброшенной самим Досоном для подкрепления своей версии, то она принадлежала современной обезьяне. Слава черепа прачеловека из Пилтауна, названного учеными зоантропос, полностью рухнула.

Еще несколько десятилетий назад наука не располагала такими точными методами, как C^{14} или содержание фтора в костях, которые позволяют сегодня быстро и доказательно распознавать фальсификаты. Характерный и одновременно забавный случай произошел во Франции в 1928 году. В небольшой деревушке неподалеку от Виши крестьянин выкопал множество каменных табличек со странными знаками, вазы и маски, изображающие муж-

ские лица. находка произвела много шума в научных кругах. Альбер Морле, врач и любитель-археолог из Виши, заявил, что предметы относятся к каменной эпохе. Он насчитал на табличках 136 знаков и сделал из этого сенсационный вывод о том, что у людей каменной эпохи уже была письменность. Его мнение с энтузиазмом поддержал реставратор из музея в Сен-Жермен-эн-Лайе профессор Соломон Рейнах, считавшийся одним из выдающихся археологов Франции.

Но революционную теорию разделяли отнюдь не все. Так, известный историк Камилл Джулиан пришел к выводу, что находки из окрестностей Виши относятся к римско-галльскому периоду и что, вероятно, это были предметы, которыми в III веке нашей эры пользовался какой-то колдун для своих мистических действий. Наиболее радикальный взгляд высказал профессор Рене Дюссо. Поскольку одна из масок очень напоминала облик Бетховена, он высказал предположение, что это подлинная посмертная маска великого композитора. Излагая свои воззрения, Дюссо резко критиковал экспертизу, проведенную его коллегами, и прямо заявил, что найденные предметы совсем недавнего происхождения. Как ни парадоксально, именно его позиция вызвала бурю протеста.

Дело о находке в Виши разрасталось, осложнялось, получало все большую огласку. На международном конгрессе антропологов в Амстердаме одна комиссия объявила найденные предметы фальсификацией, а другая — подлинными. Высшей своей точки этот фарс достиг в конце 1928 г. На ежегодном заседании College de France спор о предметах из Виши перерос в невиданный скандал, когда вошедшие в раж слушатели с галерки стали закидывать ученых обломками кирпичей и вонючими субстанциями. Только благодаря вмешательству полиции удалось прекратить эту единственную в своем роде научную авантюру.

Забавный гордиев узел разрубил, наконец, директор криминалистической лаборатории в Париже Эдмон Бойл. Он воспользовался химией и микроскопом, и тогда взорвалась бомба. Якобы камни растворялись в воде, и в осевшем песке были обнаружены обрывки ниток, окра-

шенных анилиновыми красителями, остатки недавно скошенной травы. Стало ясно, что научные круги поддались на обман ловкого остряка. Действительно, через несколько недель в Англии был арестован некий плут и обманщик, который признался, что искусно подделывал предметы старины. Определенные моменты в его добровольных признаниях не позволяют усомниться в их правдивости и, пожалуй, указывают направление поиска автора предметов из Виши.

Однако самые опасные фальсификаторы — это те, кто производство подделок превратил в профессию ради прибыли. Особенно часто подделываются предметы якобы этрусского и египетского происхождения. Эти ловкачи стали устранием для директоров музеев и частных коллекционеров. Некоторые «специалисты» довели искусство фальсифицирования до таких высот, что, например, две прославленные скульптуры из терракоты, изображающие мужественных этрусских воинов, в 1963 году были изъяты из коллекции Метрополитен-музея в Нью-Йорке как подделки. А до того музей несколько десятилетий с гордостью экспонировал эти «шедевры» этрусского искусства. Поэтому не стоит удивляться, что, имея за собой такой опыт, ученые стали осторожными. Когда в Тель-эль-Амарне были найдены 400 клинописных табличек, содержащих дипломатическую переписку фараонов Аменофиса III и Аменофиса IV, многие ученые заявили, что это фальсификаты. Только после прочтения текстов немецкими востоковедами и всесторонних экспертиз ученый мир признал их подлинность.

О встрече с профессиональным торговцем фальсификатами с иронией рассказывает американский археолог Линдон Смит в своей книге «Гробы, святыни и древнее искусство». В Александрии жил некий грек, который буквально забрасывал рынок превосходными подделками «под древний Египет», навязывая их легковерным американским туристам. Смит решил познакомиться с этим таинственным торговцем. Изобразив только что приехавшего из Америки туриста, он появился в доме грека и выразил желание купить кое-какие предметы. Грек водил его по комнатам, восхищенно расхваливая скарабеев, вазы, статуэтки. Археолог

внимательно слушал, ничем себя не выдавая, но в какой-то момент не выдержал: среди всякого хлама, не имевшего ни малейшей ценности, он увидел маленькую подлинную головку эпохи Тель-эль-Амарна. Красота этой миниатюрной статуэтки была столь впечатляюща, что Смит стремительно схватил ее в руки и стал тщательно рассматривать через увеличительное стекло.

Грек мгновенно сориентировался в ситуации. Безгранично возмущенный и огорченный, он выталкивал Смита из квартиры, крича в голос: «Господин — обманщик! Господин — настоящий археолог!»

ГОРОД ИЗУМРУДНОГО БУДДЫ

В самом сердце Камбоджи, на север от большого озера Тонле-Сап, простираются джунгли. В их влажном, знойном чреве скрывается одно из величайших архитектурных чудес света. На площади в 200 квадратных километров среди гигантских деревьев, мощных корней и переплетающихся лиан раскиданы руины огромного города, в котором когда-то жило не менее чем миллионное население.

Архитектура строений, уже сильно обветшалых и проросших буйной тропической порослью, столь необычно фантастична и впечатляюща, что у путешественника возникает ощущение, будто он очутился в мире чудес или видит сказочный сон. Там воздвигнуто более ста монументальных построек из серого песчаника, сплошь покрытого рельефами, разнообразие тематики, многогранность декоративных мотивов и реалистичный динамизм которых прямо-таки вызывают головокружение. Кроме двух дворцов, украшенных великолепными террасами, колоннами и резьбой, это главным образом культовые строения, то есть храмы, вознесенные на основаниях в виде ступенчатых пирамид, монастыские и жреческие монастыри. Поэтому город называется очень поэтично — «религиозный гимн, сотворенный в камне». Вокруг крупных зданий рассыпалось море скромных

деревянных жилых домишек. От них не осталось и следа, и только гигантские груды песчаника свидетельствуют о былом величии.

Благодаря работе французских археологов таинственная метрополия перестала быть тайной. Мы знаем, что называлась она Яшодхарапура, что позднее ее окрестили именем «Ангкор-Тхом», что означает просто «Большой город». Она была столицей могущественного государства кхмеров, которое с IX в. до XIV в. переживало высший этап развития и экспансии. В 1431 году город после семимесячной осады племенами из Юго-Восточной Азии, известными под общим названием тьямпа, был взят ими и сожжен. Поражению способствовали внутренние распри в государстве, измена и смерть царя.

С этого времени начался медленный упадок огромного миллионного города. Дворцы пустели, деревянные домишки кхмеров гнили и рассыпались в убийственном климате тропиков. Прожорливые джунгли начали свое разрушительное дело. Корни деревьев прорастали между каменными блоками и разрушали их неудержимой силой роста, колонны, статуи и рельефы крошились в давящих объятиях лиан и выющихся растений.

Трудолюбивый, талантливый народ кхмеров как бы исчез с лица земли. Несмотря на старательные поиски, не было обнаружено ни одного письменного источника, из которого удалось бы почерпнуть точные сведения об истории, традициях и обычаях этого народа. Конечно, у кхмеров была своя письменность, но, поскольку тексты писались на пальмовых листьях и шкурах буйволов, которые в условиях джунглей быстро обращались в прах, до наших дней не дожило буквально ничего из их письменного наследия.

Единственное, что осталось, — это лаконичные дарственные надписи на стенах храмов и скудные сведения путешественников. Венецианец Марко Поло, который в 1280 году посетил Северную Бирму, услышал о каком-то огромном городе, укрытом в камбоджийских джунглях, но его земляки не поверили рассказам путешественника, поскольку Марко Поло всегда слыл фанфароном и выдумщиком. В 1320 году Ангкор упоминает в своих записках французский путешественник Одорик Портене. Но больше всего сведений со-

держится в докладе китайского посла Чута-куана, который в течение 11 месяцев в 1297 — 1298 гг. жил в столице кхмеров и внимательно наблюдал за всем, что происходило.

Но доклад китайского посла, цветисто и подробно описавшего образ жизни в Ангкоре и немыслимый блеск и пышность царского двора, был обнаружен только в 1902 году, когда после подавления Боксерского восстания был открыт доступ к императорскому архиву. Только в 1858 году французский естествоиспытатель Анри Муо, отправившийся в Камбоджу за редкими экземплярами бабочек, случайно услышал отдаленные упоминания о каком-то гигантском таинственном городе. Он уговорил одного миссионера проводить его туда. Много дней они шли к городу — то на лодках, то пешком, продираясь сквозь джунгли. Наконец они оказались перед руинами. Крики птиц и обезьян, возмущенных приходом незваных гостей, наполняли мрачные заросли. Окрашенные в лимонный цвет бабочки в сумраке казались фантастическими глазами серого песчаника. Молчаливо и угрожающе высились поросшие растительностью башни, массивные ворота, колонны, статуи и покрытые рельефами стены. Потрясенный и ошеломленный невиданным зрелищем, Муо бродил по окрестностям, пытаясь собрать любые сведения об этом таинственном городе. Но люди немного могли сказать. Одни говорили, что Ангкор — творение царя ангелов Пра-Юна, другие утверждали, что его построили великаны, третьи просто заявляли: «Само выросло».

Слухи о таинственных развалинах в далеких джунглях Камбоджи вызвали невиданный ажиотаж в Европе. Уже в 1871 году Франция послала первую научную экспедицию, но систематическая расчистка памятников от растительности и попытки превратить Ангкор в туристический объект были начаты только в 1911 году. Сегодня ко многим строениям есть свободный подход, сделаны необходимые вырубki и постоянная бригада рабочих день за днем с топорами и мачете борется с растительностью, чтобы величественный архитектурный ансамбль вновь не стал добычей ненасытных джунглей. Постоянно курсирует автобус, облегчая туристам доступ к городу. Своей особой известностью Ан-

гкор обязан в первую очередь французскому писателю Андре Мальро. В романе «Царский путь», изданном в 1930 году, он с большим мастерством описывает упорную борьбу людей с жизненной силой джунглей, чтобы открыть для всех сказочные сокровища великой культуры кхмеров.

Если подходить к городу с южной стороны, вас первым встречает храм Ангкор-Ват, гигантский каменный массив IX века нашей эры. Четырехугольная платформа с тремя террасами окружена широким рвом. Пройти внутрь можно через высокие ворота по дамбе. Целиком храм не сохранился, но время пощадило от разрушения пять башен, которые возносятся над просторным двором и колонными галереями. Стены галерей украшены сотнями метров рельефов, по пластичному исполнению настолько живых и впечатляющих, что кажется, будто люди и животные выходят из стен в самую гущу жизни.

На этих рельефах борются между собой боги, демоны и великаны; воины стискивают копыя; играют и дерутся обезьяны, переплетаясь задними и передними лапами; много различных сценок, воспроизводящих эпизоды из «Рамаяны» и «Махабхараты». Особенно поражает сцена Страшного суда: верующие возносятся к небесам, чтобы жить в счастье и благополучии, а грешники сходят в 32 ада, где их ждут страшные муки. Там кипят котлы, готовы колья, на которые насадят неверующих и нечестивых, скалят пасти дикие звери, предвкушая очередную жертву.

В другой галерее мы видим царя кхмеров Сурьявармана, сидящего на слоне. За ним выступают военные предводители и армия. Марширующих воинов сопровождает музыкальная капелла, играющая на рогах и раковинах, бубнах и гонгах. Монарха развлекают акробаты, делающие рискованные трюки. Вырезанный в песчанике рельеф блестит, как стекло. Гладким его сделали пальцы бесчисленных поколений пилигримов, верующих сторонников индуистских богов Шивы и Вишну, которым был посвящен храм Ангкор-Ват.

В двух облицованных бассейнах отражаются башни храма. Всюду виднеются громадные стилизованные скульптуры львов и слонов, которыми украшены двор и стены. Это архитектура, как бы перенесенная из сказки, неповторимая в своем особом очаровании, в искусстве исполнения, единая

в выражении и, однако, полная тревоги, будоражащая душу и ум человека. Такое впечатление достигается нагромождением разнообразных украшений и пластических мотивов. Архитектура Ангкор-Вата наполнена тревогой ровно настолько, насколько беспокойной и мятущейся была душа его создателей.

А теперь обратимся к Ангкор-Тхому. Город окружен оборонительной стеной и широким рвом. От городских ворот, покоящихся на спинах двух слонов, к дворцу ведет парадная дорога — так называемый «большой путь победы». С обеих сторон пути стоят статуи из песчаника. По одной стороне — благожелательные полубоги с улыбкой на устах, по другой — демоны зла с сардонической гримасой на лицах.

Царский дворец, вознесенный на высоком фундаменте, сверху донизу испещрен рельефами. На них мы видим различные жанровые сценки из жизни кхмеров: царя, восседающего на слоне, стадо слонов, прокладывающих путь сквозь джунгли, играющую в мяч молодежь, юношей, галопирующих на конях, воинов с копьями и кинжалами в руках, танцовщиц с обнаженной грудью.

Город производит абсолютно необычное и неизгладимое впечатление. В полумраке чаши дремлет четырехугольное озеро, обрамленное песчаником. В его оливковых водах отражается фантастический лес башен причудливой барочной формы. Куда ни посмотри — на стены, фасады, пилястры, колонны — всюду кипящие жаждой жизни рельефы: сотни сцен с танцовщицами, воинами, охотниками. На террасах, ступенях, во дворе бодрствуют гигантские львы и слоны. На этот мир скульптурного и архитектурного неистовства со всех сторон напирают могучие деревья и корневища, лианы и заросли, среди которых деловито снуют обезьяны, горланят попугаи, мелькают яркие птицы.

Неповторимой особенностью Ангкор-Тхома является храм Байон — безусловно, нечто уникальное в истории архитектуры. Он покоится на массивной, состоящей из двух террас платформе, над которой возносятся шестнадцать неповторимых башен. С их вершин на все четыре стороны света смотрят крупные, вырезанные из песчаника мужские лики. Глаза их совсем закрыты либо чуть-чуть приоткрыты,

на выпуклых губах блуждает улыбка духовного блаженства. Эти лики издалека обещают и внушают пилигримам, что в городе их ожидают мистическое религиозное упоение и счастье, забвение от забот и мыслей о бренности жизни, погружение в сладостную нирвану. Нужно заметить, что религия кхмеров была смесью элементов буддизма, брахманизма и индуизма. В целом вся эта сгущенная купа башенных построек, увенчанная загадочно улыбающимися ликами, создает впечатление чего-то неземного. Именно по этим причинам археологи называют Байон «архитектурным штурмом небес».

Вдоль обеих террас на разных расстояниях стоят изваяния богини-дракона Нага и гротескно стилизованных львов. Все пространство стен заполнено рельефами: марширующие сквозь джунгли воины; морские сражения; крокодилы, хватающие упавших с палубы воинов; рыбаки, музыканты; рыночные сценки; водоносы; азартные игроки, наблюдающие за петушиными боями; несметное количество полюбощенных танцовщиц в различных танцевальных позах, с завлекающей улыбкой на губах.

Кто-то дал себе труд подсчитать всех этих полных женского очарования танцовщиц и, к своему удивлению, узнал, что их... десять тысяч! Это навязчивое влечение к одному и тому же сюжету связано с легендой, которая, судя по всему, исключительно почиталась в Ангкоре. Однажды бог Вишну, переодевшись старцем, спустился на землю и отправился путешествовать по стране, чтобы испытать доброту и жалость людей. Он стучался подряд во все двери, прося приюта, но всюду встречал резкий отказ. Поздно ночью он оказался перед скромным бедным домишком, откуда доносилось веселое пение. Дверь отворила танцовщица, пригласила старца войти, угостила, развлекла пением и предоставила ночлег. Все это она делала так непринужденно, с милой улыбкой. В награду за ее добросердечие Вишну стал покровителем танцовщиц и приказал своим последователям окружать их заботой и уважением.

Король Джаяварман VII, который жил в XII веке н.э. и прожил девяносто лет, был королем-строителем. Ему обязан Ангкор-Тхом своим архитектурным великолепием, по его приказу возведены дворцы, павильоны, храм Байон, ук-

репленные стены, изукрашенные террасы, в частности монументальная терраса, украшенная изваяниями слонов. В отличие от предшественников, чтивших прежде всего Шиву и Вишну, Джаяварман был горячим сторонником буддизма. Чтобы укрепить и расширить влияние буддизма, он приказал вырезать лик Будды в четырехстах экземплярах и украсил ими все важнейшие городские застройки. Всей душой преданный альтруистическому учению своего божественного Наставника, он организовал общественные работы, чтобы улучшить жизнь подданных. Вдоль дорог он повелел построить постоянные дворы для пилигримов и путешественников, но самое главное — открыл сто две больницы. На стенах больниц Джаяварман приказал сделать надписи, которые начинались словами: «Я страдал от болезней своих подданных больше, нежели от собственных болезней...»

Понятно, что в те времена такое развернутое, масштабное строительство могло позволить себе только государство, основанное на принудительном труде рабов. Китайский посол Чута-куан сообщает, что Ангкор-Тхом строили двадцать лет сорок четыре тысячи рабов и тысяча резчиков по камню. Колоссальная армия рабов была собрана из военнопленных, но есть данные, позволяющие считать, что сами кхмеры пользовались определенной свободой.

Основой экономики было земледелие, главным образом выращивание риса. Формально земля принадлежала царю, однако небольшие наделы ее арендовали крестьяне. Кхмеры создали надежно действующую сеть каналов, цистерн, рвов, прудов и резервуаров, связанных в единую, удобную для регулирования систему водоснабжения. В паводковый период озеро Тонле-Сап и река Меконг затопляли окрестные поля. Тогда воду по каналам отводили на отдаленные поля и набирали в резервуары на случай засухи. Река, озера и каналы одновременно являлись коммуникацией между расположенным берегам в свайных постройках жилища и лодки, ставшими вторым после риса продуктом питания.

В самом городе, естественно, занимались и многим другим. Изображенные на рельефах сценки говорят, что улицы и площади города были заполнены торговцами водой, лоточниками, циркачами, нищими и путешественниками. Осо-

бенно часто встречаются мотивы, связанные с такими ремеслами, как резчики по камню, золотильщики, оружейники, гончары. Не было недостатка и в торговцах, поскольку Ангкор поддерживал оживленные торговые связи с Китаем. Кхмеры продавали красивые, яркие птичьи перья, клыки носорогов и различные корни и специи, а взамен ввозили художественные предметы из фарфора и бронзы, лаковые изделия, цветные зонтики.

Несомненно, что государство кхмеров, и особенно столица Ангкор, знавало периоды экономического благополучия, но основные доходы уходили на удовлетворение потребностей царя, священников и богатых аристократических семей. Уже само возведение этих великолепных дворцов и святилищ серьезно подрывало материальные запасы государства и народа. Наш китайский репортер очень впечатляюще описывает роскошь и блеск царского дворца. Царь и его приближенные любили, сидя на террасе, смотреть пышные балетные представления, в которых участвовали сотни танцовщиц с обнаженными грудями, в золотых шлемах, ярких цветных одеяниях. Их руки были унизаны браслетами из полудрагоценных камней. Представления проходили главным образом после захода солнца. В искристых вспышках искусственных огней и фейерверков вырисовывались позолоченные башни Байона и шелестели цветные флаги, которыми украшали оборонительные стены. Вся эта живописная сцена разыгрывалась на фоне гигантского шатра пурпурного тропического неба.

Дважды в неделю царь принимал своих подданных, выслушивал их просьбы и жалобы. Чута-куан присутствовал на одной из таких аудиенций. Глубокое впечатление произвел на него зал для приемов, украшенный золотистыми, покрытыми богатым резьбой индианцами. Зал охраняли воины в дикоросными шлемами и щитами, на которых были нены устрашающие создания. В конце зала, выжидавших царя придворных, военачальников, священников, находилось окно с золотыми, сплошь украшенными резьбой косяками, закрытое шелковым занавесом. Издали начиналась тихая музыка, и две женские руки отогнули занавес. В золотой раме возник сидящий на золотом троне царь, сжимающий в руке золотой меч. Утверждают, что именно

этот меч, сберегаемый браминами, и поныне хранится в царской сокровищнице в Пном-Пене, сегодняшней столице Камбоджи.

Китайский посол описывает также и царскую свиту: «Когда царь путешествует, шествие открывают воины, за ними следуют знаменосцы и музыканты. Затем выступают несколько сот придворных дам в платьях, расшитых цветами, с цветами в волосах и факелами в руках, горящими даже днем. Вплотную за ними идут дворцовые слуги, несущие золотые и серебряные доспехи и оружие, столовый сервиз и эмблемы власти. Потом следуют женщины, вооруженные копьями и щитами, — это амазонки, личная стража царя. Сразу за ними — покрытые золотом повозки, которые тянут козлы и кони. Царские чиновники и князья сидят на слонах. Уже издали видна тысяча красных зонтиков, раскрытых над головами. Только после этого появляется царь. Выпрямившись, он стоит в паланкине на спине слона, в руке сжимает свой драгоценный золотой меч. На слоне шелковый чепрак и золотая упряжь, украшен даже его хобот. За царем, в паланкинах или на повозках, на слонах или на конях, едут царские жены и наложницы. Над ними колыхаются сотни красных, расшитых золотом зонтиков. Шествие замыкает вооруженная дворцовая стража».

Чута-куан сообщает, что царский двор состоял из 12 640 человек, из которых 2740 — это чиновники, а 515 — певцы и танцовщицы. Обычай кхмеров огорчали китайского посла. Особенно шокировала его чувственность женщин: они не стыдясь ходили с обнаженной грудью и сдерживающий центр в вопросах любви у них отсутствовал. Он также с презрением пишет об изнеженности мужчин и широко распространенном гомосексуализме. Возмущало китайского посла и то, что кхмеры часто купались и мыли волосы. Этот последний упрек несколько ослабляет наше доверие к справедливости суждений Чута-куана, который оценивает все им виденное с позиций специфических обычаев своей страны — особенно там, где это касалось роли женщины. Но нельзя отрицать, что в своеобразной и в целом привлекательной культуре кхмеров было что-то упадническое, рафинированное. Особенно такая утонченность и изысканность ощущаются в их архитектуре и рельефах. В этом гротес-

кном, предельном нагромождении украшений, настойчиво повторяющихся танцовщицах и бесконечных ликах Будды, несомненно, чувствуется некая печать большого воображения и извращенного вкуса.

Царь почитался божественной особой и единственным властителем всей земли. О его сверхъестественных достоинствах ходили разнообразные легенды. Так, верили, что монарха необходимо носить на руках, ибо земля мгновенно разверзнется, если он коснется ее ногой.

Но всевластие царя было только внешним. Подлинными хозяевами страны были священники. Они управляли царским гаремом, они держали в руках администрацию и осуществляли надзор за многотысячной армией рабов, которые пожизненно носили металлический ошейник. О всемогуществе священников мы можем судить по надписи в святилище Та-Пром. В нем одновременно пребывало 18 верховных священников, 2740 обычных и 2232 служки. Одно время в святилище проживало 12 640 человек, которых кормило 66 625 крестьян, работавших на принадлежащих храму землях. То есть это была хозяйственная организация, охватывавшая 80 тысяч человек. Если вспомнить, что подобных святилищ в государстве кхмеров было достаточно много, легко понять, какой силой обладала каста священников.

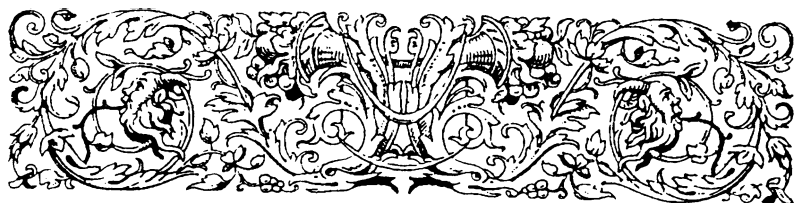
О зависимости царя от священнослужителей ярко рассказывает следующая легенда. В одной из дворцовых башен якобы обитал таинственный змей. Каждую ночь верховный жрец приводил царя на любовную связь со змеем, который превращался в прекрасную девушку. Когда выяснялось, что царь утратил мужскую силу, его обрекали на смерть, чтобы освободить трон для молодого царя. Беднягу зашивали в шелковый мешок и забивали насмерть дубиной из благовонного дерева. В этой жуткой легенде, также дошедшей до нас благодаря Чута-куану, правдой является то, что священники попросту убивали владык, когда они становились для них неудобными по тем или иным причинам.

В 1907 году, когда Ангкор был в Европе модной темой, газеты опубликовали такое сообщение. Некий англичанин, фамилия которого неизвестна, посетил Ангкор-Тхом и пробрался в одну из башен храма Байон. Вдруг из стены выпал каменный блок, и перед удивленным туристом от-

крылся вход в коридор, в конце которого в полумраке блестела огромная статуя Будды, сделанная из единой глыбы изумруда. Ошеломленный, он приблизился к статуе и заметил, что у стоп Будды стоит чаша, полная рубинов размером с голубиное яйцо. Англичанин жадно схватил горсть камней, но тотчас же из-за алтаря выползла кобра и яростно напала на него. Перепуганный англичанин бросился наутек, не разбирая дороги, и упал с башни на каменную террасу. На следующий день его нашли там умирающим, с большим рубином в судорожно сжатой руке. Но прежде чем умереть, он успел пробормотать о том, что с ним приключилось ночью.

После публикации в Ангкор ринулись толпы смельчаков на поиски башни с изумрудным Буддой. Хотя сообщение носило все признаки журналистской утки, наплыв искателей приключений продолжался довольно долго. Как утверждают некоторые, в развалинах Ангкора без вести пропало триста человек. Говорят, будто они заблудились в потайных внутренних галереях храма и не нашли обратной дороги. Хотя и это утверждение, скорее всего, плод фантазии. Но вся эта романтическая история полезна нам тем, что показывает, насколько сильное впечатление на воображение людей производят развалины Ангкора.

ПОДВОДНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Сокровища в морских глубинах

Археологи главным образом занимались поисками свидетельств древних культур на земле и под землей, памятников, затерявшихся в недоступных джунглях Америки или Азии. Однако давно известно, что не менее ценные памятники покоятся на дне морей, озер, рек. Подчас они четко локализованы, но, как ни парадоксально, добраться до них нелегко, и только в последние годы благодаря усовершенствованию техники подводного спуска активно развилось новое направление поиска — подводная археология.

О разнообразии и ценности этих памятников говорили случайные находки. Так, в 1900 году некий греческий ныряльщик, ловец губок, в прибрежных водах Греции натолкнулся на мраморные обломки какой-то скульптуры. Организованная экспедиция нашла в указанном им месте остатки древнего затонувшего судна, а на его палубе — неповрежденную скульптуру из бронзы. находку подняли, очистили, и ошеломленным взорам реставраторов предстала великолепная статуя греческого атлета, датированная IV веком до н.э. В истории искусств этот шедевр известен под названием «Юноша из Антицеры».

В 1925 году другой греческий ныряльщик, собирая губки в Марафонском заливе, случайно задел ногой какой-то тя-

желый предмет. Заинтригованный, он поплыл к берегу за веревкой и втянул в лодку скульптурную фигурку юноши, отлитую из бронзы. Так человечество обогатилось еще одним изумительным произведением греческого искусства ваяния — статуей «Эфеба из Марафона», созданной, по всей видимости, в мастерской Праксителя.

Благодаря ластам и легким кислородным аппаратам поиски подводных сокровищ стали доступны любителям. Аквалангисты создают специальные археологические клубы и систематически обследуют моря, озера, реки.

Несметные богатства таятся, в частности, на древнем торговом водном пути, то есть вдоль берегов Испании, Южной Франции, Италии, Греции, Сирии и Северной Африки. Аквалангистам удалось установить более ста чрезвычайно ценных и многообещающих пунктов для археологических поисков. Так, у побережья Пелопоннеса вблизи города Петрас они заметили на дне моря руины древнего города. Песчаное дно устлано множеством колонн в ионическом стиле, обломками скульптур, глиняными черепками. Археологи пришли к выводу, что это развалины греческого города Феа, который в VI веке до н.э. поглотило море во время сильного землетрясения.

Одно из крупнейших открытий выпало на долю любителя-аквалангиста Пьетро Николао Гаргалло. Нырнув в море в нескольких километрах севернее устья Тибра, он натолкнулся на руины большого города. Зрелище, открывшееся ему в тусклой голубизне морской воды, было поистине сказочным. Огромный город покоился на глубине двадцати метров. Просматривались контуры домов, обломки мраморных колонн и скульптур, площади, мошение улицы, портовый пирс. Развалины затонувшего города простирались на двадцать акров морского дна. Поистине громадный город! Историки идентифицировали его как этрусский портовый город Пирги, местонахождение которого веками оставалось исторической загадкой.

Мало того. Гаргалло открыл еще тридцать других подводных руин. Важнейшие из них — это затонувшие города вблизи Венеции и к северу от Неаполя, где подводные развалины тянутся параллельно берегу на протяжении нескольких километров. Все эти затонувшие города до сих пор

оставались не идентифицированными историками — более того, об их существовании даже не подозревали. Неизвестно и то, почему море поглотило их. Уровень Средиземного моря со времен последнего ледникового периода поднялся всего лишь на два сантиметра, нет никаких других следов какой-либо стихийной катастрофы типа землетрясения. Несомненно, эти находки имеют большое значение для археологии и истории. Мол, обнаруженный на дне моря, был построен со знанием техники консервации, поэтому нельзя исключать, что в нем сохранились памятники, которые помогут раскрыть не одну тайну этрусков.

Вдохновленный удачами, Гаргалло основал научный центр, названный им «Средиземноморский институт подводной археологии», который занимается исключительно исследованием морского дна с точки зрения задач археологии. Институт справедливо гордится внушительными результатами. Пробные погружения в воду в окрестностях сицилийских городов Гераклеи, Мотии и других позволили обнаружить несколько греческих городов. Детальное их обследование — вопрос времени и средств. Крупнейший успех подводной археологии — определение границ иллирийского города Аполлония, где учился император Август до убийства Цезаря. Этот важный с точки зрения истории город почти что целиком погрузился в море, и поэтому тщательно обследовать его так и не удалось.

Поблизости от Санта-Пагания сотрудниками института найдено затонувшее торговое судно VII или VIII вв. до н.э. В остовах судна лежало много разбившихся амфор, но среди них была пара прекрасно сохранившихся сосудов для вина. Судно, по всей видимости, затонуло при перевозке вина из Греции в греческие колонии на Сицилии. Неподалеку от берегов города Огнино на морском дне рядом лежат остовы двух судов: римского и греческого, немые свидетели некогда разыгравшейся морской трагедии.

Не менее любопытны остатки корабля, найденные в окрестностях города Марзами. Он был загружен рифлеными колоннами из каррарского мрамора. Точно такие же колонны перевозило судно, затонувшее у берегов Капо-Пасеро. В те времена, когда греки основывали на Сицилии

свои города и возводили те прекрасные святыни, руины которых до сих пор вызывают восхищение, в Италии еще не были открыты залежи каррарского мрамора, и этот ценный строительный материал приходилось везти из Греции.

В Сухумском заливе советские археологи открыли развалины греческого города Диоскури, который в VI веке до н.э. основали эмигранты из Милета. С помощью аквалангистов, эхозондов и благодаря подводным съемкам удалось составить карту города, определить расположение улиц, площадей, важнейших общественных построек. В центре города возвышалась мощная крепость, от которой разбегались улицы, застроенные домами, лавочками, складами для товаров, мастерскими ремесленников. Диоскури был важным центром международной торговли, на рынки которого съезжались торговцы из Греции, Рима и Малой Азии. Греческий географ Страбон сообщает, что там можно было встретить представителей трехсот народов. Найденные в развалинах предметы домашней утвари — керамическая посуда, каменные ручные мельницы и изделия из бронзы — позволили установить, что город погрузился под воду в конце IV века до н.э. Что явилось причиной катастрофы? Мнения ученых по этому вопросу расходятся, но можно предположить, что город оказался затопленным вследствие мощных тектонических движений земной коры, которые у подножья Кавказа вовсе не редкое явление.

В конце 70-х гг. нашего века американский аквалангист П. Трокмортон, снимая подводный репортаж о работе турецких ловцов губок, открыл у мыса Гилидония в Турции местоположение самого древнего из известных нам сегодня морских судов. На глубине тридцати метров от поверхности моря в окаменевших известковых отложениях, защитивших их от разрушительного действия воды, устояли несколько досок и части киля. Остался в целости и груз, который перевозило судно: куски меди, весом более тонны, различные инструменты и оружие из бронзы. Кроме того, в нарощей за тысячелетия известковой оболочке обнаружено много других предметов — в частности, печати цилиндрической формы, египетские скарабеи, амфоры, заполненные

стеклянными бусами, палицы из отшлифованного камня, остатки плетеных изделий.

На основе этих находок американский профессор Г. Бас аргументированно заявил, что судно затонуло в XIII веке до н.э., то есть за сто лет до начала Троянской войны. Положение судна позволяет предположить, что оно плыло с востока на запад, когда его настигла буря. Профессор Бас пишет в своем отчете: «Это первый реликт судна догомеровской эпохи, который мы имеем. Все, что до сих пор мы знали о Троянской войне, было литературными свидетельствами. Мы нашли остатки пищи, которой питались мореходы: законсервировавшиеся в извести косточки маслин, кости овцы или барана, какой-то птицы, различных рыб».

Крупнейшее из открытий на глубине моря было сделано в 1955 году. Чтобы оценить его значение, вспомним несколько исторических фактов. В конце V века до н.э. в разрушительной пелопоннесской войне наступило краткое перемирие. В то время в Афинах все большее влияние приобретал Алкивиад — богатый юноша, многократный победитель Олимпийских игр, блестящий оратор, остроумный, но одновременно развратный и циничный человек. Он усиленно ратовал за то, чтобы афинский флот был направлен на завоевание Сицилии, и, несмотря на оппозицию, сумел протолкнуть свой план. Он и два его товарища возглавили греческий флот, насчитывавший более ста боевых и множество вспомогательных судов.

В мае 415 года до нашей эры захватническая экспедиция двинулась в путь. В момент отплытия Афины потрясла весть, что кто-то ночью на улицах города разрушил все статуи Гермеса. Противники похода объявили святотатцем Алкивиада, но, поскольку нельзя было предъявить формального обвинения, ему разрешили покинуть порт.

Флот взял курс на Сицилию и вскоре осадил Сиракузы. Кампания сразу же приняла благоприятный для захватчиков характер, как вдруг из Афин пришло судно с приказом арестовать Алкивиада по обвинению в святотатстве. Алкивиад добровольно согласился вернуться в Афины, но во время рейса сбежал и укрылся в Спарте.

Тем временем флот, лишившийся своего самого талантлив-

вого командующего, потерпел поражение. Войско афинян пыталось найти спасение на суше, но попало в руки противника. Предводители были казнены, а семитысячное войско, состоявшее из цвета афинской молодежи и опытных навигаторов, обречено на рабский труд в сицилийских каменоломнях.

Минуло 2370 лет после того поражения, и никому не приходило в голову, что могли сохраниться зримые следы памятного морского сражения. Произошло то, что трудно представить даже в самых смелых мечтаниях. Были найдены прогнившие остатки незадачливого афинского флота, следы ста девятнадцати кораблей, глубоко ушедших в подводный ил. Работы по их извлечению потребуют немало времени, но уже сегодня можно смело сказать, что это будет находка исключительной археологической ценности.

Зеркало Дианы

В один ряд с этим грандиозным открытием можно поставить и другую, не меньшую по значимости удачу подводной археологии. В 25-ти километрах от Рима есть озеро Неми. Римляне, покоренные его мирной зеркальной гладью, насыщенной голубизной неба и обрамленной изумрудом кипарисов, наделили его поэтической метафорой Зеркало Дианы.

Но своей славой озеро обязано не только очаровательному природному расположению; оно сыграло необычную роль в кратком правлении Калигулы (37 — 41 гг. н.э.). Он был человеком, ослепленным властью, который среди бесконечных игрищ и разнузданных пиршеств, потакая своей прихоти, убивал родственников и подданных, пока мера подлости не перешла все границы и тиран не пал от кинжала собственных преторианцев.

Этот дегенерат на троне растрачивал богатство государства, безостановочно придумывая все новые и новые дорогостоящие эксцентричные развлечения. Так, по его приказу на озере Неми были построены две огромные

галеры. По сути дела, это были плавающие дворцы, украшенные с чрезмерной роскошью: позолота, оковки из бронзы, мраморные скульптуры, узорчатая парча, пушистые ковры и золото, золото, золото. На палубах галер в отсветах факелов и масляных лампад проходили приемы и забавы, звучал смех и крики перепившихся пирующих.

Неизвестно, что стало с галерами после убийства императора. В народных преданиях рассказывается, что незадолго до гибели Калигула лично повелел затопить их вместе с родственниками и ближайшими членами семьи, которых заманил на палубу под предлогом очередного пира. Но более вероятно, что галеры долго еще стояли у берега, потускневшие, утратившие свое бывшее величие, пока окончательно не пришли в негодность и не ушли на дно озера.

Но память о галерах, лежащих в озерной глубине, не умирала никогда. У местных рыбаков было с ними немало хлопот, так как сети частенько цеплялись за резные части затонувших галер. В первые века христианства к ним не отваживались прикоснуться, поскольку последователи Христа относились к ним с суеверной боязнью, считая галеры творением язычников, над которыми тяготеет проклятие.

Только в эпоху Ренессанса, когда возродилось восхищение античной культурой греков и римлян, к затонувшим галерам Калигулы проявили интерес. Правда, он был вызван в первую очередь надеждой найти бесценные сокровища, которые, согласно легендам, были на них. В 1556 году кардинал Просперо Колонна решил разгадать тайну галер и поручил эту задачу известному в то время архитектору и ученому Леону Баттисте Альберти. Приглашенные Альберти из Генуи опытные ныряльщики измерили остовы галер и установили их точное местоположение на дне озера. Затем с помощью специально для этой цели установленных кранов галеры пытались поднять, но для тогдашнего уровня техники задача оказалась слишком трудной. После длительных усилий удалось извлечь из воды только несколько досок и брусков, оторвавшихся от корпусов.

Столь же неудачными оказались и попытки, возобновившиеся в 1560 году. Затем предпринимались очередные попытки — в 1827 и 1895 годах, — правда, в последнем случае уже прибегли к водолазному колоколу и паровой лебедке, тем не менее поднять галеры так и не удалось. Каждая очередная попытка заканчивалась тем, что от корпусов отрывали какой-либо очередной фрагмент. Возникли опасения, что ценные памятники в конце концов окажутся полностью уничтоженными в результате попыток поднять их.

Калигула

Наконец в 1925 году энтузиасты-специалисты создали особую археологическую комиссию, собрали большие средства и разработали совершенно новый, на первый взгляд фантастический способ поднятия галер. В октябре 1927 года на озере Неми заработали мощные паровые помпы. Через год работы уровень воды в озере понизился на 15 метров и показался первый, лежавший выше, остов галеры. Его вытянули на берег металлическими канатами. Вторая галера была поднята в 1929 году.

Полностью подтвердилась версия, что галеры Калигулы были плавающими дворцами. Специалисты тщательно исследовали корпуса галер, сделанные из дубовой древесины, пихты и сосны. Дерево удивительно хорошо сохранилось, несмотря на разрушительное действие воды. Залы и каюты убедительно свидетельствовали о былом великолепии галер. Паркет, судя по уцелевшим фрагментам, был выложен в искусный орнамент; стены покрыты позолоченным кафелем. Повсюду были установлены отопительные приборы. Там имелись ванные комнаты, спальни, огромный зал для пиршеств. Богато украшенная балюстрада из бронзы окружала палубу, а носы галер венчали звериные морды, отли-

тые из бронзы, с кольцами в пастях для швартовки судов к берегу.

Правда, никаких баснословных сокровищ не нашли, но в целом это бесценная историческая реликвия. Галеры являются чуть ли не единственным образцом римского кораблестроения, которым мы располагаем сегодня.

Речная археология

В 1959 году немецкие археологи проводили подводные изыскания в пойме Рейна неподалеку от города Ксен. При углублении дна реки в иле случайно были найдены статуэтка льва, глиняные черепки, бронзовые пластинки с латинскими письменами. Находки вызвали интерес, и были организованы тщательные поисковые работы. Старания аквалангистов, оснащенных новейшим оборудованием, принесли богатый улов. Оказалось, что на дне реки находятся остатки лагеря X римского легиона, который стоял в Рейнской долине во II и III веках нашей эры. Почему, каким образом лагерь очутился под водой? Предполагается, что в свое время эту территорию залил текущий в западном направлении рукав Рейна, однако неизвестно, произошло ли затопление стремительно или шло постепенно, уже после того, как легион покинул лагерь. Открытие вызвало немалое возбуждение среди историков, так как место постоя прославленного X легиона, который сражался с германцами и потерпел поражение под сегодняшним Фюрстенбергом, до этой минуты не было уточнено. Так подводная археология раскрыла одну из поразительных загадок и восполнила важный исторический пробел.

С новой отраслью археологии связываются большие надежды. Справедливо предполагается, что на дне рек и озер сокрыто множество памятников. В частности, их немало в болотистом русле Тибра, на отрезке от Рима до порта Остия. Семьсот лет Остия была одним из оживленнейших портов мира. Историки подсчитали, что здесь на дне лежит не

менее двухсот торговых судов, нагруженных богатой добычей, награбленной римскими легионерами в Африке, Азии, Греции.

Кроме того, у римлян был своеобразный обычай бросать в Тибр благодарственные жертвоприношения в виде различных предметов — как правило, драгоценности, вазы и статуэтки. Обычай держался очень долго — значит, на дне реки лежит множество предметов большой исторической ценности. Это не пустые домыслы, поскольку рыбакам систематически попадаются в сети различные образчики римского искусства из золота и серебра. Не так давно при ремонте Палатинского моста в речном иле нашли столько достопримечательностей, что их стоимость в несколько раз превысила расходы на всю работу по реконструкции моста.

Достоверно известно, что в Тибре было затоплено несколько ценных кладов. После битвы у Мульвийского моста, под стенами Рима, где Константин Великий одержал победу и тем проложил путь дальнейшему развитию христианства, покоренный император Максентий бросил в Тибр шкатулку с золотыми монетами. До сих пор она лежит на дне реки.

Но предмет, который настойчивее всего желают и пытаются найти, — это светильник из литого золота. После завоевания и разрушения Иерусалима император Тит привез светильник в Рим как военный трофей и приказал нести его перед собой по улицам во время триумфального шествия. Эту сцену, запечатленную на барельефе, и сегодня можно увидеть на его триумфальной арке.

В VI веке нашей эры Вечный город подвергся нападению готтов. Тогда местные евреи, вдохновленные желанием спасти национальную святыню, затопили светильник в фарватере Тибра. Но столько политических катаклизмов потрясло Римскую империю, что место затопления было забыто. Поэтому более чем вероятно, что светильник, описанный в двадцать пятой главе Книги Исхода, до сегодняшнего дня покоится где-то в илестом фарватере Тибра.

ТРОФЕЙ ДИКТАТОРА

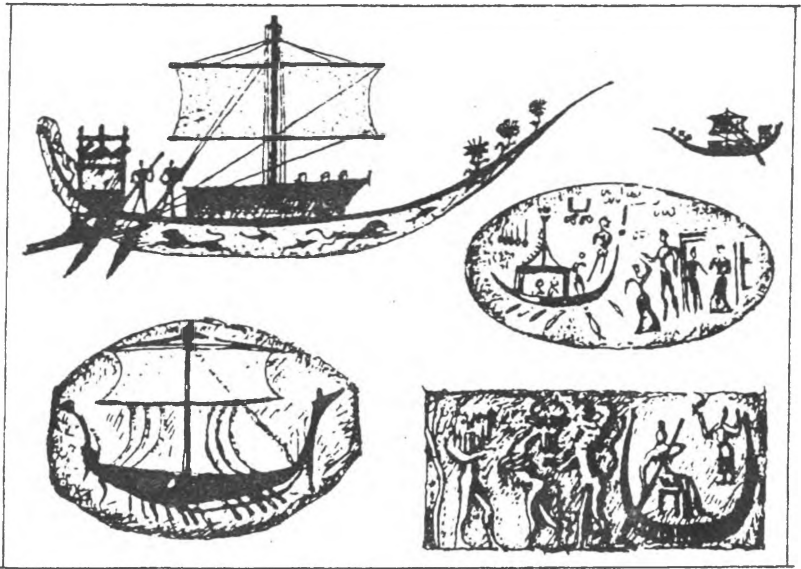
Ж же в XV веке до н.э. в Средиземноморье торговали оливковым маслом и вином. Торговые суда под четырехугольным парусом перевозили сотни огромных амфор, заполненных жидким товаром. Перегруженные и неповоротливые, суденышки предпочитали держаться вблизи от берегов, совершая рейсы из Греции вдоль побережья Италии, Африки, Галлии и Иберийского полуострова. Поскольку они легко становились добычей морских бурь, которые выбрасывали их на прибрежные мели или рифы, морские археологи сегодня находят остовы судов по всему побережью Средиземного моря.

По большей части их занесло песком или илом, и, лежа на дне моря, они образуют продольные возвышенности, которые легко обнаруживают аквалангисты. Естественно, от корпусов этих суденышек почти ничего не осталось, так как дерево быстро разрушается под действием воды, ракообразных и водорослей. Но зато сохранились амфоры, когда-то ровными рядами стоявшие на палубе, а сейчас в том же самом порядке лежащие на морском дне. Нырятьшики рассказывают, какое неприятное впечатление производит вид этих огромных сосудов, симметрично лежащих и сросшихся между собой благодаря песку и известковым отложениям.

Статуэтки, обнаруженные возле Махдии

Торговые суда, обнаруженные у побережья Италии и Франции, везли на своих палубах по две-три тысячи таких амфор. Поскольку каждая из них была в высоту около полутора метров и по меньшей мере полметра в ширину, суда, бесспорно, были перегружены и потому неповоротливы на море.

Есть одна любопытная история, связанная с таким торговым судном. Построено оно было в I веке до нашей эры, а обнаружили его в наше время неподалеку от Антеор-Пойнта вблизи Французской Ривьеры. Находившиеся на нем амфоры были запечатаны пробками из вулканической массы с вытисненной на них фамилией производителя или экспортера вина. Им был некий Кай Ласси. Итальянские археологи вспомнили, что в Помпее была найдена надгробная плита семейства Ласси, богатых и влиятельных помпейских патрициев. Сохранившийся на судне груз помог установить источник доходов этого семейства. По всей видимости, они владели виноградниками, раскинувшимися на склонах Везувия или в Сорренто. Произведенное вино морем переправлялось в Галлию, где в те времена, то есть в I веке до н.э., еще не культивировали виноградную лозу.

Совершенно иной груз перевозило торговое судно, остов которого заметил ловец губок вблизи от африканской деревушки Махдиа (в Тунисе). Узнав о находке, директор Тунисского музея организовал археологическую экспедицию, заручившись помощью французского военно-морского флота. После удаления наслоившегося песка на палубе судна оказалось около шестидесяти мраморных рифленых колонн, уложенных в шесть рядов. Рядом в беспорядке валялись различные архитектурные детали: капители, опоры, подножья колонн, отесанные блоки, фризy, акротерии, наугольники и многие другие атрибуты, типичные для греческого строительства.

Это была не просто сенсация. Факт, в который было трудно поверить, стал очевиден. Греция экспортировала в другие страны целые храмы в виде готовых сборных элементов, обработанных ее знаменитыми на весь мир мастерами-каменотесами.

Работы по поднятию из моря этих сокровищ продолжались несколько лет, и не будет преувеличением, если мы скажем, что каждый год приносил новую сенсацию. Когда после многих сложностей наверх подняли массивные, выше трех с половиной метров в высоту, колонны, под ними остался ровный темный слой липкой массы, напоминавшей морской ил. У археологов не было сомнений, что эту массу образовали истлевшие доски палубы. Что скрывалось под ними, то есть в люках судна?

Когда с помощью дизельных помп отсосали месиво, водолазы обнаружили второй слой колонн. Из других помещений, археологи полагают, что из кают экипажа, были подняты амфоры, кубки, блюда, различные предметы домашнего обихода из бронзы, металлические детали мебелировки. В частности, была найдена лампада с закопченным фитилем, форма и стиль исполнения которой характерны для I века до н.э. находка позволила приблизительно определить время гибели судна.

Корпус этого большого по тем временам транспортного судна составлял 50 метров в длину, а потому занимал на морском дне немалую площадь. Постепенно, метр за метром, удалось осмотреть и исследовать все закоулки. Тяжелая, изнурительная работа щедро оправдала себя. Судно

оказалось крупнейшей, пожалуй, со времен раскопок в Помпее сокровищницей исторических памятников. В этом рейсе перевозились потрясающие собрания шедевров греческого искусства ваяния, изумительные бронзовые и мраморные изделия, созданные руками великих мастеров. Предметов было так много, что они составляют сегодня экспозицию шести залов Тунисского музея. Чтобы перечислить их все, потребовался бы отдельный каталог. Мы же упомянем лишь Эроса с луком, Диониса и множество статуэток, среди которых особое внимание привлекают гротескные фигуры театральных шутов, паяцев и карликов — все они отлиты в бронзе. Среди работ из мрамора изяществом отличаются бюст Афродиты, статуэтки, изображающие Пана — бога стад, лесов и полей, Ниобу и двух сатиров, а также торс Эфеба в натуральную величину. Кроме того, найдены мраморные лампы, исполненные в новоаттическом стиле, канделябры и различные бронзовые украшения для мебели.

Эти ослепительные сокровища искусства, поднятые со дна моря, — один из величайших триумфов подводной археологии. Две тысячи лет пролежали они на глубине, однако сохранились в очень приличном состоянии. Поэтому вполне уместен вопрос: сколько еще сокровищ, сколько исторических сенсаций скрывают в себе воды Средиземного моря? Ближайшие годы, по мере усовершенствования техники глубоководного спуска, принесут нам на этот вопрос еще не один потрясающий ответ.

Тайна затонувшего судна и его специфического груза более чем интриговала археологов и историков. Откуда и куда оно плыло, что скрывается за тем обстоятельством, что на нем перевозились бесценные шедевры греческого искусства, к тому же в таком количестве? Ответ на первый вопрос содержится в надписи, выбитой на куске мрамора, некогда бывшем частью стелы, а позднее оказавшемся среди камней, взятых на борт в качестве балласта. Это была памятная надпись об афинском экипаже триеры «Паралос» — того самого священного судна, которое стояло в Пирее, чтобы в любую минуту быть к услугам государства.

Уже одна эта находка позволяет предположить, что судно плыло из Афин. Но внутри судна нашлись и другие доказа-

Эрос
Капитолийский музей

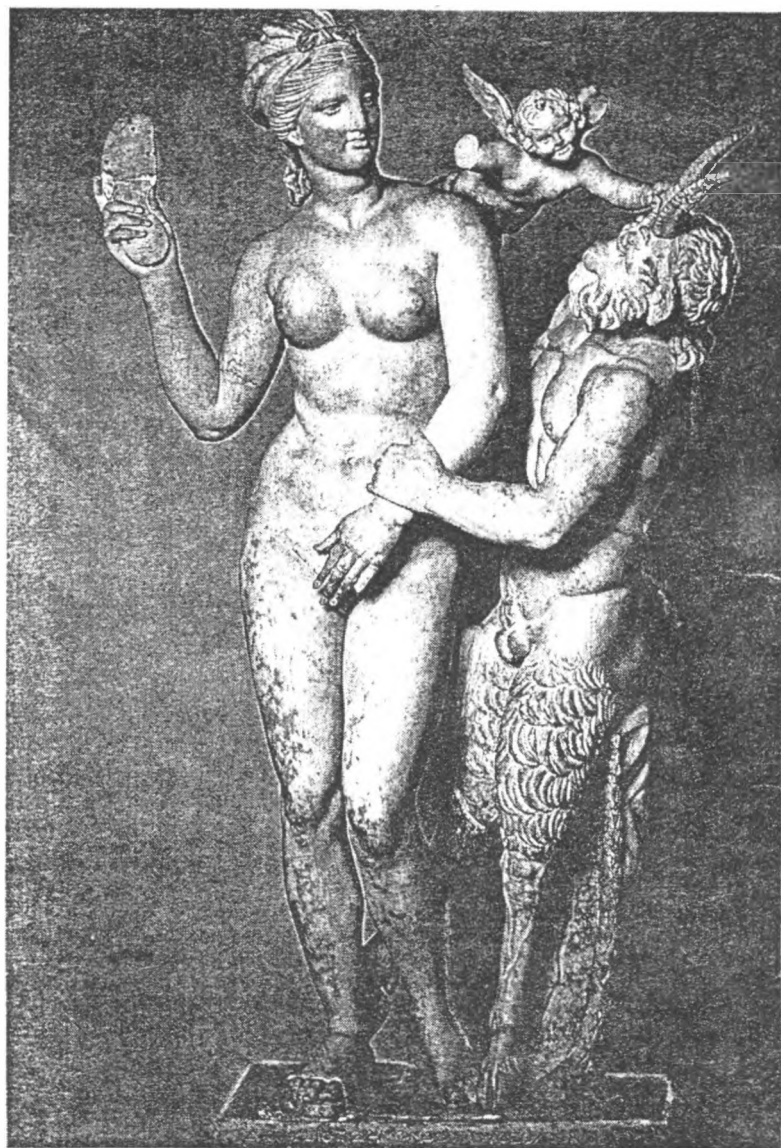
тельства. Например, статуэтка Асклепия, сидящего за богато накрытым столом вместе со своей дочерью Гигией, находилась, по мнению искусствоведов, в Пирее, в храме, посвященном богу врачевания. Мраморные бюсты Диониса и Ариадны украшали пирейский арсенал. Наконец следует отметить белый, с характерными прожилками мрамор, из которого были вытесаны колонны. Он добывался в известных каменоломнях в горах Гиметтос, расположенных на юго-восток от Афин.

Следовательно, парусник плыл из Афин. В этом не может быть никаких сомнений. Построен он был в I веке до н.э., о чем говорят многие из находок. Когда археологи пришли к такому выводу,

пелена спала с их глаз. Ценный груз был военным трофеем жестокого правителя и самого кровавого диктатора Рима — Луция Корнелия Суллы, душителя группировки популяров и защитника аристократического сената. За время его правления были полностью истреблены самниты и этруски и в силу составленных им проскрипционных списков уничтожены тысячи римских граждан, среди них 90 сенаторов.

В 87 году до нашей эры Сулла одержал победу над войсками Митридата и начал осаду Афин, не пожелавших сдаться. Именно тогда он вырубил знаменитые Ликейские роши и сады Академии Платона, используя дерево для строительства осадных машин. Он ограбил крупнейшие святилища в Олимпии и Дельфах, чтобы добыть средства на ведение войны. В марте 86 года до н.э. он штурмом взял Афины и отдал на разграбление озверевшим солдатам. Убийства и грабежи продолжались несколько дней, улицы были покрыты трупами женщин и детей.

Сулла предал огню также и афинский порт Пирей.

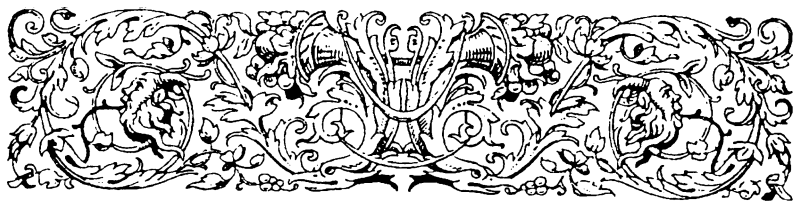
Афродита, Ран и Эрос
Национальный музей в Афинах

Асклепий (Эскулап)
С античной статуи

Арсенал и знаменитейшее святилище Асклепия обратились в пепелище. По приказу победителя Афины и Пирей были обобраны почти что дочиста, шедевры искусства погружены на суда для отправки их в Италию. Разбушевавшаяся буря погнала парусник к берегам Африки. Неподалеку от места, где сегодня раскинулась рыбацкая деревушка Махдиа, капитан сделал попытку спастись, бросив в море все якоря, какие только были на судне. Но и это не помогло. Вода переливалась через борт перегруженного и потому низко сидящего судна, и очень скоро Паралос пошел ко дну. Только спустя две тысячи лет на его след натолкнулся арабский ловец губок, сделав тем самым крупнейшее открытие в истории подводной археологии.

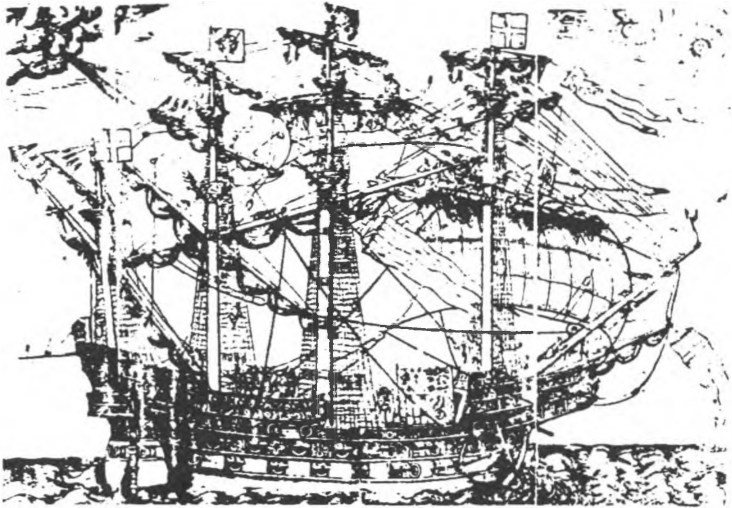

ВАВИЛОН ПИРАТОВ

В 1655 году англичане вытеснили испанцев с острова Ямайка и основали там «Королевское африканское общество», которое занималось торговлей черными рабами. Остров стал ведущим в мире невольничьим рынком — посредником между Африкой и Америкой.

На северной оконечности острова на песчаном мысе рос как на дрожжах портовый город Порт-Ройал. На Карибском море разбойничали пираты, охотившиеся за испанскими судами. Остров избрал своей оперативной базой знаменитый пират Генри Морган, оставшийся на службе у Англии — по ее наущению он нападал на испанские корабли, которые везли в трюмах золото и серебро из американских колоний.

Между богатыми торговцами Ямайки и разбойниками существовало соглашение. Они скупали у корсаров награбленные товары и зарабатывали на скупке краденого баснословные деньги. Благодаря общности интересов, пиратам был разрешен свободный доступ в город, где они пользовались полной неприкосновенностью. В силу этих причин Порт-Ройал стал любимой базой и пристанью корсаров, где они могли обратить трофеи в звонкую монету, купить провиант для новых походов, поразвлечься на досуге.

Корабль "Арк Ройал", построенный на средства Уолтера Рэли и ставший флагманом английского флота в сражении с "Непобедимой армадой"

Рис. конца XVI в.

Постепенно город заполнился людьми разных рас и национальностей, привлеченными сюда перспективой легкого заработка. Порт-Ройал стал поистине Вавилоном. Негры, мулаты, метисы, белые и желтые, англичане, голландцы, немцы, французы, испанцы, португальцы и американцы открывали там ночные притоны, таверны, закусовые, дома терпимости и игорные дома, постоянные дворы, ремесленные мастерские и магазины, торговавшие импортным или краденым товаром. На витринах лежали драгоценные камни чистой воды, золотые украшения, бриллианты, парча и много другого ценного товара. Вся торговля была нацелена на то, чтобы облегчить тугие кошельки пиратов, алчущих внешнего лоска и утех.

Живописные типы из-под черной звезды с серьгой в ушах шествовали по городу в шелках и бархате, на них висели случайные подружки, разодетые в дорогие роброны и блиставшие драгоценностями, отнятыми у испанских грандов. На постоянных дворах и в тавернах пираты пили из золотых

и серебряных бокалов изысканные вина, ели на золотых тарелках и бесшабашно сыпали дукатами направо и налево. А на главной площади города проходил аукцион черных рабов и белых женщин, захваченных на море во время пиратских набегов.

Молва об антильском городе разврата широко разлетелась по миру и, естественно, дошла до Европы. Огорченные слухами, люди прозвали Порт-Ройал «Вавилоном пиратов».

Все настойчивее раздавались требования обуздать преступный промысел города, но даже вмешательство английского короля не принесло успеха. Колонизаторы Ямайки

обрели такую финансовую мощь, что могли спокойно перекупить высших сановников королевского двора и тем самым обеспечить свою безнаказанность.

Наступил день седьмое июня 1692 года. Приближался знойный полдень, город был погружен в дремоту. В бухте лениво покачивались на волнах несколько парусников, а грузчики выносили из их трюмов тюки и ящики. В закусокных вдоль главной портовой улицы готовили обед для матросов. Из задымленных кухонных помещений шел аппетитный аромат жареной баранины и специфического блюда, которое готовилось только в районе Карибского моря: черепашьё мясо, тушенное в медных горшочках вместе с рыбой и различными специями.

Внезапно небо затянулось грозными тучами, налетела обычная для тропиков нежданная буря с проливным дождем. И вдруг остров заходил ходуном, зашатался. Началось сильное землетрясение. Дома превращались в груды камней, там и здесь вспыхивали пожары. Перепуганные жители

в панике бросались наутек, спасая жизнь. Высокие волны вторгались на сушу, прибрежная полоса оторвалась от берега и вместе с большей частью города погрузилась в пучину ошалевшего моря. Пять тысяч человек утонуло, и только паре сотен людей удалось избежать гибели. Пошли на дно несметные сокровища, портовые склады, доверху набитые товарами. Богатый, бьющий кипучей жизнью город за минуту перестал существовать.

В 1780 году, то есть спустя 88 лет, английский адмирал сэр Чарльз Гамильтон сообщил своему правительству, что в морской глубине явственно просматриваются крыши затонувшего города. В 1835 году лейтенант морских сил Великобритании Джеффери также видел скрытые водой развалины города и назвал их «Атлантида в миниатюре». Только в 1859 году задумались о тщательном исследовании руин. Водолаз подтвердил, что во время землетрясения дома не пострадали и целехонькими стоят на дне залива.

Слухи о легендарных богатствах, затонувших вместе с городом, не давали покоя офицеру американского флота Г. Ризенбергу. Это был человек, избравший своей профессией поиск на морском дне остовов затонувших кораблей и находящихся в них ценностей. В книге «Я ныряю в поисках сокровищ» он так описывает свои впечатления о посещении подводных руин Порт-Ройала:

«Город имел жуткий и притягательный вид. Он сохранил в морской бездне живые оттенки и богатую гамму цветов, начиная от чистой лазури и вплоть до смолистой черноты. Я плыл медленно и осторожно, заглядывая сквозь окна домов в таинственные помещения. В них царствовала непроницаемая темнота, и я не раз отплывал в испуге, когда плотоядным движением ко мне приближались отвратительные щупальца, поскольку в закоулках руин охотились огромные крабы-пауки или осьминоги. Глядя как замороженный на причудливые формы руин, вырисовывающиеся в небесно-голубой фосфоресцирующей морской воде, я осознал: вот я и оказался в этом богатом и развратном месте Антильских островов, которое называлось Порт-Ройал и однажды опустилось в море вместе с людьми».

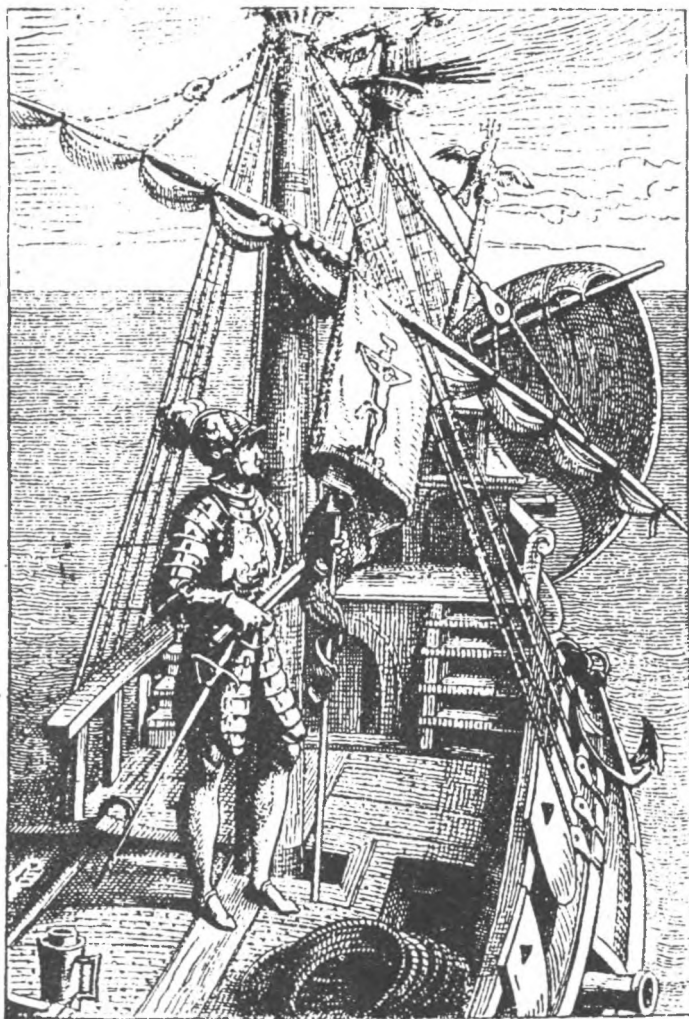
Но Ризенбергу не удалось тщательно обследовать руины. Оказалось, что дно в этом месте было наклонным и резко

Захват корсарами поселения в испанской Америке

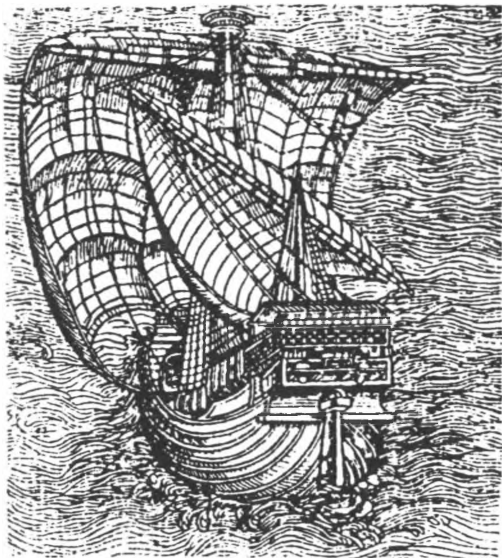
обрывалось в морскую бездну. Но он пообещал себе, что вернется сюда с лучшим водолазным оснащением и повторит попытку добыть легендарные сокровища, однако не сумел выполнить свое намерение. Во время какого-то очередного погружения он так неудачно сломал ногу, что на всю жизнь остался инвалидом.

Следующую попытку серьезно обследовать город предприняли в 1960 году. «Американское географическое общество» выделило значительные финансовые средства на реализацию дорогостоящего предприятия. Начали с того, что на одной из верфей построили первую в мире яхту, приспособленную для задач морской археологии, оснастили ее новейшими приборами и аппаратурой: эхозондами, оборудованием для подводного спуска, подводными реф-

Колумб на своей каравелле
Со старинной гравюры

Каравелла Колумба
 Рисунок из изданного
 в 1493 г. письма
 Колумба к Габриэлю
 Санчесу

лекторами большой мощности, высокомошными помпами для отсасывания морского ила и песка, радарами и другими инструментами для проведения научных изысканий. Руководство экспедицией было доверено археологу Эдвину Линку.

Прибыв на место, члены экспедиции сразу убедились, что Ризенберг позволил разыгаться фантазии и слишком приукрасил свои впечатления. За 268 лет Порт-Ройал был почти полностью занесен толстым слоем ила и песка. Только кое-где выступали верхушки вышербленных стен, трубы или крыши. Отложения нужно было не просто снять, но по трубам с помощью помп отсосать на специальную баржу, чтобы выбрать все находки, имеющие археологическую ценность, а затем ил и песок вновь опустить назад, в море.

Так после трудоемкого отсасывания морского грунта удалось освободить от слоя ила королевский портовый склад, где надеялись найти большие ценности. К сожалению, результат этой утомительной, длившейся месяцами работы оказался более чем скромным. На палубе баржи в ряд легли предметы домашнего обихода из меди и латуни и потряс-

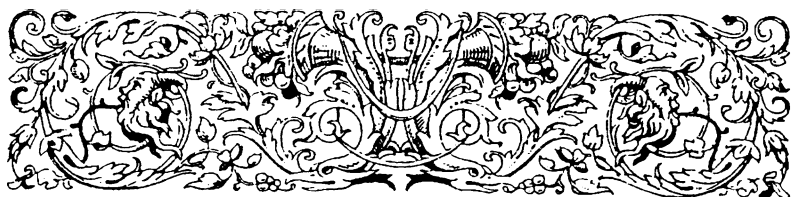
шее всех количество винных бутылок из многоцветного переливающегося стекла.

Всего две находки заслуживают особого внимания. Из руин портовой крепости подняли пушечный ствол, отлитый из бронзы в Испании в XV веке, то есть во времена Колумба. Видимо, когда один из парусников сел на мель вблизи северного берега острова и его пришлось разобрать, пушку установили в портовой крепости. Со временем для жителей города она стала символом, памятью о великом первооткрывателе.

Из того же королевского склада достали и вторую ценную реликвию. Ею были латунные часы, инкрустированные изящным орнаментом. Часы очистили от корки накопившегося известняка, открыли. Из корпуса посыпались детали механизма, блестевшие как новенькие. Циферблат тоже зарос илом; после чистки оказалось, что стальные стрелки уничтожены, но отпечатались на известняковой корке. Положение отпечатавшихся стрелок позволило точно установить, что часы остановились без семнадцати минут двенадцать. Таким необыкновенным образом мы узнали точное время неожиданной гибели Порт-Ройала.

На корпусе часов было выгравировано имя часовых дел мастера, некоего Поля Блонделя. Поиски в архивах позволили выяснить, что он был французским гугенотом, который после отмены в 1685 году Нантского эдикта бежал от религиозных преследований в Амстердам, где до 1685 года держал часовую мастерскую. Трудно сказать, как ценные часы оказались на Ямайке. Привез ли их один из тех богатых торговцев, которые на острове занимались скупкой краденого? Или они попали в руки пиратов как добыча и затем были обменены в Порт-Ройале на деньги? Как бы то ни было, история этих часов, безусловно очень романтическая, могла бы послужить сюжетом для приключенческого романа.

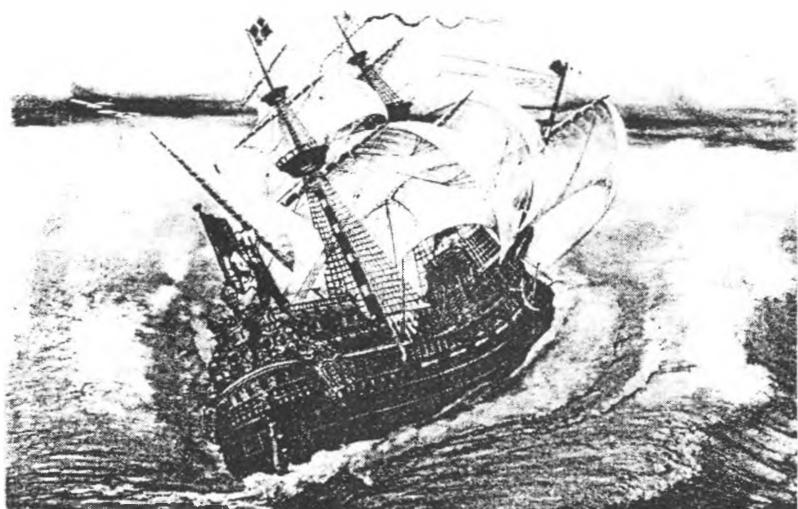

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПЕРИПЕТИИ ВОЕННОГО СУДНА

III Теперь перенесемся далеко на север, на побережье Шотландии. Там на морском дне лежат исторические памятники, с которыми связаны едва ли не самые фантастические перипетии в истории археологических поисков.

В 1588 году испанская «Непобедимая армада» выступила в поход против Англии. Когда она появилась в Северном море со своими развернутыми на ветру парусами, мачтами, увитыми разноцветными флагами, и устрашающе выставленными жерлами пушек, судьба Англии казалась предрешенной.

Жители острова лихорадочно оснащали оружием парусники, торговые суда и шлюпки — все, что было под рукой. И, не медля ни минуты, перешли к наступлению. О том, чтобы померяться силами с мощным флотом в открытом море, не могло быть и речи, поэтому они избрали тактику партизанских налетов. Днем предусмотрительно держась вне пределов досягаемости испанской артиллерии, под покровом ночи они подплывали к деревянным, неповоротливым морским крепостям, выпускали по ним внезапный залп и быстро улепетывали к берегу. Тактика оказалась для испанцев убийственной. Вскоре море и небо запылали от горящих корветов и галер испанцев.

"Какафуэго" ("Изрыгающий пламя") испанский галеон, плененный адмиралом Дрейком в 1578 г.

Адмирал прославленной армады, перепуганный яростными и коварными атаками неуловимого противника, считал ситуацию крайне опасной и искал спасения в бегстве. Поскольку путь через узкий пролив Ла-Манш был чреват опасностями, он решил обогнуть британский остров с севера и вдоль побережья Ирландии направился назад, к родным берегам.

Но по пути армаду подстерегало новое несчастье. На море разыгрался страшный шторм. Бешеная морская буря выбросила часть флота на безлюдные островки Шотландии, чуть позже сорок кораблей разбилось у побережья Ирландии. От великой армады осталось только 50 судов, которые в более или менее благополучном состоянии вернулись в родные порты. Морское могущество Испании оказалось подорванным навсегда.

Среди погибших кораблей была «Флоренция», гордость испанского флота. Это был огромный по тем временам корвет, водоизмещением 980 тонн, имевший на палубе 52 пушки. Команда составляла 468 человек, преимущественно португальцев.

Интересна история «Флоренции». Ее построили в Италии на средства от общественных пожертвований и преподнесли в дар Испании, поскольку, будучи католиками, итальянцы поддерживали испанцев, своих братьев по вероисповеданию, в конфликте с протестантской Англией. На палубе мощной морской крепости была установлена пушка с четырехметровым стволом, подлинное произведение искусства. Ее отлил в бронзе и украсил барельефами гениальный итальянский ваятель Бенвенуто Челлини.

В добавление к прочим неприятностям «Флоренция» везла огромные ценности. В трюмах корвета стояли сундуки, наполненные золотыми и серебряными монетами, общей стоимостью пять миллионов фунтов стерлингов. Кроме того, ей была доверена перевозка королевской короны, украшенной бриллиантами и рубинами. Корона предназначалась для будущего короля, который должен был сесть на трон Англии как вассал Испании. Но и это не все. Вместе с корветом погибла и испанская принцесса, которую испанские политики договорились выдать замуж за марионеточного короля.

То, что произошло с «Флоренцией», может стать сюжетом для увлекательного приключенческого романа. Выбравшись невредимым из хаоса битвы, гордый корабль завернул в залив Табормори у острова Малл на западной оконечности Шотландии. Команда корабля надеялась купить там провиант, без которого нельзя было отправляться в долгий обратный путь.

Случай распорядился так, что испанцы оказались вовлеченными в вендетту между двумя шотландскими кланами — Маккленов и Макдональдов. Глава клана Маккленов согласился продать продукты при условии, что капитан на несколько дней «одолжит» ему сто моряков для борьбы с противником. Хочешь не хочешь, капитан вынужден был согласиться.

Но неожиданно между контрагентами возник спор. Макклен в обусловленное время доставил матросов обратно на «Флоренцию» и, согласно договору, поставил провиант, но не получил от капитана обговоренной платы. Вспыльчивый шотландец задержал трех испанских офицеров как залож-

ников и отправил на корвет своего родственника для урегулирования спора.

Но испанский капитан был человеком без совести: он решил бросить своих офицеров на произвол судьбы и выйти в море вместе со взятым им в плен присланным шотландцем, лишь бы сэкономить деньги.

Однако его планы спутало то обстоятельство, что шотландцы — горячий, гордый и неуступчивый народ. Молодой посол Маккленов, услышав звуки выбираемого якоря, выломал двери своей камеры, вломился на пороховой склад и без малейших колебаний взорвал «Флоренцию». Корвет пошел на дно в ста метрах от мола и до сих пор лежит там на глубине сорока метров. Вместе с испанцами погиб и юный Макклен.

Но бурные и странные перипетии судьбы испанского корвета, занесенного илом и песком, на этом отнюдь не кончились. Поскольку он лежал вблизи земель, принадлежавших лордам Агрилам, английский король Карл I признал их права на «Флоренцию». Затем революция свергла Карла I, а когда спустя годы на трон вступил Карл II, он подтвердил права семейства Агрилов на испанский корабль в благодарность за то, что один из членов этого рода деятельно помогал его воцарению на престол.

Но, как известно, нет ничего ненадежней королевской милости. Вскоре неблагодарный король пожалел о своем даре и решил заполучить сокровища «Флоренции» лично для себя. С главой рода Агрилов, своим конкурентом на богатства, Карл II поступил по-королевски бесцеремонно: обвинил в измене и отправил на эшафот.

Однако на этом дело не закончилось. Один из молодых представителей рода Агрилов обратился в суд шотландских феодалов и восстановил права на «Флоренцию». Король сделал вид, будто подчинился решению суда, однако воспользовался первым же представившимся поводом, чтобы склонить парламент на свою сторону. Для чванливых магнатов это было уже слишком: они подняли мятеж, вновь кончившийся для них трагически, ибо и второй представитель рода Агрилов расстался с жизнью под топором палача.

Король не воспользовался победой и не пытался поднять корвет. Агрилы по-прежнему считали его своей собствен-

ностью. В 1670 году они пригласили из Германии ныряльщика, который в тогда уже изобретенном водолазном колоколе смог добраться до «Флоренции» и поднять пушку Челлини. Она и по сей день стоит в парке поместья Агрилов.

Но от дальнейших попыток поднять судно семейство Агрилов было вынуждено отказаться по совсем уж непредвиденным причинам. С претензиями на «Флоренцию» выступили Макклены, ссылаясь на то обстоятельство, что именно их предок взорвал корабль. Они вызвали всех своих многочисленных родственников и камнями закидывали ныряльщиков, пока не вынудили их покинуть остров. Даже влиятельным Агрилам трудно было бороться с воинственным кланом, в результате они махнули рукой на затонувшее судно и прекратили любые попытки добраться до него.

Разбитая «Флоренция» вот уже 369 лет отдыхает под водой. Все попытки достать хранящиеся на ней богатства кончались неудачами. В 1920 году во время подводных работ по ее обследованию погиб английский инженер Фосс.

Тем не менее за истекшие столетия с затонувшего корабля удалось поднять немало предметов, имеющих большую историческую ценность: монеты, якорь, оружие, серебряные кубки и блюда, медальоны с изображениями святых. Один из медальонов выполнен с таким неповторимым изяществом, что, пожалуй, его могли сделать только руки самого Челлини. Кто знает, не принадлежал ли медальон несчастной испанской принцессе, которая должна была занять трон Англии, но которой судьба уготовила участь найти смерть в холодных глубинах Северного моря.

Поступающие из Англии вести позволяют предположить, что «Флоренция» недолго будет сопротивляться предприимчивости человека. В Лондоне создана специальная комиссия из историков, археологов, искусствоведов и морских инженеров. Собираются средства на приобретение новейшего оборудования для подводных работ, чтобы наконец-то поднять со дна залива баснословные сокровища. Тогда и наступит последний акт тех странных и драматических перипетий, какие пережил испанский корабль.

ПО СЛЕДАМ НЕКОТОРЫХ МОРСКИХ ПОИСКОВ

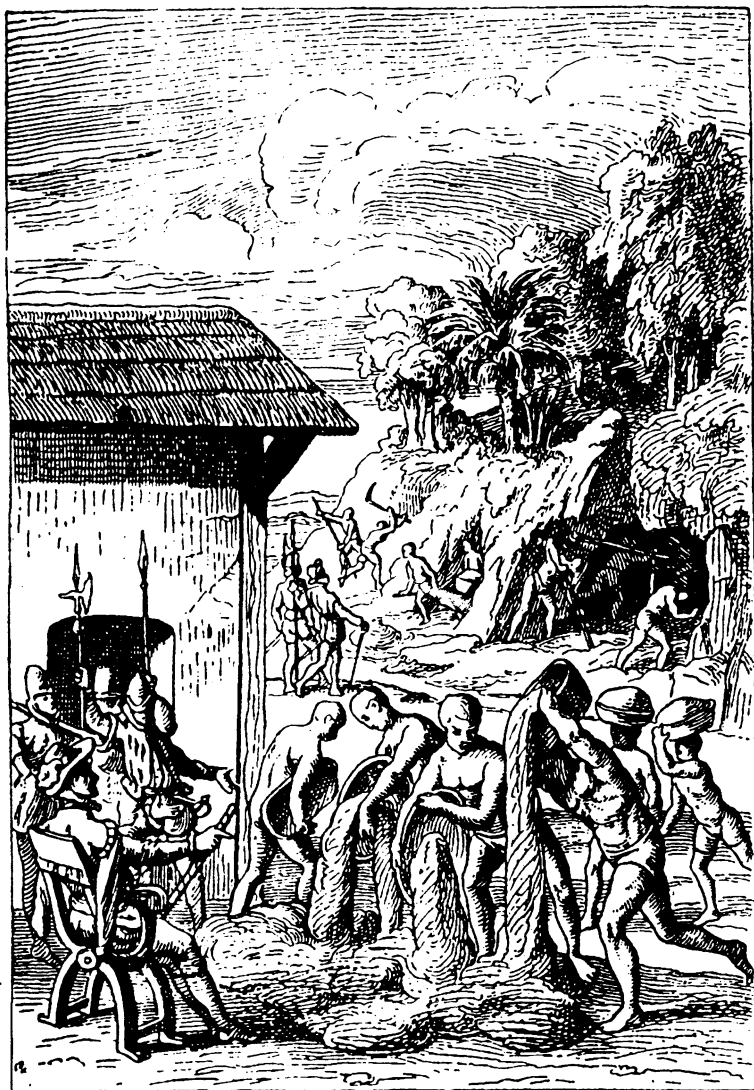
Период между открытием Американского континента и поражением «Непобедимой армады» в 1588 году был для Испании поистине золотым веком. И не в переносном, а в прямом смысле слова. Несметные запасы золота и серебра, награбленные у инков в Перу и ацтеков в Мексике, а позднее добываемые кровавым трудом индейских рабов на приисках в американских колониях, непрерывным потоком текли в сокровищницу испанской короны.

Но не дано было испанцам беспрепятственно пользоваться золотым потоком. Неповоротливые корветы и фрегаты с огромными надстройками, прозванными баками, становились легкой добычей английских, французских и голландских корсаров, которые почти всегда действовали в сговоре со своими королями и в награду за разбойничьи заслуги частенько были окружены ореолом геройства.

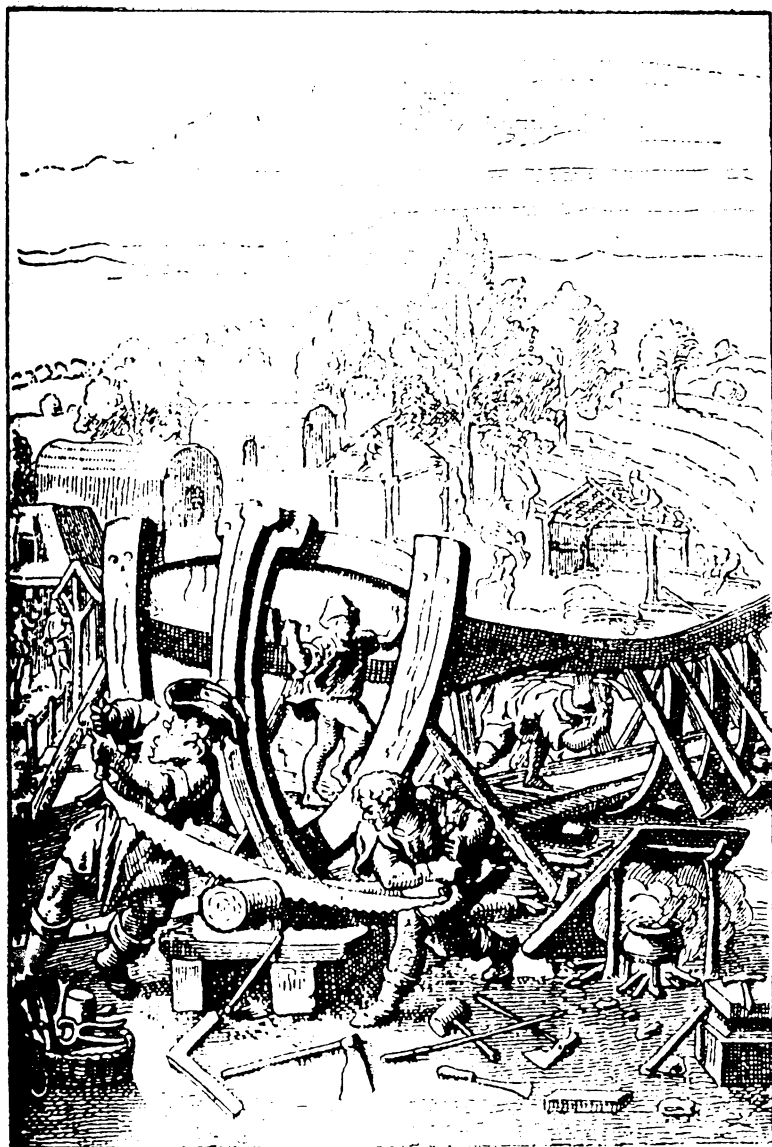
Наученные горьким опытом, испанцы отказались от самостоятельных одиночных рейсов и ввели систему конвоирования судов военными эскадрами. Правда, это им мало помогло. Быстрые, подвижные, преимущественно одномачтовые парусники пиратов, умело использовавших направление ветра и морских течений, охотились на конвой, как жадные волки, — стремительно налетали на испанские суда

Сожжение индейцев испанцами
С гравюры XVI в.

Индийцы Эспаньолы добывают для испанцев золото
Со старинной гравюры

Испанцы строят каравеллу
Со старинной гравюры

и преследовали их, пока искусным маневром не отбивали какого-нибудь копушу и не брали его на abordаж. После рукопашной схватки ценный груз переключивался на парусник пиратов, а корабль либо шел на дно, либо дальше плавал уже под пиратским флагом.

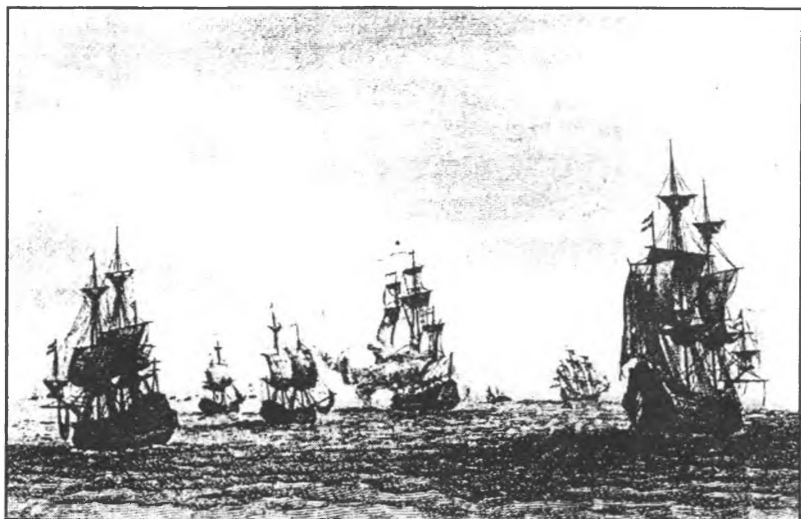
Карибское море, главная арена деятельности корсаров, было свидетелем многих морских сражений, в которых грохот пушек и пальба из мушкетов смешивались с триумфальным криком нападавших и стоном убиваемых.

Сколько же судов со слитками золота пошло на дно! Там и по сей день лежат несметные сокровища, которые, пожалуй, навсегда останутся на дне, поскольку за столетия их надежно укрыл толстый слой ила и песка. Определенное представление о количестве погребенных богатств дает статистика, которую вела Испания в 1619 — 1659 гг. На протяжении этих сорока лет из 2431 судна, курсировавшего между Испанией и Американским континентом, 673 попали в руки пиратов или затонули в морских глубинах.

По следам капитана Немо и «Наутилуса»

Читатели романа Ж. Верна «20 000 лье под водой», безусловно, помнят залив Виго в Испании, на дне которого капитан Немо в своей подводной лодке «Наутилус» собрал баснословную жатву в виде слитков золота. Этот увлекательный эпизод из романа имеет под собой реальную историческую основу, с той только разницей, что золотые запасы до сих пор лежат нетронутыми на дне залива.

Виго — небольшой портовый город в провинции Понтеведра, живописно раскинувшейся у подножия величавых гор. Залив, окруженный скалистыми берегами, полон подводных рифов и отмелей. Вход в него очень узок и опасен. В этом древнем романтическом городке с крутыми улочками в 1702 году разыгралось одно из достопамятных в истории мореходства морских сражений.

From the Y. Le. Flower

**1675 год. Крейсерство Жана Бара в Балтийском море:
нападение на голландскую торговую флотилию
Гравюра Легуа**

В тот год началась очередная война между Англией и Голландией с одной стороны и Испанией и Францией — с другой. Дело было в том, что умерший испанский король завещал трон Филиппу Анжу, внуку Людовика XIV, в то время как Англия, опасаясь усиления могущества Франции, пыталась вооруженной силой воспрепятствовать вступлению Филиппа на трон.

Большой англо-голландский союзнический флот, насчитывавший 203 боевых корабля, начал штурм Кадиса, но был отброшен яростным сопротивлением испанцев.

На обратном пути домой английский адмирал дознался от одного из пленников, что в это же самое время Атлантику пересекают 17 испанских судов, везущих золото и серебро из американских колоний. Вблизи от Азорских островов корабли с ценным грузом взял под свою опеку французский флот, в составе которого было 23 фрегата. Первоначально караван направлялся в Кадис, но, узнав, что порт осажден, сменил курс на порт Виго.

С этой минуты началась невероятная, просто водевиль-

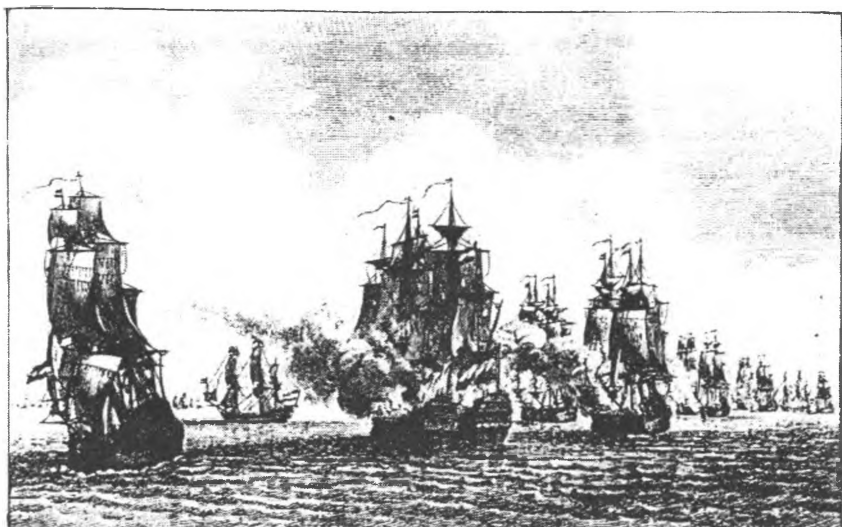

Photo par T. Le Breux

**29 июня 1694 года. Эскадра Бара вступает в сражение
с голландской эскадрой Гидда де Вриеса**

Гравюра Легуа

ная бюрократическая волокита. Испанский адмирал Велеско хотел без промедления выгрузить ценности стоимостью сто пятьдесят миллионов фунтов стерлингов, но встретил прямо-таки нелепые препятствия. Торговцы Кадиса, имевшие исключительные права на прием всех богатств из Америки, энергично воспротивились намерениям капитана. Завязалась длительная переписка, а когда спустя месяц король дал разрешение на выгрузку золота, выяснилось, что уже поздно, выгрузить нечего.

12 октября на рейде порта Виго появился английский флот и открыл ураганный артиллерийский огонь по пришвартованным испано-французским судам. Английские матросы быстро овладели припортовой крепостью и укрепились на прибрежных взгорьях. Под непрерывающимся сильным обстрелом испанцам удалось разгрузить только один корабль, второй попал в руки неприятеля, остальные испанские корабли и сопровождавший их французский конвой загорелись и все до одного затонули в заливе.

После победоносной битвы англичане оставили в порту несколько своих фрегатов и попытались достать затопленные сокровища, но испанцы, осадившие близлежащие скалы, мешали им, ведя непрекращающийся огонь из мушкетов и пушек.

Начиная с 1702 года почти непрерывно делались попытки достать золото. Создавалось много акционерных компаний, английских, французских, итальянских, испанских. Удавалось, правда, достать отдельные слитки золота и серебра, однажды даже подняли судно, груженное красным деревом, причем в такой прекрасной сохранности, что его продажа покрыла все расходы по подъему корабля. Но с годами сложности возрастали, поскольку сокровища все глубже уходили в ил и песок. Попытки их поднять требуют использования мощной современной техники, что означает огромные материальные затраты.

Английский фрегат «Хуссар»

Восстание в Северной Америке против Англии близилось к концу. Регулярные королевские войска, наголову разбитые многочисленными отрядами патриотически настроенных трапперов, крестьян и ремесленников, держались из последних сил, и результат решающего сражения был более чем очевидным.

В 1780 году правительство Великобритании послало главному казначею сражающейся в американских колониях армии пять миллионов фунтов стерлингов в золотых и серебряных монетах. Деньги предназначались на выплату просроченного жалованья. В путь с ценным грузом отправился впервые спущенный на воду фрегат «Хуссар», оснащенный двадцатью восьмью пушками.

13 сентября 1780 года «Хуссар» встал на якорь в Нью-Йорке, в проливе, образованном восточной границей острова Манхэттен. Отсюда он должен был направиться в Нью-Йорк на Род-Айленде, где транспорт в нетерпении ожидал главный казначей английской армии.

Пролив был чрезвычайно опасным для мореплавателей. Всюду их поджидали ловушки в виде подводных скал, мелей и водоворотов. Недаром это место называли «Чертовы ворота». Во время революции в Америке там тонул каждый двадцать пятый корабль. Позднее подводные преграды были взорваны динамитом, но название «Чертовы ворота» сохранилось и поныне.

Незнакомый с берегом и не имевший американского лопмана, «Хуссар» ударился о скалу, быстро набрал воду и затонул. Он лежит там и сегодня на относительно небольшой глубине — 35 метров. Любые попытки поднять судно или деньги кончаются неудачей. Когда-то, правда, удалось с помощью крана поднять корму фрегата, но цепь оборвалась, и судно вновь ушло под воду.

Может показаться странным, что до сих пор более чем приличная сумма покоится в самом центре Нью-Йорка. Казалось бы, что с помощью современных технических средств легко вернуть из морской глубины золотой запас. Но давайте представим себя водолазом, спускающимся на дно широкого устья. Свет прожектора освещает песчаные холмы, скрывающие под собой остовы кораблей. Там их прямо-таки скопления. Где искать «Хуссар»? Точное место его гибели неизвестно — значит, вам придется раскопать несколько, может быть, несколько десятков могил кораблей, чтобы найти один. А на проведение такой акции ушло бы все золото, которое находится на фрегате. Поэтому «Хуссар» и продолжает лежать на морском дне и будоражить воображение романтиков, мечтающих о необычайных приключениях кладоискателей.

Золотой груз «Лутины»

В 1793 году роялисты Тулона, перепуганные демонстрацией местных республиканцев, позорно предали интересы государства. Они тайно выдали англичанам весь французский флот, стоявший в порту Тулона. Вот таким образом в

одном из английских портов оказался французский красавец фрегат «Лутина».

Необыкновенной была его дальнейшая судьба. В 1799 году в Гамбурге случилась паника на бирже. Банки и торговые предприятия, в которые английские банкиры поместили солидные капиталы, оказались на пороге полного краха. Лондонская биржа, пытаясь хоть чем-то смягчить кризис, направила в Гамбург на «Лутине» восемнадцать тысяч фунтов стерлингов в золоте. Ценный груз был застрахован у Ллойда.

В те годы Англия, Франция и Голландия находились в состоянии войны. Совершая рейс, фрегат был застигнут внезапно начавшимся штормом, сбился с курса и оказался у безлюдных голландских островов Влиланд и Тесхерллинг, где сел на прибрежную мель. Воспользовавшись замешательством, команда подняла бунт, желая захватить ценности и скрыться в Голландии. Но осуществить свои планы не смогла. Фрегат довольно скоро набрал воды и затонул, а взбунтовавшиеся матросы едва успели пересечь в спасательные шлюпки. По пути к берегу они все утонули.

С 1799 года компания Ллойда держит вблизи от места гибели «Лутины» специального охранника, задачей которого является караулить собственность компании. Сначала фрегат лежал на тридцатиметровой глубине, со временем опустился еще на двадцать метров. Конечно, это не такая страшная глубина, но любые попытки достать деньги каждый раз оказывались сизифовым трудом. Как только фрегат освобождали от толстого слоя нанесенного песка, в ту же самую минуту поднимался новый шторм, и вновь его заносило песком. А море в этом месте никогда не бывает спокойным.

Английский морской разбойник «Брак»

Одномачтовый парусник «Брак», на палубе которого находилась шайка отчаянных головорезов, официально числился боевым кораблем английского флота, но в действите-

льности занимался обычным разбоем в водах Атлантики и Карибского моря.

25 мая 1798 года он приближался к пристани Хенлопен на полуострове Делавэр в США. В белые паруса дул резкий ветер, но, всегда подвижный, на этот раз парусник плыл тяжело, так как был перегружен. Он возвращался после исключительно удачных пиратских рейдов. За время охоты удалось ограбить пять испанских корветов, груженных золотом и серебром. Как правило, после перегрузки трофеев капитан «Брака» отпускал ограбленные суда на свободу. Так было и сейчас, правда, с одним исключением: испанский корабль «Святой Франциск Ксаверий» был настолько красив, что пираты привели его за собой в Галифакс и продали купцам, всегда охочим на дешевую, пусть даже нечестную, покупку.

«Брак» не брезговал никакой добычей. На одном из корветов оказалось сорок тонн меди. Капитан приказал перенести груз на свой парусник, где его небрежно ссыпали в высокие кучи на палубе.

Такая жадность оказалась порочной. Неподалеку от пристани Хенлопен поднялся бешеный ураган, который швырял одномачтовый фрегат как щепку. Разбушевавшиеся волны били о его борта и огромной лавиной скатывались на палубу. Перегруженный сверх меры «Брак» перевернулся и камнем пошел на дно.

И сегодня еще лежит там парусник на тридцатиметровой глубине. Находящийся на нем груз оценен в десять миллионов долларов. Чтобы поднять подводный груз, создавались разные общества, но все заканчивалось банкротством и крахом акционеров. Ситуация точно такая же, как и в случае с «Хуссаром»: морское дно усыпано давно и недавно затонувшими судами, среди них почти невозможно отыскать разбойника, павшего жертвой собственной алчности.

Пароход «Мерида»

В 1884 — 1911 гг. в Мексике правил Порфирио Диас. Он был кровавым, жестоким диктатором, прислужником пресловутой американской «Юнайтед фрут компани», которая и сегодня ведет в Латинской Америке безжалостную грабительскую политику. Порфирио Диас спокойно расстреливал рабочих, и прежде всего тех, кто устраивал забастовки на плантациях американских капиталистов. Но он перешел меру. Под руководством Франсиса Мадеры народ Мексики взялся за оружие и изгнал эксплуататоров.

Вынужденные спасать жизнь бегством, они укрылись на пароходе «Мерида», захватив с собой слитки золота и драгоценности общей стоимостью свыше шести миллионов долларов — собственность мексиканского государства. Среди похищенных драгоценностей были рубины чистой воды, когда-то украшавшие корону расстрелянного императора Мексики Максимилиана.

12 мая 1911 года у пристани Чарльз в Виргинии «Мерида» столкнулась с другим пароходом и мгновенно исчезла в морской пучине. Ее остов обнаружили только в 1925 году, хотя водолазы долгие годы обыскивали морское дно с помощью новейшего технического оборудования. Но сокровища Мексики не подняты до сих пор. Главным образом потому, что в тех местах непрерывно дуют сильные ветры, сводящие на нет все поиски водолазов.

Бунт на трехмачтовом паруснике «Баунти»

Перенесемся теперь из Атлантического океана в Тихий. В конце 1787 года трехмачтовый военный парусник «Баунти», приписанный к адмиралтейству Великобритании, входил в воды Тихого океана. Ему было дано мирное и, пожалуй, странное задание. Нужно было забрать некоторое ко-

Наказания на флоте в XVI веке. Провинившихся матросов приколачивают к мачте; подвергают килеванию (с помощью каната протягивают от правого борта к левому и обратно — если несчастный не захлебывался, то умирал от тяжелых ран, полученных об острые края ракушек, выросших на корпусе корабля); подвешивают за борт вниз головой и периодически окунают в воду

личество молодых побегов хлебного дерева и доставить их на Антильские острова. Английские колонизаторы надеялись получить таким образом дешевое пропитание для черных рабов, занятых на их плантациях.

Взяв груз, «Баунти» отправился в обратный рейс, в Атлантику. Но в пути произошел случай, эхом прокатившийся по всему миру. Капитан Уильям Блай, человек, требовавший неукоснительного повиновения, жестокий в обращении, который хлестал плеткой за малейшую провинность и вдобавок систематически недокармливал команду, на сей раз перегнул палку. Часть команды, поддерживаемая первым офицером Кристианом Флетчером, подняла бунт. Участники заговора высадили капитана и восемнадцать верных ему членов экипажа в спасательную шлюпку

и отдали на милость океана. Они не были разбойниками, не собирались поднимать черный флаг, не хотели пачкать руки в крови. Они были людьми, доведенными до отчаяния. Высаженным с парусника они дали с собой еду, воду, инструменты и такие навигационные приборы, как компас и квадрант. Но в глубине души очень надеялись, что изгнанники погибнут от голода, жажды, истощения. Лодка так глубоко осела под тяжелым грузом, что едва выступала из воды, а до ближайшего берега было больше трех с половиной тысяч морских миль. Но бунтовщики не учли навигационные способности и закалку капитана Блая. Через сорок восемь дней путешествия лодку прибило к острову Тимор. При этом капитан не потерял ни одного из своих матросов.

А взбунтовавшиеся и оставшиеся на «Баунти» моряки искали возможность избежать карающей руки английского адмиралтейства. Сначала они попытались обосноваться на острове Табуаи, однако яростное и непрекращающееся сопротивление местного населения вынудило их отказаться от этого плана. Тогда Кристиан Флетчер решил вернуться на Таити. Чтобы поселиться на одном из островов в Тихом океане, следовало сначала пополнить запасы продовольствия, взять с собой мертвый и живой инвентарь, как-то: свиней, птицу, саженцы фруктовых деревьев, сельскохозяйственные орудия. Кроме того, надо было завербовать среди полинезийцев несколько мужчин и женщин. Причем сделать все как можно быстрее, пока не распространился слух о бунте.

Таити так понравился бунтовщикам своей великолепной природой, что шестнадцать членов команды Флетчера без сожаления покинули парусник и обосновались на берегу. Но вскоре убедились, что радоваться рано. Капитан Блай добрался до Англии на голландском корабле и немедленно подал рапорт о бунте. Адмиралтейство тут же направило военный фрегат «Пандора» с приказом арестовать и доставить в Англию бунтовщиков. Завернув в порт Таити, карательная экспедиция перетрясла весь остров, нашла виновных и арестовала их, причем два бунтовщика были убиты при попытке к бегству. На обратном пути «Пандора» затонула во время бури. Большинство команды и четыре бун-

товщика погибли вместе с фрегатом, остальные спаслись на лодке. Бунтовщиков доставили в Англию и судили. Их осталось десять человек. Четырех помиловали, а шестерых осудили на смерть. В последнюю минуту помиловали еще трех человек, так что на виселице оказались лишь три бывших члена команды.

Трехмачтовый парусник «Баунти» покинул Таити задолго до появления там погони. На его палубе находилось восемь матросов из первоначальной команды парусника, шесть полинезийцев и двенадцать полинезийских девушек. С того момента целых восемнадцать лет о нем ничего не было слышно — он бесследно исчез, будто перешел в четвертое измерение и растворился в небытии.

Разгадка наступила только в 1808 году. Американский корабль «Топаз» бросил якорь на одиноком острове Питкерн, расположенном в ста милях южнее архипелага Туамоту. Морские волны разбивались о скалы, которые образовывали обрывистую, ломаную стену. Бурлящий прибрежный водоворот, ошетилившийся рифами, представлял собой довольно устрашающее зрелище. Казалось, что никто не может перебраться через этот ад и что поэтому остров должен быть необитаемым. Тем сильнее было потрясение, когда от берега вдруг оторвалась большая пирога. Лихорадочно работая веслами, островитяне прыгнули на откатившуюся от берега волну и, как на спине дикого мустанга, погнали пирогу к борту «Топаз».

По трапу на палубу поднялся мужчина в годах и представился капитану. Он назвался Александром Смитом и заявил, что является последним из живых участников памятного бунта на «Баунти». Затем рассказал, что случилось с бунтовщиками после того, как они покинули Таити.

Высадившись на Питкерне, они поделили между собой землю и начали хозяйствовать. Земля на острове была плодородной и могла прокормить всех. Но из дележа были исключены полинезийцы, что нанесло им серьезную обиду. Тем не менее два года на острове царило согласие. Чтобы уничтожить за собой все следы, поселенцы сожгли парусник и постоянно держали вахтенного на вершине скалы, чтобы в случае появления подозрительных судов успеть спрятаться в глубине острова.

До открытого столкновения дошло тогда, когда Квинтал, человек примитивный и жестокий, потерял жену и, не долго думая, забрал женщину у одного из полинезийцев. После этого события остров превратился в крошечный ад, в место кровавой партизанской войны, в которой все боролись против всех. Так погибли все до единого мужчины-полинезийцы и трое белых. Погиб и Флетчер, получивший случайную пулю во время работы на поле.

Осталось только четверо мужчин. В довершение всего Маккой научился добывать из какого-то растения алкоголь. Он и Квинтал напивались до потери сознания, портя и без того грустное настроение. Солнечный, щедрый остров, который мог бы быть раем, оказался местом страдания. Однажды Маккой напился до полного безумия и бросился в море с высокой скалы. Квинтал потерял вторую жену и грозил, что возьмет себе третью. Чтобы предотвратить новое столкновение, островитяне решили убить его и выполнили свое намерение. От легочной болезни умер любимый всеми Эдвард Янг.

В живых остался только Александр Смит — единственный мужчина в обществе женщин и детей. Он стал для них заботливым отцом и патриархом. Покидая «Баунти», бунтовщики взяли с собой на остров корабельную Библию. По ней Александр выучил несколько поколений островитян читать и писать. «Топаз» вернулся в Америку, но рассказу капитана о странной истории бунтовщиков не поверили.

В 1952 году американский писатель и путешественник Луис Марден посетил музей в Сувах, столице островов Фиджи. На него произвело глубокое впечатление весло с надписью «H. M. S. Bounty». От хранителя музея он узнал, что весло выловил из прибрежных вод какой-то рыбак с острова Питкерн. Это был первый след, который мог привести к месту сожжения и затопления прославленного трехмачтового парусника, вошедшего в историю и легенды.

Марденом овладело сильнейшее любопытство. Он решил непременно найти металлические части судна, так как трудно было рассчитывать на то, что после пожара уцелели деревянные части. Для начала он направился в Англию, чтобы ознакомиться со всеми документами, имевшими касательство к истории бунта. После трехлетних розысков он

прибыл на остров Питкерн, предусмотрительно захватив с собой акваланг и остальное снаряжение для подводных работ. Много интересного ждало его на острове. Община насчитывала 155 островитян, говоривших на странном английском языке, полном библейских архаизмов и элементов полинезийского языка. Все принадлежали к секте Адвентисты седьмого дня и поэтому не ели свинину. Все занимались сельским хозяйством, выращивали кофе, сахарный тростник, сладкий картофель, дыни, различные овощи. Все были горды своим происхождением: в память о предводителе бунтарей Флетчере пятьдесят пять мужчин и мальчиков носили имя Кристиан.

Марден долго исследовал дно залива, где, по его расчетам, должен был находиться затопленный остов парусника. В этом ему охотно помогала веселая и шумливая стайка мальчуганов, нырявших и плававших как рыбы. Наконец как-то утром он заметил под водой длинную насыпь, которая, казалось, была покрыта белым мелом. Тщательно осмотрев белую массу, Марден убедился, что это истлевшие и превратившиеся в порошок медные заклепки, использовавшиеся для соединения деревянных частей корпуса. Но самая большая удача была впереди. Когда Марден вбил в загадочную массу железный прут, из отверстия с шипением вырвалась струя черной пыли. Как показали анализы, это был пепел от сожженного корпуса парусника, который под защитным слоем песка сохранил свой цвет и химический состав.

Тщательное обследование пласта пепла и песка, тянувшегося на всю длину фрегата, требовало времени и труда. Но Мардену с самого начала сопутствовало счастье. Так, он нашел уключину от весла с надписью «Баунти», что окончательно развеяло последние сомнения. Затем поднял со дна другие предметы, например железные прутья, служившие балластом, медные пробки для затыкания отверстий в днище судна, порванные звенья цепи и многие металлические вещи. Но самой крупной находкой был огромный якорь, слишком тяжелый, чтобы его можно было поднять наверх голыми руками. Спустя два года в заливе появился американец Ирвинг Джонсон на яхте «Янки» и поднял якорь со дна с помощью механического подъемника.

Еще работая в архивах Англии, Марден обратил внима-

ние на ряд загадочных фактов, очень и очень его заинтересовавших. Из запротоколированных сообщений офицеров и матросов «Топаза» вытекало, что Александр Смит разным людям предлагал три разные версии смерти Флетчера, а именно: 1) его застрелил полинезец; 2) он прыгнул со скалы в море; 3) умер естественной смертью.

Самым интригующим было сообщение, сделанное капитаном Хейвудом. Он был одним из бунтовщиков, но получил помилование и продолжил службу на флоте. Так вот, этот старый морской волк как-то прогуливался по Фор-стрит в Плимуте. Его обогнал мужчина, чья фигура и походка кого-то капитану напоминали. Хейвуд ускорил шаг, догнал мужчину, пристальнее присмотрелся и вдруг узнал в нем Кристиана Флетчера. Но прежде чем Хейвуд успел открыть рот, незнакомец обратился в паническое бегство.

Две подробности из этих документов не давали Мардену покоя. Будучи на Питкерне, он установил тесные отношения с поселенцами и уговорил их раскопать могилу Флетчера. Ко всеобщему изумлению, оказалось, что в ней никто никогда не был похоронен. Гроб был, но пустой. Могила оказалась фиктивной.

Итак, что же случилось с Флетчером? Может быть, он выплыл на море в лодке, встретил судно и добрался на нем до Англии, где провел остаток жизни под чужим именем? Размышляя обо всем этом, Марден вспомнил, что у капитана «Баунти» была шкатулка, полная золотых дукатов, о которой не упоминал ни один из бунтовщиков. Следовательно, Флетчер мог ее присвоить, купить молчание Смита, оплатить проезд в страну и вести там зажиточный образ жизни. Золото позволяло надежно сохранить инкогнито. Конечно, это всего лишь домыслы. Что действительно стоит за этими загадочными фактами, мы, похоже, уже никогда не узнаем.

КОРАБЛЬ-ПРИЗРАК

«Мария Целеста» без команды

Голландская легенда о корабле-призраке, который обречен на вечное скитание и является морякам как предвестник их гибели в морской пучине, всем хорошо известна. Легенда послужила сюжетом для поэмы Генриху Гейне, а Вагнер использовал ее как либретто для своей оперы «Летучий голландец».

Но мало кто знает, что в истории мореплавания произошел случай, полностью соответствующий этой моряцкой сказке. В 1872 году в Атлантическом океане был замечен двухмачтовый бриг «Мария Целеста» под полными парусами и без единой живой души на борту. С тех пор о таинственной судьбе судна и его исчезнувшей команды написано очень и очень много. Романисты черпали в ней замыслы для сентиментальных, авантюристических и приключенческих книг; на страницах журналов печатались разные теории, более или менее правдоподобно воссоздававшие драматическую историю парусника, таинственно покинутого командой; появлялись даже шутники, выдававшие себя за бывших членов команды или за их родственников, которые сообщали миру якобы реальные факты, но на самом деле безудержно фантазировали.

Попробуем изложить все подтвержденные обстоятель-

ства, связанные с бригом «Мария Целеста», и объяснить его таинственную историю.

5 декабря 1872 года американский парусник «Дей Гратиа» под командованием капитана Морхауса, совершавший рейс из Нью-Йорка в Гибралтар, находился в 130 милях от берегов Португалии. Море было спокойным. С севера дул мягкий и ровный слабый ветер. Слегка наморщенное волнами, море дышало монотонно, ритмично. Уже несколько недель на Атлантике стояла отличная погода, так что рейс был исключительно удачным. Парусник плыл под всеми парусами, быстро приближаясь к порту назначения. Капитан Морхаус стоял на мостике и наблюдал за горизонтом. Вдруг на морской глади возникло двухмачтовое судно с поднятыми парусами. Опытный глаз моряка сразу отметил, что неизвестный парусник в таких благоприятных погодных условиях движется что-то слишком неуверенно. «Дей Гратиа» быстро поглощал милю за милей и вскоре приблизился к судну на расстояние одной мили. Капитан, к своему огромному удивлению, узнал в незнакомце бриг Мария Целеста, который за несколько дней до их выхода в море снялся с якоря в Нью-Йорке. Встреча поразила его тем более, что капитан брига Бриггс был его приятелем. Во время стоянок в Нью-Йорке они бывали неразлучны и часто вместе проводили вечера в портовых кабаках.

Хотя неуверенное движение «Марии Целесты» по курсу могло дать много пищи для размышлений, Морхаус еще ничего не подозревал. Он радостно стал посылать приветы своему другу. Но «Мария Целеста» молчала, как заколдованная, на ее палубе не было видно ни одного человека.

Тогда Морхаус стал внимательно приглядываться к бригу. Рангоут и такелаж выглядели нормально. Два паруса на рее и гафельный парус были установлены правильно, в соответствии с направлением ветра. Зато его удивило другое: создавалось впечатление, что бриг лежит в дрейфе, хотя обычно так поступали ночью, когда усталая команда, наглухо закрепив руль, ложилась спать. Но такого никогда ни один капитан не позволял себе днем. Бриг, правда, держался восточного курса, но как-то неустойчиво переваливался по волнам, безвольно поддаваясь капризам ветра и морскому течению.

Морхаус подозвал первого офицера и спросил его мнение. Старый морской волк какое-то время наблюдал за движением брига, а потом взорвался веселым смехом.

Капитан с удивлением спросил у него:

— Что тебя так веселит?

— Господин капитан, вы что, забыли, какой они везут груз? Тысяча семьсот бочек алкоголя! Вам это ни о чем не говорит? Да они все там упились, как черт знает кто, и теперь без памяти дрыхнут в кубрике.

— Исключено. Я знаю капитана Бриггса. Он никогда не допустит такого. Разве что команда взбунтовалась и...

— Что же, во всем легко убедиться, пошлем туда шлюпку.

Тем временем суда сблизилась на расстояние полмили, а на палубе «Марии Целесты» по-прежнему не было видно ни одной живой души. Вся команда «Дей Гратиа» сгрудилась у борта и в молчании смотрела на танцующий на волнах бриг. Шлюпка со вторым офицером и двумя матросами подошла к борту парусника, и матросы поднялись на палубу.

Они не нашли там никого — ни на палубе, ни в каютах, ни в рулевой рубке. Бриг плыл сам по себе, как бы направляемый невидимой рукой. Всюду царила зловещая тишина, прерываемая лишь хлопаньем паруса или шумом какой-то оснастки. Матросов обуял суеверный страх, они быстро просигнализировали Морхаусу, чтобы он присоединился к ним, и послали на «Дей Гратиа» шлюпку.

Капитан тщательно обследовал бриг и не заметил ни малейшей поломки. Груз, состоящий из старательно уложенных бочонков с алкоголем, казался нетронутым. Провианта для команды было более чем достаточно. Самым невероятным было отсутствие следа беспорядка или паники, который указал бы на причину, по которой команда покинула бриг. Создавалось впечатление, будто ее унесла с судна какая-то неведомая сила.

В каютах матросов стояли сундучки с их личными вещами, на веревках сушилось белье, на столиках перед зеркалами лежали бритвенные приборы, нашли даже деньги и другие ценные предметы.

В каюте капитана лежал наполовину растянутый аккордеон, словно кто-то только что им пользовался, рядом была открыта нотная тетрадь. В углу стояла швейная машинка с

куском шелка, на стене висели женская одежда и маленькое детское платьице. Морхауса это нисколько не удивило — он знал, что капитан Бриггс взял с собой в рейс жену и маленькую дочку. На столе лежали золотые часы Бриггса. В каюте первого и второго офицеров остался недоеденный завтрак, состоявший из овсяных блинчиков и начатых яиц всмятку. Неподалеку лежал лист писчей бумаги с обращением: «Любимая жена!» Офицер успел написать только два этих слова, когда внезапно произошло нечто страшное и загадочное. Что прервало его занятие? Одно безусловно: команда, все до одного, бросила свои дела и в страшной панике покинула бриг в одной-единственной лодке.

Судовой журнал позволял установить, когда произошло это потрясающее событие. Последняя запись была датирована 24 ноября. Из нее выяснилось, что тогда бриг находился в ста десяти милях западнее острова Санта-Мария, входящего в группу Азорских островов. Но капитан Бриггс имел привычку сначала начерно писать рапорты на школьной доске и лишь потом переписывать в журнал. Так вот на доске сохранилась запись от 25 ноября. «Мария Целеста» с севера огибала остров на расстоянии шести миль от берега.

Итак, что же случилось 25 ноября в восемь часов утра? С той фатальной минуты бриг плыл без команды уже десять дней и оказался в 755 милях на восток от острова Санта-Мария, когда с ним встретился парусник «Дей Гратиа».

Капитан Морхаус привел покинутое судно в порт в Гибралтаре, где адмиралтейские власти немедленно начали детальное расследование. Они подтвердили отсутствие повреждений, а посему следователь издал вердикт, согласно которому дело обстояло так: команда дорвалась до алкоголя, перепилась, убила капитана, его жену и двухлетнюю дочку, офицеров и на спасательной лодке сбежала, встретила другое судно и, притворившись потерпевшей кораблекрушение, на нем добралась до суши. Основанием для такой странной мотивировки послужил тот факт, что у одного из бочонков затычку явно вынимали и содержимое в нем значительно уменьшилось. Адмиралтейство даже объявило розыск беглых матросов.

Но выдвинутая адмиралтейством версия не была долговечной. Ни один опытный капитан не поверил бы бегле-

цам, что они потерпели кораблекрушение в ноябре 1872 года. Прежде всего, в течение нескольких недель на Атлантике стояла прекрасная погода и плавание было абсолютно безопасным. Кроме того, матросам пришлось бы красочно, во всех деталях описать, как произошла катастрофа, сообщить название своего судна. Тогда обязательно выяснились бы все подозрительные противоречия и пробелы в их рассказах. К тому же ни у одного из капитанов не было основательных причин не поведать о происшествии в ближайшем же порту. И возникал еще вопрос: почему бунтовщики не пытались затопить «Марию Целесту», если хотели представить себя жертвами кораблекрушения? Не могли они и высадиться на каком-нибудь острове — в Атлантическом океане нет необитаемых островов. Впрочем, даже попадись такой, раньше или позже его все равно кто-нибудь бы заметил; судьба «Марии Целесты» быстро стала одной из крупных сенсаций.

Предсмертное признание доктора Хабакука Ефсона

Прошло около 12 лет, и все страсти, споры и домыслы относительно происшествия на «Марии Целесте» затихли и постепенно забылись. И вдруг все вновь ожило: в январе 1884 года в «Корнхилл мэгэзин» появилась обширная статья некоего доктора Хабакука Ефсона, который утверждал, что был пассажиром брига «Мария Целеста» во время того фатального рейса и знает тайну исчезновения команды.

Почему он только сейчас заявил обо всем? Нет, не так. Он пытался обо всем рассказать еще двенадцать лет назад, но то, что с ним приключилось, выглядело настолько фантастическим, что полицейские власти в Ливерпуле и даже его родственники не только не поверили ему — более того, стали подозревать, что он помешался и мелет вздор. Поэтому он затаился и замолчал. А теперь он чувствует прибли-

жение смерти и не хочет унести с собой в могилу тайну, которую может раскрыть.

По профессии Хабакук Ефсон врач и всю свою жизнь посвятил борьбе за освобождение негров в США. Он даже написал на эту тему брошюру «Вот твой брат». Когда началась гражданская война за отмену рабства, он тотчас же вступил в один из нью-йоркских полков и участвовал в кампании против южных штатов. В сражении он был тяжело ранен и, вероятно, погиб бы, если бы не старая незнакомая негритянка, которая взяла его под свою опеку и старательно лечила. При прощании взволнованная старушка вытащила из-за пазухи странный амулет, а именно человеческое ухо, вырезанное из черного, как смола, камня, и вручила его Ефсону на счастье.

Через семь лет после этого эпизода, рассказывал доктор Хабакук Ефсон, он опасно заболел легочной болезнью, и врачи заявили ему, что только морское путешествие может его спасти. Поэтому он решил отправиться в Европу и с этой целью купил каюту на «Марии Целесте».

На бриге он встретил десять матросов, среди которых трое были неграми, капитана, его жену, двухлетнюю дочку и других пассажиров: Хартона, молодого агента одной из судовладельческих компаний, и мулата Септимуса Горинга.

Этот Горинг со всех точек зрения был необычным человеком. В его лице было нечто дьявольское и отталкивающее. Правая рука безобразно покалечена — отсутствовали четыре пальца, словно их напрочь отрезали бритвой. Но после нескольких бесед на палубе плохое впечатление полностью улетучивалось. Мулат оказался благовоспитанным человеком широких знаний. Он умел вести себя в обществе, мог поддержать разговор на любую тему, особенно хорошо разбирался в искусстве навигации. Словом, доктор Ефсон поздравлял себя со столь интересным спутником.

Их каюты разделялись тонкой деревянной перегородкой. Как-то поутру доктор Ефсон только-только проснулся и начинал вставать, как его оглушил выстрел из пистолета. Пуля пробила перегородку и вошла в стену точно в том месте, где еще секунду назад лежала его голова. Доктор не успел прийти в себя, как в его каюту ворвался сконфуженный Го-

ринг и стал горячо извиняться, объясняя, что чистил пистолет и неосторожно нажал на курок.

Вечером того же дня в каюту к Ефсону зашел капитан Бриггс и с неопишуемой болью рассказал, что у него внезапно пропали жена и дочка. Команда перетрясла весь парусник, заглянула в каждый уголок, матросы бегали и громко звали пропавших, но им отвечали только шум волн и лопотание парусов. Предполагали, что девчушка упала за борт и несчастная мать ринулась за ней в морскую глубину. Странно, правда, что никто ничего не заметил и не слышал их крика.

Капитан Бриггс заперся в каюте, где целыми днями лежал, оцепеневший от горя. Первый офицер был вынужден взять на себя командование судном. В один печальный день капитан совершил самоубийство, выстрелив в рот.

В последующие дни злополучного плавания не произошло ничего достойного внимания. Пассажиры проводили дни на палубе. Как-то Ефсон показал им полученный от негритянки амулет. Горинг взял его в руки и с пренебрежительной улыбкой хотел кинуть за борт. Увидев его жест, рулевой-негр отскочил от штурвала, молнией налетел на Горинга, схватил его за руки и с жаром стал ему что-то шептать. Потом взял амулет и с проявлением искреннего и глубокого уважения вернул его доктору Ефсону.

Тем временем настала тропическая жара, какой никогда раньше не наблюдалось вблизи Португалии. Причина столь невероятной жары разрешилась неожиданно: вместо Португалии на горизонте вырисовывалось побережье Африки. Бриг сбился с курса, хотя плыл точно по компасу. Изумленный первый офицер упрямо твердил, что это не его вина, что кто-то намеренно копался в навигационных инструментах и специально испортил их тонкий механизм. Тогда-то доктор Ефсон вспомнил, что несколько дней назад они вместе с капитаном вошли в его каюту и застали там склонившегося над инструментами Горинга. Увидев их, мулат чрезвычайно смутился и пробормотал неловкие извинения.

Вечером того же дня, когда доктор Ефсон вышел на палубу, его схватили Горинг и три негра, повалили, связали веревками. Такая же судьба ожидала всех белых матросов и

пассажира Хартона. Затем произошла леденящая кровь сцена: черные заговорщики бросили связанных пленников в морскую пучину. Но когда Горинг приблизился к доктору Ефсону, чтобы и его отправить вслед за остальными, негры единодушно воспротивились. Из громкой перепалки стало ясно, что негры считали Ефсона неприкасаемой личностью, поскольку он являлся обладателем амулета.

Заговорщики посадили его в шлюпку и погребли к берегу, бросив «Марию Целесту» на волю случая и произвол судьбы. На берегу под дикие крики и грохот тамтамов их встречало целое скопище негров. Вместе с вновь прибывшими они направились в деревушку. Просторную деревенскую площадь окружало множество вигвамов из пальмовых листьев. Посреди площади стояло тотемное святилище из эбенового дерева, вход в которое закрывала золотистая парча.

Доктора Ефсона ввели в святилище. Вместе с ним вошли старейшины племени. Стены святилища были увешаны раковинами и циновками. В пустой комнате царил полумрак. В середине стоял огромный идол из черного камня, с одним отбитым ухом. Седой негр отобрал у доктора амулет и приставил к голове божка. Ухо прилегло так плотно, что не было видно даже линии соединения. При виде такого чуда и у находившихся в святилище негров, и у столпившихся плотной кучей на площади вырвался радостный победный крик. Все упали на землю, воздавая почести каменному идолу.

С этого мгновения вся деревня начала относиться к доктору Ефсону как к почетному пленнику. Ему предоставили удобный вигвам, прекрасно кормили, но не позволяли покидать поместье и постоянно держали охрану у входа в вигвам.

Ночью его навестил Горинг и объяснил свое поведение. Его отец был белым, а мать — негритянкой-рабыней. Когда отец умер, жестокий плантатор засек мать плетью насмерть, а ему, Горингу, за какую-то мелкую провинность отсекали четыре пальца на правой руке. За нанесенное зло Горинг поклялся отомстить белым страшной мезтью. На протяжении нескольких последних лет в США произошла серия убийств, которые полиция так и не смогла

раскрыть. Так вот, все эти злодеяния совершил именно он, Горинг.

Последней его акцией должно было стать убийство экипажа «Марии Целесты» и бегство к негритянскому племени, с которым он подружился. Он намеревался создать в Африке сильное государство негров и вести беспощадную войну с белыми угнетателями.

Но исполнению этих планов мешает доктор Ефсон, который оказался владельцем амулета. С этим каменным ухом связана странная история. Столетия назад часть племени решила переселиться в другую часть Африки. Покидая родную деревню, они отсекали у божка одно ухо, чтобы унести с собой хотя бы частичку священной статуи. Но судьба не была к ним милостива. Они попали в руки торговцев живым товаром, те перевезли их в Америку, они стали рабами. Талисман-ухо в конце концов оказался у старой негритянки, которая опекала доктора Ефсона.

Негры верили, что недостающее ухо вернет идолу посланец небес. Поэтому они сохранили жизнь доктору, более того, считали его полубожеством. Горинг не скрывал, что хочет стать царем негров и что из-за амулета опасается конкуренции со стороны белого человека. Поэтому он хочет помочь Ефсону вернуть свободу и тем самым избавиться от него.

Под покровом ночи он довел доктора до берега, усадил в лодку. Выгребая в море, Ефсон довольно долго видел мулата, который активно жестикулировал руками, то ли прощаясь, то ли в последний раз демонстрируя свою ненависть к белым. Через пять дней бедного путешественника заметили с какого-то судна, подняли на борт и доставили в Ливерпуль.

Сенсационное признание доктора Ефсона всех всполошило. Газеты и журналы запестрели статьями, письмами, полемикami. Нашлись такие, кто принял историю доктора Хабакука Ефсона за чистую монету. Они требовали от правительства направить экспедицию в погоню за бандитом-мулатом Септимусом Горингом. Другие, более осторожные, настаивали на создании комиссии по пристрастному допросу доктора Ефсона. Нашлись и такие, которые посчитали всю историю отъявленной ложью.

Прошло еще несколько лет, и все узнали, кто был автором истории доктора Хабакука Ефсона. Оказалось, что зловещие приключения «Марии Целесты» ради шутки выдумал создатель Шерлока Холмса писатель Артур Конан-Дойль, который, конечно же, смеялся про себя, что так легко провел тысячи читателей американской и английской печати. Но пример был заразителен. Еще много лет появлялись более или менее правдоподобные признания мнимых свидетелей катастрофы. Их нельзя было сравнить с Конан-Дойлем ни по силе воображения, ни по ловкости использования в выдуманной истории доктора Ефсона официально установленных фактов, так что их с легкостью изобличали как мистификаторов.

Что было в действительности?

Выяснением таинственных событий занялся один из выдающихся английских специалистов по морским проблемам сэр Локкарт. Он не шадил ни времени, ни сил, ни средств, чтобы установить все факты и на их основе реконструировать то, что могло произойти на «Марии Целесте». Локкарт не только проштудировал протоколы из Гибралтара и Нью-Йорка, он советовался с разными специалистами, беседовал с ближайшими родственниками погибшего капитана Бриггса.

После старательных поисков Локкарт пришел к убеждению, что ключ к разгадке тайны следует искать в грузе брига, каковым были 1700 бочек с алкоголем. Специалисты морских страховых компаний утверждали, что в нормальных условиях это абсолютно безопасный груз, но слишком высокая температура может вызвать взрыв разогретого алкоголя.

Мы знаем, что у одной из бочек затычка вынималась и из нее вылилось некоторое количество алкоголя. Этот факт послужил Локкарту основой для реконструкции трагического происшествия. Вероятно, кто-то из матросов почувство-

вал сильный запах улетучивающегося алкоголя, побежал за капитаном, чтобы сообщить об этом. Но прежде чем команда успела что-либо предпринять, раздался взрыв, который отбросил в сторону крышку люка.

Команду охватила паника. В любую минуту мог взлететь в воздух весь груз и разнести на мелкие кусочки и бриг, и всю команду. Матросы в лихорадочной спешке спустили спасательную шлюпку, сели в нее и изо всех сил заработали веслами, чтобы очутиться как можно дальше от страшного судна. Потом, отойдя на безопасное расстояние, ждали катастрофы.

Но ничего не произошло. Открывшийся в результате взрыва люк позволил скопившемуся под палубой газу свободно вытечь наружу, и это предупредило катастрофу. Спустя какое-то время команда решила вернуться на бриг, но, к ее ужасу, поднялся внезапный шквал, который погнал «Марию Целесту» на полных парусах в открытое море. Матросы бешено гребли, но догнать бриг не смогли. В такой ситуации им оставалось только взять курс на близлежащий остров Сан-Мартин.

Этот остров прославился бурными прибрежными водами и опасными подводными рифами. Поэтому можно предположить, что перегруженная шлюпка не смогла пройти сквозь пенящиеся волны, разбилась о риф и затонула вместе со всем экипажем.

Дальнейшая судьба «Марии Целесты»

Незадачливый парусник еще двенадцать лет состоял на морской службе, но, если позволительно так сказать, постепенно катился под горку. Матросы — как известно, народ суеверный — неохотно нанимались на судно со столь зловещим прошлым. По этой причине бриг переходил из рук в руки за все более низкую цену, пока в конце концов не попал в руки мошенников. В январе 1884 года «Мария Целеста», перевозившая застрахованный на очень приличную

сумму груз, разбилась неподалеку от острова Гаити. Следствием было установлено, что владельцы намеренно потопили бриг, чтобы получить страховку. Как оказалось, в сговор был замешан американский консул на Гаити. Его бегство в глубь острова и погоня за ним с охотничьими собаками — вот финал, который мог бы стать темой для отдельного, чрезвычайно напряженного рассказа.

СТРАННАЯ СУДЬБА ПОЛЯРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

19 мая 1845 года вся Англия была охвачена радостным волнением. В этот день опытный и отважный полярный исследователь Джон Франклин поднял паруса на своих кораблях, чтобы вновь пуститься в беспредельность грозных и неизвестных полярных вод. Экипаж состоял из опытных, закаленных матросов, так или иначе знакомых с опасностями Арктики.

Два парусника — «Эребус» и «Террор» — были великолепно оснащены. Они не отличались большой скоростью, и ими было нелегко маневрировать, но широкие, закругленные массивные корпуса хорошо противостояли самым высоким волнам. Джон Франклин знал Ледовитый океан по предыдущим экспедициям. Он знал, как могучие льдины расплющивают китобойные суда, словно бумажные лодочки, как подводные уступы ледяных торосов, будто бритвой, пропарывают их днища. Поэтому он укрепил свои трехпарусники двойными каркасами, а борта приказал дополнительно обшить толстыми дубовыми досками.

«Эребус» и «Террор», сопровождаемые наилучшими пожеланиями всей Англии, выплыли в море. Их черные корпуса и белые паруса исчезли за синим горизонтом, и с того мо-

мента от них не было ни одной весточки. Прошло три года — по-прежнему никакого известия. Английские власти бездеятельно ждали, веря в опытность Франклина, который уже не раз выходил целым и невредимым из опаснейших ситуаций.

А общественность начинала бить тревогу, бурлить, метать громы и молнии по поводу вялости адмиралтейства. Какова судьба экспедиции Франклина и почему никто не спешит ей на помощь — эти вопросы звучали все громче, со все возрастающей настойчивостью. Бездеятельность властей уже походила на международный скандал.

Понукаемое со всех сторон адмиралтейство очнулось для действий только в 1848 году и стало поспешно посылать экспедицию за экспедицией на поиски исчезнувших полярников. Вслед за официальными экспедициями ушли другие, организованные на общественные пожертвования. Друг Франклина Джон Росс, невзирая на то что был уже 73-летним стариком, отправился в опасный полярный рейс. Так продолжалось до 1853 года. Пять лет искали Франклина на островах и в проливах Ледовитого океана, опросили эскимосов, излазили побережье, надеясь напасть хоть на какой-нибудь след несчастных жертв кораблекрушения. Все оказалось напрасным — два трехпарусных судна вместе с командой из ста крепких матросов бесследно растворились в морозной беспредельности Севера.

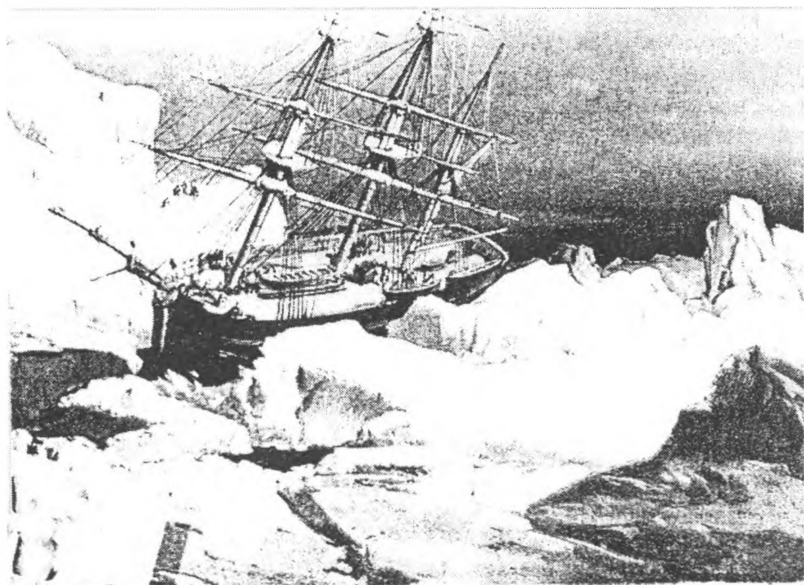
Наконец смирились с мыслью, что экспедиция Франклина закончилась трагически. Адмиралтейство вычеркнуло Эребус и Террор из морских реестров, а членов их команды — из служебных списков матросского состава. Английское общество, поглощенное другими заботами, забывало о Франклине и его товарищах.

Прошло несколько лет. В канцелярии адмиралтейства, как обычно по утрам, разбирали ежедневную почту. Один из офицеров вновь и вновь перечитывал письмо, посланное матросом Джеймсом А. Шоре. Неизвестный корреспондент более чем беспомощным почерком сообщал очень тревожные вести. Будучи в Квебеке, он зашел в портовый кабачок и там услышал байки, будто Эдвард Ковард — капитан английского брига «Реновэйшен» — и его помощник Роберт Симпсон видели парусник Франклина в 1851 году вблизи

**Сэр Джон
Франклин**

**Корабль
«Инвестигейтор»
из поисковой
партии по
спасению
Франклина
(1850-1854 гг.)**

Новой Фундландии. Сообщению с трудом верилось, но тем не менее письмо начало свое обычное бюрократическое путешествие по комнатам адмиралтейства, пока, наконец, не легло на стол адмиралу.

И здесь происходит то, что надо считать бессмертным явлением бюрократии. Адмирал вспылил: как это простой матрос осмелился писать непосредственно во вверенное адмиралу учреждение?! Он продиктовал ответ, в котором, оставив без внимания суть письма, упрекал незадачливого корреспондента за то, что тот не пошел по предписанному правилами служебному пути и не обратился сначала к своему непосредственному командиру. У моряка, естественно, пропала охота дальше заниматься выяснением случайно услышанных в кабачке слухов.

Но слухок о письме просочился за стены адмиралтейства и начал кружить по Лондону. Печать забила тревогу. На головы сановников посыпались упреки и требования, особенно настойчивые потому, что незадолго до этого они выставили себя на посмешище, купив огромную партию обуви для матросов, в которой, как оказалось, были ботинки только на левую ногу.

Бюрократы вторично очнулись от дремы и взялись за расследование. Необходимо было допросить капитана Коварда и первого офицера Симпсона. Но выяснилось, что и тот и другой находятся в рейсах. Ковард как раз должен был прибыть в Венецию, а Симпсона, который служил уже на другом судне, ожидали в порте Лимерик в Исландии. Посланный офицер-следователь успел перехватить Симпсона в порту и записать его показания. Коварда должен был допросить английский консул в Венеции.

То, что рассказал Симпсон, вызвало немалое потрясение. В апреле 1851 года бриг «Реновэйшен», совершая рейс между Лимериком и Квебеком, проплывал вблизи от Новой Фундландии мимо огромной льдины. Расстояние между нею и бригом было не более трех морских миль, воздух прозрачен, море гладкое, видимость отличная. Симпсон присмотрелся к льдине и перепугался, потому что увидел на ней два вмержших в лед трехпарусных судна. Одно было наклонено на борт, а второе стояло прямо на киле. Он четко видел черные борта и мачты с такелажем, но без парусов.

Симпсон крикнул вахтенных матросов, которые подтвердили, что глаза его не обманывают. Все помнили о трагической судьбе Франклина, поэтому сразу же решили, что встретились с погибшими судами «Эребус» и «Террор». На палубах не было заметно никакого движения, и матросы поняли, что парусники пусты.

Первый офицер побежал к капитану, поскольку Эдвард Ковард лежал больной в своей каюте. Его мучила высокая температура. Симпсон все ему рассказал, но капитан только стонал, а потом пробормотал: «Меня это не касается» — и резко приказал не отклоняться от курса. Офицер вернулся на палубу и не знал, что предпринять. Он понимал, что морской закон повелевает приблизиться к льдине и осмотреть парусники. Ведь там могла быть ценная информация о судьбе полярной экспедиции. Раздумывая, Симпсон вместе с матросами почти час пассивно наблюдал, как волны медленно уносят льдину, пока верхушки мачт вмерзших парусников не скрылись за горизонтом. Симпсон сделал набросок и точно обозначил положение таинственных парусников.

Признания Симпсона вызвали в Англии взрыв негодования. Стал достоянием общественности неслыханный, беспрецедентный случай нарушения морского закона, налагающего на капитанов обязанность немедленно спешить на помощь потерпевшим кораблекрушению. К тому же была легкомысленно упущена единственная возможность получить хоть какую-то информацию о судьбе Франклина. Все свидетельствовало о том, что команды добровольно покинули парусники, поэтому не исключено, что Франклин мог оставить в каюте записи или даже судовой журнал.

Показания капитана Коварда запротоколировали в английском консульстве в Венеции. Капитан не отрицал, что его бриг «Реновэйшен» прошел мимо дрейфующей льдины с вмерзшими в нее парусниками, но он в это время лежал больной, с высокой температурой. Однако в одной детали, внешне не очень существенной, его показания расходились с теми, что дали Симпсон и другие члены экипажа. Ковард решительно и настойчиво подчеркивал, что, несмотря на болезнь, он все же вышел на палубу лично проверить рапорт Симпсона. Кроме того, капитан

заявлял, что море было беспокойным, бригу угрожали высокие волны, было трудно держать курс. И эти утверждения Коварда тоже резко противоречили показаниям его подчиненных.

Почему капитан Ковард лгал? Ясно, что он понимал, какое тяжкое правонарушение совершил и чем ему это грозит. Не говоря уже о потере капитанского патента, упреков в трусости, в лучшем случае — в халатности, этот поступок мог на всю жизнь покрыть его позором. Как вытекает из протокола допроса, капитан прибег ко лжи в целях самозащиты.

— Почему Вы не отреагировали на рапорт Симпсона?

— Да нет, отреагировал. Когда Симпсон ушел, я вышел из каюты и поднялся на палубу. Через бинокль я рассмотрел парусники. Я убедился тогда, что это были всего лишь разбитые льдинами остовы.

— Вы, конечно же, слышали об экспедиции Франклина. Неужели Вам не пришло в голову, что даже среди обломков можно найти неоценимые свидетельства? Почему Вы не высадили на льдину шлюпку с матросами?

— Море было очень беспокойное, я не хотел рисковать жизнями своих людей».

Тем временем появилось доказательство, которое выявило ложь капитана и полностью подтверждало версию Симпсона. Шкипер одного китобойного судна представил адмиралтейской комиссии рисунок, который он получил от эскимоса. Тот на своем каяке тоже видел два парусника, вмерзших в льдину. Рисунок был практически точной копией наброска, сделанного первым офицером Симпсоном. Но важнее было то, что нарисованные суда, как явственно свидетельствовали оба эскиза, ни в коем случае не были разбитыми.

О том, что совесть капитана Коварда была нечиста, говорит еще одно обстоятельство: он не отметил в судовом журнале встречу с двумя покинутыми командами парусниками, хотя обычно заносил куда более мелкие подробности. Он также не рапортовал о парусниках в своем порте приписки. Кажется, капитану не миновать наказания. И однако к этому нагромождению странностей добавилось и то дикое обстоятельство, что морской суд не признал вины капита-

на, хотя в вынесенном оправдательном приговоре выразил свое к нему презрение.

Капитан Ковард так никогда и не объяснил, почему поступил таким образом. Ни сближение с льдиной, ни посылка туда шлюпки не грозили опасностью — ничто не препятствовало исполнению основной человеческой обязанности, объединяющей моряков в единую семью. Напротив, обнаружение судов, которые годами искал весь английский флот, принесло бы ему славу и денежное вознаграждение, обещанное адмиралтейством. Почему он прошел мимо своего шанса?

Поведение Коварда навсегда останется психологической загадкой. В какой-то мере ее объясняют болезнь и высокая температура, на время лишившие капитана способности принимать ясные и мгновенные решения. Но Симпсон знал своего капитана и указал другие мотивы. Он рассказал, что во время рейсов в полярных водах Ковард каждый раз впадал в состояние болезненного беспокойства. Он панически боялся льдин, среди которых они плыли, боялся быть зажатым ими. Поэтому он всегда спешил уйти из этих вод и по этой причине сурово запретил отклоняться от заданного курса и тратить время на обследование вмерзших в льдину парусников.

Долго еще рассуждали, каким мог быть конец этих покинутых людьми, дрейфующих на льдине парусников. Развалились ли они на куски, или их раздавили налетающие друг на друга льдины? Моряки, прекрасно знавшие прочность корпусов «Эребуса» и «Террора», не исключали вероятности того, что они еще годы блуждали по Атлантике. В 1907 году, то есть через пятьдесят лет, французским пароходом была замечена льдина с вмерзшим в нее парусником старого типа. Сообщение произвело невиданное впечатление. Печать вспомнила о Джоне Франклине и проступке капитана Коварда. Было ли замеченное судно как-то связано с шумевшей полярной экспедицией? Рапорт французского капитана только добавлял еще один вопрос к куче других безответных вопросов.

Нет сомнений, что экипаж полярной экспедиции добровольно покинул поврежденные парусники. Но что стало с Франклином и его спутниками? Почему они ушли и куда?

В 1857 году английский капитан Фогс выловил в море бутылку с лаконичной запиской, поспешно нацарапанной неуклюжей от мороза рукой. Из нее следовало, что 12 августа 1848 года команда высадилась на Землю Короля Вильяма и что до 11 июня 1849 года, то есть за одиннадцать месяцев, там умерли Джон Франклин, десять офицеров и пятнадцать матросов. Но самые тщательные поиски на Земле Короля Вильяма ничего не принесли.

А в английских портах тем временем стали распускаться странные слухи. Китобои, возвращавшиеся из арктических вод и знавшие эскимосский язык, рассказывали, будто у тамошних племен есть сведения о ФранкLINE. Старый эскимос разговорился с одним из китобоев и сообщил, что среди команды Франклина начались драки и людоедство. Кознер, помощник Франклина, якобы еще много лет жил среди северных племен, усвоив их обычаи. Якобы он не хотел возвращаться в цивилизованный мир, хотя эскимосы были готовы помочь ему.

Наконец всех потрясла самая крупная сенсация. Некий Макклинок в полярных просторах нашел лодку, которую носило по волнам. В ней было два скелета и две пули. Экспертиза установила, что мужчины стреляли друг в друга. Предположительно актерами этой драмы были члены экспедиции Франклина. В пользу подобного предположения говорит много обстоятельств и тот факт, что ни в одном из портов не отмечено исчезновение двух вооруженных матросов.

В связи с этим сообщением выступила семья Кознера, предложив вниманию специалистов его последнее письмо с Севера. Первый офицер Франклина весьма загадочно и туманно писал о «больших неприятностях, какие мне боком выходят». Хотя замечание лаконичное, оно позволяет допустить, что среди членов экспедиции возникли серьезные осложнения и расхождения во мнениях. Это привело к расколу команды и ее гибели в ледяных просторах Севера.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю	5
Квадрига Лисиппа	7
Часы веков	
Космический луч и мумия профессора Мори	23
Метод С ¹⁴ — не такое простое дело	32
Человек проникает в глубь прошлого	37
Небесные светила и археологические находки	41
Вековечная загадка Атлантиды	50
Во всем виноват Платон	52
Аристотель — инициатор великого спора	55
Спор продолжается двадцать пять веков	58
Современная наука на службе Атлантиды	61
Тайна Атлантического океана	64
Угри не забыли свою родину	65
О богах, пирамидах и исчезнувших городах	67
Атланты в джунглях Бразилии	70
Как бухгалтер упорядочил историю	73
Фальсификации и что из этого проистекает	78
Последний редут неандертальца	83
Лед покрывает Европу	84
На сцене кроманьонец	86
Тайна пещеры Шанидар	90
Последний шанс вымирающей расы	91
Люди и животные	94
О красноречии полевого цветка	100

Как жили в древнейшем городе мира.....	108
Миссионеры Солнца в каменной эрхе.....	120
Таинственная цивилизация Инда	
«Ригведа» — священная книга ариев.....	127
Инда — бог упитанный и воинственный.....	130
Забытые метрополии и крепости.....	134
Цивилизация Инда в эпоху высшего расцвета.....	138
Как цивилизация Инда исчезла со страниц истории.....	143
Хетты — недавно открытый народ	
Самые грозные соперники фараонов.....	148
Хетты — таинственный народ.....	152
По следам хеттов.....	155
Завоеватели в железных латах.....	162
Отчаянные письма царицы.....	167
Скифы — народ необозримых просторов	
Рыцари степей.....	174
Сокровища скифских курганов.....	185
Разноцветные всадники.....	192
Повседневная жизнь скифов.....	197
Неаполь Скифский.....	200
Викинги Тихого океана	
Неустрасимые мореходы.....	204
Разгаданные и неразгаданные тайны Полинезии.....	211
Новости из страны Миноса.....	218
Тайные лестницы Ифигении.....	230
Последние годы Микен.....	244
О трагедии одной лошади.....	254
Сибариты в прямом смысле слова.....	259
Карьера афинской гетеры.....	268
Похищение мраморных скульптур.....	273
Первый человек в Америке.....	287

Этруски — загадочный народ	
Старше римлян.....	293
Что поведали «золотые гробницы».....	300
По следам этрусской родословной.....	310
Лаокоон в объятиях вандалов.....	319
Разоблачение обелиска и другие необычные открытия.....	327
Наследие императора-философа.....	337
Революция эллинских богов.....	347
Медные свитки.....	354
Последний шанс Бар Кохбы.....	360
Утратит ли Колумб пальму первенства?.....	365
Как конь чуть не стал богом.....	370
Сокровища города Панама.....	387
Археология в более мягких тонах.....	397
Из истории забавных и вовсе не забавных мистификаций.....	402
Город изумрудного Будды.....	410
Подводная археология	
Сокровища в морских глубинах.....	421
Зеркало Дианы.....	426
Речная археология.....	429
Трофей диктатора.....	431
Вавилон пиратов.....	440
Фантастические перипетии военного судна.....	448
По следам некоторых морских поисков.....	453
По следам капитана Немо и «Наутилуса».....	457
Английский фрегат «Хуссар».....	460
Золотой груз «Лутины».....	461
Английский морской разбойник «Брак».....	462
Пароход «Мерида».....	464
Бунт на трехмачтовом паруснике «Баунти».....	464
Корабль-призрак	
«Мария Целеста» без команды.....	471

Предсмертное признание доктора Хабакука Ефсона	475
Что было в действительности?	480
Дальнейшая судьба «Марии Целесты»	481
Странная судьба полярной экспедиции	483

АНАТОМИЯ ИСТОРИИ

З.Косидовский

ЧАСЫ ВЕКОВ

Оформление С. Морозов

Редактор М.Рюрикова

Художественный редактор А.Томчинская

Корректор С.Галкина

Компьютерная верстка А.Сливко-Кольчик

Издательская лицензия № 070512 от 21.05.92

Подписано в печать 12.05.97. Формат 60x84/16. Бумага офсетная

Печать офсет. Усл.п.л. 31. Тираж 5000. Заказ 1247

Издательство «Остожье». 107005, Москва, Бауманская ул., д.50/12.

При участии ГП ИПФ «Ставрополье»

Государственное предприятие издательско-полиграфическая фирма «Ставрополье».

355012, Ставрополь, ул. Спартака,8

OCR - Давид Титиевский, сентябрь 2017 г., Хайфа